ЭДИТ УОРТОН

Они были созданы друг для друга, но ради чужой любви пожертвовали своим счастьем...

ЭПОХА НЕВИННОСТИ

BLOCKBUSTER ЭКРАНИЗИРОВАННЫЙ РОМАН

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Эпоха невинности

Эдит Уортон

Аннотация
Уортон Эдит. Эпоха невинности
Книга первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Книга вторая

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Ускользающий «Оскар»

Аннотация

Графиня Эллен Оленская погружена в свой мир, который сродни музыке или стихам. Каждый при одном лишь взгляде на нее начинает мечтать о неизведанном. Но для Нью-Йорка конца XIX века и его консервативного высшего света ее поведение скандально. Кузина графини, Мэй, напротив — воплощение истинной леди. Ее нетерпеливый жених, Ньюланд Арчер, неожиданно полюбил прекрасную Эллен накануне своей свадьбы. Эти люди, казалось, были созданы друг для друга, но ради любви юной Мэй к Ньюланду великодушная Оленская жертвует своим счастьем.

Уортон Эдит
Эпоха невинности

Книга первая

Глава 1

Январским вечером в самом начале семидесятых на сцене Музыкальной академии Нью-Йорка Кристина Нильсон[1] пела в «Фаусте».

Хотя давно уже шли разговоры, что где-то за Сороковыми улицами будет построена новая Опера,[2] которая блеском и роскошью затмит оперные здания великих европейских столиц, старая добрая Академия по-прежнему радушно каждую зиму раскрывала высшему обществу объятия своих видавших виды красных с позолотой лож. Консерваторы лелеяли ее за то, что некоторая теснота и другие неудобства отпугивали от нее «новых американцев»,[3] которыми уже начал наполняться Нью-Йорк и которые одновременно и притягивали и страшили «старых». Люди сентиментальные были ей преданы из-за

---

[1] Примечания: 1

Нильсон Кристина (1843–1921) — шведская оперная певица. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

[2] Примечания: 2

Ныне знаменитая «Метрополитен-опера», открыта в 1883 г.

[3] Примечания: 3

«Новые американцы» — разбогатевшие выскочки, противопоставляемые светскому обществу с его традициями.

исторических ассоциаций, с нею связанных; и, наконец, меломаны — за великолепную акустику, качество которой всегда столь проблематично во вновь выстроенных зданиях.

Это было первое появление мадам Нильсон той зимой, и публика, которую ежедневные газеты привыкли обозначать как «исключительно изысканную», направлялась послушать оперную диву по скользким заснеженным улицам — кто в собственных каретах или в просторных семейных ландо, кто в более скромных, но более удобных наемных двухместных «купе Брауна». Приехать в Оперу в «купе Брауна» было столь же почетно, как и в собственном экипаже, а вот отъезд в нем давал даже неоспоримое преимущество, — в придачу к тому, что каждый имел возможность продемонстрировать свои демократические принципы, он мог немедленно усесться в первую же из выстроившихся в длинном ряду брауновских карет, не дожидаясь, пока под крытой галереей Академии блеснет налившийся кровью от холода и джина нос его личного кучера. Это было одно из великих интуитивных открытий человека, наладившего этот бизнес, — понимание того, что для американца гораздо важнее быстро покинуть какое-либо развлекательное

мероприятие, чем прибыть на него вовремя.

Ньюланд Арчер открыл дверь клубной ложи как раз в тот момент, когда занавес поднялся, открывая сцену в саду. Собственно, ничто не мешало ему появиться в театре раньше — он отобедал в семь, наедине с матерью и сестрой, затем не торопясь выкурил сигару в библиотеке с застекленными шкафами черного орехового дерева, называемой «готической» из-за стульев с высокими спинками, верхний край которых был стилизован под средневековые острые шпили, — это была единственная комната в доме, где миссис Арчер разрешала курить, и только после этого поехал в Оперу, прекрасно зная, что в столице появляться в театре вовремя не принято, а понятия «принято» и «не принято» играли в обществе, где вращался Ньюланд Арчер, столь же священную роль, как и внушающие ужас предметы культа, которые правили судьбами предков на заре человечества тысячи лет назад.

Вторая причина его задержки была личного свойства. Он тянул время, покуривая сигару, еще и потому, что был эстетом, и предвкушение удовольствия иногда давало ему более острые ощущения, чем само удовольствие. Это особенно касалось наслаждений утонченных; впрочем, у

него они в основном таковыми и были. Но минута, которой он страстно жаждал сегодняшним вечером, была настолько прекрасна, что даже если бы он согласовал свое появление с антрепренером мадам Нильсон, то и тогда он не смог бы явиться в Оперу в момент более подходящий, чем тот, когда примадонна запела: «Любит — не любит — ОН ЛЮБИТ МЕНЯ!» обрывая и разбрасывая по сцене лепестки ромашки.

Она спела, конечно, не «он любит меня!», а «M'ama!», потому что непреложный и неоспоримый закон музыкального мира требовал при исполнении шведскими певцами немецких текстов французских опер перевода их на итальянский язык — для того чтобы… англоязычная публика лучше его понимала. Это казалось Арчеру столь же естественным, как и все остальные условности, определяющие его жизнь: как то, что нужно причесываться непременно двумя щетками, отделанными серебром, с его монограммой на голубой эмали, или то, что немыслимо появиться в обществе без цветка в петлице. И желательно, чтобы это была гардения.

«M'ama… non m'ama… — пела примадонна. — M'ama!» И в ликующем финальном любовном порыве она прижала к губам взлохмаченную

ромашку, подняв свои огромные глаза на умудренную жизненным опытом физиономию невысокого смуглого Фауста-Капуля[4] в тесном пурпурном камзоле и шляпе с пером, который тщетно пытался придать своему лицу выражение той же чистоты и правдивости, что и у его простодушной жертвы.

Прислонившись к стене в глубине клубной ложи, Ньюланд Арчер перевел глаза со сцены на противоположную сторону зала. Прямо перед ним была ложа старой миссис Мэнсон Минготт, чья непомерная тучность давно уже не позволяла ей посещать Оперу, но на модных спектаклях ее всегда представляли более молодые члены семьи. В этот раз первый ряд занимали ее невестка миссис Лавел Минготт со своей дочерью, миссис Уэлланд, а слегка поодаль от этих затянутых в парчу матрон сидела юная девушка в белом, которая не сводила глаз с влюбленной пары на сцене. Как только дрожащее «M'ama!» Кристины Нильсон прозвенело в мертвой тишине под сводами зала (во время «Песни ромашки» болтовня в ложах всегда прекращалась), теплый румянец залил щеки девушки, окрасив нежную кожу до

---

[4] Примечания: 4
Капуль Ж. — французский оперный певец.

корней светлых волос, и даже шею в вырезе платья, там, где тюлевый воротничок был заколот одной-единственной гарденией. Она опустила глаза на огромный букет ландышей, лежащий на ее коленях, и Ньюланд Арчер увидел, как кончики ее пальцев в белых перчатках мягко коснулись цветов. Со вздохом удовлетворенного тщеславия он снова перевел взгляд на сцену.

На декорации было истрачено немало средств — даже та часть публики, которой случалось бывать в парижской или венской Опере, признала бы их великолепие. Вся передняя часть сцены до рампы была застлана изумрудно-зеленым сукном. Посреди сцены из симметричных холмиков зеленого мха, огороженных воротцами для игры в крикет, поднимались кусты в форме апельсиновых деревьев, но усыпанных не апельсинами, а красными розами. Гигантские анютины глазки, явно крупнее роз и весьма смахивающие на разноцветные перочистки, которыми восторженные прихожанки обычно одаривают приходских священников, произрастали во мху под розовыми кустами; там и здесь роскошные ромашки были привиты на розовые кусты, пророчески предвосхищая чудеса-гибри-

ды, созданные позже Лютером Бербанком.[5]

В центре этого великолепного сада мадам Нильсон в белом кашемире, отделанном голубым атласом, с ридикюлем, болтающимся на голубом поясе, и толстыми косами, аккуратно спадающими с обеих сторон на ее муслиновую шемизетку,[6] опустив глаза, слушала страстные признания Капуля, изображая полное непонимание, когда он словами или взглядами умоляюще указывал ей на окошко нижнего этажа кирпичного домика, выступающего из-за правой кулисы.

«Родная моя, — подумал Ньюланд Арчер, снова взглянув на девушку с ландышами. — Наверняка даже не понимает, о чем идет речь». Она была вся поглощена тем, что происходило на сцене, а он пожирал глазами ее юное лицо с волнением собственника, в котором гордое сознание мужской посвященности в предмет было смешано с нежным благоговением перед ее безмерной чистотой. «Мы будем вместе читать „Фауста“... на итальянских озерах...» Мечты о предстоящем медовом месяце сплетались в его голове с мыс-

---

[5] Примечания: 5

Бербанк Л. (1849–1926) — американский селекционер.

[6] Примечания: 6

Шемизетка — часть женского туалета, надевающаяся под платье и закрывающая грудь.

лями о том, как он откроет перед своей невестой мир настоящей литературы. Только сегодня Мэй Уэлланд позволила ему узнать, что он ей «небезразличен». Это была единственно возможная для девушки из хорошего общества форма объяснения в любви. Воображение Арчера, воспарив над вручением обручального кольца, традиционным поцелуем и маршем из «Лоэнгрина»,[7] мысленно унесло его в старушку Европу, куда он надеялся отправиться вместе с Мэй во время свадебного путешествия.

Он вовсе не желал, чтобы будущая миссис Ньюланд Арчер была простушкой. Он надеялся, что благодаря его влиянию она приобретет светский лоск и разовьет остроту ума, достаточные, чтобы занять место среди наиболее известных замужних дам «молодого круга», которые всегда могли изящно обескуражить любого из представителей мужского пола, кружащих возле них. Более того, если бы ему удалось заглянуть на дно своего тщеславия (изредка это происходило), он бы обнаружил там мечту о том, чтобы его жена была столь же колдовски искушена в стремлении доставить ему удовольствие, как некая замужняя

---

[7] Примечания: 7
«Лоэнгрин» — романтическая опера Р. Вагнера.

дама, чьи чары волновали его на протяжении двух тревожных лет. Однако, конечно, хотелось бы, чтобы у Мэй не было хрупкой болезненности, которая омрачала жизнь той бедняжки, однажды разрушив его собственные планы на целую зиму.

Как можно создать и сохранить в этом грубом мире это чудо — воображаемое создание из льда и пламени, он никогда не давал себе труда задуматься. Ему было довольно и того, что это было его желание, а анализировать его он не собирался. Как, впрочем, и было принято в кругу всех этих джентльменов, тщательно причесанных, облаченных в белые жилеты, с цветками в петлицах, которые один за другим появлялись в клубной ложе, обмениваясь с Арчером дружескими приветствиями, и тут же наводили бинокли на дам, критически комментируя сей «продукт» той же системы. Ньюланд Арчер чувствовал себя на порядок выше этой среды, и интеллектуально, и в смысле широты кругозора. На то были свои основания: он больше читал, больше думал, да и мир повидал больше, чем любой другой человек из его окружения. Поодиночке каждый бы уступил ему — но все вместе они представляли Нью-Йорк, и пресловутая мужская солидарность

заставляла Арчера поддерживать их так называемый моральный кодекс. Он инстинктивно чувствовал, что идти своим путем было чревато неприятностями, да и — не дай бог! — отдавало бы дурным тоном.

— Не может быть! — вдруг воскликнул Лоуренс Леффертс, резким движением отведя бинокль от сцены.

Лоуренс Леффертс был как раз высший авторитет в отношении нью-йоркского «хорошего тона». Он более чем кто-либо другой посвятил времени для изучения этого сложного и увлекательного предмета; однако для виртуозного владения им одного изучения явно бы не хватило. Достаточно было одного беглого взгляда на элегантную сухопарую фигуру Леффертса, начиная с его высокого выпуклого лба и идеального изгиба белокурых усов до кончиков пальцев ступней, обутых в лакированные туфли с удлиненными носами, чтобы почувствовать: знание правил «хорошего тона» — врожденное свойство этого человека, способного носить такую дорогую одежду столь небрежно и двигаться, несмотря на высокий рост, столь грациозно-лениво. Как сказал однажды один из юных подражателей, «если кто-то и может сказать точно, в каких случаях, собираясь

вечером выезжать, нужно надевать фрак, а в каких — нет, то это Лэрри Леффертс». А уж по части выбора лакированных ботинок авторитет его был просто непререкаем.

— Бог мой… — меж тем снова вырвалось у него, и он молча протянул свой бинокль старому Силлертону Джексону. Следуя взгляду Леффертса, Ньюланд Арчер с удивлением увидел, что его восклицание было вызвано появлением в ложе миссис Минготт нового лица. Это была стройная молодая женщина, слегка пониже ростом Мэй Уэлланд, с узким бриллиантовым обручем в густых каштановых волосах, собранных в прическу с локонами на висках. Эта прическа и покрой темно-синего бархатного платья, стянутого под грудью поясом с большой старинной пряжкой, были прекрасно выдержаны в едином стиле — том, что позже называли «стиль Жозефины».[8] Но дама, которая была одета в столь необычный для Нью-Йорка туалет, казалось, совсем не замечала вызванного ею любопытства. Остановившись на минуту посреди ложи, она слегка поспорила с мисс Уэлланд, стоит ли ей занимать свободное место рядом с ней, после чего, улыбнувшись,

---

[8] Примечания: 8
По имени Жозефины Богарне первой жены Наполеона Бонапарта.

уступила ее настояниям. По другую руку миссис Уэлланд сидела миссис Лавел Минготт.

Мистер Силлертон Джексон вернул бинокль Лоуренсу Леффертсу. Все в ложе инстинктивно обернулись, ожидая, что скажет старик. В области «семейных вопросов» он, подобно Леффертсу в области «хорошего тона», обладал столь же непререкаемым авторитетом. Он знал все тонкости хитросплетений нью-йоркских фамильных древ и мог не только пролить свет на такие сложные вопросы, как степень родства между Минготтами (через семейство Торли) с Даллассами из Южной Каролины или родственные связи старшей ветви филадельфийских Торли с олбанскими Чиверсами (не путать с Мэнсон Чиверсами с Юниверсити-Плейс), но был также прекрасно осведомлен о главных отличительных чертах каждой семьи. К примеру, он мог многое рассказать о баснословной скупости младшего поколения Леффертсов с Лонг-Айленда, или роковом стремлении Рашуортов вступать в дурацкие браки, или о душевной болезни олбанских Чиверсов, возникающей в каждом втором поколении, из-за которой браки между ними и их нью-йоркскими родственниками совершенно прекратились, если не считать замужество

несчастной Медоры Мэнсон, но, как известно… мать ее была урожденная Рашуорт.

Кроме этого леса генеалогических древ, меж впалыми висками под серебряной шевелюрой мистера Силлертона Джексона хранились сонмища скандалов и тайн, тлеющих под невозмутимой поверхностью нью-йоркского общества последние лет пятьдесят. Его осведомленность простиралась так далеко, а память была столь великолепна, что, наверное, он был единственным человеком, кто мог рассказать вам, кем на самом деле был банкир Джулиус Бофорт или что случилось с красавчиком Бобом Спайсером, отцом старой миссис Минготт, который исчез так таинственно (с большой суммой доверенных ему денег) менее чем через год после женитьбы… И в тот же самый день любимица вечно переполненного зала старой Оперы на Бэттери, красавица испанка, великолепная танцовщица, морем отправилась на Кубу.

Эти тайны и многие другие были спрятаны в душе или голове мистера Джексона весьма надежно. Впрочем, не только обостренное чувство чести запрещало ему раскрывать чужие секреты — репутация человека, на которого можно положиться, часто помогала ему выяснять то, что

он так жаждал узнать.

Вот почему все в клубной ложе замерли в ожидании, пока мистер Силлертон возвращал бинокль Лоуренсу Леффертсу. Несколько мгновений он выдерживал паузу, словно изучая застывших в ожидании соратников своими выцветшими глазами из-под старческих, испещренных прожилками век. Затем задумчиво покрутил ус и молвил:

— Не думал я, что Минготты осмелятся на это.

Глава 2

Поначалу этот незначительный эпизод поверг Ньюланда Арчера в состояние некоторого замешательства. Ему стало неприятно, что внимание мужской половины, заполнившей Оперу, привлечено к ложе, где находилась его невеста. Мгновение он не мог узнать даму в платье стиля ампир, недоумевая, почему ее появление так взволновало присутствующих. Потом словно пелена спала с глаз, и кровь бросилась ему в лицо от негодования. Нет, в самом деле: кто бы мог подумать, что Минготты осмелятся на это!

Однако они посмели, да еще как; негромкие замечания за спиной Арчера не оставляли сомнений, что та молодая дама была кузиной Мэй Уэлланд, которую в семье называли не иначе как «бедняжка Эллен Оленская». Арчер знал, что она внезапно вернулась из Европы день или два назад; он даже вполне благодушно выслушал воркотню миссис Уэлланд о том, что она должна повидаться с «бедняжкой Эллен», которая остановилась у старой миссис Минготт. В общем-то Арчер вполне одобрял семейную солидарность, и одним из качеств, которыми он восхищался в

Минготтах, было как раз то, что они всегда решительно брали сторону нескольких «паршивых овец», затесавшихся в их безупречное породистое стадо. Будучи великодушным по натуре, Арчер был рад, что его будущая жена не проявила ханжества и была добра к незадачливой кузине; но принять графиню Оленскую в семейном кругу было не то же самое, что предъявить ее на публике, в Опере, в той самой ложе, где сидит юная девушка, чья помолвка с Арчером вот-вот будет объявлена! Да, он вполне разделял чувства старого Силлертона Джексона — можно ли было подумать, что Минготты зайдут так далеко!

Он знал, конечно, что «матриарх» семейства старая миссис Минготт не колеблясь может сделать то, на что решится далеко не каждый мужчина (да и то только в пределах Пятой авеню). Надменная и властная старуха всегда вызывала его восхищение. Она, всего лишь Кэтрин Спайсер со Статен-Айленда,[9] дочь человека, покрывшего себя позором при скользких обстоятельствах, не имея ни денег, ни положения в обществе, достаточных для того, чтобы заставить окружающих позабыть об этом, сумела заполучить

[9] Примечания: 9
Пригород Нью-Йорка.

главу процветающего клана Минготтов себе в мужья, а затем выдать обеих своих дочерей за иностранцев — итальянского маркиза и английского банкира. И наконец, поразила всех своей дерзостью, выстроив огромный дом из светлого камня (в те времена, когда строить дома из коричневого песчаника было столь же обязательным, как облачаться в сюртук после полудня), да еще на заброшенном пустыре в районе Центрального парка.

Дочери-«иностранки» старой миссис Минготт стали легендой. Они ни разу не приехали навестить мать, и она, будучи волевым человеком с ясным умом, философски смирилась с этим, как и со своим сидячим образом жизни и всевозрастающей тучностью, из-за которой она почти не выезжала в свет. Но дом кремового цвета (по слухам, выстроенный «а-ля особняки парижской аристократии») был ощутимым доказательством ее морального превосходства — она царила в нем среди дореволюционной французской мебели и памятных подарков из дворца Тюильри времен Луи Наполеона (где она блистала в свои молодые годы) так безмятежно, будто бы не было ничего особенного в том, что она поселилась за Тридцать

четвертой улицей,[10] или в том, что в ее доме были французские окна, которые открывались, как двери, вместо обычных, рамы которых открываются вверх.

Каждый, включая Силлертона Джексона, признавал, что старая Кэтрин никогда не блистала красотой, которая — в глазах нью-йоркского общества — могла объяснить любой успех и загладить любой промах. Злые языки поговаривали, что она, как и ее венценосная тезка,[11] добилась успеха благодаря сильной воле, бессердечию, высокомерию и самоуверенности, что, впрочем, оправдывалось исключительной личной порядочностью и чувством собственного достоинства. Ей было только двадцать восемь, когда мистер Минготт умер, он не очень-то доверял семейству Спайсеров и внес в завещание некоторые ограничения на пользование наследством, что, однако, не помешало молодой и самоуверенной вдове вести себя совершенно свободно. Кэтрин вращалась в обществе иностранцев, была на дружеской ноге с герцогами, послами и папистами, прини-

---

[10] Примечания: 10

Люди из высшего общества за Тридцать четвертой улицей тогда не селились.

[11] Примечания: 11

Имеется в виду Екатерина II Великая.

мала оперных певцов и была близкой подругой мадам Тальони;[12] выдала замуж своих дочерей в черт знает какие — то ли фешенебельные, то ли порочные — круги… И все же — Силлертон Джексон первым провозгласил это — ни малейшего пятна не появилось на ее репутации, что, обычно добавлял он, выгодно отличало ее от Екатерины Великой, если не считать того, что она не была русской императрицей.

Миссис Мэнсон Минготт уже давно удалось добиться снятия ограничений с наследства, и она жила в достатке уж полсотни лет; но память о «нищих временах» сделала ее скуповатой. Правда, она не стесняла себя в расходах при покупке мебели или одежды, но потратить большие суммы денег на столь скоротечно проходящую радость, как вкушение пищи, было выше ее сил. Поэтому еда в ее доме была так же нехороша, как и в доме миссис Арчер (правда, причины у них были разные), и даже прекрасные вина не спасали дело. Родственники считали, что бедность ее стола позорит имя Минготтов, которые всегда славились хлебосольством, но народ продолжал к ней ездить, несмотря на «готовые блюда» и вы-

[12] Примечания: 12
Тальони Мария (1729–1796) — знаменитая балерина.

дохшееся шампанское, и в ответ на увещевания своего сына Лавела (который, защищая честь семьи, нанял лучшего в Нью-Йорке шеф-повара) говорила, смеясь: «Что за польза от двух поваров в семье теперь, когда я выдала замуж дочерей, а сама не ем соусов?»

Размышляя обо всем этом, Ньюланд Арчер снова посмотрел на ложу Минготтов. Миссис Уэлланд и ее невестка отражали летящие отовсюду стрелы критических взглядов с чисто минготтовским апломбом, который старая Кэтрин привила всему своему клану, и только румянец Мэй предательски свидетельствовал о серьезности ситуации. Возможно, впрочем, что она чувствовала его взгляд и это усугубляло положение, в котором она оказалась. Сама же «причина» этого смятения грациозно сидела в углу ложи, не отрывая глаз от сцены, чуть наклонившись вперед; плечи и грудь ее были обнажены чуть более, чем это было принято в Нью-Йорке, во всяком случае у дам, которые не стремились выставлять себя напоказ.

Весьма мало вещей существовало на свете, которые для Ньюланда Арчера были более нестерпимы, чем преступление против «вкуса», того далекого божества, наместником которого

в нью-йоркском обществе являлся «хороший тон». Бледное, серьезное лицо мадам Оленской укладывалось в это понятие, поскольку соответствовало неопределенности ее положения; но вот вырез ее открытого, без всякой шемизетки, платья, ниспадавшего с открытых плеч, вступал в противоречие с хорошим тоном и потому шокировал Арчера. К тому же ему была ненавистна мысль, что его невеста подвергается влиянию этой женщины, столь равнодушной к требованиям нью-йоркского общества.

— В конце концов, — услышал он голос одного из молодых членов клуба, переговаривавшихся меж собой (во время дуэта Мефистофеля и Марты разговоры допускались), — в конце концов, ЧТО ИМЕННО случилось?

— Она сама оставила его, этого никто не отрицает.

— Но ведь он ужасная скотина, не так ли? — продолжал расспросы один из собеседников, простодушный Торли, выказывая явную готовность стать в ряды защитников дамы, о которой шла речь.

— Гораздо хуже. Я был знаком с ним в Ницце, — авторитетно произнес Лоуренс Леффертс. — Этакий ироничный бездельник благородных

кровей. Красиво посаженная голова и глаза в густых ресницах. Такого, знаете ли, типа… бегает за каждой юбкой, а на досуге коллекционирует фарфор. Платит любую цену и за то и за другое, я так понимаю.

Все засмеялись, и тот же юноша спросил:

— Ну и?..

— Так вот, она сбежала с его секретарем.

— Вот как… — Юноша был явно разочарован.

— Впрочем, это продолжалось недолго — я слышал, несколько месяцев спустя она жила в Венеции одна. Кажется, Лавел Минготт ездил за ней. Он сказал, что она была в отчаянии. Пусть так, но выставлять ее напоказ в Опере — совершенно неприемлемо.

— Может быть, — рискнул предположить юный Торли, — она слишком несчастна, чтобы оставаться дома?

Это предположение вызвало не слишком почтительный смех, и густо покрасневший юноша предпочел сделать вид, что в его сочувственном замечании был какой-то совершенно иной смысл.

— Однако действительно странно — зачем тогда привозить мисс Уэлланд? — тихо сказал кто-то, искоса взглянув в сторону Арчера.

— О, это часть генерального плана: приказ бабули, не иначе, — рассмеялся Леффертс. Узнаю почерк старушки: либо все, либо ничего.

Действие шло к концу, и все в ложе зашевелились. Внезапно Арчер понял, как ему следует поступить. Первым войти в ложу миссис Минготт, объявить о давно ожидаемой всеми помолвке с Мэй и таким образом помочь ей в возникшей ситуации, в которую ее втянула неожиданно возникшая кузина, — этот страстный порыв взял верх над его неукротимым снобизмом, и он поспешно покинул мужское общество.

Как только он вошел и встретился глазами с Мэй, он понял, что она угадала причину его появления, хотя негласные правила того общества, к которому они оба принадлежали, никогда бы не позволили ей сознаться в этом. Люди их круга жили в тонкой, деликатной атмосфере легких намеков, и тот факт, что он и она понимали друг друга без слов, сближало их более каких-либо объяснений. «Вы, конечно, понимаете, почему мама взяла меня с собой?» — спросила она взглядом, и его глаза ответили: «Ни за что на свете я не желал бы, чтобы вы спасовали».

— Вы знакомы с моей племянницей, графиней Оленской? — спросила миссис Уэлланд, здорова-

ясь со своим будущим зятем.

Арчер поклонился графине, не протягивая руки, как требовал обычай при представлении даме; Эллен Оленская отвечала легким кивком, нервно, как ему показалось, стискивая обеими руками в светлых перчатках огромный веер из орлиных перьев.

Поприветствовав и миссис Лавел Минготт, крупную блондинку в скрипучем атласе, Арчер сел рядом с невестой и тихо спросил:

— Вы сказали мадам Оленской, что мы обручены? Я хочу, чтобы все были оповещены об этом. Вы позволите мне объявить о помолвке сегодня вечером на балу?

Зардевшись подобно утренней заре, мисс Уэлланд подняла на него сияющие глаза.

— Если вы сможете убедить маму, — сказала она. — Однако почему мы должны менять свои планы? — Он ответил ей взглядом, и она кивнула, улыбкой показывая, что прекрасно поняла его и согласна с ним: — Моей кузине можете сообщить сейчас. Я вам разрешаю. Она рассказывала мне, что вы вместе играли, когда были детьми.

Она слегка отодвинулась, освобождая ему проход, и Арчер проворно, с нарочитой готовностью показать всему свету, что именно он делает, усел-

ся рядом с графиней Оленской.

— Ведь мы и в самом деле часто играли вместе, не так ли? — спросила она, взглянув на него своими печально-бездонными глазами. Вы были противным мальчишкой и однажды поцеловали меня за дверью; а я была влюблена в вашего кузена Венди, который даже не смотрел в мою сторону. — Она скользнула взглядом вдоль лож, расположившихся полукругом, напоминавшим подкову. — О, как это все напоминает мне о прежних временах, когда каждый, кто сидит здесь, бегал в коротких штанишках или кружевных панталончиках. — И она снова перевела взгляд на Арчера. В ее голосе был слышен едва уловимый иностранный акцент.

Выражение ее глаз было мягким и доброжелательным, но Арчер был шокирован столь непочтительным сохранившимся в ее памяти образом августейшего трибунала, который в этот момент выносит ей свой приговор. Неуместное легкомыслие было уже полной потерей вкуса, и Арчер пробормотал довольно сухо:

— Да, вас и в самом деле долго не было.

— О, целую вечность, — согласилась она, — так долго, что у меня такое впечатление, будто я умерла и похоронена, а это доброе старое место

есть Царствие Небесное.

И эти слова — почему, он не смог бы, наверное, объяснить — показались Ньюланду Арчеру выражением еще большего неуважения к нью-йоркскому высшему свету.

Глава 3

Порядок жизни нью-йоркского общества был неизменен.

Миссис Джулиус Бофорт никогда не упускала возможности появиться в Опере, даже в день своего ежегодного бала, — более того, она словно нарочно назначала бал на тот вечер, когда давали оперу, чтобы появиться в театре и подчеркнуть, что заниматься хозяйством ниже ее достоинства и она имеет столь исключительный штат прислуги, что он способен справиться с организацией праздника до малейших деталей самостоятельно, и ее присутствие совершенно не обязательно.

Дом Бофортов был одним из немногих нью-йоркских домов, имевших бальную залу; он был построен даже раньше, чем дома миссис Мэнсон Минготт и Хедли Чиверсов, еще в те давние времена, когда считалось «провинциальным» накрывать пол в гостиной грубым холстом, а мебель выносить наверх, освобождая место для танцев. Бальная зала Бофортов не использовалась ни для каких других целей и триста шестьдесят четыре дня в году была погружена в темноту, позолоченные стулья сдвинуты в угол,

а люстра зачехлена; это считалось несомненным преимуществом, искупавшим в глазах общества все то, что в биографии мистера Бофорта было достойным сожаления.

Миссис Арчер, любившая высказывать свои социальные теории афоризмами, однажды молвила: «У каждого из нас есть свои любимчики-плебеи», и в глубине души многие согласились с этой рискованной фразой. Но, строго говоря, Бофорты не были плебеями, хотя кое-кто считал, что они были еще почище оных. Миссис Бофорт принадлежала к одной из самых благородных американских фамилий — это была очаровательная Регина Даллас (из южнокаролинской ветви), нищая красотка, которую ввела в нью-йоркское общество ее кузина, экстравагантная Медора Мэнсон, которая всегда из лучших побуждений совершала нелепые поступки. Разумеется, любой родственник Мэнсонов и Рашуортов имел «droit de citè»[13] (как выражался мистер Силлертон Джексон) в нью-йоркском обществе; но разве Регина Даллас не утратила это право, выйдя замуж за Джулиуса Бофорта?

Вопрос состоял в том, кем был этот Бофорт. Он

---

[13] Примечания: 13
Право гражданства.

считался англичанином, был благожелателен, красив, вспыльчив, остроумен и гостеприимен. Он появился в Америке с рекомендательными письмами от английского зятя старой миссис Мэнсон Минготт, банкира, и быстро занял важное место в деловом мире Нью-Йорка; однако его происхождение оставалось таинственным, он был весьма злоязычен и вел беспутный образ жизни. Так что когда Медора Мэнсон объявила о его помолвке с ее кузиной, все сочли это очередной глупостью в длинном ряду странных поступков бедняжки Медоры.

Но глупость так же часто выступает в защиту своих детей, как и мудрость, и через два года после свадьбы юная миссис Бофорт имела самый роскошный дом в Нью-Йорке. Никто не мог понять, каким образом свершилось это чудо. Она была пассивной, бездеятельной, злые языки даже называли ее тупицей; но, разодетая как богиня, увешанная жемчугом, с каждым годом все более юная, белокурая и прекрасная, она царствовала в огромном дворце из коричневого песчаника и, даже не пошевелив тонким пальчиком, унизанном перстнями, держала на коротком поводке все нью-йоркское общество.

Знающие люди утверждали, что Бофорт сам

муштрует прислугу, учит повара готовить новые блюда, а садовников — какие цветы выращивать в парниках для украшения гостиных и обеденного стола, сам варит послеобеденный пунш и диктует жене все — и каких пригласить гостей, и что написать в записках подругам. Если это и было так, то все совершалось за закрытыми дверьми, а приглашенных встречал беззаботный гостеприимный миллионер, который производил впечатление гостя в своей собственной гостиной, рассеянно сообщая: «Вы не находите, что моя жена выращивает замечательные глоксинии? Думается мне, она выписала их из Кью».[14]

Все сходились на том, что секрет мистера Бофорта заключался в том, что он всегда вел себя так, будто понятия не имел, о чем судачили за его спиной. Можно было сколько угодно шептаться о том, что международный банковский дом «помог» ему убраться из Англии, — он игнорировал этот слух так же легко, как и остальные, у него всегда «все было схвачено», и деловой Нью-Йорк, весьма чувствительный к вопросам морали, не вылезал из его гостиных. Почти двадцать лет в

[14] Примечания: 14
Королевский ботанический сад в Лондоне.

обществе уже говорили: «Мы сегодня у Бофортов» — так же уверенно, как если бы речь шла о миссис Мэнсон Минготт, да плюс к тому с приятным предвкушением нежного утиного мяса и выдержанных вин вместо тепловатой «Вдовы Клико»[15] неизвестно какого года и разогретых крокетов.

Итак, миссис Бофорт, по своему обыкновению, вошла в свою ложу как раз перед «арией с драгоценностями», и когда, опять-таки по обыкновению, она поднялась в конце третьего акта, накинула на свои прелестные плечи манто и исчезла, Нью-Йорку не надо было объяснять, что бал начнется через полчаса.

Ньюйоркцы любили горделиво демонстрировать дом Бофортов иностранцам, особенно в день ежегодного бала. Бофорты одними из первых в Нью-Йорке приобрели красный бархатный ковер, который расстилали на ступенях их собственные лакеи, а не взятые напрокат вместе со стульями и ужином из ресторана. Они также ввели в обиход правило, чтобы дамы верхнюю одежду оставляли в холле, а не тащили наверх в спальню хозяйки, и где, как это было принято в старом Нью-Йорке,

---

[15] Примечания: 15
Французское шампанское.

еще все после этого и толпились, подвивая волосы щипцами, разогретыми на газовой горелке. Бофорт даже вроде высказался в том духе, что, насколько он понимает, все подруги его жены имеют служанок, которые перед их отъездом из дому могут должным образом позаботиться об их прическах.

В этом великолепно спланированном доме гостям не приходилось протискиваться в бальную залу через непомерно узкий коридор, как у Чиверсов. Они торжественно следовали по анфиладе гостиных (цвета морской волны, темно-красной розы и золотой) и еще издалека видели отблески огромных люстр на полированном паркете, а позади этой красоты, в глубине оранжереи, камелии и древовидные папоротники смыкались над сиденьями из черного и желтого бамбука.

Ньюланд Арчер, как и полагалось молодому человеку его положения, несколько запоздал. Сбросив пальто на руки облаченных в шелковые чулки лакеев (эти чулки были одной из последних причуд Бофорта), он немного побродил по библиотеке, отделанной испанской кожей, обставленной мебелью «буль»[16] и украшенной

[16] Примечания: 16
Буль — французский мебельный мастер.

изделиями из малахита, где несколько мужчин беседовали, натягивая бальные перчатки, и затем присоединился к процессии гостей, которых миссис Бофорт встречала на пороге темно-красной гостиной.

Арчер явно нервничал. Он не заехал, как обычно, из Оперы в свой клуб, а вместо этого прошелся по Пятой авеню — вечер был прекрасный — и лишь потом повернул к дому Бофортов. Он опасался, как бы Минготты снова не попытались «далеко зайти» — бабушка Минготт могла приказать им привезти графиню Оленскую и на бал.

По настрою в клубной ложе он почувствовал, что это было бы грубейшей ошибкой; разумеется, он был по-прежнему готов идти до конца и поддержать кузину своей невесты, но это стремление было куда менее страстным, чем то, которое он испытал в Опере до краткой беседы с ней.

Добравшись до золотой гостиной, где Бофорт осмелился повесить «Любовь всепобеждающую», нашумевшее ню Бугеро,[17] Арчер увидел миссис Уэлланд и ее дочь, стоящих у двери бальной залы. Вдалеке по паркету уже скользили пары; свет восковых свечей падал на кружившиеся

[17] Примечания: 17

Бугеро А. В. — крупнейший представитель академического направления французской салонной живописи.

тюлевые юбки, на девичьи головки, украшенные скромными цветками, на великолепные прически замужних дам, украшенные плюмажами из перьев, и на сверкающие, туго накрахмаленные манишки и лайковые перчатки их кавалеров.

Мисс Уэлланд, тоже собираясь танцевать, замешкалась на пороге с букетом ландышей в руках; лицо ее было слегка побледневшим, глаза горели волнением, которое ей не удавалось скрыть. Ее окружала, суетясь, смеясь и пожимая ей руки, группа молодых людей и девушек, а миссис Уэлланд, стоящая немного поодаль, взирала на все это с неясной, полуодобрительной улыбкой. Было ясно, что мисс Уэлланд объявляет о своей помолвке, а ее мать пытается изобразить на своем лице некоторую родительскую неуверенность, подходящую к случаю.

Арчер помедлил мгновение. Хотя он и сам настоял на немедленном объявлении помолвки, но ему хотелось, чтобы все это произошло совершенно иначе — не посреди шумной толпы в бальной зале, что лишило бы это действо оттенка некоторой интимности и как-то было ему не по сердцу. Радость наполняла его, как вода — глубокий водоем, и легкая рябь на поверхности в общем не означала ничего страшного, но ему хотелось,

чтобы и поверхность была незамутненной. К своему облегчению, он понял, что и Мэй чувствует то же самое. Встретив ее умоляющий взгляд, он прочел в нем: «Пойми, мы делаем это потому, что так надо!» Ему стало значительно легче от того, что они думают как будто в унисон; но все же ему хотелось, чтобы их действия диктовались более возвышенной причиной, чем злосчастный приезд Эллен Оленской.

Заметив его, окружавшие Мэй расступились, многозначительно улыбаясь и поздравляя его; принимая поздравления, он обнял невесту за талию и увлек ее на середину бальной залы.

— Теперь мы можем помолчать, — сказал он, улыбаясь и глядя в ее чистые глаза, и они отдались на волю волн «Голубого Дуная». Мэй молчала. На ее губах дрожала улыбка, но глаза были серьезны, и мысли блуждали где-то далеко-далеко. — Дорогая, — прошептал Арчер, крепче прижимая ее к себе; он подумал, что в первых мгновениях после объявления помолвки, даже если провести их в шумной бальной зале, есть нечто глубоко священное. Что может быть прекраснее, чем прожить жизнь рядом с этим чистейшим, сияющим существом!

Танец кончился, и они уединились в оранжерее.

Арчер увлек ее на скамью под сень папоротников и камелий и прижал к губам ее пальцы, спрятанные в перчатку.

— Видите, я сделала то, что вы просили, — сказала она.

— Да, я не мог больше ждать, — улыбнувшись, признался он, и добавил мгновение спустя: — Жаль только, что пришлось это сделать на балу.

— Да, я знаю, — она проникновенно взглянула на него, — но, в конце концов, мы ведь и здесь словно наедине… разве нет?

— О любимая, — навсегда! — вскричал Арчер.

Какое счастье — она всегда поймет, всегда поддержит его. Это открытие переполнило чашу его блаженства.

— Хуже всего то, что я хочу поцеловать вас, но не смею, — выдохнул он. Произнеся эти слова, он быстро оглядел оранжерею и, убедившись, что они одни, мимолетно прижался губами к ее губам. Сам испугавшись своей дерзости, Арчер заставил ее покинуть их укрытие, и они устроились в менее уединенном месте. Он теребил выдернутый из ее букета цветок. Она сидела рядом молча. Целый мир освещенной долиной лежал у их ног.

— Вы сказали Эллен? — спросила Мэй, словно пробуждаясь ото сна.

Арчер вспомнил, что ничего ей не сказал. Както не шли у него слова с языка в разговоре с этой непонятной иностранкой.

— Не представилось удобного случая, — поспешно солгал он.

— Да? — Она была разочарована, но продолжала с мягкой настойчивостью: — Но это обязательно надо сделать, я ведь тоже не сказала, и мне не хотелось бы, чтобы она подумала…

— Разумеется. Но может быть, это лучше сделать вам?

Она обдумала его слова.

— Если бы я сделала это раньше, то да; но так как этого не случилось, вы должны объяснить ей, что я просила вас сделать это в Опере, перед оглашением здесь. Иначе она может подумать, что я о ней забыла. Она ведь член нашей семьи… но ее так долго не было, что теперь она несколько… излишне чувствительна.

Арчер смотрел на нее с восторгом.

— Дорогая, вы ангел! Конечно я поговорю с ней. — Он с опаской взглянул в сторону переполненной бальной залы. — Но… я еще не видел ее. Она здесь?

— Нет. В последнюю минуту она отказалась ехать.

— В последнюю минуту? — переспросил он, едва не выдав свое удивление, что она вообще могла рассматривать этот вариант.

— Да. Она ужасно любит танцевать, — улыбнулась девушка. — Но неожиданно она передумала, потому что решила, что ее платье недостаточно шикарно для бала, хотя мы и пытались переубедить ее. Тетя отвезла ее домой.

— Вот как, сказал Арчер с притворным равнодушием. Больше всего на свете его восхищала твердая решимость его невесты воплощать в жизнь правило, в котором они были оба воспитаны, — не замечать вокруг себя ничего «неприятного».

«Она не хуже меня понимает, — подумал он, — реальную причину того, почему ее кузина решила остаться дома. Но будь я проклят, если когда-нибудь дам ей понять, что на репутации ее кузины есть хоть какая-то тень».

Глава 4

Как и подобает, следующий за помолвкой день был посвящен визитам. В полном соответствии с неукоснительным и точным ритуалом Ньюланд Арчер с матерью и сестрой поехали с миссис Уэлланд, а затем он вместе с миссис Уэлланд и Мэй отправился получать благословение к почтенной родоначальнице — старой миссис Мэнсон Минготт.

Визиты к ней всегда забавляли Арчера. Сам дом уже давно превратился в музейный экспонат, хотя и не такой, конечно, старинный, как некоторые фамильные особняки на Юниверсити-Плейс и в нижней части Пятой авеню. Те были строго выдержаны в стиле тридцатых годов, который объединял в мрачной гармонии ковры с гирляндами махровых роз, палисандровые консоли, полукруглые арки каминов под полками черного мрамора и высокие застекленные книжные шкафы из красного дерева; тогда как старая миссис Минготт, построившая дом позже, выкинула массивную мебель времен своей юности и устроила некую декоративную мешанину из остатков минготтовского наследия и фриволь-

ных гобеленов времен Второй империи. Восседая у окна гостиной на первом этаже, она любила наблюдать поток современной жизни, который время от времени, направляясь на север, подкатывал к дверям ее уединенного жилища. Она жила в терпеливом ожидании того, что такие же особняки, как ее собственный, или — могла она допустить ради объективности — еще более величественные вытеснят заборы, каменоломни, одноэтажные салуны, деревянные теплицы на неряшливых клочках огородов, холмы, с которых козы созерцали окрестности. А булыжную мостовую, по которой громыхали омнибусы, заменят на гладкий асфальт, что, по слухам, уже делается в Париже. Покуда же все те, кого она желала бы видеть, все же добирались до нее, и она ничуть не страдала от своей географической изоляции, и если подумать, она могла дать фору по сбору гостей даже Бофортам, особенно если учесть, что для этого ей не приходилось добавлять ни единого блюда в меню.

Необъятные горы плоти, обрушившиеся на нее в середине жизни по воле рока, как вулканическая лава на Помпеи, превратили ее из пухленькой энергичной маленькой женщины с изящно выточенными ступнями и лодыжками

в гигантское величественное явление природы. Она отнеслась к этому столь же философски, как и к другим жизненным испытаниям, и теперь, в глубокой старости, была вознаграждена тем, что, созерцая себя в зеркале, видела отражение почти не тронутой морщинами бело-розовой кожи на маленьком моложавом лице. Многоярусный подбородок постепенно вел в головокружительные глубины все еще белоснежной груди под белоснежным же муслином, заколотым брошкой с миниатюрным портретом покойного мистера Минготта, а вокруг и ниже, выплескиваясь за края широченного кресла, пенились волны черного шелка, на гребнях которых, как чайки, белели крошечные ручки.

Тяжкое бремя этой безмерной полноты давно уже сделало невозможным для миссис Минготт передвигаться вверх-вниз по лестницам, и, со свойственной ей решимостью, она, дерзко презрев все правила, устроила комнаты для приемов наверху, а сама переехала на первый этаж. И когда вы сидели с ней в гостиной у ее любимого окна, то через распахнутые двери с раздвинутыми желтыми шелковыми узорчатыми портьерами вы с изумлением наблюдали спальню с огромной низкой кроватью наподобие софы и туалетным

столиком с весьма фривольными кружевными фестончиками и зеркалом в позолоченной раме.

Гостей завораживало и восхищало это «иностранное» расположение комнат, напоминавшее сцены из французских романов, где даже сама архитектура навевала мысли о чем-то восхитительно запретном, о чем непорочный американец не смел и помыслить. Как описывалось в этих романах, в подобных апартаментах грешные женщины из нечестивого Старого Света жили и принимали любовников. Ньюланд Арчер часто забавлялся, мысленно помещая сцены из «Месье Камора»[18] в спальню миссис Минготт; ему нравилось представлять себе ее безупречную жизнь в этих легкомысленных интерьерах. Однако со смутным восхищением он ощущал, что, если бы этой невероятной женщине понадобилось завести любовника, она бы это сделала.

К всеобщему облегчению, графиня Оленская не присутствовала при визите обручившейся пары. Миссис Минготт объяснила, что она пошла прогуляться, что само по себе было неприличным — среди бела дня, в час, когда было положено делать покупки. Однако ее отсутствие избави-

[18] Примечания: 18

Роман О. Фейе о безнравственных похождениях французских аристократок.

ло всех от неловкости, да и легкая тень от ее несчастливой судьбы омрачила бы приподнятый настрой жениха и невесты.

Визит был успешным, что и следовало ожидать. Старая миссис Минготт и так была рада помолвке, возможность которой давно уже была предугадана на семейном совете, а уж обручальное кольцо с крупным сапфиром, который держали невидимые лапки, привело ее в полный восторг.

— Конечно, это новое крепление необычно для глаз, привыкших к старине, хотя оно и подчеркивает красоту камня, он смотрится как бы голым, — искоса поглядывая на будущего зятя, проговорила миссис Уэлланд.

— Надеюсь, дорогая, ты намекаешь не на мои глаза? Я лично обожаю все новое, — изрекла матрона, поднося кольцо к своим ясным очам, которые никогда не обезображивали очки. — Очень красиво, — сказала она, отдавая кольцо, — весьма щедро. В мое время было достаточно и камеи в жемчуге. Но кольцо должна красить рука, не так ли, дорогой Арчер? — И она взмахнула крошечной ручкой с маленькими острыми ноготками. Складки жира обхватывали ее запястья словно браслеты из слоновой кости. — С моей вот даже когда-то делал слепок в Риме один модный

скульптор… А у Мэй вот рука большая — это все мода на спорт, который уродует суставы… Но зато кожа выше всяких похвал. Ну и когда же свадьба? — перебила она сама себя, устремив взгляд в лицо Арчеру.

— Ох… — бормотала миссис Уэлланд, пока Арчер, с улыбкой глядя на свою невесту, отвечал:

— Как можно скорее, миссис Минготт, особенно если вы меня поддержите.

— Мы должны дать им время, мама, чтобы они получше узнали друг друга, — высказала сомнение, приличествующее случаю, миссис Уэлланд и получила от прародительницы отпор:

— Узнать друг друга? Ерунда! В Нью-Йорке и так все знают друг друга. Дай молодежи идти своим путем, а то шампанское выдохнется… Пусть поженятся перед Великим постом; зимой-то я могу схватить воспаление легких, а мне хочется устроить свадебный завтрак.

Последующие затем выражения радости, благодарности, удивления мягко перевели беседу в весьма приятное русло, когда вдруг дверь отворилась и на пороге возникла графиня Оленская в шляпке и меховой накидке. За ней неожиданно появился Бофорт.

Молодые дамы защебетали, приветствуя друг

друга, а миссис Минготт величаво протянула банкиру свою пухлую руку, бывшую «модель модного скульптора».

— О, Бофорт! Какая редкая честь! — У нее была заграничная манера называть мужчин просто по фамилии.

— Благодарю. С удовольствием оказывал бы ее чаще, — весьма нахально отозвался гость. — Правда, обычно я бываю занят, но сегодня я встретил графиню на Мэдисон-сквер, и она любезно разрешила мне проводить ее.

— Ах, я надеюсь, что теперь, когда приехала Эллен, в доме станет веселее! — с неподражаемой непринужденностью вскричала миссис Минготт. — Садитесь, Бофорт, садитесь. Раз вы пожаловали ко мне, пододвиньте вот то желтое кресло, и давайте вволю посплетничаем. Я слышала, ваш бал был великолепен и вы будто бы пригласили миссис Лемюэл Стразерс. Мне было бы тоже ужасно любопытно ее повидать.

Она уже забыла о своих родственниках, которых Эллен О ленская проводила в прихожую. Старая миссис Минготт всегда восхищалась Джулиусом Бофортом — их объединяло общее несколько прохладное отношение к светским условностям. Сейчас она горела от желания узнать, что заста-

вило Бофортов нарушить негласный запрет и пригласить миссис Лемюэл Стразерс, вдову главы компании по производству обувного крема, которая в прошлом году вернулась из Европы, совершив длительный процесс вживания в тамошнее общество, а теперь явилась брать с боем нью-йоркскую цитадель.

— Разумеется, раз вы с Региной сочли возможным ее пригласить, дело сделано. Я слышала, она все еще весьма хороша собой, и потом, нашим снобам так нужна свежая кровь и новые деньги, — заключила кровожадная старая дама.

В прихожей, пока миссис Уэлланд и Мэй облачались в свои меха, Арчер увидел, что графиня О ленская смотрит на него с улыбкой, в которой угадывался легкий немой вопрос.

— Вы, конечно, уже знаете — о нас с Мэй? — сказал он, отвечая на ее взгляд смущенным смехом. — Мэй недовольна тем, что я не сообщил вам эту новость вчера в Опере, — она велела мне это сделать, но мне не захотелось, там было столько народу…

Улыбка исчезла из глаз графини Оленской, скользнув по ее губам; она выглядела совсем юной и живо напомнила Арчеру озорную темноволосую Эллен Минготт из его детства.

— Конечно я знаю. Очень рада за вас. Разумеется, в толпе о таких вещах не говорят.

Дамы уже были у порога, и она протянула ему руку.

— До свидания, навестите меня как-нибудь, — сказала она, не отрывая взгляда от Арчера.

Спускаясь в карете по Пятой авеню, они подробно обсудили миссис Минготт — ее возраст, силу духа, исключительное своеобразие ее поступков. Об Эллен Оленской не было сказано ни слова. Но Арчер не сомневался, что миссис Уэлланд думает, как неосторожно со стороны Эллен чуть ли не на следующий день после приезда в самые оживленные часы разгуливать по Пятой авеню с Джулиусом Бофортом, потому что и сам думал о том же. К тому же ей следовало бы знать, что молодому человеку, только что объявившему о помолвке, не стоит тратить время на то, чтобы навещать замужних женщин. Но он подозревал, что там, где она жила, это было в порядке вещей… И, несмотря на свои космополитические взгляды, которые составляли предмет его гордости, он возблагодарил Бога за то, что живет в Нью-Йорке и вот-вот женится на девушке своего круга.

Глава 5

Следующим вечером старый мистер Силлертон Джексон обедал у Арчеров.

Миссис Арчер была застенчивой женщиной и избегала появления в обществе; но она любила знать обо всем, что там происходит. А ее старый друг мистер Силлертон Джексон изучал дела своих знакомых с терпением собирателя древностей и скрупулезностью естествоиспытателя. В те же места, куда пользующийся огромным спросом брат попадать не успевал, устремлялась делившая с ним кров сестра, мисс Софи Джексон, которая приносила домой обрывки различных сплетен, которые он вставлял в недостающие фрагменты своих полотен.

Поэтому каждый раз, когда в обществе происходило что-то, о чем миссис Арчер хотелось бы узнать поподробнее, она приглашала мистера Джексона пообедать. Поскольку этой чести удостаивались немногие, а слушательницами миссис Арчер и ее дочь Джейни были прекрасными, мистер Джексон предпочитал не посылать к ним сестру, а являться самому. Правда, если бы он сам диктовал условия, то предпочел бы те вечера,

когда Ньюланд отсутствовал. Не потому, что он недолюбливал его — они прекрасно ладили в клубе, — а потому, что старый сплетник ощущал его едва уловимый скептицизм, а дамы, разумеется, внимали мистеру Джексону самозабвенно.

Если бы в мировом масштабе была возможна гармония, мистер Силлертон хотел бы только одного: чтобы еда в доме миссис Арчер была немного получше. Но с незапамятных времен Нью-Йорк, по большому счету, разделялся на две первоосновы — клан Минготтов и Мэнсонов, в сферу интересов которых входили еда, одежда и деньги, и клан Арчеров-Ньюландов-ван дер Лайденов, которые посвящали свой досуг различным утонченным удовольствиям — путешествиям, планировке садов, чтению хорошей литературы.

В конце концов, невозможно иметь все сразу. У Лавела Минготта вы тешите свое чревоугодие, потребляя внутрь нежнейшую утку, черепаховый суп и тончайшие вина; зато у Аделины Арчер можно побеседовать об альпийских пейзажах и «Мраморном Фавне», да и мадеру доставляли как-никак из-за мыса Доброй Надежды. Поэтому, получив приглашение от миссис Арчер, мистер Джексон всякий раз со свойственной ему мудростью говорил сестре:

После обеда у Лавела Минготта у меня слегка разыгралась подагра, — пожалуй, диета у Аделины будет для меня полезна.

Миссис Арчер, давно овдовев, жила с дочерью и сыном на Западной Двадцать восьмой улице. На верхнем этаже царствовал Арчер, а обе женщины обитали в тесноватых комнатах внизу. Они существовали там в полной гармонии, разводя папоротники в уордовских ящиках,[19] плетя макраме и вышивая шерстью по холсту и коллекционируя посуду времен Войны за независимость. Они выписывали журнал «Доброе слово», обожали романы Уйды за их «итальянскую атмосферу». Вообще-то они предпочитали романы из сельской жизни с описанием природы и возвышенных чувств, хотя с удовольствием читали и романы о людях из общества, чьи привычки и поступки были им понятнее. Они строго осуждали Диккенса за то, что он «никогда не изображал джентльменов», и считали, что Теккерей лучше описывает большой свет, чем Булвер, — который, впрочем, уже был близок к тому, чтобы считаться старомодным.

Мисс и миссис Арчер обожали природу. Имен-

---

[19] Примечания: 19

Переносные стеклянные оранжереи, изобретение английского ботаника Н. У орда.

но пейзажи главным образом восхищали их во время нечастых поездок за границу, а архитектура и живопись, считали они, предназначена для мужчин, особенно для тех высокообразованных особей, что читают Рескина. Миссис Арчер была урожденной Ньюланд, и обе, мать и дочь, похожие как две сестры, были, как говорили в обществе, «типичные Ньюланды» — высокие, бледные, длинноносые, с покатыми плечами и мягкой улыбкой, с налетом изысканной томности и неуловимого легкого увядания, словно сошедшие с неярких портретов Рейнольдса. Их внешнее сходство было бы полным, если бы с течением времени черная парча матери не обтягивала ее формы все туже и туже, а коричневые и пурпурные поплины дочери не обвисали все более и более на ее девической фигуре.

Ньюланд отлично знал, что внутреннее сходство между ними не так велико, как казалось, из-за их совершенно идентичной манерности. Многолетняя близость и привычка жить бок о бок определяла их одинаковый словарный запас и манеру начинать фразы со слов: «Мама думает» или «Джейни думает», хотя каждая из них выражала всего лишь свое мнение; но на самом деле невозмутимая прозаичность миссис Арчер при-

знавала лишь азбучные истины и общепринятые правила, тогда как таящаяся где-то в глубине души романтическая чувствительность Джейни иногда бурно прорывалась наружу.

Мать и дочь обожали друг друга, и обе они боготворили Арчера, и он любил их нежной любовью, чувствуя некоторую неловкость и угрызения совести от их неумеренного поклонения, но втайне очень довольный этим. Он находил приятным это обожание в собственном доме, хотя присущее ему чувство юмора иногда заставляло его усомниться в своем праве на это.

В тот вечер, о котором идет речь, молодой человек был совершенно уверен, что мистер Джексон желал бы не застать его дома но у него была причина не потворствовать этому.

Он знал наверняка, что старый Джексон придет поговорить с миссис Арчер и Джейни об Эллен Оленской и что все трое будут раздосадованы его присутствием из-за ставшей теперь известной связи его с кланом Минготтов; и он с веселым любопытством ждал, как они выпутаются из этой затруднительной ситуации.

Они начали издалека, обсуждая миссис Лемюэл Стразерс.

— Какая жалость, что Бофорты пригласили

ее, — мягко заметила миссис Арчер. — Впрочем, Регина всегда делает то, что велит муж. А Бофорт…

— Определенные нюансы Бофорту недоступны, — сказал мистер Джексон, пристально разглядывая жареную сельдь и в тысячный раз изумляясь, почему кухарка миссис Арчер всегда превращает молоки в уголь. (Ньюланд, издревле разделявший это удивление, каждый раз узнавал об этом печальном факте по меланхолическому неудовольствию на лице старика.)

— Это неизбежно, ведь Бофорт столь вульгарен, — сказала миссис Арчер. — Правда, вращаясь в обществе джентльменов, особенно в Англии, ему удалось приобрести некоторый лоск… Но вся его история так таинственна. — Она покосилась на Джейни и замолчала. Хотя обе они досконально знали все, что касалось Бофорта, при посторонних миссис Арчер упорно делала вид, будто все это не для девичьих ушей. — Но эта миссис Стразерс, — продолжала она, — что вы можете сказать о ней, Силлертон? Кто она такая?

— Из рудников; или, вернее, из салуна, расположенного у входа в шахту. Затем колесила по Новой Англии с аттракционом «живых восковых фигур». После того как полиция это прикрыла,

она, говорят, жила… — Мистер Джексон в свой черед взглянул на Джейни, глаза которой постепенно округлялись под полуопущенными веками. О прошлом миссис Стразерс ей пока было известно далеко не все. — Затем, — продолжал мистер Джексон (и Арчер увидел немой вопрос в его взгляде: как могло так случиться, что никто не сказал дворецкому о том, что огурцы не режут стальным ножом?), — явился Лемюэл Стразерс. Кажется, его агент использовал девушку для рекламы сапожной ваксы — у нее ведь иссиня-черные волосы, этакий египетский стиль. В любом случае… все кончилось тем, что она вышла замуж, — заключил Джексон, и это его «в любом случае» таило бездну туманного смысла…

— Все это так… но в нынешние времена это не имеет никакого значения, — равнодушно отозвалась миссис Арчер. По-настоящему дам за столом интересовала тема гораздо более свежая и захватывающая — информация об Эллен Оленской. И само имя-то миссис Стразерс было произнесено за столом затем, чтобы плавно перевести разговор на другой предмет и спросить: — А что эта новая родственница Ньюланда — графиня Оленская? Она-то была на балу?

Легкий отзвук сарказма прозвучал в ее голосе

при упоминании бала, на котором был ее сын, — и Арчер знал, с чем это связано. Миссис Арчер, никогда особенно не восхищавшаяся деяниями людей, была в целом рада его помолвке. («Особенно после этой неразумной истории с миссис Рашуорт», — как она заявила Джейни, намекая на ту историю, след от которой, казалось Ньюланду, навсегда оставил шрам в его душе.) В Нью-Йорке не было партии лучше Мэй, с какой бы точки зрения это ни рассматривать, — и, хотя она считала, что этот брак был всего лишь тем, что ему в общем-то полагалось, было просто чудом, что ее единственному сыну удалось благополучно миновать Остров сирен и бросить якорь в тихой гавани, — молодые люди так неразумны, а некоторые женщины так коварны.

Таковы были ее чувства, и сын прекрасно знал о них — но он также знал, что ее тревожит преждевременное объявление помолвки, или, вернее, то, что было ее причиной, — потому-то он и остался дома в этот вечер. «Не то чтобы я не одобряла то, что Минготты горой стоят друг за друга; но почему помолвка Арчера должна зависеть от приездов и отъездов какой-то Оленской», — ворчала миссис Арчер наедине с Джейни, единственной свидетельницей легких отступлений от обычной

генеральной линии абсолютного добродушия.

Во время визита к миссис Уэлланд она была столь благожелательна — безупречно благожелательна, — но Ньюланд чувствовал (а Мэй, возможно, догадалась), что они с Джейни все время нервничали из-за возможного появления Эллен Оленской, и когда они вместе вышли, миссис Арчер позволила себе заметить сыну: «Я так благодарна Августе Уэлланд, что она приняла нас одна».

Это выражение внутренней тревоги заставило Арчера еще более утвердиться в мысли, что Минготты зашли слишком далеко. Однако мать и сын, по неписаным правилам, принятым в их доме, не позволяли себе даже намекать на то, что переполняло их мысли. Поэтому он сказал просто: «Теперь нас ожидают традиционные семейные приемы; чем скорее мы пройдем через это, тем лучше», на что его мать промолчала, поджав губы под кружевной вуалью серой бархатной шляпки, украшенной гроздью винограда.

Он понял, что ее месть — вполне, по его мнению, законная — будет состоять в том, чтобы «натравить» мистера Джексона на графиню Оленскую этим вечером, и теперь, когда он публично выполнил свой долг по отношению к минготтов-

скому клану, он не возражал посудачить об этой леди в частном, так сказать, порядке — хотя, надо признаться, эта тема уже начала докучать ему.

Мистер Джексон положил себе на тарелку кусок подостывшего мяса, которым обносил всех дворецкий с таким же скептическим взглядом, как и у него самого, и затем, едва заметно сморщив нос, отверг грибной соус. Он отнюдь не выглядел сытым и довольным, и Арчер решил, что он сейчас продолжит трапезу, закусывая графиней Оленской.

Мистер Джексон откинулся на спинку кресла, подняв глаза на освещенных свечами Арчеров, Ньюландов и ван дер Лайденов в темных рамах, висящих на темных стенах.

— А как ваш дедушка любил хорошо отобедать, мой милый Ньюланд! — сказал он, не отрывая глаз от портрета пухлого широкогрудого молодого человека в шарфе и синем сюртуке на фоне загородного дома с белыми колоннами. — Да-да-да… Хотел бы я знать, что бы он сказал обо всех этих браках с иностранцами!

Миссис Арчер проигнорировала намек на то, что в прежние времена трапезы в семье, к которой она принадлежала, были более изысканны, и мистер Джексон осторожно приступил к долго-

жданной теме беседы:

— Нет, на балу ее не было.

Вот как, — пробормотала миссис Арчер тоном, который означал: «Хватило ума сообразить».

— Возможно, Бофорты с нею незнакомы? — с простодушным ехидством предположила Джейни.

Едва заметно с наслаждением сглотнув, словно пробуя невидимую мадеру, Джексон ответил:

— Возможно, миссис Бофорт и нет, но сам Бофорт точно знаком, потому что не далее как сегодня днем они прогуливались на виду у всего Нью-Йорка по Пятой авеню.

— Боже… — простонала миссис Арчер, осознав всю невозможность объяснить действия иностранцев чувством деликатности.

— Интересно, какую шляпку она носит днем — капором или без полей, — задумчиво проговорила Джейни. — Я знаю, что в Опере она была в темно-синем бархатном платье, совершенно прямом и ровном — как ночная рубашка.

— Джейни! — предостерегающим тоном сказала мать.

Краска проступила сквозь легкий вызов, плясавший на лице мисс Арчер.

— Во всяком случае, у нее хватило вкуса не

поехать на бал, — продолжала миссис Арчер.

Дух противоречия заставил сына возразить:

— Я думаю, что вкус тут ни при чем. Мэй сказала, что она намеревалась ехать, но решила, что вышеупомянутое платье недостаточно шикарно.

Слова эти лишь послужили подтверждению мыслей мисс Арчер, и она улыбнулась.

— Бедняжка Эллен, — сказала она и сочувственно добавила: — Мы должны помнить о том, какое эксцентричное воспитание она получила от Медоры Мэнсон. Чего можно ожидать от девушки, которая появилась на своем первом балу в черном платье?

— Неужели? Я этого совершенно не помню! — сказал мистер Джексон и тоже воскликнул «Бедняжка!» тоном человека, который, наслаждаясь воспоминаниями, убеждает себя в то же время, что тогда уже чувствовал, что это предвещает беду.

— Странно, что она сохранила это дурацкое имя — Эллен. Нет чтоб изменить его, скажем, на Элэйн, — сказала Джейни и огляделась вокруг, чтобы увидеть впечатление от своих слов.

— Почему именно «Элэйн»? — засмеялся ее брат.

— Ну не знаю. Это звучит более… более по-поль-

ски, — сказала она, снова покраснев.

— Это больше привлекает внимание, а я не думаю, чтобы она была в этом заинтересована, — сухо заметила миссис Арчер.

— Почему нет? — вмешался ее сын, повинуясь внезапному желанию поспорить. — Почему она не должна привлекать внимание? Почему она должна прятаться, как будто она себя опозорила? Она превратилась в «бедняжку Эллен», потому что ей не повезло в браке, но я не вижу причины, из-за которой она должна ходить понурив голову, словно преступница.

— Насколько я понимаю, — задумчиво произнес мистер Джексон, — эта та линия, которой собираются следовать Минготты.

Молодой человек покраснел.

— Я не нуждаюсь в суфлерах, если именно это вы имели в виду. Мадам Оленская несчастна, но она не отверженная.

— Но ходят слухи… — сказал мистер Джексон, нерешительно взглянув в сторону Джейни.

— О, я знаю — насчет секретаря, — подхватил Арчер. — Ничего, ничего, мама, Джейни уже достаточно взрослая. — То ли так, то ли этак — но секретарь помог ей уехать от мерзавца мужа, который обращался с ней как с пленницей. Ну и

что? Надеюсь, среди нас нет человека, который не поступил бы так же в подобных обстоятельствах.

Мистер Джексон, слегка повернувшись, подозвал взглядом через плечо угрюмого дворецкого.

— Может быть… того соуса… совсем чуть-чуть. — И, положив себе немного, продолжил: — Мне сказали, она ищет дом. Собирается поселиться здесь.

— А я слышала, что она собирается разводиться, — рискнула вставить Джейни.

— Надеюсь, она это сделает! — воскликнул Арчер.

В мирной, безмятежной обстановке гостиной Арчеров эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Тонкие брови миссис Арчер подскочили вверх, что означало: «Здесь дворецкий!» — и молодой человек, мысленно обругав себя за потерю вкуса — что, разумеется, и значило обсуждение столь интимного вопроса на публике, — поспешил перейти к рассказу о посещении старой миссис Минготт.

После обеда, по старинному обычаю, миссис Арчер и Джейни, оставив джентльменов внизу курить, прошелестели длинными шелковыми юбками наверх в гостиную, где, усевшись друг напротив друга у круглой лампы за рабочим

столиком красного дерева, под которым был зеленый шелковый мешок, принялись с двух сторон вышивать полевые цветы на коврике для запасного стула в гостиной юной миссис Ньюланд Арчер.

Пока в гостиной совершался этот ритуал, Арчер усадил мистера Джексона в кресло у камина в готической библиотеке и вручил ему сигару. Мистер Джексон удовлетворенно погрузился в кресло. Поскольку сигары покупал сам Ньюланд и, следовательно, за качество можно было не опасаться, он с удовольствием раскурил ее, подтянув свои тощие лодыжки поближе к углям, и заметил:

— Так вы говорили, что секретарь только лишь помог ей бежать, мой юный друг? Но процесс помощи затянулся надолго — год спустя их видели в Лозанне. Они жили вместе.

Ньюланд покраснел:

— Ну и что такого? Она что, не имеет права начать все сначала? Меня тошнит от наших лицемерных обычаев, из-за которых молодая женщина должна похоронить себя заживо, в то время как ее муж предпочитает забавляться с проститутками.

Он сердито замолчал и отвернулся, чтобы рас-

курить свою сигару.

— Женщины должны обладать той же свободой, что и мы, — объявил он, сделав сенсационное открытие, и раздражение помешало ему понять все его значение и последствия.

Мистер Силлертон Джексон подвинул лодыжки поближе к огню и сардонически свистнул.

— Что ж, — сказал он после некоторой паузы, — я думаю, граф О ленский разделяет ваше мнение, поскольку, как мне известно, он и пальцем не пошевелил, чтобы вернуть жену.

Глава 6

В тот вечер, когда наконец мистеру Джексону удалось заставить себя убраться восвояси, а дамы отправились в свою всю в ситцевых занавесках спальню, Ньюланд Арчер в задумчивости поднялся в свой кабинет. Невидимая волшебная рука, как всегда, развела огонь в камине и прикрутила в лампе фитиль; и уютная комната с рядами бессчетных книг, бронзовыми и стальными фехтовальщиками на каминной полке, фотографиями знаменитых картин, как всегда, гостеприимно приняла его в свои объятия.

Он уселся в кресло у камина, и взгляд его упал на огромную фотографию Мэй Уэлланд, которую она подарила ему в начале их романа и которая постепенно вытеснила все остальные портреты с его стола. С неведомым ранее чувством благоговения он смотрел на этот чистый лоб, серьезные глаза и смеющийся рот невинного создания, которое отныне ему предстояло беречь и охранять от невзгод. Внушающий священный трепет «продукт» общественной системы, к которой он принадлежал и в которую верил, эта юная девушка, не знающая ничего и ожидающая всего,

обернувшись, смотрела на него как незнакомка, и сквозь это неизвестное лицо проступали любимые черты. И какое-то смутное предчувствие зашевелилось в нем уже не в первый раз, предчувствие того, что брак — не тихая пристань, как всегда ему говорили, а путешествие по неизведанным морям.

История с Оленской сдвинула с места его устоявшиеся убеждения, и, оживившись, в мозгу его зашевелились весьма опасные мысли. Его собственные слова: «Женщины должны быть так же свободны, как и мы», — затронули саму основу проблемы, которой в его мире, с общего молчаливого согласия, не существовало.

«Порядочным» женщинам, как бы с ними ни обращались, никогда бы и в голову не пришло требовать той свободы, которую «великодушные» мужчины вроде него в пылу спора могли им предложить. Эти словесные щедроты были на самом деле мыльным пузырем, который лопался и обнажал паутину условностей, опутывающую все и крепко держащую людей в рамках старых обычаев.

Он взял на себя защиту кузины своей невесты — но ведь, окажись на месте кузины сама Мэй, разве он не призывал бы на ее голову гро-

мы и молнии Церкви и государства? Конечно, дилемма была абсолютно гипотетической — он же не мерзкий полячишка-аристократ, и было бы странно обсуждать, что он бы делал, если бы им был. Но Ньюланд Арчер обладал достаточным воображением, чтобы не почувствовать: их союз с Мэй мог бы порваться и от гораздо менее веских причин. Как они, в самом деле, могут узнать друг друга, если он, как «порядочный» молодой человек, обязан скрывать свое прошлое, а она, как «девушка на выданье», обязана его вообще не иметь? Что, если по какой-то неизвестной причине они устанут друг от друга, перестанут понимать друг друга, станут раздражать друг друга? Что тогда? Он мысленно перебрал браки своих друзей — якобы счастливые — и не нашел ни одного, который бы даже отдаленно соответствовал картине той страстной и нежной дружбы, которую он рисовал себе, думая о них с Мэй. Он понял вдруг, что эта картина, о которой он так мечтал, требовала от Мэй свободы суждений, опыта, размаха мыслей — словом, всех тех черт, отсутствие которых в ней старательно воспитывали. Он ужаснулся предчувствию, что их брак обречен стать таким же, как все остальные вокруг, — скучным союзом материальных и

общественных интересов, который скреплен, с одной стороны, лицемерием, а с другой — неведением. Ближе всего к этому завидному идеалу был Лоуренс Леффертс, решил Арчер. Как и полагалось верховному жрецу «хорошего тона», он достиг таких виртуозных высот в том, чтобы отшлифовать свою жену соответственно своим надобностям, что даже в самом разгаре его романа с очередной замужней дамой она улыбалась простодушно, лепеча: «Ах, Лоуренс — человек таких невыносимо строгих правил», — и негодующе краснела, отводя глаза, если кто-нибудь в ее присутствии намекал на то, что Джулиус Бофорт (чего еще ждать от сомнительного иностранца) имел побочную семью.

Арчер попытался утешить себя, что он не такой осел, как Лэрри, а Мэй не столь проста, как Гертруда Леффертс; но, в конце концов, разница была лишь в степени развития ума — существа дела это не меняло. Все они жили в закодированном мире, где никто не говорит и не делает ничего реального, более того — и не думает ни о чем реальном, а сами реальные вещи обозначены иероглифами. Взять хотя бы миссис Уэлланд, которая прекрасно знала, почему Арчер настоял, чтобы на балу у Бофортов объявили о помолвке,

да и ждала от него этого. Но тем не менее она считала необходимым делать вид, что противится этому и лишь уступает его настояниям, подобно обычаю дикарей (как описывалось в книгах о первобытном человеке), удерживать невесту в хижине родителей, откуда ее с дикими криками приходилось жениху выдирать.

О, какой загадкой, помещенной в самый центр этой обманной системы, представала перед женихом правдивая и самоуверенная девушка! Она-то была откровенной, потому что ей нечего было скрывать, и уверенной в себе, потому что не знала, какие опасности ее подстерегают. И без всякой подготовки — за одну ночь — погружалась в то, что уклончиво называли «прозой жизни».

Арчер был искренне влюблен, хотя в этой любви не было страсти. Он восхищался лучезарной красотой своей невесты; каждое ее движение, ловкое и грациозное, — в играх или когда она ездила верхом — было наполнено чудесным здоровьем. В придачу к этому он с радостью наблюдал робкий интерес к его книгам и идеям — правда, она еще не была в состоянии почувствовать все очарование Улисса и лотофагов, но уже была достаточно развита, чтобы вместе с ним подтрунивать над

«Королевскими идиллиями».[20] Она казалась ему прямой, верной и храброй, он признавал за ней чувство юмора (поскольку она смеялась в ответ на его шутки), да и вообще он предвкушал, что в глубине ее невинной души дремлют чувства, которые будет так приятно разбудить… В целом мысленный марш-бросок по своим будущим владениям удовлетворил его, но его тревожили мысли о, так сказать, ненатуральности продукта, получаемого в собственность. Нетронутая человеческая натура не может быть откровенной и простодушной инстинкт самосохранения толкает ее на уловки и ухищрения, считал Арчер. Он чувствовал, как его раздражает эта искусственная чистота, так хитро сфабрикованная разными мамушками и тетушками, бабушками и давно сгинувшими прародительницами, по мнению которых, именно это — предмет его желания, и именно на это он имеет законное право, которое состоит именно в том, чтобы позволить ему, властелину, исполнить свою прихоть и разрушить этот вожделенный предмет, словно пинком разломать слепленную кем-то снежную бабу.

Эти размышления были весьма банальны для

[20] Примечания: 20

«Королевские идиллии» произведение английского поэта XIX в. А. Теннисона на тему легенд о рыцарях Круглого стола и короле Артуре.

человека накануне свадьбы. Однако обычно рука об руку с ними бредут угрызения совести — а вот этого в Арчере не было и следа. Он раздражался, читая Теккерея, когда его герой причитал, что жизнь его — не чистая страница, которую он хотел бы обменять на ее безупречность. Он стоял на том, что, если бы он был воспитан в духе Мэй, им обоим пришлось бы блуждать по жизни. И сейчас он не мог, как ни старался, найти причины, почему его невеста, пока была свободной, не могла, подобно ему, делать какие-то собственные шаги и приобретать какой-то опыт — кроме, разумеется, одной, вполне эгоистичной и мужской, связанной с мужским тщеславием…

Конечно, в появлении таких или подобных им мыслей нет ничего особенного накануне свадьбы; но Арчер чувствовал, что они столь неприятно назойливы и отчетливы только из-за графини Оленской, появившейся так некстати. Из-за нее он в самую помолвку — момент, словно созданный для чистых мыслей и безоблачных надежд, — угодил в самую сердцевину скандальной истории, что он предпочел бы не делать из-за возникших в связи с этим проблем.

— Черт побери эту Оленскую! — пробормотал он, разворошил угли и начал раздеваться.

Он никак не мог понять, почему ее судьба должна была хоть в какой-то степени иметь к нему отношение, но у него возникло смутное ощущение, что он только сейчас начинает понимать, какую ответственность он взвалил на себя в связи с этой помолвкой.

Через несколько дней небеса разверзлись и грянул гром.

Лавел Минготты разослали приглашения на так называемый парадный обед (три дополнительных ливрейных лакея, две перемены каждого из блюд и римский пунш в середине), озаглавленные: «В честь встречи графини О ленской». Все было сделано по законам американского гостеприимства, которое приравнивало чужестранцев к коронованным особам или, по крайней мере, к послам.

Гости были отобраны с той смелостью и придирчивостью, в которой посвященный сразу мог узнать твердую руку Екатерины Великой. Это, во-первых, были проверенное временем семейство Селфридж Мерри, которых приглашали всюду потому, что так издавна повелось, Бофорты, которые претендовали на родство, и мистер Силлертон Джексон со своей сестрой Софи (она выезжала тогда, когда ей разрешал брат). Во-вто-

рых, было приглашено несколько самых модных и в то же время безупречных и влиятельных пар «молодого круга» — Лоуренс Леффертсы с хорошенькой вдовушкой миссис Леффертс Рашуорт, Гарри Торли, Реджи Чиверсы, и молодой Моррис Дагонет с женой, которая была из семьи ван дер Лайден. Компания была подобрана исключительно удачно, поскольку все члены ее принадлежали к узкой группе людей, спаянных общими бесконечными развлечениями в течение всего долгого нью-йоркского сезона.

Спустя сорок восемь часов произошло нечто невероятное — приглашение Минготтов отклонили все, кроме Бофортов и старого Джексона с сестрой. Намеренное оскорбление было тем ужаснее, что отказались даже Реджи Чиверсы, которые входили в клан Минготтов, а в записках, содержащих все как одна холодный текст «Сожалеем, что не сможем приехать» без каких-либо смягчающих обстоятельств и объяснений, не сквозила даже элементарная вежливость.

В те дни нью-йоркское общество было столь небольшим, что каждый, кто имел к нему хоть какое-нибудь отношение, включая поваров, дворецких и владельцев наемных карет, точно знали, у кого какой вечер занят. И поэтому все

получившие приглашение могли таким образом точно и жестко выразить свое нежелание встречаться с графиней Оленской.

Удар был неожиданным; но Минготты, как всегда, приняли его стоически. Миссис Лавел Минготт пожаловалась миссис Уэлланд, миссис Уэлланд — Арчеру; тот, вне себя от гнева, пересказал случившееся матери, и она, после мучительной борьбы с собой и безуспешных стараний умерить его пыл, как всегда, уступила любимому сыну, надела серую бархатную шляпку и сказала: «Я еду повидать Луизу ван дер Лайден».

Нью-Йорк времен Арчера напоминал маленькую скользкую пирамиду, прицепиться к которой или обнаружить в оной хоть щелочку, чтобы втиснуться, было делом почти невозможным. Ее незыблемую основу составляли те, кого миссис Арчер называла «обыкновенные люди», — достойное, но ничем не выделяющееся большинство семейств (таких, как Спайсеры, Леффертсы и Джексоны), которые поднялись на более высокий уровень путем «правильных» браков. Люди, говорила миссис Арчер, не так теперь разборчивы, как в старые времена; и теперь, когда на одном конце Пятой авеню правит старая

Кэтрин Спайсер, а на другом — Джулиус Бофорт, невозможно сохранить традиции очень долго.

Над этим процветающим, но невысоким нижним уровнем располагалась, сильно сужаясь кверху, влиятельная и крепко спаянная группа, активно представленная Минготтами, Ньюландами, Чиверсами и Мэнсонами. Большинство признавало их вершиной пирамиды; но они сами, по меньшей мере поколение миссис Арчер, знали, что в глазах знатока генеалогии очень немногие могли претендовать на это.

— Не твердите мне всю эту газетную чепуху насчет нью-йоркской аристократии, — говорила детям миссис Арчер. — Если она и есть, то ни Минготты, ни Мэнсоны к ней не принадлежат, как, впрочем, и Ньюланды, и Чиверсы. Наши деды и прадеды были просто почтенными английскими или голландскими купцами, которые приехали в колонии в погоне за богатством и остались, потому что им улыбнулась фортуна. Один из ваших дедов подписал Декларацию независимости,[21] другой был генералом в штабе Вашингтона и был награжден шпагой Бергойна после битвы при

[21] Примечания: 21

4 июля 1776 г. была провозглашена независимость американских колоний от Великобритании и подписана Декларации независимости, то есть предок Арчеров был одним из основателей США.

Саратоге.[22] Вы можете этим гордиться, но это не титулы и не знатность… Нью-Йорк всегда был торговым городом, и на самом деле аристократов среди нас раз-два и обчелся.

Миссис Арчер, ее сын и дочь, как и все остальные в Нью-Йорке, знали, кто эти избранные: Дагонеты с Вашингтон-сквер (из английских аристократов, связанных с Питтами и Фоксами[23]), Лэннинги, породнившиеся с потомками графа де Грасса, и ван дер Лайдены, прямые потомки первого голландского губернатора Манхэттена, еще до Войны за независимость связавшего свое семейство с французской и английской аристократией путем нескольких удачных браков.

От Лэннингов остались лишь старушки, древние, но очень бойкие две мисс Лэннинг, весело и беззаботно доживавшие свой век среди воспоминаний, семейных портретов и мебели «чиппендейл». Дагонеты, довольно значительный клан, были связаны с лучшими именами Балтимора и Филадельфии; а что касается ван дер

---

[22] Примечания: 22

Битва при Саратоге (1777 г.) одна из решающих битв в борьбе за независимость, в результате которой английские войска под командованием генерала Д. Бергойна потерпели поражение.

[23] Примечания: 23

Знаменитые английские аристократические фамилии.

Лайденов, то они парили высоко над всеми, почти растворяясь в неземном сумеречном сиянии, в котором вырисовывались лишь две фигуры — мистер и миссис Генри ван дер Лайден.

Миссис Генри ван дер Лайден была урожденная Луиза Дагонет, а ее мать была из старинной семьи с нормандских островов, внучкой полковника дю Лака, который воевал под началом Корнуоллиса и после войны поселился в Мэриленде со своей невестой, леди Анжеликой Тревенна, пятой дочерью графа Сент-Острей. Дагонеты, мэрилендские дю Лаки и их знатные родичи Тревенна из Корнуолла всегда сохраняли тесную сердечную связь. Мистер и миссис ван дер Лайден не раз подолгу гостили у теперешнего главы дома Тревенна, герцога Сент-Острей, в Глостершире и в его поместье в Корнуолле, и его светлость нередко говаривал о своем желании как-нибудь нанести ответный визит. Конечно, без герцогини, которая боялась пересекать Атлантику.

Мистер и миссис ван дер Лайден делили свое время между Тревенна, загородным домом в Мэриленде, и Скайтерклиффом, большим поместьем на берегу Гудзона, которое было подарено еще во времена оны голландским правительством знаменитому первому губернатору и

патроном[24] которого все еще оставался мистер ван дер Лайден.

Их огромный напыщенный особняк на Мэдисон-авеню редко распахивал двери — когда они изредка приезжали в город, то приглашали только близких друзей.

— Будет лучше, если ты поедешь со мной, Арчер, — попросила миссис Арчер, вдруг остановившись уже у дверцы брауновской кареты. — Луиза тебя любит; и потом, это все ведь ради нашей дорогой Мэй… Ну, конечно, и потому, что если мы не будем поддерживать друг друга, то общество просто перестанет существовать.

---

[24] Примечания: 24
Патрон здесь: владелец поместья с феодальными привилегиями.

Глава 7

Миссис Генри ван Лайден внимала повествованию своей кузины миссис Арчер в полном молчании.

Вы могли сколько угодно убеждать себя заранее в том, что миссис ван Лайден вообще была молчаливой, что, сдержанная и от природы и по воспитанию, она на самом деле была очень добра к людям, которые ей небезразличны. Но даже предыдущий положительный опыт не мог защитить вас от холодной дрожи, невольно охватывающей в гостиной на Мэдисон-авеню с высокими потолками и белыми стенами, где с кресел, обитых светлой парчой, явно только что сняли чехлы по случаю вашего прихода, но тонкие газовые занавески еще скрывали каминный орнамент золоченой бронзы и «Леди Анжелику дю Лак» Гейнсборо в старинной резной раме.

Напротив висел портрет кисти Хантингтона самой миссис ван дер Лайден, одетой в костюм венецианки. Было принято считать, что этот портрет «не уступает Кабанелю», и хотя он был написан двадцать лет назад, сходство оставалось поразительным. И в самом деле, та миссис ван дер

Лайден, которая сидела под ним, слушая миссис Арчер, и та молодая женщина в черном бархатном платье на портрете в позолоченном кресле на фоне зеленой репсовой шторы были словно сестрами-близнецами. Миссис ван дер Лайден все еще надевала черный бархат и венецианские кружева, когда она выезжала в свет или, скорее, когда она принимала его у себя, поскольку давно уже обедала только дома. Ее светлые волосы почему-то не поседели, а лишь слегка поблекли, были по-прежнему расчесаны на прямой пробор, а безупречно прямая линия носа, разделявшая бледно-голубые глаза, по сравнению с той, что была на портрете, лишь слегка заострилась, огибая ноздри. Арчера и в самом деле всегда поражало, как она сохранилась в этой безвоздушной атмосфере ее безупречного существования — словно тело, застывшее во льду, сохранившее живые краски, но мертвое.

Как и вся его семья, он почтительно преклонялся перед миссис Лайден, но он понимал, что при всей ее мягкой доброжелательности договориться с ней гораздо труднее, чем с воинственными старыми девами, мрачными престарелыми материнскими тетушками, которые из принципа отвечали «нет» прежде, чем узнавали, чего от

них хотят.

Миссис ван дер Лайден не отвечала ни «да», ни «нет» и всегда излучала крайнюю доброжелательность, до тех пор пока ее губы наконец не складывались в слабую улыбку, и, как правило, раздавались слова: «Я сначала должна обсудить это с мужем».

Она и мистер ван дер Лайден были настолько похожи, что Арчер удивлялся, как через сорок лет после такого тесного супружества этим двум почти совершенно сросшимся существам удавалось разъединиться настолько, чтобы совершить акт беседы, который все же может содержать в себе полемику. Но поскольку ни один из них никогда иным образом не принял никакого решения, миссис Арчер с сыном, изложив обстоятельства своего дела, покорно ждали хорошо известной фразы.

Однако миссис ван дер Лайден, которая редко кого-то удивляла, на сей раз удивила их, неожиданно протянув руку к звонку.

— Я думаю, — сказала она, — Генри следовало бы тоже выслушать то, о чем вы рассказали.

Вошел лакей, и она добавила, обращаясь к нему:

— Если мистер ван дер Лайден закончил читать

газету, пусть он будет так добр подойти к нам.

Она произнесла «читать газету» таким тоном, которым жена премьер-министра произнесла бы «председательствовать на заседании кабинета», и не из-за того, что хотела показать свое высокомерие, а просто по долголетней привычке, поддерживаемой отношением друзей и родных, считать малейший жест, а тем более занятие мистера ван дер Лайдена священнодействием.

Стремительность ее реакции доказывала, что она, как и миссис Арчер, считает дело весьма срочным; но чтобы заранее не связать себя какими-либо обязательствами, она добавила с любезнейшей улыбкой:

— Генри всегда рад видеть вас, дорогая Аделина; и, конечно, он захочет поздравить Ньюланда.

Двойные двери торжественно отворились, и на пороге появился мистер ван дер Лайден во фраке, высокий, худой, с такими же светлыми выцветшими волосами и прямым носом, как у жены, и с точно таким же застывшим выражением доброжелательности в глазах, правда, не бледно-голубого, а бледно-серого цвета.

Мистер ван дер Лайден тихим голосом по-родственному любезно поприветствовал миссис Арчер, в тех же выражениях, что и его жена,

поздравил Ньюланда, после чего с простотой царствующего монарха поместил себя в одно из светло-парчовых кресел.

— Я как раз кончил читать «Тайме», — сказал он, соединяя вместе кончики длинных пальцев. — Когда мы здесь, в городе, то первая половина дня у меня просто переполнена делами, и читать газеты приходится после ленча.

— Такой распорядок дня очень удобен, — с готовностью откликнулась миссис Арчер. — Насколько я помню, дядюшка Эгмонт вообще предпочитал читать утренние газеты после обеда. Он говорил, что так он меньше волнуется.

— Да… Мой отец терпеть не мог куда-то торопиться. Но теперь мы живем в вечной спешке, — сказал мистер ван дер Лайден, обводя взглядом комнату, точно укутанную в саван, казавшуюся Арчеру последней завершающей каплей в образе ее обладателей.

— Ты на самом деле закончил свое чтение, Генри? — вмешалась его жена.

— Да, конечно, — уверил он ее.

— В таком случае я хочу, чтобы Аделина тебе кое-что рассказала.

— Вообще-то это касается Ньюланда, — рассмеялась его мать; затем она повторила страшную

историю об оскорблении, нанесенном Минготтам. — Конечно, — закончила она, Августа Уэлланд и Мэри Минготт, особенно из-за помолвки Ньюланда, решили, что вы об этом ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ.

— О, — с глубоким вздохом произнес мистер ван дер Лайден.

Воцарилось глубокое молчание, в котором тиканье стоявших на мраморной полке камина бронзовых часов напоминало пушечные выстрелы. Арчер с благоговением взирал на две стройные поблекшие фигуры, сидевшие рядом друг с другом, словно величества на троне. Волею судеб они были превращены в неких оракулов, дающих ответы на все вопросы, тогда как они предпочли бы жить в простоте и уединении, выкапывая незримые сорняки на совершенных лужайках Скайтерклиффа и раскладывая по вечерам пасьянс.

Наконец мистер ван дер Лайден прервал молчание.

— Вы в самом деле уверены, что это произошло по причине… какого-то преднамеренного вмешательства Лоуренса Леффертса? — спросил он, обращаясь к Арчеру.

— Я в этом уверен, сэр. Не при тете Луизе будь

сказано, он опять завел в последнее время бурный роман — с женой почтмейстера, или что-то в этом роде. А как только у бедной Гертруды появляются подозрения и он начинает опасаться неприятностей, он обычно поднимает шум такого рода, пытаясь доказать свой высокий моральный уровень. Вот он и стал везде кричать, какая наглость заставлять его жену встречаться с теми, с кем он не желает ее знакомить. Он попросту использовал госпожу Оленскую как громоотвод; я уже и прежде это видел, но на этот раз он явно перестарался.

— ЛЕФФЕРТСЫ! — сказала миссис ван дер Лайден.

— ЛЕФФЕРТСЫ! — с точно тем же непередаваемым выражением повторила миссис Арчер. — Что бы сказал дядя Эгмонт о том, что Лоуренс Леффертс позволяет себе судить о чьем-то положении в свете? До чего докатилось общество!

— Будем надеяться, что не все еще так плохо, — твердо сказал мистер ван дер Лайден.

— Ах, если бы вы с Луизой больше выезжали! — вырвалось у миссис Арчер.

Однако она сразу поняла свою ошибку. Ван дер Лайдены весьма негативно реагировали на любое критическое замечание насчет их уеди-

ненного существования. Они были судом высшей инстанции, вершителями судеб, и знали это, покорившись своей судьбе. Но, будучи от природы людьми скромными и застенчивыми, они совершенно не были в восторге от своей роли и столько времени, сколько было возможно, проводили в сельском уединении в Скайтерклиффе; а когда им случалось быть в городе, они старались отклонять все приглашения, ссылаясь на слабое здоровье миссис ван дер Лайден.

Ньюланд Арчер пришел матери на помощь:

— Весь Нью-Йорк считается с вашим мнением. Поэтому миссис Минготт сочла необходимым посоветоваться с вами по поводу оскорбления, нанесенного графине Оленской.

Миссис ван дер Лайден переглянулась с мужем.

— Мне не нравится сам принцип, — сказал мистер ван дер Лайден. — Пока члены уважаемой семьи считают нужным поддерживать своего члена, их мнение должно считаться окончательным.

— Я тоже так считаю, — сказала его жена таким тоном, словно выразила какую-то новую мысль.

— Я не думал, что дело так плохо, — продолжал мистер ван дер Лайден. Он помолчал и посмотрел

на миссис ван дер Лайден. — Мне кажется, моя дорогая, что графиня Оленская и нам родня — через первого мужа Медоры Мэнсон. И в любом случае она станет ею после свадьбы Ньюланда. — Он повернулся к молодому человеку. — Вы читали утреннюю «Тайме», Ньюланд?

— Да, конечно, — сказал Арчер, который за утренним кофе просматривал с полдюжины газет.

Муж и жена посмотрели друг на друга. Их бледные глаза провели немое совещание; затем на лице миссис ван дер Лайден появилась слабая улыбка. Было ясно, что она поняла и одобрила его решение.

Мистер ван дер Лайден обратился к миссис Арчер:

— Если бы здоровье Луизы позволяло обедать вне дома, я бы попросил вас передать миссис Лоуэлл Минготт, что мы с Луизой… э-э-э… были бы счастливы занять места Леффертсов на обеде. — Он помолчал, дабы его ирония произвела на всех впечатление. — Но вы знаете, что это невозможно. — Миссис Арчер сочувственно вздохнула. — Однако Ньюланд смотрел сегодня «Тайме» и должен знать, что родственник Луизы, герцог Сент-Острей, через неделю прибудет сюда

на пароходе «Россия». Он хочет следующим летом принять участие в международных гонках на Кубок и должен осмотреть свою яхту, «Джиневру». А потом поехать поохотиться на уток. — Мистер ван дер Лайден снова замолк, а потом продолжал еще более благодушно: — Но перед отъездом в Мэриленд мы хотим пригласить сюда нескольких друзей познакомиться с ним — небольшой обед и затем прием. Я уверен, что Луиза, как и я, будет рада, если графиня Оленская разрешит нам включить ее в число наших гостей. — Он встал, склонив свое длинное тело в дружеском поклоне кузине, и добавил: — Я думаю, что могу сказать от имени Луизы следующее: она сама отвезет приглашения на обед, когда отправится на прогулку — разумеется, с нашими карточками.

Миссис Арчер, поняв, что это намек на то, что гнедые у дверей уже стучат копытами, поднялась с торопливыми изъявлениями благодарности. Миссис ван дер Лайден торжествующе сияла улыбкой Эсфири, ходатайствующей перед Артаксерксом,[25] но ее муж протестующе поднял руку:

— Не за что благодарить, дорогая Аделина,

[25] Примечания: 25

По Библии иудейка Эсфирь, жена персидского царя Артаксеркса, вступилась за свой народ, который царь хотел уничтожить, и добилась своего.

совершенно не за что. Таких вещей не должно быть в Нью-Йорке, и не будет, покуда это в моей власти, — произнес он с царственной снисходительностью, провожая родственников к дверям.

Два часа спустя каждому стало известно, что четырехместное ландо с С-образными рессорами, в котором миссис ван дер Лайден выезжала подышать воздухом в любое время года, видели у дверей старой миссис Минготт, где был вручен большой квадратный конверт; и что вечером в Опере мистер Силлертон Джексон смог подтвердить, что конверт содержал карточку с приглашением графини Оленской на обед к ван дер Лайденам в честь прибытия на следующей неделе их родственника, герцога Сент-Острея.

Некоторые молодые люди в клубной ложе обменялись при этом объявлении улыбками, взглянув в сторону Лоуренса Леффертса, — небрежно развалясь, он сидел впереди, подергивая свои длинные светлые усы, и авторитетно заявил, когда сопрано умолкло:

— Никто, кроме Патти,[26] не должен пытаться

---

[26] Примечания: 26

Патти Аделина (1843–1919) — знаменитая итальянская оперная певица.

петь «Сомнамбулу».[27]

[27] Примечания: 27
Опера В. Беллини.

Глава 8

Весь Нью-Йорк сошелся на том, что графиня Оленская «потеряла свой блеск».

В первый раз она появилась здесь в детские годы Ньюланда Арчера очаровательной девочкой лет девяти-десяти, о которой тогда говорили, что она «достойна кисти художника». Ее родители вместе с ней путешествовали по Старому Свету; оба они умерли, и ее тетка, Медора Мэнсон, такая же «странница», взяла девочку и вернулась в Нью-Йорк с намерением начать «оседлую жизнь».

Бедняжка Медора время от времени становилась вдовой и после этого всегда возвращалась в Нью-Йорк, «чтобы начать оседлую жизнь» (каждый раз во все более и более дешевом доме, с новым мужем или с приемным ребенком, но через несколько месяцев она неизменно рвала с мужем или ссорилась со своим подопечным и, избавившись (с неизменным убытком) от дома, снова пускалась в странствия. Поскольку мать ее была из Рашуортов, ее последний брак привел ее в стан сумасшедших Чиверсов — и Нью-Йорк сочувственно смотрел на ее чудачества. Но когда

она вернулась со своей маленькой осиротевшей племянницей, чьи родители пользовались общей любовью, даже несмотря на свою дурацкую страсть к путешествиям, все очень сожалели, что ребенок попал в такие руки.

Каждый старался проявить участие к малышке Эллен Минготт, хотя ее смуглые румяные щечки и густые кудри создавали вокруг нее атмосферу веселья, которая казалась не совсем подходящей для ребенка, должного еще носить траур по родителям. Одной из странностей Медоры было безразличие к американским законам траура, и, когда она сошла с парохода, семья ее была шокирована тем, что ее траурная вуаль была на несколько дюймов короче, чем у ее золовок, а уж малышка Эллен и вовсе была похожа на цыганенка-найденыша в своем шерстяном малиновом платьице с янтарными бусами.

Но Нью-Йорк так давно примирился с выходками Медоры, что только несколько старых дам покачали головами при виде безвкусного наряда малышки Эллен; вся остальная родня была покорена ее веселым расположением духа и ярким румянцем. Это была бесстрашная малютка вполне в семейном минготтовском духе — она атаковала взрослых дерзкими вопросами, шоки-

ровала замечаниями, которые доказывали ее, так сказать, развитость не по годам, и обладала диковинными талантами — танцевала испанский танец с шалью и пела под гитару неаполитанские любовные песни. Под руководством своей тетушки (вообще-то в настоящее время ее имя было миссис Торли Чиверс, но, получив разрешение папы римского на дворянский титул, она снова стала называть себя по имени первого мужа маркизой Мэнсон, видимо потому, что в Италии его было легко переделать в Манцони) Эллен получила дорогое, хотя и беспорядочное, образование. Она занималась рисованием с натуры (что было дотоле неслыханно!), а музицировала так, что могла исполнять партию фортепиано в квинтете с профессиональными музыкантами.

Конечно, к добру это привести не могло; и когда несколько лет спустя бедный Чиверс наконец закончил свои дни в сумасшедшем доме, его вдова, облаченная в необычный траур, снова сорвалась с места и уехала вместе с Эллен, превратившуюся к тому времени в высокую худенькую девушку с очень красивыми глазами. Некоторое время о них ничего не было слышно; затем просочились слухи о браке Эллен с невообразимо богатым и знаменитым польским аристократом, с которым

она познакомилась на балу в Тюильри. Говорили, что он имел королевские апартаменты в Париже, Ницце и Флоренции, яхту в Каузе[28] и огромные охотничьи угодья в Трансильвании. Она исчезла в каком-то огненном вихре, и когда через несколько лет Медора снова вернулась в Нью-Йорк, поникшая, обедневшая, в трауре по третьему мужу, и стала искать себе домик еще меньших размеров, никто не понимал, почему ее богатая племянница не может помочь ей. Затем возникла весть о том, что брак Эллен закончился катастрофой и что она сама возвращается домой искать покоя и забвения среди родни.

Мысли эти пронеслись в мозгу Ньюланда Арчера, когда неделей позже, тем вечером, на который и был назначен торжественный обед, он наблюдал появление графини Оленской в гостиной ван дер Лайденов. Испытание было серьезным, и он с некоторой тревогой ожидал, как она выдержит его. Она слегка запоздала и вошла в гостиную, застегивая браслет, не надев на одну руку перчатку; но ни малейшего следа неловкости или поспешности при виде гостиной, в которую все входили с благоговейным трепетом, не отрази-

---

[28] Примечания: 28
Курорт на острове Уайт (в Англии).

лось на ее лице.

В центре гостиной она остановилась, улыбаясь одними глазами: и в этот миг Ньюланд Арчер отверг общий приговор ее внешности. Да, она не лучилась весельем, как раньше. Краска на щеках слегка поблекла, она была худа, выглядела усталой и казалась старше своих — около тридцати — лет. Но было что-то завораживающее в ее таинственной красоте — в непринужденной посадке головы, в движении глаз, которые приковали к себе его взгляд привычным, уверенным, без малейшего намека на наигранность, выражением властной силы. Манеры ее были столь изысканно просты, что большинство присутствующих на обеде дам, как потом рассказала ему Джейни, были разочарованы — она показалась им недостаточно «шикарной». Это, скорее всего, объяснялось тем, решил Арчер, что та, ранняя, присущая ей живость исчезла; она была само спокойствие — спокойные движения, спокойная манера говорить, спокойные тона низкого глуховатого голоса. Нью-Йорк ожидал чего-то более яркого от женщины с такой репутацией.

Обед был невыносимо торжественным. Обедать у ван дер Лайденов всегда было делом тяжелым, но обед в честь герцога-кузена превратился в

некое священнодействие. Арчера посетила приятная мысль, что только «старый» представитель нью-йоркского света может уловить ту тонкую грань, которая отличала бы прием в Нью-Йорке просто герцога от герцога ван дер Лайденов. Просто «странствующих» аристократов Нью-Йорк принимал с неким недоверчивым высокомерием; но если они обладали подобной рекомендацией, их встречали с такой старомодной сердечностью, что они жестоко ошиблись бы, если бы приписали его только своему положению по справочнику «Дебретт».[29] Именно за подобные тонкости Арчер ценил свой добрый старый Нью-Йорк, хотя иногда и подтрунивал над ним.

Ван дер Лайдены сделали все, что могли, чтобы подчеркнуть исключительность происходящего. Чего стоила одна только сервировка! Севрский фарфор дю Лаков и столовое серебро эпохи английского короля Георга II из Тревенны, фамильные сервизы ван дер Лайденов «Лоустоф» Ост-Индской компании и Дагонетов — «Краун Дерби».[30] Миссис ван дер Лайден более чем когда-либо походила на портреты Кабанеля, а

[29] Примечания: 29
Справочник английского дворянства. Первый издатель Д. Дебретт.

[30] Примечания: 30
«Лоустоф» и «Краун Дерби» названия сортов английского фарфора.

миссис Арчер в фамильном ожерелье из мелкого жемчуга и изумрудов напомнила сыну миниатюры Изабе.[31] Все дамы были в своих лучших украшениях, и, как полагалось по такому торжественному случаю, исключительно старинных; а одна из старых миссис Лэннинг, которую удалось уговорить приехать, надела даже камеи своей матери и испанскую шаль.

Графиня Оленская была единственной молодой женщиной за столом; и, скользя взглядом по пухлым немолодым лицам с бриллиантами на шее и страусиными плюмажами на голове, Арчеру вдруг пришло в голову, что по сравнению с Эллен они почему-то все кажутся удивительно инфантильными. Его тревожила мысль о том, что же могло быть причиной такого выражения ее глаз.

Герцог Сент-Острей, сидевший по правую руку хозяйки, был, разумеется, самой важной фигурой на вечере. Но если графиня Оленская была менее заметна, чем можно было надеяться, то герцога совершенно не было видно. Как хорошо воспитанный человек, он не явился (как другой недавний визитер такого же звания) на обед в охотничьей куртке; но его вечерние одежды были потрепаны

---

[31] Примечания: 31

Изабе Ж.-Б. — французский художник-миниатюрист эпохи ампира.

и мешковаты, и он носил их как домашний халат. Его манера сидеть сгорбившись и свесив бороду на манишку также отнюдь не придавала ему вид знатного гостя. Он был невысокого роста, с покатыми плечами, толстым носом, маленькими глазками и дружеской улыбкой; почти все время молчал, а когда что-нибудь говорил своим негромким голосом, расслышать его почти никто не мог, хотя все за столом то и дело умолкали в ожидании слов такого высокого гостя.

Когда мужчины присоединились к дамам после обеда, герцог подошел прямо к графине Оленской; они сели в углу и стали оживленно беседовать. Никому из них не пришло в голову, что герцог должен сначала засвидетельствовать свое почтение миссис Лавел Минготт и миссис Хедли Чиверс, а графине следовало поговорить с милейшим ипохондриком мистером Урбаном Дагонетом с Вашингтон-сквер, который, для того чтобы познакомиться с ней, нарушил строгое правило не выезжать между январем и апрелем. Герцог и графиня беседовали минут двадцать, потом графиня встала, пересекла широкую гостиную и села рядом с Арчером.

Не в правилах Нью-Йорка было дамам на приемах самим переходить от одного джентльмена

к другому. Этикет требовал, чтобы дама сидела неподвижно и ждала, а мужчины, желающие с ней пообщаться, сменяли друг друга возле нее. Но графиня явно не отдавала себе отчета, что что-то нарушила; она удобно устроилась рядом с Арчером и подняла на него глаза, выражающие крайнюю степень доброжелательности.

— Я хотела поговорить с вами о Мэй, — сказала она.

— Вы знали герцога раньше? — вместо этого спросил он.

— О да — обычно каждую зиму мы виделись с ним в Ницце. Он большой картежник и часто бывал у нас дома с этой целью, — сказала она так же просто, как, скажем, могла бы сказать: «он большой любитель полевых цветов»; и после небольшой паузы добавила: — Мне кажется, он скучнейший человек из всех, кого я встречала.

Это так позабавило ее собеседника, что он забыл о неприятном впечатлении от ее ответа на его вопрос. Было так любопытно встретить женщину, которая находит герцога ван дер Лайденов скучным и осмеливается высказать свое мнение. Ему захотелось расспросить ее побольше о жизни, которую внезапно высветили ее небрежные слова, но он боялся напомнить ей о чем-нибудь

тяжелом, и пока собирался с мыслями, она уже вернулась к началу их беседы:

— Мэй так прелестна; я не встретила в Нью-Йорке молодой девушки, такой же красивой и умной. Вы очень в нее влюблены?

— Так, как только может быть влюблен мужчина, — сказал Арчер и засмеялся, покраснев.

Она задумчиво и неотрывно смотрела на него, словно боясь упустить малейший оттенок сказанного им:

— А вы считаете, что этот максимум существует?

— Влюбленности? Если он есть, я его пока не чувствую.

— О, неужели у вас настоящий роман? — горячо выпалила она.

— Самый романтичный из романов!

— Как чудесно! И вы сами нашли друг друга — никто ни капельки не помогал?

Арчер взглянул на нее недоверчиво.

— Разве вы забыли, — сказал он с улыбкой, — что в нашей стране мы сами принимаем подобные решения?

Она сильно покраснела, и он пожалел о своих словах.

— Да, — ответила она, — да, я забыла. Вы долж-

ны прощать мне ошибки, которые я иногда допускаю. Я всегда помню, как здесь все хорошо и как плохо все там — там, откуда я приехала. — Она опустила глаза на свой венецианский веер из орлиных перьев. Губы ее дрожали.

— Простите, — вырвалось у него. — Но теперь вы среди друзей.

— Да, я знаю. Я это чувствую всюду. Вот почему я вернулась домой. Я хочу забыть все остальное, хочу снова стать американкой, как Минготты и Уэлланды или вы и ваша чудесная матушка и все эти собравшиеся здесь милые люди… О, вот и Мэй, и вы сейчас захотите покинуть меня, — добавила она, но не пошевелилась, снова переведя глаза с двери на лицо Арчера.

Комнаты начали наполняться, вбирая в себя следующую партию гостей — к вечернему приему, и, взглянув вслед за графиней Оленской на дверь, он увидел Мэй, которая вместе с матерью входила в гостиную. В белом платье с серебряной отделкой, с венком из серебряных цветов в волосах, высокая девушка напомнила ему Диану,[32] вернувшуюся с охоты.

— О, вы видите, сколько у меня соперников. Она

---

[32] Примечания: 32

Диана в Древнем Риме богиня охоты, воплощение красоты и целомудрия.

просто окружена ими. Ей представляют герцога.

— Тогда останьтесь со мной еще немного, — коснувшись его колена веером, тихо попросила она. От этого легчайшего прикосновения его бросило в дрожь.

— Да, разрешите мне побыть рядом с вами, — ответил он так же тихо, не понимая, что заставило его сказать это; но в эту самую минуту перед ними возникли ван дер Лайден и старый Урбан Дагонет. Графиня приветствовала их своей печальной улыбкой, и Арчер, чувствуя на себе тревожный взгляд хозяина, встал.

Мадам Оленская протянула ему руку, словно прощаясь с ним.

— Итак, я жду вас завтра — после пяти, — сказала она и подвинулась, чтобы мистеру Дагонету было просторнее сидеть.

— Завтра… — Арчер услышал, как подтвердил ее слова, хотя он ничего ей не обещал, а она во время разговора не назначала ему встречи.

Отходя, он отметил, как Лоуренс Леффертс, высокий и великолепный, подходит к графине, чтобы представить ей свою жену, а Гертруда Леффертс, пытаясь изобразить сияющую улыбку, говорит:

— Мне помнится, мы вместе посещали школу

танцев, когда были детьми…

Позади нее, ожидая своей очереди представиться графине, Арчер заметил несколько пар, которые отказались встретиться с ней у миссис Лавел Минготт. Как говорила его мать, если ван дер Лайдены захотят проучить кого-нибудь, они никогда не остановятся на полпути. Оставалось сожалеть, что они делали это очень редко.

Арчер почувствовал, как кто-то коснулся его плеча, и, обернувшись, увидел миссис ван дер Лайден, смотревшую на него с высоты своего величия в черном бархате и фамильных бриллиантах.

— Как великодушно с вашей стороны, милый Арчер, что вы посвятили столько времени мадам Оленской, — вымолвила она. — Я велела Генри прийти к вам на помощь.

Он ответил ей неопределенной улыбкой, и тогда она добавила, сделав вид, что принимает его молчание за проявление застенчивости:

— Я никогда не видела Мэй более очаровательной. Герцог сказал, что она здесь самая красивая.

Глава 9

Графиня Оленская сказала: «после пяти», и, выждав полчаса, Ньюланд Арчер был в дальнем конце Западной Двадцать третьей улицы и звонил в дверь дома с осыпающейся штукатуркой, с мощно разросшейся глицинией, которая изо всех сил карабкалась вверх и почти задушила ветхий чугунный балкон. Этот был дом «бродяжки» Медоры.

Было странно, что она захотела здесь поселиться. Ближайшими соседями ее были дешевые портнихи, ремесленники и «пишущая братия». Еще дальше, вниз по неряшливой улице, в конце замощенной дорожки, Арчер узнал обветшалый дом писателя и журналиста Уинсетта, с которым он иногда встречался. Уинсетт к себе никого не приглашал; но однажды, когда они прогуливались поздно вечером, он показал Арчеру свой дом. Вид этого строения поверг Арчера в легкую дрожь — неужели, спрашивал он себя, и в других столицах несчастные писаки ютятся в таких же жалких лачугах?

Обитель мадам Оленской отличалась от этого дома лишь покрашенными оконными рамами,

и, критически окинув взглядом его скромный фасад, Арчер сказал себе, что, по всей вероятности, польский граф лишил жену не только иллюзий, но и ее состояния.

День для Арчера сложился весьма неприятно. Он завтракал у Уэлландов, надеясь после этого погулять с Мэй в парке. Ему не терпелось побыть с ней наедине, сказать, как очаровательна она была накануне, как он гордился ею, и завести разговор о том, чтобы устроить свадьбу поскорее. Но миссис Уэлланд решительно напомнила, что они не сделали еще и половины родственных визитов, а когда он намекнул, что хотелось бы приблизить день свадьбы, брови ее взметнулись вверх в немом укоре и она сказала со вздохом: «По двенадцать же дюжин белья… каждого… С ручной вышивкой…»

Упаковавшись в семейное ландо, они переезжали от одних родственников к другим, и когда все наконец закончилось, он уехал от невесты с чувством, что его возили напоказ, как дикого зверя, которого хитроумно заманили в капкан. В общем-то он понимал, что, наверное, это лишь привычная демонстрация родственных чувств, а таким мрачным сравнением он обязан чтению трудов по антропологии; но когда он вспомнил,

что Уэлланды не собираются устраивать свадьбу раньше осени, и в красках представил себе свою жизнь до этого времени, то впал в глубокое уныние.

— Завтра, — объявила ему миссис Уэлланд, — мы поедем к Чиверсам и Далласам.

И его вдруг осенило, что они посещают всех родственников в алфавитном порядке и — о ужас! — не добрались еще даже до конца первой четверти алфавита…

Он хотел напомнить Мэй о том, что графиня Оленская попросила — нет, приказала — посетить ее в этот вечер; но в те редкие моменты, когда они оставались наедине, ему столько хотелось сказать ей более важного, что не оставалось времени для бедной графини. Кроме того, сам предмет разговора казался ему слегка абсурдным — разве не Мэй просила его быть повнимательней к кузине? Не это ли ее желание ускорило оглашение помолвки? А раз так, то вовсе не обязательно испрашивать разрешения на визит.

И вот теперь он стоял на пороге ее дома и его разбирало любопытство. Его озадачил тон, которым она его пригласила; ему пришло в голову, что она не так проста, как ему казалось.

Дверь отворила смуглая, иностранного вида, служанка; шейный платок топорщился на ее высокой груди. Чем-то неуловимым она напоминала сицилианку. Она радостно засверкала полным ртом белых зубов, непонимающе помотала головой на все его вопросы и через узкий коридор провела его в тесную гостиную, где горел огонь в камине. Комната была пуста, и служанка убежала, оставив его в недоумении — то ли она пошла за хозяйкой, то ли не поняла, зачем он пожаловал, то ли решила, что он пришел починить часы, — единственные часы, бывшие в комнате, стояли. Он знал, что представители южных наций любят изъясняться жестами, однако ее ужимки и улыбки он не понял и пребывал в крайнем раздражении. Наконец она вернулась с лампой; Арчер, с горем пополам вспомнив что-то из Данте и Петрарки, сложил несколько фраз и получил на них ответ «La signora è fuori; ma verrà subito», что он приблизительно перевел как «она ушла, но скоро вы увидите ее».

Впрочем, пока что перед ним была лишь эта полутемная гостиная, тускло освещенная принесенной лампой, и падающие в ее неярком свете тени придавали комнате неуловимое, своеобразное очарование — она была не похожа ни на одну

из гостиных, в которых ему приходилось бывать. Он знал, что графиня Оленская привезла кое-что из своих вещей — обломки кораблекрушения, как говорила она сама, — и, без сомнения, они и были представлены несколькими небольшими столиками темного дерева, изящной маленькой бронзовой греческой статуэткой на камине и драпировкой из красной камчи, прибитой на выцветшие стены, на которых выделялись две картины, с виду итальянские, в старинных рамах.

Знание итальянского искусства было предметом гордости Ньюланда. Он чуть ли не с детства впитал всего Рескина, читал и новейшие труды в этой области — Джона Эддингтона Саймондса, «Эвфориона» Верной Ли, эссе Хамертона и замечательную книгу Уолтера Патера «Ренессанс» — и свободно рассуждал о Боттичелли, а о Фра Анджелико позволял себе отзываться с некоторым снисхождением. Но картины графини сбили его с толку, они не напоминали ему ни о чем, виденном прежде, тогда, когда он путешествовал по Италии, или, возможно, он не мог сосредоточиться в этом странном пустом доме, куда его пригласили, но явно не ждали. Он пожалел, что не сказал Мэй о приказании графини, и слегка

встревожился при мысли, как бы его невеста тоже не заехала навестить кузину. Что бы она подумала, если бы нашла его здесь, одиноко сидящего в полутьме у чужого камина?

Но, поскольку он уже пришел, он все же решил подождать и, усевшись в кресло, протянул ноги поближе к горящим поленьям.

С ее стороны было довольно странным потребовать, чтобы он пришел, и совершенно позабыть о нем, однако Арчера больше разбирало любопытство, чем досада. Сама атмосфера комнаты была столь отличной от того, к чему он привык, что неловкость, которую он испытывал, исчезла в предвкушении чего-то авантюрного. Ему и раньше попадались гостиные, драпированные красной камчой и с картинами «итальянской школы», но его поразило, что ветхий домик Медоры Мэнсон, взятый внаем, с пожухлой травой и роджеровской скульптурной группкой в глубине двора, одним движением руки и появлением нескольких предметов был преображен в нечто удивительно уютное, «заграничное», смутно навевавшее мысли о сценах из старинных «чувствительных» романов. Он старался понять, в чем тут дело. В расстановке столов и стульев? В том, что изящную вазу у его плеча украшают всего

две розы, тогда как никто в Нью-Йорке никогда не покупает меньше дюжины? В едва ощутимом аромате, который пропитывал все вокруг, не обычном запахе духов, а слегка терпком аромате восточного базара — смеси турецкого кофе, серой амбры и засушенных роз?

Потом он стал думать о том, как обустроит гостиную Мэй. Он знал, что мистер Уэлланд проявил изрядную щедрость, приглядев для них новый особняк на Восточной Тридцать девятой улице. Правда, местность эта была весьма отдаленной, а дом был построен из камня ужасного мертвенного желто-зеленого цвета — его новое поколение архитекторов пыталось «внедрить в жизнь», протестуя против коричневого песчаника, из-за которого весь Нью-Йорк казался затопленным холодным шоколадным кремом. Впрочем, зато водопроводная система там была образцовой. Арчер хотел отправиться в свадебное путешествие и отложить решение о покупке дома, но хотя Уэлланды и одобряли длительный медовый месяц в Европе (возможно, даже с зимой в Египте), они настаивали, чтобы молодожены вернулись в собственный дом. Молодой человек чувствовал, что его судьба решена: всю оставшуюся жизнь он обречен каждый вечер касаться рукой чугунных

перил у подъезда дома из желто-зеленого камня, а из вестибюля с фресками в стиле древних Помпеи проходить в холл, украшенный панелями из лакированного желтого дерева. На этом картины в его воображении обрывались. Он знал, что наверху находится гостиная с глубоким оконным выступом, но он не представлял, как Мэй захочет оформить ее. В своей нынешней обители она спокойно выносила в гостиной смесь пурпурного атласа, отделанного желтыми кистями, столиков Буля и позолоченных стеклянных шкафов с пышным саксонским фарфором. У него не было основания полагать, что в своем доме она сделает все по-другому; он лишь лелеял надежду, что она позволит ему оформить хотя бы библиотеку — он предвкушал, как обставит ее настоящим «истлейком»[33] и простыми незастекленными книжными шкафами.

Появилась полногрудая служанка, задернула занавески, перемешала поленья в камине и что-то ободряюще пробормотала. Когда она вышла, Арчер встал и зашагал по комнате. Следует ли ему ждать далее? Его положение становилось дурацким. Возможно, он неправильно понял

[33] Примечания: 33

Строгая мебель машинной работы. Именуется в честь английского искусствоведа Г.-Л. Истлейка.

Оленскую и она вовсе не приглашала его?

Внизу за окном на булыжной мостовой послышался стук копыт и замер у крыльца; затем хлопнула дверца кареты. Раздвинув занавески, он выглянул в окно, где сгустились сумерки. В свете уличного фонаря он увидел добротную английскую коляску Джулиуса Бофорта, запряженную чалой лошадью. Банкир вышел из нее и помог выбраться мадам Оленской.

Бофорт стоял, со шляпой в руке, и о чем-то просил Оленскую, на что, похоже, получил отрицательный ответ; затем они пожали друг другу руки, после чего он сел в карету, а она поднялась по ступенькам.

Увидев Арчера в гостиной, она не выказала удивления; было очевидно, что это чувство не было для нее характерным.

— Как вам понравился мой чудный домик? — спросила она. — Для меня это просто рай.

С этими словами она развязала ленты небольшой бархатной шляпки и бросила ее в сторону вместе с длинной накидкой, глядя на него задумчивыми глазами.

— Вы чудесно устроились, — привычно-банально отозвался он, желая сказать что-то простое и остроумное, но не в состоянии взломать рамки

светской любезности.

— О, это не слишком приятное место. Мои родственники презирают его. Но в любом случае оно не такое мрачное, как дом ван дер Лайденов.

Эти слова словно током поразили его; не много бы нашлось мятежных умов, которые бы осмелились назвать величественный дом ван дер Лайденов мрачным! Удостоившиеся высокой чести быть там принятыми с трепетом пересекали его порог и отзывались о нем не иначе как с восхищением. Но Арчер внезапно обрадовался такой трактовке всеобщего трепета.

— То, что вы сделали с этим местом, просто восхитительно, — снова пробормотал он.

— Я люблю небольшие дома, — призналась она, — а может быть, мне просто доставляет неизъяснимое блаженство то, что я в родной стране, в родном городе и что я в нем совершенно одна.

Она говорила так тихо, что он едва расслышал ее последние слова; но, от смущения и неловкости, подхватил их:

— Вы так любите быть одна?

— Да. Тем более, что мои друзья не дают мне чувствовать себя одинокой. — Она села у огня, сказав: — Настасья сейчас принесет чаю. И,

жестом пригласив его занять свое кресло, добавила: — Я вижу, вы уже нашли себе уютный уголок.

Откинувшись назад, она сомкнула руки за головой и из полуопущенных век стала смотреть в огонь.

— Это время дня я люблю больше всего — а вы?

Чувство собственного достоинства заставило его ответить:

— Боюсь, что Бофорт настолько завладел вашим вниманием, что вы позабыли об этом.

Это высказывание ее позабавило.

— Да ну, разве вы долго ждали? Мистер Бофорт показал мне несколько домов — я думаю, что мне не позволят остаться в этом месте. — Казалось, она тут же выкинула из головы и его, и Бофорта и продолжала: — Я никогда не жила в городе, где бы считалось невозможным поселиться в эксцентричном квартале. Не все ли равно, где жить? Мне сказали, эта улица вполне приличная.

— Она не в моде.

— Не в моде! Вы придаете этому значение?

Почему бы не установить собственную моду? Но вероятно, я уже привыкла жить независимо. Во всяком случае, теперь, здесь, я хочу делать то же, что и все; хочу чувствовать, что обо мне

заботятся и что я в безопасности.

Он был тронут, как и накануне, когда она сказала, что нуждается в его советах.

— Это именно то, чего желают все ваши друзья, — сказал он и добавил не без сарказма: — Впрочем, Нью-Йорк — удивительно безопасное место.

— Да, не правда ли? Это сразу чувствуется, — с готовностью подхватила она, не замечая насмешки. — Я чувствую себя здесь… словно девочка на каникулах, хорошая девочка, у которой сделаны все уроки…

Аналогия была ему понятна, хотя и не слишком приятна. Сам он был не прочь поиронизировать, говоря о Нью-Йорке, но не любил, когда другие отзываются о нем без должного почтения. Он подумал, поняла ли она, что это — мощная машина, которая чуть не раздавила ее? Званый обед у Лавел Минготтов, собранный in extremis[34] из весьма разнородной публики, должен был заставить ее ощутить, что она на краю пропасти; но, судя по всему, она либо вообще этого не поняла, либо триумф на вечере у ван дер Лайденов застлал ей глаза. Арчер склонялся к первому; он

---

[34] Примечания: 34
На скорую руку (лат.).

подумал, что, видимо, она воспринимает Нью-Йорк как единое целое, и это его раздосадовало.

— Вчера вечером, — сказал он, — Нью-Йорк лежал у ваших ног. Ван дер Лайдены ничего не делают наполовину.

— О, они так добры! Был такой славный вечер. Как их все уважают.

Похоже, она действительно не воспринимала обстоятельства адекватно. Так можно было говорить о чаепитии у славных старушек Лэннинг!

— Ван дер Лайдены, — медленно произнес Арчер, ощущая некую напыщенность своей речи, — самая влиятельная семья в нью-йоркском обществе. К сожалению — из-за плохого здоровья миссис ван дер Лайден, — они принимают крайне редко.

Она расцепила руки, на которые опиралась головой, и задумчиво спросила:

— Может, в этом и причина?

— Причина чего?

— Их огромного влияния. То, что они превратились в некий реликт.

Слегка покраснев, он уставился на нее, но внезапно понял всю глубину ее замечания. Одним движением она проколола ван дер Лайденов, как воздушный шарик иголкой, и они лопнули. Он

рассмеялся, сдаваясь и принося их в жертву.

Настасья принесла чай в японских чашечках без ручек на маленьких блюдечках, поставив поднос на низкий столик.

— Вы постараетесь объяснить мне все, что я должна знать, не правда ли? — сказала мадам Оленская, наклоняясь к нему, чтобы поставить перед ним чашку.

— Это вы мне все объясняете, открывая глаза на вещи, на которые я смотрел так долго, что перестал их видеть в истинном свете.

Она сняла с одного из своих браслетов маленький золотой портсигар и протянула ему, взяв папиросу и себе. На камине лежали длинные лучины для раскуривания.

— О, тогда мы будем помогать друг другу. Но я нуждаюсь в помощи гораздо больше. Вы должны научить меня, что мне делать.

Ответ вертелся у него на кончике языка — «Не катайтесь по улицам с Бофортом», — но он уже так глубоко погрузился в атмосферу этого дома, а давать подобные советы — все равно что предлагать торговцу розовым маслом на самаркандском базаре непременно запастись теплыми ботами для нью-йоркской зимы. Нью-Йорк в эту минуту был для Арчера гораздо дальше, чем Самарканд,

и если они с графиней и в самом деле могли помочь друг другу, она, возможно, уже оказала ему первую услугу, заставив взглянуть на родной город объективно. Арчер смотрел на него сейчас словно в перевернутый телескоп, и он казался ужасающе маленьким и далеким. Но ведь так и должно быть, когда смотришь из Самарканда.

Пламя в камине вспыхнуло, и она протянула тонкие руки ближе к огню так, что слабый ореол засиял вокруг овальных ногтей. Красноватый отблеск огня играл на ее темных локонах, выбившихся на висках из прически, и делал ее бледное лицо еще бледнее.

— Есть много людей, которые объяснят вам, что делать, — сказал он, смутно завидуя им.

— А, мои тетушки? Или моя дорогая старушка бабушка? Она старалась беспристрастно оценить эту мысль. — Все они не очень довольны, что я поселилась одна, — особенно бедная бабушка. Она бы хотела держать меня при себе. Но я хочу свободы.

Арчер был поражен, как небрежно она говорит о могущественной Екатерине, и его взволновала мысль о том, что же заставило мадам О ленскую жаждать свободы и одиночества. Но мысль о Бофорте не покидала его.

— Я думаю, что понимаю ваши чувства, — сказал он. — Но все же ваша семья может кое-что посоветовать вам. Объяснить некие тонкости — например, указать путь.

Она подняла тонкие черные брови. — Неужели Нью-Йорк такой уж лабиринт? Я думала, он прямой от начала до конца — как Пятая авеню. И каждая поперечная улица пронумерована… — Казалось, она вдруг почувствовала, что ему не слишком приятны ее слова, и редкий гость — улыбка — скользнула на ее лицо, волшебно озарив его. — Если бы вы знали, как я люблю его именно за ЭТО — чертежную точность и крупные заметные вывески на всем!

Он ухватился за это.

— Ярлыки могут быть на предметах, но не на людях.

— Может быть. Наверное, я все упрощаю — поправьте меня, если так. — Она перевела глаза с огня на него. — Здесь есть только два человека, которые понимают меня и могут мне что-нибудь объяснить, — вы и Бофорт.

Арчер поморщился от подобного соседства, но смирился с ним из тонкой смеси чувств понимания, симпатии и жалости. Что же пришлось ей испытать, если ей легче дышалось здешним

воздухом? Но раз она считает, что он понимает ее, его долг раскрыть ей глаза на Бофорта, чтобы она поняла, что за ним стоит, и возненавидела его.

— Я понимаю, — мягко сказал он. — Но все-таки не отталкивайте помощь своих старинных друзей — я имею в виду старых дам: вашу бабушку, миссис Уэлланд, миссис ван дер Лайден. Они любят вас и хотят вам помочь.

Она покачала головой и вздохнула:

— Да, я знаю: знаю. Но при условии, что они не услышат ничего неприятного. Тетушка Уэлланд именно так и выразилась, когда я попыталась… Разве здесь никто не хочет знать правды, мистер Арчер? Настоящее одиночество это жить именно с этими добрыми людьми, которые только и просят, чтобы вы притворялись! — Она закрыла лицо руками, и он увидел, как ее тонкие плечи вздрогнули от рыданий.

Мадам Оленская! Эллен! Не надо, вскричал он, поднявшись с места и склонившись над ней. Он взял ее руку и стал гладить ее, как ребенка, бормоча слова утешения, но она тут же ее отняла и взглянула на него, подняв мокрые ресницы.

— Здесь ведь никто не плачет? Впрочем, здесь, в раю, в этом нет нужды, — сказала она, горько рассмеявшись, и, поправляя волосы, наклонилась

над чайником. Он внезапно осознал, что назвал ее по имени, даже дважды, но она, казалось, не заметила этого. Перед ним вдруг возник — размытый, в белом платье — образ Мэй, но он был далеко, в перевернутом телескопе, там, где все еще оставался Нью-Йорк.

Внезапно дверь отворилась, и в нее просунулась голова Настасьи, что-то быстро воркующей по-итальянски.

Мадам Оленская, снова поправляя прическу, воскликнула утвердительно: «Gia, gia!» — ив комнате немедленно возникли герцог Сент-Острей, которого сопровождала облаченная в меха крупная дама с пучком красных перьев в черном парике.

— Дорогая графиня, я привел вам мою старинную приятельницу, миссис Стразерс. Она не была приглашена на вчерашний прием и хочет познакомиться с вами.

Герцог одарил всех своим сиянием, и госпожа Оленская приветствовала странную пару. Ее явно не трогало ни то, как мало они подходили друг другу, ни то, что герцог совершил некую вольность, приведя сюда свою спутницу. Впрочем, вынужден был отметить Арчер ради справедливости, герцог и сам явно этого не понимал.

— Конечно, я хочу познакомиться с вами, дорогая, — прогромыхала миссис Стразерс. Голос ее как нельзя лучше гармонировал с немыслимым париком и яркими перьями в плюмаже. — Я хочу быть знакома с каждым, кто молод, интересен и очарователен. Герцог сказал мне, что вы любите музыку, — не правда ли, герцог? Вы ведь и сами музицируете, дорогая? Хотите послушать завтра вечером Сарасате?[35] Он будет играть у меня дома. Вы знаете, я всегда что-нибудь устраиваю в воскресные вечера — по воскресеньям Нью-Йорк никогда не знает, чем себя занять, вот я и провозглашаю: «Приходите и веселитесь!» Герцог подумал, что вас можно соблазнить Сарасате. Вы встретите уйму знакомых.

Лицо мадам Оленской расцвело от удовольствия.

— Чудесно! Как мило со стороны герцога вспомнить обо мне! — Она подвинула кресло к чайному столику, и миссис Стразерс с наслаждением погрузила в него свое тело. — Конечно, я буду рада приехать.

— Прекрасно, моя дорогая. И прихватите с собой вашего молодого джентльмена. — Миссис

---

[35] Примечания: 35
Сарасате П. де (1844–1908) — испанский скрипач.

Стразерс дружелюбно протянула Арчеру руку. — Я никак не вспомню вашего имени, но уверена, что видела вас где-нибудь — я знакома со всеми, здесь или в Париже и Лондоне. Вы, случаем, не дипломат? Все дипломаты заглядывают ко мне. Вы тоже любите музыку? Герцог, непременно прихватите его с собой.

Из глубин герцогской бороды послышалось: «Разумеется!» — и Арчер, отвесив чопорный общий поклон, удалился с неприятным ощущением в позвоночнике, которое он испытывал когда-то давно, будучи школьником, в присутствии равнодушных и невнимательных взрослых по причине своей природной застенчивости.

Он ничуть не жалел о таком завершении своего визита к графине — жаль только, что это не произошло раньше, тогда бы он был избавлен от неуместного проявления чувств. Как только он вышел в холодную ночь, Нью-Йорк снова сделался огромным и безбрежным, а Мэй Уэлланд — самой очаровательной из всех женщин. Он завернул в цветочный магазин, чтобы, как и каждый день, послать ей ландышей, — к своему удивлению, он забыл это сделать утром.

Нацарапав на карточке несколько слов, он ждал, когда ему подадут конверт. Он оглядел ма-

газин, и взгляд его остановился на букете желтых роз. Он никогда не встречал роз такого солнечно-золотистого цвета, и его первым движением было послать их Мэй вместо ландышей. Но они не подошли бы ей — что-то слишком пышное, сильное было в их огненной красоте. И во внезапном порыве, почти не понимая, что делает, он велел продавцу положить их в другую коробку, сунул свою карточку во второй конверт, на котором написал имя графини Оленской, затем, уже направившись к выходу, вернулся и вытащил карточку из конверта.

— Вы отправите их немедленно? — спросил он, указывая на розы.

Продавец уверил его, что будет именно так.

Глава 10

На следующий день он убедил Мэй ускользнуть после ленча на прогулку в парк. По стародавнему обычаю епископального Нью-Йорка, по воскресным дням она всегда ходила с родителями в церковь, но сегодня ей удалось упросить мать сделать для нее исключение. Миссис Уэлланд проявила снисходительность потому, что Мэй согласилась удлинить время помолвки, чтобы успеть приготовить надлежащее количество белья с ручной вышивкой в приданое.

День был прекрасный. Над сводом сомкнувшихся вдоль аллеи обнаженных крон деревьев сияло лазурное небо, а внизу лежал снег, сверкая осколками кристаллов. Сама погода подчеркивала лучистую красоту Мэй, и она разрумянилась, словно клен от первых заморозков. Взгляды, которыми ее провожали, наполнили Арчера гордостью, и радость обладания подобным сокровищем заглушила неясные микроскопические сомнения.

— Как чудесно, просыпаясь каждое утро, чувствовать аромат ландышей! — сказала она.

— Каюсь, вчера они запоздали. Совершенно не

хватило утром времени.

— То, что вы каждый день вспоминаете о них, мне нравится гораздо больше, чем если б вы сделали ежедневный заказ и они появлялись в точно назначенный час, словно учитель музыки. Так было у Гертруды Леффертс, когда она только обручилась с Лоуренсом.

Арчер засмеялся ее остроте. Глядя сбоку на ее румяную как яблоко щеку, он почувствовал себя таким счастливым и уверенным в себе, что решительно произнес:

— Вчера, когда я посылал вам ландыши, я увидел роскошные желтые розы и послал их графине Оленской. Правильно я сделал?

— Как это чудесно! Она очень любит цветы. Странно, что она забыла упомянуть об этом — она сегодня завтракала с нами и рассказала, что Бофорт прислал ей чудесные орхидеи, а ван дер Лайдены — целую корзину гвоздик из Скайтерклиффа. Она была приятно удивлена. Разве в Европе дамам не посылают цветы? Она считает этот обычай чудесным.

— О, очевидно, впечатление от моих цветов погибло в тени бофортовских орхидей, — с досадой сказал Арчер. Потом он вспомнил, что сам вытащил карточку, и пришел в раздражение

оттого, что вообще заговорил о них. Он хотел добавить: «Я заглянул вчера к вашей кузине», — но заколебался. Раз графиня не упомянула о его визите, будет неудобно, если он это сделает. Однако умолчание придавало этому событию какой-то неприятный оттенок таинственности. И, чтобы сменить тему, он заговорил об их общих планах, о будущем, о «долгой помолвке» — настойчивом желании миссис Уэлланд.

— Такая ли уж она долгая! Вон Изабель Чиверс и Реджи были помолвлены два года, а Грейс и Торли — почти полтора. Разве мы не в лучшем положении?

Это было обычное кокетство невесты, и, к своему стыду, оно показалось ему неуместно детским. Конечно, она повторяет чьи-то слова, но ведь ей уже скоро двадцать два. Интересно, когда «порядочные» женщины начинают выражать свои собственные мысли собственными словами?

«Наверное, никогда, раз мы сами не позволяем им», — подумал он и вспомнил свой сумасшедший всплеск, так удививший Силлертона Джексона: «Женщины должны быть так же свободны, как и мы».

Скоро он снимет повязку с этих прекрасных юных глаз и заставит их взглянуть на мир. Но

сколько поколений женщин легли в фамильные гробницы, так и не сняв ее? Он слегка содрогнулся, вспомнив о всех этих новых идеях в научных книгах, и особенно о кентуккийской пещерной рыбе, у которой атрофируется зрение, потому что она не пользуется глазами. Что, если он велит Мэй открыть глаза, а они смогут лишь наивным взглядом смотреть в пустоту?

— Нам могло быть еще лучше. Мы могли бы отправиться в путешествие и быть только вдвоем.

Ее лицо вспыхнуло.

— О, как это было бы чудесно, — призналась она — ей бы, конечно, тоже хотелось этого. Но ее мать никогда бы не одобрила их стремление поступать не как все.

— Но мы и есть «не как все», это же само собой разумеется! — настаивал Арчер.

— Ах, Ньюланд! Вы такой необыкновенный! — воскликнула Мэй.

У него сжалось сердце, ибо он вдруг подумал, что он говорит ей вещи, которые все женихи говорят в этих случаях, и ее ответы — вплоть до эпитета «необыкновенный» — тоже продиктованы ей традициями и инстинктом.

— Необыкновенный? Мы все похожи друг на друга, как куклы, вырезанные из сложенного в

несколько раз листа бумаги. Мы словно узор на стене, нарисованный по трафарету. Разве мы не можем поступать по-своему, Мэй?

Он в возбуждении остановился и взглянул ей в глаза — она смотрела на него с нескрываемым восхищением.

— Господи, так что же нам делать — бежать и тайно обвенчаться? — засмеялась она.

— О, если бы!

— Ньюланд! Неужели вы и вправду так меня любите? Ах, как я счастлива!

— Но почему мы не можем стать еще счастливее?

— Не можем же мы вести себя как в романах?

— Но почему? Почему? Почему?

Казалось, ей наскучила его настойчивость. Она прекрасно знала, что ничего этого сделать невозможно, но приводить доводы было бы слишком утомительно.

— Я недостаточно умна, чтобы спорить с вами. Но ведь поступки такого сорта… они просто неприличны… не так ли? — спросила она, радуясь, что нашла слово, которое закроет тему.

— А вы так боитесь нарушить приличия?

Было очевидно, что этот вопрос ошеломил ее.

— Разумеется, боюсь — так же, как и вы, — с

некоторой досадой сказала она.

Он стоял молча, нервно постукивая тростью по голенищам сапог. Чувствуя, что она нашла удачный способ закончить спор, Мэй продолжила беспечным тоном:

— О, знаете, я ведь показала Эллен ваш подарок. Она сказала, что она никогда не видела подобной оправы. Сказала, что такого прекрасного кольца нет даже на рю де ля Пэ![36] Ньюланд, у вас такой тонкий вкус!

Джейни пришла повидать Арчера следующим вечером, перед обедом, когда он в мрачном настроении курил у себя в кабинете. Он не заглянул в этот день, как обычно, в клуб по дороге с работы, где служил юристом, не особенно, впрочем, утруждая себя, как и было принято в среде состоятельных ньюйоркцев. Он был не в духе — мысль, что он ежедневно, в один и тот же час, делает одно и то же, сверлила его мозг.

— Однообразие, вечное однообразие, — бормотал он, и это слово непрерывно звучало в его голове, когда он, как всегда, подъехал к клубу в определенный час, и, увидев знакомые фигуры в цилиндрах за зеркальными стеклами, внезапно

---

[36] Примечания: 36
Улица в Париже, где много ювелирных магазинов.

развернулся и проехал прямо домой. Он знал не только возможную тему предстоящей беседы в клубе, но и то, кто и каким образом будет выступать. Главной темой будет, конечно, герцог; но, несомненно, подробно будет обсуждаться и появление на Пятой авеню златоволосой особы в небольшой коляске канареечно-желтого цвета, запряженной парой невысоких гнедых, которые, как все полагали, имели прямое отношение к Бофорту. Таких «дамочек» в Нью-Йорке было мало, а уж разъезжающих в собственных колясках и того меньше; и появление мисс Фанни Ринг на Пятой авеню в час прогулок великосветской публики глубоко взволновало все общество. Только вчера ее коляска проехала мимо кареты миссис Лавел Минготт, и та, тотчас же дернув за колокольчик, приказала кучеру повернуть обратно к дому. «Что, если бы это случилось с миссис ван дер Лайден?» — спрашивали все друг друга с ужасом. Арчер мог бы поклясться, что сейчас, в эту самую минуту, Лоуренс Леффертс в клубе произносит речь о разложении общества.

Он неприветливо вскинул глаза, когда Джейни вошла, и тут же снова опустил их в книгу (только что вышедший «Шателяр» Суинберна), словно он и не видел ее. Она взглянула на заваленный кни-

гами письменный стол, открыла том «Забавных историй»,[37] скорчила гримаску из-за архаического французского и вздохнула:

— Какие ученые книги ты читаешь!

— Ну? — спросил он, посмотрев на сестру, которая застыла рядом с видом Кассандры.[38]

— Мама очень рассердилась.

— Рассердилась? На кого? За что?

— Только что заезжала мисс Софи Джексон. Передала, что вечером заедет брат. Она почти ничего не сказала, потому что он хочет сам рассказать все в деталях. Сейчас он поехал к ван дер Лайденам.

— Ради всех святых, Джейни. О чем ты толкуешь? Сам Господь не разобрался бы. Давай по порядку с самого начала.

— Сейчас не время богохульствовать, Ньюланд… Мама и так переживает, что ты не ходишь в церковь…

Арчер издал глубокий стон и снова погрузился в книгу.

— Ньюланд! Послушай, это очень важно. Твоя приятельница Оленская была вчера в гостях у

---

[37] Примечания: 37
Сборник новелл Бальзака.

[38] Примечания: 38
Прорицательница, предсказаниям которой никто не верил.

миссис Лемюэл Стразерс; она ездила туда с герцогом и Бофортом.

Последние слова сестры неожиданно ввергли его в такое бешенство, что он коротко рассмеялся, чтобы подавить его.

— И что такого? Я знал, что она собирается туда.

Джейни побледнела и вытаращила глаза:

— Ты знал — и не остановил ее? Не предостерег?

— Не остановил? Не предостерег? — Он снова засмеялся. — Разве я собираюсь на ней жениться? — Собственное фантастическое предположение как-то странно зазвенело у него в ушах.

— Но ты войдешь в ее семью.

— О, семья, семья! — презрительно-насмешливо изрек он.

— Ньюланд! Тебя не заботит честь семьи?

— Ничуть.

— И даже то, что подумает тетя Луиза ван дер Лайден?

— Абсолютно — пусть эту чепуху перемалывают старые девы.

— Мама не старая дева, — поджав губы, выдавила его девственная сестрица.

Ньюланд чуть не выкрикнул в ответ: «И она, и

ван дер Лайдены, и все мы превращаемся в старых дев, стоит лишь чуть-чуть соприкоснуться с реальностью!» — но, увидев, что ее длинное кроткое лицо вот-вот сложится в гримасу плача, он устыдился своего бесполезного гнева.

— Да бог с ней, с Оленской, Джейни. Хватит болтать глупости. Я же не ее опекун.

— Конечно нет. Но ведь ты сам ускорил помолвку, чтобы поддержать ее; если бы не это, тетя Луиза никогда бы не пригласила ее на обед в честь герцога.

— Ну и что произошло плохого? Она была самой роскошной дамой на этом обеде; благодаря ей обед у ван дер Лайденов не был похож на заупокойную мессу, как это обычно бывало.

— Но ты же знаешь, что дядя Генри сделал это только ради тебя — уговорил тетю Луизу и послал приглашение. А сейчас они так расстроены, что немедленно возвращаются в Скайтерклифф. Я думаю, Ньюланд, тебе нужно спуститься. Ты не представляешь, в каком состоянии мама.

Ньюланд нашел мать в гостиной. Она подняла глаза от вышивания и спросила:

— Джейни тебе рассказала?

— Да. — Он постарался сказать это как можно более сдержанно. — Но я не могу принимать это

всерьез.

— Даже тот факт, что кузина Луиза и кузен Генри оскорблены?

— Чем? Тем, что графиня Оленская посетила дом, в котором живет женщина, ездить к которой считается не совсем приличным?

— СЧИТАЕТСЯ?

— Ну ладно, пусть так и есть. Но у нее можно послушать хорошую музыку по воскресным вечерам, когда Нью-Йорк умирает от скуки.

— Хорошую музыку? Насколько мне известно, там была женщина, которая вскочила на стол и распевала песенки, как в известных домах в Париже. Там курили и пили шампанское.

— Но… такие вещи делаются и в других местах, а мир все еще не рухнул.

— Значит, французский образ жизни тебе по вкусу?

— Мама, ну вспомни, как тебе было скучно в Лондоне!

— Нью-Йорк — не Париж и не Лондон.

— О, разумеется нет! — простонал Ньюланд.

— По-видимому, ты имеешь в виду, что наше общество не столь блестяще. Может быть, ты и прав, но мы принадлежим именно к нему, и люди пришлые должны уважать наши правила,

коль скоро они находятся среди нас. Особенно Эллен Оленская: мне кажется, именно от той жизни, которую ведут в блестящем обществе, она и сбежала.

Ньюланд не ответил, и после некоторой паузы его мать продолжала:

— Я сейчас надену шляпку, и мы с тобой отправимся ненадолго к кузине Луизе. — Видя, что он нахмурился, она поспешно продолжила: — Ты мог бы объяснить ей то, что не раз говорил, — что общество в Европе не такое, как у нас… люди там менее разборчивы и мадам Оленская, видимо, не понимает, как мы относимся к подобным вещам… Ты ведь и сам знаешь, дорогой, — добавила она с невинным лукавством, — это ведь только в интересах мадам Оленской.

— Мама, дорогая, я вообще не понимаю, какое нам до всего этого дело. Герцог отвез О ленскую к миссис Стразерс — кстати говоря, он сам привез ее познакомиться с графиней, я был при этом. Если ван дер Лайдены ищут виновника скандала, им следует поискать в собственном доме.

— Скандала? Ты когда-нибудь слышал, чтобы твой дядя Генри скандалил? Кроме того, герцог их гость, к тому же иностранец. От иностранцев никто ничего не требует — как это возможно?

Графиня Оленская своя и поэтому должна уважать чувства ньюйоркцев.

— Что ж, если им нужна жертва, ты можешь бросить им на съедение мадам Оленскую! — воскликнул Арчер с досадой. — Я только не понимаю, при чем тут я, да и ты тоже.

— Разумеется, ты стоишь на точке зрения Минготтов, — сказала мать обиженным тоном, который всегда означал, что она вот-вот рассердится.

Угрюмый дворецкий раздвинул портьеры в гостиной и объявил:

— Мистер Генри ван дер Лайден.

Миссис Арчер уронила иглу и дрожащей рукой подвинула стул.

— Еще одну лампу! — прокричала она вслед слуге, а Джейни наклонилась, чтобы поправить ей чепец.

Фигура мистера ван дер Лайдена появилась на пороге, и Арчер поднялся навстречу дяде.

— Мы как раз беседовали о вас, сэр, — сказал он.

Мистер ван дер Лайден, казалось, был удивлен этим известием. Он снял перчатку, чтобы пожать руку дамам, и, пока Джейни пододвигала ему кресло, Арчер продолжил:

— И о графине О ленской.

Миссис Арчер побледнела.

— Ах, она очаровательная женщина. Я только что от нее, — сказал мистер ван дер Лайден благодушно. Он устроился в кресле, положил цилиндр и перчатки, по старинному обычаю, рядом с собой на пол и продолжал: — Она так умеет расставить цветы — это просто талант. Я послал ей гвоздики из Скайтерклиффа и сегодня был просто поражен. Вместо того чтобы охапками свалить их в вазы, как делает наш садовник, она разбросала их там и сям, понемногу. Я даже не могу объяснить как. Это герцог велел мне съездить. Он сказал: «Съезди посмотри, с каким вкусом она обставила свою гостиную». Это именно так. Я бы с удовольствием свозил к ней и Луизу, если бы не разное неприятное соседство.

Во все время этого совершенно несвойственного мистеру ван дер Лайдену словоизвержения в гостиной стояла мертвая тишина. Миссис Арчер достала свое вышивание из корзинки, куда перед этим его нервно сунула. При свете внесенной второй лампы Ньюланд увидел застывшее от изумления лицо Джейни.

— Дело в том, — продолжал мистер ван дер Лайден, поглаживая длинную ногу своей бескров-

ной рукой, которую сильно отягощало огромное кольцо с печаткой патрона, — дело в том, что я заехал поблагодарить ее за прелестную записку, которую она написала мне, получив мои цветы, а также — но это между нами, конечно, — по-дружески предупредить ее, чтобы она не позволяла герцогу возить ее по гостям. Не знаю, слышали ли вы…

Миссис Арчер позволила себе снисходительно улыбнуться:

— Разве герцог возил ее в гости?

— Вы же знаете этих английских вельмож. Они все одинаковы. Мы с Луизой очень любим нашего кузена, но безнадежно ожидать от людей, которые крутятся при европейских дворах, что они будут вникать в наши маленькие тонкости. Герцог ездит туда, где можно развлечься. — Мистер ван дер Лайден сделал паузу, но никто не шелохнулся. — Да, кажется, вчера он ездил к некоей миссис Лемюэл Стразерс. Силлертон Джексон только что был у нас и рассказал глупейшую историю, которая немного огорчила Луизу. Поэтому я поехал прямо к Эллен Оленской и объяснил — вы понимаете, намеками, разумеется, — как мы в Нью-Йорке относимся к подобным вещам. Я чувствовал, что это возможно сделать… очень

деликатно… она сама сказала в тот вечер, когда обедала у нас, что была бы благодарна за советы… Так оно и было.

Мистер ван дер Лайден огляделся вокруг с видом, который, если бы на лице столь благородного человека был хоть малейший намек на наличие низменных страстей, можно было бы назвать пошлым самодовольством. Но в его аристократических чертах сияла лишь мягкая доброжелательность, которая, словно зеркальное отражение, возникла и на лице его собеседницы.

— Ах, Генри, как вы оба всегда добры! Ньюланд особенно благодарен вам за этот поступок — ведь это касается дорогой Мэй и ее семьи.

Она стрельнула в сына коротким предостерегающим взглядом, и он сказал:

— Да, сэр, я вам безгранично благодарен. Но я был уверен, что мадам Оленская вам понравится.

Мягкость взгляда мистера ван дер Лайдена была беспредельна.

— Я никогда не приглашаю в свой дом людей, которые мне не нравятся, мой милый Ньюланд. То же самое я сказал Силлертону Джексону. — Взглянув на часы, он встал и добавил: — Однако меня ждет Луиза. Мы ужинаем рано, чтобы ехать

с герцогом в Оперу.

После того как портьеры торжественно закрылись, выпустив гостя, семья Арчер долго пребывала в молчании.

— Боже, как романтично! — наконец выпалила Джейни. Никто не знал в точности, что именно вызывало ее отрывочные комментарии, и домашние просто пропускали их мимо ушей.

Миссис Арчер вздохнула и покачала головой.

— Только бы это все было к добру, — произнесла она таким тоном, что было ясно, что она в это ни минуты не верит. — Ньюланд, ты должен сегодня остаться дома и принять мистера Джексона — я просто не буду знать, как реагировать на то, что он скажет.

— Бедная мама! Но он наверняка не придет, — рассмеялся Ньюланд, склонившись к ней, чтобы разгладить поцелуем ее морщины.

Глава 11

Недели две спустя, когда Ньюланд Арчер сидел без дела в своем кабинете в офисе адвокатской конторы «Леттерблэр, Лэмсон и Лоу», его вызвал к себе глава фирмы.

Старый мистер Леттерблэр, неизменный поверенный трех поколений родовитых нью-йоркских семей, восседал за своим столом красного дерева в явной растерянности. Пока он приглаживал свои коротко стриженные бакенбарды и взъерошивал пальцами седые волосы над нависшими выпуклыми бровями, его молодой и не слишком почтительный партнер размышлял, что начальник его похож на семейного врача, который крайне раздосадован тем, что ему попался пациент, симптомы болезни которого ему непонятны.

— Мой дорогой сэр, — он всегда обращался к Арчеру «сэр», — я послал за вами, чтобы поручить вам небольшое дело. Я предпочитаю, чтобы в настоящий момент о нем не знали ни мистер Скипуорт, ни мистер Редвуд.

Джентльмены, которых он назвал, были двумя другими старшими компаньонами фирмы. Те лю-

ди, фамилии которых значились на фирменных бланках, давно умерли, но вывеска оставалась прежней — так было принято в старинных юридических конторах Нью-Йорка. Что касается мистера Леттерблэра, то он, если можно так выразиться, был своим собственным внуком.

Он откинулся на стуле, нахмурившись, и продолжил:

— Потому что это дело семейное.

Арчер поднял глаза.

— Минготты, — с улыбкой и поклоном пояснил мистер Леттерблэр. — Вчера за мной послала миссис Мэнсон Минготт. Ее внучка, графиня Оленская, хочет возбудить дело о разводе. Мне дали некоторые бумаги. — Он умолк и забарабанил пальцами по столу. — Поскольку вы вот-вот породнитесь с этим семейством, я бы хотел поставить вас в известность — обсудить с вами это дело, — прежде чем предпринимать дальнейшие шаги.

Арчер почувствовал, как у него застучало в висках. После его визита к графине Оленской он только раз видел ее, да и то в Опере, в ложе Минготтов. За это время образ ее потускнел и исчез с переднего плана, тогда как Мэй снова заняла свое законное место. Правда, Джейни од-

нажды упомянула о разводе Оленской, но больше он ничего об этом не слышал и решил, что это просто сплетни. Теоретически развод был для него почти столь же отвратителен, как и для его матери; и то, что мистер Леттерблэр пытается втянуть его в это дело явно по наущению старой миссис Минготт, вызывало у него досаду. В конце концов, у Минготтов достаточно мужчин, чтобы заняться этим делом, а он, Ньюланд, даже еще не вошел в их семью.

Он ждал, когда его старший компаньон продолжит. Мистер Леттерблэр открыл ящик и вынул пакет:

— Если вы пробежите глазами эти бумаги…

Арчер нахмурился:

— Простите, сэр, но как раз из-за своего будущего родства я предпочел бы, чтобы вы консультировались с мистером Скипуортом и мистером Редвудом.

Мистер Леттерблэр выглядел удивленным и слегка задетым. Отклонять предложения для подчиненных было не принято.

— Я уважаю ваши сомнения, сэр, — кивнул он, — но в данном случае, я уверен, деликатность требует поступить так, как я сказал. Это не моя идея, а миссис Мэнсон Минготт и ее сыновей.

Я встречался с Лоуэллом Минготтом и с миссис Уэлланд. Все они хотят поручить это дело вам.

Арчер почувствовал, что закипает. Последние две недели он смиренно предоставил событиям течь своим путем, и лишь красота и добрый нрав Мэй смягчали назойливое давление Минготтов. Однако последний приказ старой миссис Минготт раскрыл ему глаза на то, что клан считает возможным предъявлять любые требования будущему зятю. Эта роль ему крайне не понравилась.

— Ее дядюшкам следовало бы заняться этим, — сказал он.

— Они пытались. Этот вопрос обсуждался в кругу семьи. Они против развода, но она твердо стоит на своем и хочет получить юридическую консультацию.

Молодой человек молчал, не раскрывая пакета.

— Она хочет вступить в новый брак?

— Должно быть; но сейчас она отрицает это.

— Но тогда…

— Вы весьма обяжете меня, мистер Арчер, если все же просмотрите бумаги. Позже мы обсудим их с вами и я выскажу свое мнение.

Арчер неохотно вышел, унося ненавистный

пакет. Со дня последней встречи с Оленской он находился в постоянной борьбе с собой. То ощущение мимолетной близости, которое возникло между ними, когда они вдвоем сидели у камина, было разрушено появлением герцога и миссис Стразерс. Два дня спустя Арчер участвовал в комедии восстановления графини в милости ван дер Лайденов и с некоторой иронией сказал себе, что дама, которая так удачно умеет благодарить могущественных пожилых джентльменов за небольшой знак внимания — корзину цветов, не нуждается ни в приватных утешениях, ни в публичной поддержке молодого человека с весьма скромными возможностями, коим он являлся. Посмотреть на предмет с этой точки зрения было необыкновенно удачной мыслью — все потускневшие добродетели близких снова засияли, как прежде. Он не мог себе представить, чтобы Мэй, в каких бы обстоятельствах она ни оказалась, стала жаловаться на судьбу посторонним мужчинам; и никогда она не казалась ему столь благородной и прекрасной, как всю следующую неделю. Он даже подчинился ее желанию продлить помолвку — ей удалось найти тот аргумент, который его обезоружил.

«Вы же знаете, что в конечном счете ваши ро-

дители всегда идут вам навстречу еще с тех пор, как вы были маленькой девочкой», — пытался он настоять на своем, а она ответила, озарив его ясным взглядом: «Да. Именно потому я и не хочу отказывать им в просьбе — последней просьбе, обращенной к маленькой девочке…»

Это был глас старого Нью-Йорка; ответы именно такого рода он бы предпочел слышать от своей жены всегда.

Читая полученные документы, Арчер не столько узнавал какие-то факты, сколько, захлебываясь и задыхаясь, увязал в отвратительном болоте. Главным образом бумаги состояли из переписки поверенных графа Оленского с французской юридической фирмой — ей графиня поручила уладить свои финансовые дела. Было также короткое письмо самого графа к жене; прочтя его, Арчер поднялся, сложил бумаги обратно в конверт и возвратился в кабинет мистера Леттерблэра.

— Вот эти письма, сэр. Если вы хотите, я поговорю с мадам О ленской.

— Благодарю вас, Арчер. Если вы вечером свободны, приезжайте ко мне ужинать, а потом мы с вами поговорим об этом деле, если вы собираетесь поехать к ней завтра.

С работы Ньюланд Арчер снова поехал прямо домой. Зимний вечерний воздух дрожал прозрачной ясностью; над крышами светил только что родившийся молодой месяц. Душа Арчера переполнилась этим чистым сиянием, и, чтобы не расплескать его, он решил побыть наедине с собой по крайней мере до назначенной беседы с Леттерблэром. Он понимал, что принял единственно возможное решение — самому поговорить с графиней. Нельзя допустить, чтобы ее секреты открылись чужим глазам. Огромная волна сострадания накатила и унесла прочь его досаду и равнодушие — он увидел перед собой несчастную и беззащитную женщину, которую нужно было любой ценой спасти от новых ударов судьбы.

Он вспомнил, как она рассказала ему о требовании миссис Уэлланд избавить ее от выслушивания «неприятных» вещей, и содрогнулся при мысли, что, возможно, именно из-за такого подхода к жизни воздух Нью-Йорка остается столь незамутненным. «Неужели мы всего лишь фарисеи?» — подумал он, удивленный собственной попыткой примирить инстинктивное отвращение к человеческой низости с таким же инстинктивным сочувствием к человеческой

слабости.

Впервые он задумался о том, как примитивны до сих пор были его собственные принципы. Он слыл бесстрашным малым, и он знал, что его любовная связь с бедняжкой миссис Торли Рашуорт была не настолько тайной, чтобы не придать его образу некий романтический блеск. Но миссис Рашуорт была женщиной глупой, тщеславной, по натуре скрытной, и ее больше, нежели его достоинства, привлекали таинственность и опасность их связи. Осознав это, он получил удар в самое сердце, но сейчас это освобождало его от угрызений совести. Короче говоря, эта связь была тем, что молодые люди его возраста с легкостью оставляют позади, уверенные в том, что огромная пропасть лежит между теми женщинами, которых они любят и уважают, и жалкими женщинами, которые существуют для наслаждения. В этом мнении их почему-то старательно поддерживали матери, тетушки да и все пожилые родственницы. Они единодушно разделяли веру миссис Арчер, что когда случаются «такие вещи», то для мужчины это, несомненно, всего лишь глупость, тогда как для женщины — преступление. И все эти матроны считали любую безрассудно влюбленную даму непременно злостной ин-

триганкой, всеми средствами удерживающей простодушного мужчину, угодившего в ее сети. И единственной их целью становилось как можно скорее подсунуть ему милую невинную девушку, женить его на ней и поручить ей присматривать за ним.

В гораздо более сложной жизни Старой Европы, как начинал догадываться Арчер, любовные проблемы были не столь просты и не столь легко разрешаемы. Богатая, праздная, насыщенная жизнь создавала массу соблазнов; и женщина, даже от природы сентиментальная и сдержанная, силой обстоятельств, одиночества и беззащитности могла быть втянута в историю не слишком красивую с общепринятой точки зрения.

Придя домой, Арчер черкнул графине О ленской записку, прося на следующий день принять его, и отправил с посыльным, который вернулся с известием, что она уезжает вместе с ван дер Лайденами в Скайтерклифф следующим утром, но сегодня после ужина она будет дома одна. Записка была написана на небрежно оторванной половине листа, без даты и адреса, но почерк был тверд и изящен. Его позабавила ее идея провести уик-энд в торжественном уединении Скайтерклиффа, и он подумал, что там скорее чем где бы то

ни было она ощутит тот холод, который исходит от людей, избегающих всего «неприятного».

Ровно в семь Арчер был у Леттерблэра, очень довольный, что после ужина может извиниться и уйти. У него уже сложилось собственное мнение после прочтения бумаг, и он не особенно жаждал обсуждать его со своим старшим партнером. Мистер Леттерблэр был вдовцом, и они ужинали одни, в темной запущенной комнате с пожелтевшими гравюрами «Смерть Чатама» и «Коронация Наполеона» на стене. На буфете, между двумя рифлеными ящичками для ножей, стоял графин с вином «Шато-Брион» и графин со старым лэннингским портвейном, подарком одного из клиентов. Известный мот Том Лэннинг распродал свой винный погреб незадолго до своей таинственной и постыдной смерти в Сан-Франциско — и первое, с точки зрения нью-йоркского света, было гораздо хуже второго.

После бархатистого устричного супа подали рыбу с огурцами, затем молодую жареную индейку с кукурузными оладьями, за ними последовали утка в смородиновом желе и сельдереем под майонезом. Мистер Леттерблэр, чей ленч состоял только из чая с сандвичем, обедал плотно и основательно и того же ожидал от гостя. Наконец,

когда ритуал был закончен, скатерть убрана, сигары раскурены, мистер Леттерблэр, откинувшись на стуле и отставив портвейн, сказал, чуть сдвигаясь так, чтобы тепло от огня в камине грело его спину, промолвил:

— Вся семья против развода. Я думаю, они правы.

Арчер мгновенно осознал свое внутреннее сопротивление.

— Однако, сэр, почему? Если когда-либо было, что…

— Но какой смысл? Она здесь — он там; между ними Атлантика. Она никогда не получит ни доллара сверх тех своих денег, которые он ей добровольно возвратил — так устроены их чертовы брачные контракты. По их законам О ленский еще поступил довольно щедро — он вообще мог оставить ее без гроша.

Арчер промолчал — ему это было известно.

— У меня сложилось впечатление, — продолжал мистер Леттерблэр, — что она не придает особого значения деньгам. Но зачем же — это мнение и всей семьи, — зачем же лезть на рожон?

Часом раньше, когда Арчер вступил на порог этого дома, он полностью разделял эту точку зрения; но когда ее озвучил этот эгоистичный,

упитанный и крайне равнодушный старик, он понял, ЧТО за этим стоит — тот же фарисейский голос общества, отгораживающегося от всего «неприятного»...

— Я думаю, что решать это должна она сама.

— Хм... Вы отдаете себе отчет в последствиях? Если она решит развестись?

— Вы имеете в виду угрозу в письме ее мужа? Какой это может иметь вес? Это не более чем неопределенное обвинение злобного негодяя.

— Да, но могут пойти неприятные разговоры, если он вздумает предъявить встречный иск.

— Неприятные разговоры! — воскликнул Арчер, вне себя от ярости.

Мистер Леттерблэр вопросительно посмотрел на него исподлобья, и молодой человек, внезапно ощутив полную бесполезность любой попытки объяснить, что творилось в его душе, поклонился в знак согласия, и старик продолжал:

— Развод — дело вообще неприятное, — и, помолчав немного и не услышав никакой реакции, спросил: — Вы согласны?

— Разумеется, — сказал Арчер.

— Следовательно, я, как и Минготты, могу на вас рассчитывать? Вы употребите свое влияние, чтобы заставить ее отказаться от развода?

Арчер колебался.

— Я не могу брать на себя никакие обязательства до встречи с графиней Оленской, — выдавил он наконец.

— Мистер Арчер, я вас не понимаю. Вы хотите войти в семью, которой грозит скандальный бракоразводный процесс?

— Не понимаю, какое отношение это имеет к моей женитьбе.

Мистер Леттерблэр поставил на стол стакан с портвейном и уставился на партнера хмурым предостерегающим взглядом.

Арчер понял, что рискует лишиться своих полномочий, чего он решительно не желал, возможно из чистого упрямства. Раз уж он взялся за это дело, ему не хотелось бросать его, и, чтобы оградить себя от этой опасности, надо было успокоить старика, неспособного образно мыслить, усыпить эту ходячую юридическую совесть Минготтов…

— Будьте уверены, сэр, я не свяжу себя никакими обязательствами, прежде чем не переговорю с вами. Я всего лишь хотел сказать, что я бы повременил с изложением своего мнения до разговора с мадам Оленской.

Мистер Леттерблэр кивнул, одобряя подобную

осторожность — в лучших нью-йоркских традициях, но несколько чрезмерную даже для них; и молодой человек, взглянув на часы, сослался на деловое свидание и попрощался.

Глава 12

Старомодный Нью-Йорк обедал в семь, и хотя в кругу Арчера высмеивали обычай наносить послеобеденные визиты, он почему-то сохранялся. Когда молодой человек шел от Веверли-Плейс по Пятой авеню, эта главная артерия города была пуста, если не считать нескольких карет у особняка Чиверсов (которые давали обед в честь герцога) да изредка попадавшихся фигур пожилых джентльменов в теплых пальто и шарфах, карабкавшихся по лестницам к дверям особняков из коричневого камня и исчезавших в освещенных газом прихожих. Пересекая Вашингтон-сквер, Арчер заметил старого дю Лака, который шел навестить своих кузенов Дагонетов, а завернув за угол Западной Десятой улицы, он увидел своего коллегу Скипуорта — тот наверняка шел навестить старушек Лэннинг. Немного дальше вдоль Пятой авеню Бофорт, фигура которого резким силуэтом возникла на фоне освещенных дверей его дома, вскочил в свою карету и укатил в неизвестном направлении. Оперы в этот вечер не давали, приемов ни у кого не было, так что прогулка Бофорта явно заключала в себе что-то

запретное. Арчер предположил, что она связана с небольшим домиком за Лексингтон-авеню, где недавно появились занавески с рюшами и ящики с цветами, а у свежеокрашенных дверей часто видели коляску мисс Фанни Ринг желтого канареечного цвета.

За маленькой скользкой пирамидой, внутри которой был мирок миссис Арчер, лежал почти не изученный мир, населенный художниками, музыкантами и «пишущей братией». Эти рассеянные вокруг осколки человечества никогда не выказывали ни малейшего желания влиться в структуру общества. Они считались приличными людьми и предпочитали держаться друг друга. Медора Мэнсон в дни процветания пыталась устраивать что-то вроде «литературного салона», но эта идея умерла, поскольку литераторы не стремились регулярно посещать его. В основном они предпочитали свободу и тяготились условностями.

Подобные попытки предпринимали и другие, и у Бленкеров — семейства с энергичной говорливой мамашей и тремя весьма упитанными дочками, которые во всем ей подражали, можно

было встретить Эдвина Бута,[39] Патти, Уильяма Винтера[40] и нового актера Джорджа Ригнольда, игравшего в шекспировских пьесах, редакторов журналов, музыкальных и литературных критиков.

Миссис Арчер и ее круг слегка робели перед ними. Они были эксцентричны, ненадежны; никто, собственно, не знал, что они такое на самом деле. В окружении Арчера глубоко почитали литературу и искусство, а миссис Арчер всегда повторяла своим детям, каким приятным и изысканным было общество, когда в нем появлялись фигуры Вашингтона Ирвинга, Фитц-Грина Галлека[41] и автора «Преступного эльфа».[42] Наиболее известные авторы этого поколения были «джентльменами»; теперь же их сменили незнакомцы со странными манерами. Их внешность, их прически, их происхождение, их близость к Опере и сцене не позволяли применить к ним

---

[39] Примечания: 39
Бут Э. (1833–1893) — американский актер.

[40] Примечания: 40
Винтер У. (1836–1917) — американский поэт и театральный критик.

[41] Примечания: 41
Галлек Ф.-Г. (1790–1867) — американский поэт-романтик.

[42] Примечания: 42
Дрейк Д.-Р (1795–1820) — американский поэт-романтик.

никакие критерии нью-йоркского общества.

«Когда я была девушкой, — говаривала миссис Арчер, — мы знали каждого между Бэттери и Кэнэл-стрит, и те, кто имел собственные кареты, были наперечет. В то время было очень просто определить место каждого в обществе; теперь это невозможно, да я и не пытаюсь».

Только старая Кэтрин Минготт с ее пренебрежением к моральным предрассудкам и почти полной, свойственной лишь выскочкам, индифферентностью к тончайшим нюансам, могла бы перебросить мост через эту бездну, но она никогда не открыла ни одной книги, не взглянула ни на одну картину, а музыка интересовала ее ровно настолько, чтобы напоминать ей о феерических представлениях актеров итальянского театра в дни ее триумфа в Тюильри. Может быть, это удалось бы Бофорту, который не уступал ей в дерзости, но его огромный дом и лакеи в шелковых чулках не способствовали непринужденности общения. Более того, он был так же необразован, как и старая миссис Минготт, и считал, что «парни, которые что-то там пишут», существуют только для развлечения богачей. И никто из этих богачей ни разу не счел нужным разуверить его в этом.

Ньюланд Арчер знал это с тех пор, как себя помнил, но считал сие незыблемой частью мироздания. Он знал, что есть общества, где художники, поэты, писатели и даже великие актеры так же в чести, как и герцоги; он часто размышлял о том, каково было бы жить в обществе, где собирались в гостиной, просто чтобы поговорить с Мериме (чьи «Письма к незнакомке» были одной из его любимых книг), Теккереем, Браунингом[43] или Уильямом Моррисом.[44] Но в Нью-Йорке это было невозможно, и глупо было на это надеяться. Арчер знал большинство из «пишущей братии», музыкантов и художников; он встречал их в «Сенчери»[45] или крохотных музыкальных и театральных клубах, которые уже начали появляться. Там он наслаждался общением с ними; тогда как у Бленкеров, где они были окружены пылкими безвкусно одетыми женщинами, которые разглядывали их, как привезенных напоказ зверей в клетке, они казались

---

[43] Примечания: 43

Браунинг Р. (1812–1889) — известный английский поэт викторианского времени.

[44] Примечания: 44

Моррис У. (1834–1896) — английский писатель и публицист.

[45] Примечания: 45

«Сенчери» — клуб писателей, артистов и художников в Нью-Йорке. Основан в 1847 г.

ему необычайно скучными. И даже после весьма интересных бесед с Недом Уинсеттом у него всегда появлялось чувство, что их мир так же узок, как и его, и единственный метод расширить и тот и другой — это достичь такой ступени развития нравов, когда они оба смогут соединиться.

Он попытался представить себе этот мир, рисуя в воображении общество, где графиня Оленская жила и страдала и — возможно — изведала тайные наслаждения. Он вспомнил ее веселый рассказ о том, как ее бабушка Минготт и Уэлланды возражали против ее жизни в «богемном» квартале, где обитают «те, кто пишет». Родных беспокоили не столько опасности, сколько царившая вокруг неприятная нищета; но она не поняла этого — ей казалось, что они всего лишь боятся, как бы эти литераторы не скомпрометировали ее.

Сама она этого не боялась. А книги, в основном романы, разбросанные по ее гостиной, что было не принято в Нью-Йорке, будили любопытство Арчера новыми именами авторов — Поля Бурже, Гюисманса, братьев Гонкур. Размышляя обо всем этом, он подошел к порогу дома графини Оленской и еще раз подумал, что каким-то непостижимым образом она перевернула в его голове

все вверх дном и что если он хочет помочь ей, ему нужно знать все подробности жизни, столь не похожей ни на какую другую, известную ему.

Настасья открыла ему дверь, таинственно улыбаясь. На скамейке в прихожей лежала подбитая соболем мужская шуба, складной оперный цилиндр из тусклого шелка с золотыми буквами «Дж. Б.» на подкладке и белый шелковый шарф, что безошибочно указывало на то, что вещи принадлежат Джулиусу Бофорту.

Арчер рассердился; рассердился так, что готов был черкнуть на карточке несколько слов и уйти.

Но потом он вспомнил, что в записке Оленской не просил ее принять его наедине. Так что ему не на кого было пенять, кроме себя, за то, что двери ее дома были открыты и для других визитеров, и он переступил порог гостиной, твердо решив дать понять Бофорту, что он помешает беседе, и дождаться, пока тот уйдет.

Банкир стоял спиной к каминной доске, застеленной старинной вышитой дорожкой, прижатой тяжелыми медными канделябрами с церковными свечами из желтоватого воска. Выпятив грудь, он локтями касался доски, а всей своей тяжестью оперся на ногу в большом ла-

кированном ботинке. Когда Арчер вошел, он, улыбаясь, сверху вниз смотрел на хозяйку, которая сидела на диване, поставленном под прямым углом к камину. Позади дивана был стол, весь заставленный цветами, и мадам О ленская сидела полу откинувшись назад, подперев голову рукой так, что широкий рукав соскользнул, обнажая ее до локтя, на фоне азалий и орхидей, в которых Арчер без труда узнал дары бофортовских теплиц.

Принимая по вечерам, дамы обычно одевались в то, что называлось «простым обеденным платьем», в тесный шелковый панцирь на китовом усе, с полоской присобранных кружев в высоком вырезе и с узкими рукавами с оборкой внизу, которая открывала запястье ровно настолько, чтобы можно было увидеть бархотку или этрусский золотой браслет. Но мадам Оленская, не принимая во внимание традиции, была в длинном свободном бархатном красном платье, отделанном блестящим черным мехом, который змеей устремился сверху вниз, обогнув ее шею. Арчер вспомнил виденный им во время последней поездки в Париж портрет нового модного живописца, Каролюса Дюрана, чьи

картины произвели сенсацию в Салоне,[46] на котором была изображена дама в таком же дерзком платье-футляре с горлом, укутанным в мех. Было нечто порочное и провокационное в этом зрелище, сотканном из противоречий — мех в жарко натопленной гостиной, закрытое по горло платье и обнаженные руки, — однако эффект был удивительно приятным.

— О господи — целых три дня в Скайтерклиффе! — говорил Бофорт громким насмешливым голосом, когда Арчер вошел. — Возьмите все свои меха и грелку.

— Зачем? Разве дом такой холодный? — спросила она, с томным и загадочным видом протягивая Арчеру руку для поцелуя.

— Нет, но хозяйка… — продолжал Бофор, кивнув Арчеру с видом абсолютного безразличия.

— Но мне она кажется такой милой. Она сама пригласила меня. Бабушка говорит, я обязательно должна принять приглашение.

— Бабушка пусть говорит что хочет. А я говорю — как вам не стыдно от того, что вы собираетесь пропустить маленький ужин с устрицами, который я запланировал дать в вашу честь в вос-

---

[46] Примечания: 46
Ежегодные художественные выставки в галерее в Лувре.

кресенье у Дельмонико. Там будут Кампанини, Скальки и много еще интересного народа.

Она, колеблясь, переводила взгляд с банкира на Арчера:

— Как это соблазнительно! С того вечера у миссис Стразерс я не встречала здесь ни одного человека из мира искусства.

— Я знаю одного-двух художников, очень милые люди. Если позволите, я могу привести их к вам, — предложил Арчер.

— Художники? В Нью-Йорке есть художники? — спросил Бофорт таким тоном, что было ясно: существуют только те художники, картины которых он покупал; но мадам Оленская сказала Арчеру, глядя на него со своей печальной улыбкой:

— Это было бы чудесно. Но я имела в виду драматических артистов, певцов, музыкантов. Дом моего мужа всегда был полон ими.

Она произнесла «мой муж», как будто бы с этим словом у нее не возникало недобрых ассоциаций, тоном, в котором чувствовался едва ли не вздох по утраченным радостям ее брака. Арчер взглянул на нее растерянно, удивляясь то ли притворству, то ли легкомыслию, с которым она может касаться прошлого в тот самый момент,

когда решила порвать с ним, окончательно губя свою репутацию.

— Я уверена, — сказала она, адресуясь к обоим мужчинам, — что imprèvu[47] увеличивает удовольствие. Возможно, что каждый день видеть одних и тех же людей неправильно.

— Во всяком случае, это чрезвычайно скучно; Нью-Йорк умирает от скуки, — пробурчал Бофорт. — А когда я пытаюсь развлечь вас, вы так себя ведете. Подумайте еще! Воскресенье — последний ваш шанс, потом Кампанини уезжает в Балтимор и Филадельфию. Я заказал отдельный кабинет со «Стейнвеем»,[48] они всю ночь будут петь для меня.

— Как чудесно! Я еще подумаю и завтра утром вам напишу.

Она говорила очень любезно, но в голосе ее прозвучал намек на то, что ему пора уходить.

Бофорт явно почувствовал это; не привыкший к такому обращению, он, не двигаясь, смотрел на нее из-под насупленных бровей.

— Почему не решить это сейчас?

— Это слишком серьезный вопрос, чтобы ре-

---

[47] Примечания: 47
Непредвиденное (фр.).

[48] Примечания: 48
Марка рояля.

шать его на ночь глядя.

— По-вашему, уже так поздно?

Она ответила ему холодным взглядом:

— Да, потому что мне надо обсудить с мистером Арчером одно важное дело.

— Вот как! — огрызнулся Бофорт.

В ее тоне не было извинения, и он, слегка пожав плечами, со свойственной ему самоуверенностью взял руку графини, привычно поцеловал ее и крикнул уже с порога:

Слушайте, Ньюланд, если вы сможете уговорить графиню остаться в городе, то вы, конечно, тоже включены в число приглашенных! — и тяжелой поступью важного человека удалился.

После слов Оленской Арчеру показалось, что мистер Леттерблэр предупредил графиню о его приходе; но ее следующая реплика заставила его изменить свое мнение.

— Значит, вы знакомы с художниками? Вы вращаетесь в их среде? — с горячим интересом спросила она.

— Не совсем так. Вряд ли здесь существует их СРЕДА, любого рода; это больше похоже на тонкую поверхностную пленку.

— Но вы любите искусство?

— Бесконечно. Когда я бываю в Париже или

Лондоне, я не пропускаю ни одной выставки. Стараюсь быть в курсе всего.

Она опустила глаза, словно изучая кончик атласной туфельки, который выглядывал из-под подола ее длинных одежд.

— Я тоже раньше очень увлекалась искусством; моя жизнь была полна всем этим. Но сейчас я стараюсь измениться.

— Измениться?

— Да, я пытаюсь покончить с той моей жизнью и стать такой, как все здесь.

Арчер покраснел.

— Вы никогда не будете такой, как все, — сказал он.

Прямая линия ее бровей слегка приподнялась.

— О, не говорите так. Если бы вы знали, как я ненавижу это в себе!

Ее лицо на мгновение превратилось в трагическую маску. Она наклонилась вперед, обхватив колени своими тонкими руками, и, отвернувшись от Арчера, смотрела в неведомую темную даль.

— Я хочу уйти от всего этого, — настойчиво повторила она.

Он подождал немного и слегка откашлялся:

— Я знаю, мистер Леттерблэр сказал мне.

— Да?

— В этом причина моего прихода. Он попросил меня — вы знаете, я ведь работаю в его фирме…

Она посмотрела на него удивленно; но потом глаза ее просияли.

— То есть вы можете это сделать для меня? Я могу иметь дело с вами, а не с мистером Леттерблэром? О, это будет гораздо легче!

Ее слова и даже сам тон их растрогали его и утешили его самолюбие. Он понял, что она сказала Бофорту о важном деле, просто чтобы от него отделаться; он почувствовал себя триумфатором.

— Я здесь по поручению мистера Леттерблэра, — повторил он.

Она сидела молча, все в той же позе, опустив голову на руку, лежавшую на спинке дивана. Ее лицо было бледным и погасшим, словно яркий цвет ее платья вобрал в себя все краски. Внезапно она показалась ему несчастной и даже жалкой.

«Теперь мы должны перейти к тяжелым фактам», — подумал он и вдруг ощутил в себе то же самое отвращение, которое так осуждал в матери и ее сверстницах. Как мало он сталкивался с такими необычными ситуациями! Он даже не находил слов, чтобы начать разговор, потому что от всего этого веяло литературщиной и театраль-

ностью. От того, что нужно было обсуждать эту тему, он чувствовал себя неловким и смущенным, как мальчишка.

Мадам Оленская наконец прервала затянувшееся молчание, выпалив с неожиданной страстностью:

— Я хочу быть свободна; я хочу начать жизнь с чистого листа.

— Я вас понимаю. Выражение ее лица смягчилось.

— Значит, вы мне поможете?

— Для начала, — он колебался, — боюсь, что я должен знать несколько больше…

Она удивилась:

— Но ведь вы знаете о моем муже — о моей жизни с ним?

Он кивнул.

— Но тогда — что еще? Разве в этой стране такие вещи допустимы? Я протестантка — наша церковь в таких случаях не запрещает развод.

— Это так.

Оба опять замолчали. Арчер вспомнил текст письма графа жене и кожей почувствовал, как его призрак, отвратительно ухмыляясь, возник между ними. Письмо было всего на полстраницы, но оно было именно таким, как он сказал Леттер-

блэру, — письмом злобного негодяя. Но есть ли в нем хоть малая толика правды? Об этом могла сказать только сама графиня.

— Я просмотрел бумаги, которые вы дали Леттерблэру, — сказал он наконец.

— Вы согласны, что нет ничего более отвратительного?

— Согласен.

Она слегка пошевелилась и прикрыла глаза рукой.

— Вы, без сомнения, знаете, что если ваш муж будет бороться… как он грозится…

— То что?

— Он может сказать что-нибудь… что-нибудь неприят… что-нибудь нежелательное… сказать публично, все выйдет наружу, это повредит вам, даже если…

— Если — что?

— Если это ни на чем не основано.

Она долго молчала, так долго, что он, не желая смотреть в ее омраченное лицо, имел достаточно времени, чтобы запечатлеть в своей памяти очертания ее другой руки, лежащей на колене, и каждую деталь надетых на безымянный палец и мизинец трех колец, из которых ни одно не было обручальным.

— Какой вред будет мне от его обвинений здесь — даже если он произнесет их публично?

«Мое бедное дитя, — едва не сорвалось с его губ, — больший, чем где бы то ни было!» Но вместо этого голосом, который и в собственных его ушах прозвучал похожим на голос мистера Леттерблэра, он произнес:

— Нью-Йоркское общество — крохотный мирок по сравнению с тем миром, где вы жили. И вне зависимости от внешних проявлений… он управляется несколькими людьми довольно старомодных взглядов.

Она молчала, и он продолжил:

— Особенно старомодны они в том, что касается брака и разводов. Законодательством разводы разрешены, но обычаи общества их запрещают.

— При любых обстоятельствах?

— Да… даже если женщина, несомненно, будет оскорблена и ее позиция безукоризненна, все же есть хотя бы малейшее подозрение, что она пренебрегла условностями и дала повод…

Она еще ниже опустила голову, и он ждал, страстно надеясь, взрыва негодования или по меньшей мере отрицательного возгласа. Не последовало ни того ни другого.

Звенящую тишину нарушало лишь тиканье

небольших дорожных часов у ее плеча; да еще, разломившись, вспыхнуло полено в камине и рассыпалось ярким снопом искр. Казалось, вся комната, затаившись в раздумье, ждала вместе с Арчером.

— Да, — пробормотала она наконец, — то же самое мне твердит и мое семейство.

Он слегка поморщился:

— В этом нет ничего странного…

— НАШЕ семейство, — поправилась она, и лицо Арчера залилось краской. — Ведь я скоро буду вашей кузиной, — мягко добавила графиня.

— Надеюсь.

— И поэтому вы руководствуетесь их точкой зрения?

Он не ответил ей, встал, прошелся по комнате, невидящим взглядом уставился на одну из картин на красной камче и в нерешительности снова вернулся на свое место. Как он мог сказать ей: «Да. Если то, на что намекает ваш муж, — правда. Или если даже вы просто не можете это опровергнуть…»

— Скажите откровенно, — попросила она, видя, что он не решается высказать свою мысль.

Он посмотрел в огонь:

— Откровенно? Что можете вы получить взамен

такого, что вам возместит возможность — вполне вероятную — потери доброго имени?

— Свобода. Моя свобода — разве она ничто?

В это мгновение ему пришла мысль, что в письме все правда и она надеется выйти за своего партнера по греху. Как же ей сказать, что, если она и в самом деле лелеет этот план, законы государства это безжалостно запрещают? Даже тень подозрения, что она может думать об этом, вызвала у него резкую неприязнь.

— Разве вы не свободны как птица? — отозвался он. — Кто вас тронет? Мистер Леттерблэр сказал мне, что финансовый вопрос улажен…

— О да, — равнодушно подтвердила она.

— Так зачем же предпринимать что-то, рискуя навлечь на себя бесконечные неприятности и страдания? Вспомните о газетах — это такая низость… Все это, конечно, глупо, несправедливо, но законы общества неизменны.

— Конечно, — с горечью согласилась она, и голос ее звучал столь слабо, что Арчеру вдруг стало стыдно за свои жестокие мысли.

— Личность в подобных случаях почти всегда приносят в жертву коллективным интересам — люди цепляются за любую условность, если она сохраняет семью и защищает детей, — скорого-

воркой бормотал он первое, что приходило ему в голову, инстинктивно пытаясь правильными фразами прикрыть уродливую действительность, которую ее молчание, казалось ему, обнажало все больше и больше.

Поскольку она не могла или не хотела сказать единственное слово, которое смогло бы разрядить атмосферу, он не хотел, чтобы она почувствовала, что он желал проникнуть в ее тайну. По староньюйоркской привычке он предпочел скользить по поверхности, что было значительно приятнее, чем разбередить рану, которую он не в силах излечить.

— Знаете, я обязан это сделать, — продолжал он, — помочь вам прояснить все эти вещи, о которых беспокоятся все, кто вас любит, — Минготты, Уэлланды, ван дер Лайдены, все ваши друзья и родственники; если бы я не сказал вам честно о том, как они к этому относятся, я бы поступил неблагородно.

Он говорил настойчиво, почти умоляя ее вернуться к нему из зияющей пустоты ее молчания.

— Да, это было бы неблагородно, — медленно повторила она его слова.

Поленья в камине посерели от пепла, одна из ламп мигала, требуя к себе внимания. Мадам

Оленская встала, подкрутила фитиль и вернулась к камину, но осталась стоять.

Эта ее поза говорила о том, что обсуждать им больше нечего, и Арчер тоже поднялся.

— Прекрасно, я сделаю так, как вы сказали, — произнесла она словно через силу.

Кровь бросилась Арчеру в лицо; пораженный ее внезапным отступлением, он неловко схватил обе ее руки в свои.

— Я… Я в самом деле хотел помочь вам, — выдавил он.

— Вы в самом деле помогли мне. Спокойной ночи, мой кузен.

Склонившись, он коснулся губами ее рук, холодных и безжизненных. Она отняла их, и он повернулся к двери, нашел свое пальто и шляпу в прихожей, неярко освещенной газовым светом, и шагнул в зимнюю ночь, переполненный до краев запоздалым красноречием — ему казалось, что непроизнесенные слова вот-вот разорвут его изнутри.

Глава 13

В театре Уоллока[49] был аншлаг — давали «Шогрэна» с Дионом Бусико[50] в главной роли. Любовников играли известные актеры Гарри Монтегю и Ада Диас. Прекрасная английская труппа была на гребне славы, и на «Шогрэне» театр обычно был переполнен. Галерка бесновалась от восторга; в партере и ложах слегка посмеивались над банальными чувствами и ситуациями, рассчитанными на дешевый эффект, но наслаждались пьесой так же, как и на галерке.

Была, в частности, одна сцена, которая захватывала всех без исключения, — там, где Гарри Монтегю, после печального, почти односложного прощания с мисс Диас, говорит ей «до свидания» и уходит. Актриса, стоявшая опершись на камин и глядя на огонь, была одета в серое кашемировое платье без модных лент и украшений, обтягивающее ее высокую фигуру и падавшее длинными

---

[49] Примечания: 49

Театр в Нью-Йорке, открытый в 1861 г. актером и режиссером Д. Уоллоком.

[50] Примечания: 50

«Шогрэн» — произведение Д. Бусико актера и драматурга.

складками к ее ступням. Шею ее обвивала черная бархотка, концы которой, схваченные сзади, свободно ниспадали вдоль спины. Когда возлюбленный двинулся к выходу, она положила руки на каминную полку и уронила на них голову. На пороге он обернулся и посмотрел на нее; потом, крадучись, вернулся назад, поднял один конец бархотки, поцеловал его и удалился столь неслышно, что она даже не заметила этого и не переменила позы. Занавес падал в полной тишине потрясенного зала.

Ньюланд Арчер всегда ходил на «Шогрэна» только ради этой сцены. Он считал, что прощание Монтегю и Ады Диас ничем не уступает игре Круазет и Брессана[51] в Париже или Мэдж Робертсон и Кендалла[52] в Лондоне; своей сдержанностью и немой печалью оно волновало его больше, чем самые знаменитые театрально-приподнятые излияния.

В тот вечер, о котором идет речь, эта небольшая сцена особо остро тронула его, напомнив — он и сам не мог сказать почему — их расставание с мадам Оленской после откровенного разговора

---

[51] Примечания: 51
Французские актеры.

[52] Примечания: 52
Французские актеры.

неделей раньше.

Отыскать что-нибудь общее между этими двумя сценами было так же нелегко, как увидеть внешнее сходство их участников. Ньюланд Арчер не мог претендовать на романтическую внешность красавчика актера, а мисс Диас была высокой рыжей женщиной монументального сложения; ее бледное некрасивое лицо ничем не походило на прелестные черты мадам Оленской. Арчер и графиня Оленская были не расстающимися в мучительном молчании любовниками, а всего лишь юристом и клиенткой, которые разошлись после деловой беседы, оставившей у юриста тягостное впечатление.

Но тогда в чем же было сходство, которое заставило сердце Арчера забиться при воспоминании об их последнем разговоре? Казалось, что мадам Оленская имела талант в любой ситуации заставить человека мечтать о неизведанных возможностях, которые таились где-то за пределами повседневной жизни. Она едва ли сказала когда-нибудь хоть слово, которое могло бы произвести такое впечатление, но это было либо присущим ей свойством — либо оно вызывалось ее таинственным прошлым, — либо чем-то драматическим, страстным и необычным, заклю-

ченным в ней самой.

Арчер всегда был склонен думать, что случай и обстоятельства играют не слишком большую роль в жизни человека по сравнению с врожденной направленностью к тому или иному повороту судьбы. Эту направленность он сразу угадал в Оленской. Спокойная, почти совершенно пассивная, она произвела на Арчера впечатление женщины, с которой должно происходить что-то из ряда вон выходящее, как бы она ни пыталась этого избегать. Странно, что она, живя в атмосфере, столь насыщенной драматическими коллизиями, не замечала, что в общем-то вызывает их сама.

Арчер ушел от нее тогда с ясным убеждением, что обвинение графа Оленского имело под собой почву. Таинственное лицо, фигурировавшее в ее истории под именем «секретаря», вероятно, не осталось без вознаграждения за помощь в ее побеге. Очевидно, что жизнь с графом была для нее невыносима. Она была молода, напугана, возможно в отчаянии, — разве не естественно, что она решила отблагодарить своего спасителя? К сожалению, эта ее благодарность в глазах закона низводила ее до уровня своего отвратительного супруга. Арчер дал ей возможность понять это; он

также заставил ее осознать, что добросердечный простодушный Нью-Йорк, на милость которого она явно рассчитывала, был последним местом, где она смогла бы получить отпущение грехов.

Довести это до ее сознания — и быть свидетелем того, как она покорилась, — Арчеру было тяжело. Он чувствовал, как его влекут к ней смутные чувства жалости и ревности, как будто, совершив то немое признание в своей ошибке, она теперь полностью была в его власти, — в своей униженности вызывающая любовь и нежность. Он был рад, что она открылась ему, а не своим всполошившимся родственникам или Леттерблэру с его холодным равнодушным взглядом. Он немедленно взял на себя труд убедить их всех в том, что она поняла бесполезность своей затеи; и со вздохом облегчения они отвели свои взоры от «неприятного», с которым она заставила их столкнуться.

«Я была уверена, что Ньюланд справится с этим», — с гордостью за своего будущего зятя сказала миссис Уэлланд. И старая миссис Минготт, вызвав его для конфиденциальной беседы, поздравила его с «победой» и добавила с раздражением: «Глупышка! Я сама пыталась ее убедить, что это бессмысленно. Стать снова Эллен Мин-

готт, словно старая дева, когда ей выпало счастье быть замужней дамой и графиней!»

Все это вдруг так ярко высветило в его памяти воспоминание о последнем разговоре с Оленской, что, когда занавес после сцены прощания опустился, у него слезы навернулись на глаза. Он решил покинуть театр и встал.

Уходя, он обернулся и увидел, что дама, о которой он только что думал, сидела в ложе вместе с Бофортами, Лоуренсом Леффертсом и еще двумя-тремя мужчинами. Он ни разу с того вечера не говорил с ней наедине и избегал бывать в компании вместе с ней; но сейчас глаза их встретились, и миссис Бофорт в тот же миг тоже увидела его и томным жестом пригласила зайти. Незаметно удалиться было уже невозможно.

Бофорт и Леффертс пропустили его к дамам, и после нескольких слов, адресованных миссис Бофорт, которая вообще-то предпочитала красоваться, не утруждая себя разговорами, Арчер сел позади О ленской. В ложе больше никого не было, если не считать Силлертона Джексона, который рассказывал Бофорту, таинственно понизив голос, о последнем воскресном приеме у миссис Лемюэл Стразерс (где, как стало известно, были танцы). Воспользовавшись тем, что миссис Бо-

форт тоже внимала этому рассказу, ослепительно улыбаясь и держа голову под таким углом, чтобы ее профиль был виден из партера, мадам Оленская повернулась к нему и заговорила тихим голосом.

— Не кажется ли вам, — спросила она, мельком скользнув взглядом по сцене, — что он пошлет ей завтра утром букет желтых роз?

Арчер покраснел от удивления, и сердце его сжалось. Он дважды заезжал к мадам О ленской, и каждый раз посылал ей желтые розы, причем оба раза без карточки. Она никогда даже не намекнула, что догадалась, от кого они. Сейчас ее внезапное упоминание о его цветах и то, что она связала их с тем, что происходило на сцене, растрогало его.

— Я тоже подумал об этом… я даже хотел уйти, чтобы унести это впечатление с собой, — выдавил он.

К его удивлению, ее лицо залил румянец. Она опустила глаза на перламутровый бинокль, который держала в руках, одетых в перчатки, и после паузы спросила:

— Что вы делаете теперь, когда Мэй уехала?

— Работаю, — ответил он, слегка раздосадованный этим вопросом.

Уэлланды, по давно установившейся привычке, еще на прошлой неделе уехали в Сент-Огастин,[53] где они всегда проводили конец зимы из-за легендарной болезни бронхов главы семьи.

Мистер Уэлланд, добродушный молчаливый человек, не имел никаких мнений, зато имел множество привычек. Этим привычкам никто не смел перечить; и одна из них предполагала этот ежегодный вояж на юг в сопровождении жены и дочери. Душевное равновесие его всецело держалось на незыблемости домашнего очага; без постоянного руководства миссис Уэлланд он бы не смог найти ни щеток для волос, ни обнаружить место, где продаются почтовые марки для отправки его писем.

Все члены семьи обожали друг друга, а мистер Уэлланд был главным объектом обожания. Его жене и Мэй никогда бы не пришло в голову отправить его в Сент-Огастин одного; а его сыновья-юристы, которые не могли покидать Нью-Йорк зимой из-за работы, всегда присоединялись к своим на Пасху, и домой вся семья возвращалась вместе.

Арчер не поднимал вопроса о том, должна ли

---

[53] Примечания: 53
Город во Флориде.

сейчас Мэй сопровождать отца. Доброе имя домашнего врача Минготтов в основном зиждилось именно на профилактике пневмонии, которой у мистера Уэлланда так никогда и не было, и поэтому он решительно настаивал на ежегодных поездках в Сент-Огастин. Предполагалось, что оглашение помолвки Мэй произойдет уже после возвращения из Флориды, и тот факт, что это произошло раньше, никак не мог повлиять на планы мистера Уэлланда. Арчер бы не возражал присоединиться к ним и провести пару недель на солнце, катаясь с невестой на лодке, но он был связан условностями и обычаями. Арчера и так нельзя было обвинить в слишком большом рвении к работе; а уж отпуск посреди зимы показался бы Минготтам крайним легкомыслием — и он принял отъезд Мэй с терпением, которое, как он начинал понимать, было одним из главных принципов, на которых держалась семейная жизнь.

Он осознал вдруг, что Оленская смотрит на него из-под полуопущенных век.

— Я сделала то, что вы желали… что вы советовали, — отрывисто произнесла она.

— О, я рад, — отозвался он, несколько смущенный, что она не вовремя заговорила на эту тему.

— Я понимаю, вы были правы, — выдохнула она. — Но жизнь иногда так трудна… так запутанна…

— Это верно.

— И я хочу сказать вам, что я ЧУВСТВУЮ, что вы были правы; я так благодарна вам, — закончила она, быстро поднося к глазам бинокль, пока в отдалении возник и приближался к ним зычный голос Бофорта.

Арчер поднялся и покинул ложу.

Как раз накануне он получил письмо от Мэй, в котором она просила его «быть внимательным к Эллен» в ее отсутствие. «Она так любит и уважает вас, и, знаете, она не показывает этого, но она очень одинока и несчастлива. Я не думаю, что бабушка и дядя Лавел Минготт ее понимают; они считают ее гораздо более светской и любящей общество, чем есть на самом деле. Я вижу, что в Нью-Йорке ей скучно, хотя родственники не соглашаются с этим. Она привыкла ко многим вещам, которых у нас нет, — прекрасной музыке, выставкам картин, знаменитостям — художникам, артистам, всем этим умным людям, которыми вы тоже восхищаетесь. Бабушка не может никак понять, что ей не нужны все эти обеды и наряды. И я вижу, что вы — почти един-

ственный человек в Нью-Йорке, с которым она может поговорить о том, что ее по-настоящему волнует».

Его мудрая Мэй — как он любил ее за эту доброту! Он, разумеется, не собирался выполнять ее просьбу буквально — во-первых, он был очень занят, а кроме того, будучи обрученным, Арчер не собирался играть роль защитника мадам Оленской. Он считал, что она гораздо лучше может позаботиться о себе, чем думала его простодушная невеста. У ее ног был Бофорт, мистер ван дер Лайден парил над ней как ангел-хранитель, и были еще желающие (тот же Лоуренс Леффертс), караулящие добычу на некотором расстоянии. Однако всякий раз, как он видел графиню или перебрасывался с ней двумя-тремя словами, он чувствовал, что простодушная Мэй — вещунья.

Эллен Оленская была одинока и несчастна.

Глава 14

В фойе Арчер натолкнулся на своего приятеля Неда Уинсетта, единственного из всех «умных людей», как называла их Джейни, с которым он рисковал обсуждать вещи несколько глубже, чем это было принято в клубе и ресторанах.

Он еще раньше, в зале, заметил потертую спину и покатые плечи Уинсетта, который вглядывался в ложу Бофорта. Они пожали друг другу руки, и Уинсетт предложил выпить по стакану пива в маленьком немецком ресторанчике за углом. Арчер был не в настроении поддерживать разговоры, в которых там наверняка пришлось бы участвовать, и поэтому отказался под предлогом, что ему надо поработать дома.

Они пошли пешком по улице, и Уинсетт спросил:

— Послушайте, что меня действительно волнует, так это имя смуглой леди, что была рядом с вами в этой шикарной ложе — бофортовской, кажется? Ваш друг Леффертс так и вился вокруг нее.

Арчер, сам не зная почему, слегка рассердился. Какого черта Уинсетту понадобилось узнать имя

Эллен Оленской? И при чем тут Леффертс? Такое любопытство было несвойственно Уинсетту; но, в конце концов, сказал себе Арчер, он же был журналистом.

— Я надеюсь, это не для печати? — засмеялся Арчер.

— Да нет, для себя лично, — сказал Уинсетт. — Она моя соседка — странное место жительства для такой женщины. Она была так добра к моему сынишке, который упал, забежав к ней во двор. Он погнался за котенком и порезал ногу. Она примчалась к нам домой с мальчишкой на руках без шляпки — и так была добра и прекрасна, что моя жена от изумления забыла спросить, как ее зовут.

Арчер почувствовал, как потеплело у него на душе. В общем-то ничего особенного в этом не было — любая женщина перевязала бы ногу соседскому ребенку. Но это было так похоже на Эллен: примчаться без шляпки, с ребенком на руках и так изумить бедную миссис Уинсетт, что та забыла спросить ее имя.

— Это графиня Оленская — внучка старой миссис Минготт.

— Ух ты, графиня! — свистнул Уинсетт. — Никогда не думал, что графини бывают так отзывчивы.

Хотелось бы знать, — снова начал Уинсетт, — что это вдруг графиню занесло в наше захолустье?

— Потому что ей наплевать на все эти великосветские штучки — где положено жить и тому подобное, — сказал Арчер, втайне гордясь нарисованным им портретом.

— Хм… сдается мне, она знавала лучшие времена, — отозвался Уинсетт. — Ну, вот и мой угол.

Неуклюжей походкой он пересек Бродвей, а Арчер остался стоять, глядя ему вслед и раздумывая над его последними словами.

Такая прозорливость часто озаряла Неда Уинсетта; она была одной из самых интересных его черт, и Арчер никогда не мог понять, почему он смирился с ролью неудачника и не стал отвоевывать свое законное место под солнцем.

Арчер знал, что Уинсетт имел жену и ребенка, но никогда их не видел. Они встречались в «Сенчери» или в других любимых журналистами и театральной братией кабачках, вроде того, куда Уинсетт хотел его зазвать сегодня на кружку пива. Он дал понять Арчеру, что жена его — инвалид, но Арчер подозревал, что бедная женщина просто не имеет вечернего платья или не умеет держать себя в обществе. А может быть, верно было и то и другое. Уинсетт питал стойкое отвра-

щение к светским ритуалам. Арчер же считал весьма приятным и удобным переодеваться к вечеру, — ему и в голову не приходило, что чистота и удобство — две наиболее дорогостоящие статьи небольшого бюджета, и он относился к точке зрения Уинсетта как к части скучной «богемной» позы, которая всегда побуждала и светских людей (которые меняли свои одежды без какого-либо обсуждения этого и не толковали надоедливо о том, кто из них сколько держит слуг) казаться намного проще и быть более раскованными, чем остальные. Но с Уинсеттом, во всяком случае, ему всегда было интересно, и где бы ни бросилась ему в глаза знакомая худая бородатая физиономия с меланхолическим выражением глаз, он вытаскивал его из дальнего угла и заводил с ним долгую беседу.

Уинсетт стал журналистом не по велению сердца. Он был прирожденным литератором — рожденным в мире, где в литературе не было нужды. Опубликовав книгу коротких и изысканных литературно-критических эссе, сто двадцать экземпляров которой было продано, тридцать — роздано, остальные уничтожены согласно договору, чтобы освободить место для более продаваемого товара, он перестал следо-

вать своему призванию и устроился помощником редактора в женский еженедельник, где печатали любовные истории в новоанглийском стиле, моды, бумажные выкройки и рекламу безалкогольных напитков.

Газета называлась «Домашний очаг», и ее тематика служила предметом неистощимого острословия Уинсетта; но за этим скрывалась бессильная горечь еще молодого человека, который пытался достичь чего-то в жизни, но потерпел фиаско. Беседы с ним всегда заставляли Арчера оглянуться на себя и почувствовать, как, в сущности, пуста его жизнь; но, в конце концов, жизнь Уинсетта была не менее пустой, и хотя их общие интеллектуальные интересы придавали пьянящую остроту их беседам, их обмен мнениями, в сущности, был пикировкой двух дилетантов.

— Дело в том, что ни ваша, ни моя жизнь не стоит ни шиша, — сказал как-то Уинсетт. — Я вообще тридцать три несчастья, ничего не поделаешь. На то, что я умею, здесь нет спроса — и не будет, пока я жив. Но вы свободны и состоятельны. Почему бы вам не заняться делом? Сейчас для этого есть только один путь — идти в политику.

Арчер, откинув голову назад, расхохотался. Это замечание Уинсетта разом обнажило огромную

пропасть между его кругом и такими людьми, как Арчер. В светском обществе каждый с пеленок знал, что «джентльмену не следует лезть в политику». Он, конечно, не мог сказать это Уинсетту и ответил уклончиво:

— Взгляните на наших политиков. Разве среди них есть честные люди? Мы им не нужны.

— Кому это «им»? Почему бы не собраться всем вместе и самим не стать «ими»?

Снисходительная улыбка скользнула по губам Арчера. Было бессмысленно продолжать дискуссию — каждому была известна печальная судьба нескольких джентльменов, пожертвовавших своим честным именем ради политики. Дни, когда это было возможным, миновали — страна была во власти дельцов и иммигрантов, а честные люди дрейфовали в сторону спорта и культуры.

— Культуры! Если бы она была у нас! Конечно, встречаются, так сказать, отдельные кусочки пашни — остатки старых европейских традиций, которые ваши предки привезли с собой, — но и они погибают: от недостатка ухода и удобрений. Вы ничтожное меньшинство — у вас нет ни вождей, ни соперничества, ни аудитории. Вы словно картина на стене в заброшенном замке —

«Портрет джентльмена». Вы никогда ничего не добьетесь, если не засучите рукава и не плюхнетесь прямо в грязь. Или надо эмигрировать… О боже! Если бы я мог…

Арчер мысленно пожал плечами и перевел разговор на книги, о которых Уинсетт рассуждал пусть и не всегда определенно, но всегда занимательно. Эмигрировать! Разве джентльмену пристало покидать собственную страну? А грязь — разве может джентльмен лезть в грязь? Дело джентльмена — наблюдать и ни в чем не участвовать.

Но объяснить это человеку вроде Уинсетта невозможно… и потому литературные клубы и экзотические рестораны Нью-Йорка, на первый взгляд похожие на постоянно сменяющие друг друга пестрые радужные картинки из калейдоскопа, в конце концов оказывались крошечным куском мозаики с однообразным узором — гораздо более однообразным, чем собранные воедино атомы Пятой авеню.

Следующим утром Арчер безуспешно сновал по городу в поисках желтых роз. Из-за этого он опоздал на работу, понял, что никто этого и не заметил, и впал в отчаяние от внезапного осознания бессмысленности своей жизни. Почему он не

бродит с Мэй по пескам Сент-Огастина? В отношении его профессиональной активности никто не обманывался. В старомодных юридических конторах подобно леттерблэровской, которые занимались крупными земельными владениями и «консервативными» инвестициями капитала, всегда были два-три молодых человека, состоятельных и нечестолюбивых. Несколько часов в день они сидели за столом, почитывая газеты, изредка выполняя некоторые поручения. Хотя правила приличия требовали от мужчины иметь занятие, «делать деньги» считалось для джентльмена унизительным — и юриспруденция была, в противовес бизнесу, вполне достойным делом. Никто из этих молодых людей и не собирался делать профессиональную карьеру, и, сидя в офисе, они просто слегка зарастали плесенью…

При мысли, что его ждет то же самое, Арчера передернуло. Конечно, он в отличие от других имел собственные вкусы и интересы; путешествуя во время отпусков по Европе, встречался с «умными людьми», как их называла Мэй, и вообще старался «не отставать от жизни», как он говорил мадам Оленской. Но во что превратится его жизнь после женитьбы? Он видел достаточно молодых людей, которые так же — пусть и менее

страстно, чем он, — мечтали о настоящей жизни, а потом увязали, по примеру старшего поколения, в привычной праздной рутине.

Он послал с посыльным из офиса записку мадам Оленской, прося принять его вечером и послать ответ в его клуб, но ответа не оказалось, и на другой день тоже. Это неожиданное молчание чрезвычайно его задело; и хотя следующим утром он увидел в витрине цветочного магазина великолепные желтые розы, он не стал посылать их. Только на третий день он получил по почте короткую записку от Оленской, к его удивлению отправленную из Скайтерклиффа, куда удалились ван дер Лайдены, едва проводив герцога на пароход.

«Я бежала, — небрежно, без обращения нацарапала она, — после нашей последней встречи в театре. Добрые друзья приютили меня. Я должна побыть в тишине и многое обдумать. Вы были правы, когда говорили, как они добры, — я себя чувствую здесь в совершенной безопасности. Жаль, что вас нет здесь с нами».

Она закончила обычным «искренне ваша», ни словом даже не намекнув, когда вернется.

Тон ее записки удивил молодого человека. От чего она бежала и какая опасность ей грозит? Сна-

чала он подумал о неясной угрозе из-за границы; затем решил, что просто не знаком с ее эпистолярным стилем, а может быть, ему свойственно живописное преувеличение. Женщины всегда столь экзальтированны; и потом, ее английский не слишком хорош, иногда он звучит как перевод с французского. «Je me suis èvadèe», — если первая фраза письма звучала по-французски именно так, то это могло просто означать, что она хотела отделаться от навязчивых приглашений, как это, по-видимому, и было. Она вообще казалась ему капризной и ищущей в развлечениях новизны.

Его позабавило то, что ван дер Лайдены забрали ее в Скайтерклифф уже во второй раз, причем за короткое время. Двери Скайтерклиффа весьма неохотно открывались для визитеров, да и то этим привилегированным особям предназначался всего лишь официальный уик-энд. В последний раз в Париже Арчер смотрел очаровательную пьеску Лабиша[54] «Путешествие Перришона», и он вспомнил настойчивую преданность молодому человеку. Судьба, от которой ван дер Лайдены спасли Оленскую, была, по сути дела, похожей, и хотя для благоволения к ней было много других

[54] Примечания: 54
Лабиш Э. — французский король водевиля.

причин, Арчер знал, что основой их всех является мягкая, но стойкая решимость продолжать процесс спасения.

Он был весьма разочарован, узнав, что она уехала; потом почти немедленно вспомнил, что только накануне отказался от приглашения Реджи Чиверсов провести воскресенье в их доме на Гудзоне, несколькими милями ниже Скайтерклиффа. Ему давно уже надоели шумные дружеские вечеринки в Хайбэнке с катанием с гор на санках и буерах, далекими прогулками по заснеженным окрестностям, с невинными розыгрышами и легким флиртом. Он только что получил ящик книг из лондонского магазина и собирался провести воскресенье тихо, дома, со своим трофеем.

Но теперь вдруг зашел в клуб, на скорую руку набросал несколько слов и велел слуге немедленно отправить телеграмму. Он знал, что миссис Чиверс обычно не сердится, когда планы ее приглашенных столь внезапно меняются, и что в ее «эластичных» покоях всегда можно рассчитывать на лишнюю комнату.

Глава 15

Ньюланд Арчер приехал к Чиверсам в пятницу, а в субботу честно исполнил весь ритуал уикэнда в Хайбэнке.

Утром он прокатился на буере с хозяйкой и некоторыми наиболее выносливыми гостями, днем обошел с Реджи ферму и выслушал в его тщательно оборудованных конюшнях долгую и впечатляющую лекцию о лошадях; после чая потолковал в уголке у горящего камина с юной леди, которая призналась ему, что своей помолвкой он разбил ей сердце, но теперь ей не терпелось сообщить ему о ее собственных матримониальных планах. И наконец, ближе к полуночи он помог подсунуть одному из гостей в постель золотую рыбку, переодетый грабителем, напугал в ванной нервную тетушку, а рано утром участвовал в подушечной битве, которая постепенно завладела всем домом, от подвалов до детской. Но в воскресенье после полудня он нанял сани и поехал в Скайтерклифф.

Всем всегда внушалось, что дом в Скайтерклиффе — итальянская вилла. Мистер ван дер Лайден построил этот дом еще в юности, по его возвра-

щении из «гранд-тура» по Европе, накануне его свадьбы с Луизой Дагонет. Это было большое квадратное деревянное здание со стенами, выкрашенными в светло-зеленый с белым цвета с коринфским портиком и пилястрами между окон. С холма, на котором он стоял, террасы, обрамленные балюстрадами с урнами, спускались к маленькому озеру неправильной формы с асфальтовым окаймлением, через которое свешивались плакучие хвойные деревья редких пород — все вместе это напоминало гравюру. Направо и налево знаменитые английские газоны с изредка разбросанными образцами деревьев различных видов убегали вдаль, к травянистым лугам, огороженным причудливой чугунной оградой, а внизу, в лощине, виднелся четырехкомнатный домик из камня, который первый патрон выстроил на земле, дарованной ему в 1612 году.

На фоне однообразной белизны лугов и серого зимнего неба итальянская вилла имела неприветливый вид. Даже летом она выглядела одиноко — самые нахальные цветочные клумбы никогда не осмеливались приближаться более чем на тридцать футов к ее устрашающему фасаду. Когда Арчер тронул рукой звонок, он

затрезвонил, отдаваясь эхом, как в мавзолее. Изумление дворецкого, который наконец отпер дверь, было так беспредельно, точно Арчеру удалось пробудить его от вечного сна.

По родственному праву ему простили неожиданность визита и сообщили, что графиня О ленская три четверти часа назад уехала с миссис ван дер Лайден к обедне.

— Мистер ван дер Лайден дома, сэр, — продолжал дворецкий, — но у меня такое впечатление, что он дремлет или читает вчерашнюю «Ивнинг пост». Сегодня, когда он вернулся с утренней службы, он сказал, что после ленча будет просматривать «Ивнинг пост». Если хотите, сэр, я могу подойти к дверям библиотеки и проверить…

Но Арчер, поблагодарив его, сказал, что он пойдет навстречу дамам; и царственный дворецкий с видимым облегчением затворил за ним дверь.

Конюх поставил сани в конюшню, и Арчер пошел через парк к главной дороге. До селения Скайтерклифф было всего полторы мили, но ван дер Лайдены никогда не ходили пешком, и он решил, что перехватит карету по пути. Однако, спускаясь по тропинке, которая вела к дороге, он увидел тонкую фигурку в красной накидке рядом с бежавшей впереди собакой. Он поспешил

вперед и вскоре увидел радостную улыбку мадам Оленской.

— О, вы здесь! — воскликнула она, вытаскивая руку из муфты.

В красной накидке она выглядела живо и весело, как Эллен Минготт его детства; он рассмеялся, взял ее руку и сказал:

— Я приехал узнать, от чего вы бежали.

— А, ну сами скоро увидите… — ответила она, слегка нахмурившись.

— То есть вы хотите сказать, что вас настигли? — озадаченно отозвался Арчер.

Она пожала плечами, совсем как Настасья, и продолжала небрежным тоном:

— Может, мы двинемся? Я так замерзла во время проповеди. И какое это имеет значение, раз вы здесь, чтобы защитить меня?

Кровь бросилась ему в виски, и он схватил ее за плечи:

— Эллен, что происходит? Вы должны сказать мне.

— Сейчас-сейчас, но сначала бежим наперегонки! Мои ноги примерзают к земле! — вскричала она и, подобрав полы накидки, бросилась бежать по снегу прочь. Пес с оглушительным лаем помчался за ней. Вспышкой яркого метеора

понеслась она по снегу, и Арчер помедлил мгновение, наслаждаясь этой картиной. Потом он бросился догонять ее — и они оба, хохоча и тяжело дыша, одновременно оказались у калитки, ведущей в парк.

— Я знала, что вы приедете, — выдохнула она, подняв на него смеющийся взгляд.

— Вы себя выдали: вы этого хотели! — воскликнул он, подчиняясь какому-то шальному веселью, охватившему их. Деревья в сверкающем инее наполняли воздух таинственным свечением, и пока они шли по парку, земля, казалось, пела у них под ногами.

— Как вы здесь очутились? — спросила она, он рассказал и добавил:

— Собственно, я здесь потому, что получил ваше письмо.

После паузы она с ощутимым холодком в голосе произнесла:

— Это Мэй попросила вас заботиться обо мне.

— Меня не нужно было просить об этом.

— Вы хотите сказать, вы и сами видите, насколько я беспомощна и беззащитна? Вы все считаете меня столь несчастной? Здесь у вас, кажется, нет несчастных — даже, по-моему, нет таких женщин, которые нуждаются в помощи, —

все ну просто ангелы небесные.

— О какой помощи вы говорите? — спросил он глухо.

— Ах, не спрашивайте! Мы все равно говорим на разных языках, — с досадой обронила она.

Он почувствовал ком в горле и сказал:

— Может быть, мне не нужно было приезжать, раз так?

— О мой друг! — Ее рука легко коснулась его плеча, и с мольбой в голосе он спросил?

— Эллен… почему вы не скажете мне, что случилось?

Она пожала плечами:

— Разве на ваших небесах когда-нибудь что-нибудь случается?

Он ничего не ответил, и они пошли молча. Наконец она взорвалась:

— Я расскажу вам — но где? где? где? В этой духовной семинарии, где все двери всегда широко открыты и слуги постоянно приносят то чай, то полено в огонь, то газету? Есть ли в Америке дом, где можно побыть наедине с собой? Вы все так робко-боязливы и в то же время так все время на виду друг у друга. У меня чувство, что я снова в монастыре — или на сцене, перед ужасающе вежливой публикой, которая никогда не апло-

дирует.

— Вы просто другая, — сказал Арчер.

Они подошли к старому домику патрона с его низенькими стенами и маленькими квадратными оконцами, сгруппированными вокруг большой трубы в центре. Ставни были открыты, и через чисто вымытые стекла Арчер увидел огонь камина.

— Посмотрите — здесь открыто! — воскликнул он.

Она остановилась.

— Только на сегодня. Я хотела осмотреть его, и мистер ван дер Лайден велел слуге зажечь огонь и открыть окна, чтобы мы могли утром зайти сюда по пути из церкви. — Она вбежала по ступенькам и толкнула дверь. — Она все еще открыта — вот так удача! Зайдем и поговорим спокойно. Миссис ван дер Лайден поехала в Райнбек повидать тетушек-старушек, и по крайней мере час нас никто не хватится.

Он пошел за ней по узкому коридору. Его настроение, упавшее при ее последних словах, почему-то вдруг поднялось. Уютный маленький домик с панелями и медными украшениями, на которые падали слабые отсветы тлеющих в золе и вспыхивающих тут и там последних красных

огоньков в большом кухонном очаге, казалось, был создан специально для них. Над огнем висел железный котелок на старинном кронштейне, а к изразцовой облицовке печи, друг против друга, прислонились два кресла с плетеными тростниковыми сиденьями. Ряды тарелок дельфтского фаянса, расставленные на полках над очагом, украшали стены. Арчер наклонился и подбросил в огонь полено.

Оленская сбросила с плеч накидку и опустилась в одно из кресел. Арчер, прислонившись к очагу, смотрел на нее.

— Сейчас вы смеетесь; но тогда, когда вы написали мне, вы были несчастливы, — сказал он.

— Да. — Она помолчала. — Но раз вы здесь, я уже не чувствую себя несчастной.

— Я не останусь надолго, — отозвался он, с трудом шевеля губами, задеревеневшими от усилия сказать именно это и ничего более.

— Да, я знаю. Но я не слишком предусмотрительна — когда я счастлива, я предпочитаю не думать о будущем.

Искушение, пронзившее Арчера, услышавшего тайный смысл ее слов, было таким сильным, что, стараясь справиться с собой, он повернулся спиной к огню и отошел к окну, пытаясь из по-

следних сил зацепиться взглядом за чернеющие на снегу силуэты деревьев. Но это не помогло. Она все равно была перед его глазами, между ним и деревьями, словно переместившись вместе с его взглядом, — ее фигурка, склонившаяся к огню, ее лицо со слабой улыбкой. Сердце его невольно забилось еще сильнее. Что, если именно от него она бежала и, чтобы сказать ему об этом, ждала, когда они останутся друг с другом наедине?

— Эллен, если я на самом деле могу помочь вам — если вы на самом деле ждали моего приезда, — скажите мне, что происходит, скажите мне, от чего вы бежали, — выдавил он.

Он говорил не оборачиваясь к ней и не меняя своего положения: если их объяснению суждено случиться, пусть это случится именно так — их разделяет пространство и он смотрит в окно…

Она ничего не ответила, и в воздухе повисло долгое молчание; Арчер представил и почти ощутил, как она подходит к нему сзади и закидывает свои легкие руки ему на шею. Кровь стучала в висках, душа и тело соединились в едином порыве сладостной дрожи ожидания; глаза же его чисто механически отметили — он даже не сразу осознал это — появление человека в тяжелом пальто с меховым воротником, который по тро-

пинке приближался к дому.

Это был Джулиус Бофорт.

— А! — вскричал Арчер, разражаясь неприятным смехом.

Мадам Оленская вскочила и, быстро подойдя к нему, схватила его за руку, но, бросив взгляд в окно, побледнела и отступила назад.

— Так вот от кого вы бежали, — насмешливо сказал Арчер.

— Я не знала, что он приедет сюда, — пробормотала Оленская. Ее рука еще стискивала руку Арчера; но он вырвал ее и, выскочив в коридор, распахнул входную дверь.

Приветствую, Бофорт, сюда! Мадам Оленская ждет вас, — сказал он.

На обратном пути в Нью-Йорк следующим утром Арчер снова — с необыкновенной яркостью — пережил последние минуты в Скайтерклиффе.

Бофорт, явно раздосадованный тем, что застал его с Оленской, с присущей ему наглостью овладел ситуацией. Его манера игнорировать тех, чье присутствие ему мешало, заставляло людей, чувствительных к этому, ощущать себя невидимками. Пока они втроем шли через парк, Арчер мучился этим странным ощущением бес-

телесности, которое, впрочем, хотя и уязвляло его самолюбие, давало ему некое чудодейственное преимущество — все замечать, оставаясь незамеченным.

Бофорт вошел в дом со свойственной ему небрежной уверенностью, но улыбка не смогла стереть вертикальную морщину меж его бровей. Было совершенно очевидно, что Оленская не ведала о его приезде, хотя из некоторых ее слов можно было понять, что она допускала такую возможность; но, во всяком случае, она ничего не сказала Бофорту, покидая Нью-Йорк, — и ее исчезновение привело его в крайнее раздражение. Приехал он под предлогом того, что нашел для нее дом, пока не объявленный к продаже, но «именно то, что надо». Если она его сразу не купит, он тут же уплывет из рук. Своим зычным голосом Бофорт шутливо упрекал Оленскую за то, что она ускользнула в тот самый момент, когда нужно было принимать решение.

— Если бы эта хитрая штука для беседы по проволоке[55] была бы слегка совершеннее, я бы мог поговорить с вами из города и сидел бы в эту минуту в клубе, грея ноги у камина, вместо

---

[55] Примечания: 55
Телефон. А.-Г. Белл изобрел его в 1876 г.

того чтобы гоняться за вами по колено в снегу, — ворчал он, пряча истинную причину досады под притворной. Это новое изобретение, о котором он упомянул, позволило Оленской сменить тему и завести разговор о том, какая фантастическая возможность открылась перед человечеством. В один прекрасный день, может быть, будет возможен разговор между людьми, живущими на разных улицах и даже — невероятное предположение! — в разных городах! Тут все трое вспомнили Эдгара По и Жюля Верна, а также другие банальности, слетающие с губ даже наиболее умных людей, когда они, чтобы скоротать время, наивно готовы предположить появление вещей, в которые невозможно поверить; и обсуждение телефона благополучно заняло у них всю дорогу к главному дому.

Миссис ван дер Лайден еще не вернулась; и Арчер, попрощавшись, пошел за своими санями, а Бофорт последовал за Оленской в дом. Ван дер Лайдены не поощряли незваных гостей; он мог, впрочем, рассчитывать на то, что его пригласят к ужину и проводят на станцию к девятичасовому поезду. Не более того — было совершенно невероятно, чтобы джентльмен, путешествующий без багажа, мог остаться у ван дер Лайденов на ночь.

И тем более им не пришло бы в голову предложить такое Бофорту — человеку, с которым они были отнюдь не в сердечных отношениях.

Бофорт все это знал и предвидел, — какова же должна была быть мера его нетерпения, если он пустился в путь в надежде получить столь ничтожную награду! Он, несомненно, преследовал графиню Оленскую — а преследовал хорошеньких женщин он исключительно с одной целью. Его скучный бездетный дом давно не радовал его; и, кроме долговременных романов на стороне, он постоянно искал ярких любовных приключений в своем кругу. Так вот от кого спасалась бегством мадам Оленская; вопрос был в том, спасалась ли она бегством потому, что ей досаждала его назойливость, или потому, что не была уверена в своей способности ей противостоять.

Если, конечно, ее разговоры о бегстве были не для отвода глаз, а само бегство не было хитрым маневром.

Но по-настоящему Арчер не верил в это. Как бы ни были редки его встречи с Оленской, он ощущал, что может все прочесть по ее лицу, звуку ее голоса; и лицо и голос, несомненно, при внезапном появлении Бофорта выразили досаду и уныние. Но, в конце концов, если даже Бофорт

приехал по собственному побуждению, чем это лучше того, если бы Оленская покинула Нью-Йорк, назначив ему в Скайтерклиффе тайное свидание? Если бы было верным последнее, она перестала бы быть для него просто объектом интереса, она бы связала свое имя с самым пошлым из лицемеров — женщина, которая позволит себе когда-либо быть втянутой в любовную историю с Бофортом, будет скомпрометирована безнадежно…

Нет, думал Арчер, разумеется, он не прав — конечно, было бы в тысячу раз хуже, если бы Оленская, осуждая и, возможно, презирая Бофорта, все же связалась с ним, привлеченная тем, что выгодно отличало его от других членов нью-йоркского общества — соединение в нем черт двух континентов и двух обществ, его приятельство с художниками, артистами, мировыми знаменитостями и его безразличие к общественным предрассудкам.

Бофорт был вульгарен, необразован, спесив; но обстоятельства его жизни и природная проницательность делали его лучшим собеседником, чем большинство мужчин, чей горизонт был ограничен Бэттери и Центральным парком, хотя они были чище в нравственном отношении и

выше по общественному положению. Что же можно ожидать от женщины, явившейся из другого, «большого» мира, как же возможно, чтобы она не заметила этой разницы и не пленилась Бофортом?

Как-то рассердившись, Оленская сказала Арчеру, что они говорят на разных языках; и молодой человек понимал, что во многом она права. Бофорт же прекрасно понимал все оттенки ее наречия и говорил на нем совершенно свободно: его взгляды на жизнь, его манеры, его убеждения были, увы, отражением того, что почувствовал Арчер, прочитав письмо графа Оленского, не точным, конечно, но… Казалось бы, это лишает его преимуществ в общении с женой графа Оленского; но Арчер был достаточно умен, чтобы верить, что молодая женщина, такая, как Эллен Оленская, будет отвергать все, что напоминает ей о прошлом. Она может считать его отвратительным в целом, но то, что ей нравилось в нем, может очаровывать ее по-прежнему, даже против ее воли.

Так, стараясь быть беспристрастным, что, впрочем, причиняло ему боль, Арчер пытался разложить историю с Бофортом и его возможной жертвой. Он испытывал страстное желание пере-

сказать ей все свои размышления; и иногда были моменты в их общении, когда ему казалось, что она просит его об этом.

Вечером он распаковал посылку из Лондона. В ящике были книги, которые он ждал с нетерпением, — новый том Герберта Спенсера, очередная партия прекрасных историй плодовитого Альфонса Доде и роман «Мидлмарч»,[56] о котором он читал любопытные отклики. Ради этого «пира духа» он отклонил три приглашения на обед, — и, однако, хотя он перелистывал страницы с чувственной радостью настоящего библиофила, он не мог ни на чем сосредоточиться, и одна за другой книги выпадали у него из рук. Вдруг Арчер увидел в этой куче на полу маленький томик стихов, и его привлекло название — «Дом жизни».[57] Он поднял его, раскрыл и погрузился в удивительную атмосферу, подобной которой ему еще не приходилось дышать в книгах, — она была такой теплой, роскошно-чувственной и в то же время такой невыразимо нежной, что придавала новую, тревожную красоту многим самым простым человеческим страстям. Всю

---

[56] Примечания: 56
Роман Дж. Элиот, английской писательницы.

[57] Примечания: 57
Цикл сонетов Россетти, английского поэта и художника.

ночь сквозь эти страницы ему мерещилась женская фигура с лицом Эллен Оленской; но когда он утром проснулся и увидел в окне ряд домов из коричневого песчаника на другой стороне улицы, представил свой стол в офисе мистера Леттерблэра и семейную скамью в церкви Божьей Милости, — время, проведенное в парке Скайтерклиффа, показалось ему чем-то запредельно далеким от действительности, таким же далеким, как его ночные видения…

— Боже, Ньюланд, какой ты бледный! — сказала Джейни, когда они за завтраком пили кофе, а мать добавила:

— Ньюланд, дорогой, я заметила, что ты кашляешь. Надеюсь, ты не позволяешь себе переутомляться?

По убеждению обеих дам, жизнь Арчера проходила в невыносимо тяжких трудах и мучениях вследствие железного деспотизма старших партнеров по работе. Арчер не считал необходимым разуверять их в этом.

Следующие два-три дня тянулись невыносимо долго. Изнурительная жвачка повседневности, казалось, придавала всему отвратительный вкус тления; и порой Арчеру чудилось, что он похоронен живым под глыбой своего будущего. Он

ничего не слышал ни об О ленской, ни о «именно таком, как надо» домике, и хотя он как-то столкнулся с Бофортом в клубе, они едва кивнули друг другу через стол для игры в вист.

Только на четвертый вечер, вернувшись домой, он обнаружил записку: «Приходите завтра попозже: я должна объяснить вам. *Эллен*».

Больше в записке ничего не было.

Молодой человек сунул записку в карман, слегка улыбнувшись французскому обороту английской речи Эллен. Он обедал в гостях, потом был в театре, и только возвратившись домой, вынул из кармана письмо Оленской и медленно, несколько раз перечитал его. Ответить можно было несколькими способами, и в течение нескончаемой ночи он хорошенько обдумал каждый.

Когда наконец рассвело, он пришел к решению — и, собрав в саквояж кое-какую одежду, в тот же день ступил на борт парохода, отправлявшегося в Сент-Огастин.

Глава 16

Арчеру указали на дом мистера Уэлланда. Когда он спустился к нему по песчаной главной улице Сент-Огастина и увидел стоящую под магнолией Мэй, волосы которой искрились на солнце, он спросил себя, почему он не приехал раньше.

Здесь была правда, реальность, жизнь, которая принадлежала ему; а он, изображавший из себя ниспровергателя запретов, боялся вылезти из-за офисного стола, потому что люди могли осудить его!

— Ньюланд, что-нибудь случилось? — воскликнула она, и он подумал, что она могла бы проявить побольше женской интуиции и прочесть в его глазах причину его приезда.

— Нет, я просто почувствовал, что должен тебя видеть, — ответил он и увидел, как радостный румянец растопил холодок ее удивления, и еще он увидел, как легко будет прощено его своеволие и что воспоминание о неодобрении его отъезда, мягко выраженное мистером Леттерблэром, скоро сотрется в его памяти доброжелательностью окружающих его будущих родственников.

Главная улица была, разумеется, не местом для

выражения чего-либо, кроме официальных приветствий, даже несмотря на ранний час, и Арчер страстно хотел остаться с Мэй наедине, чтобы высказать ей всю свою нежность и нетерпение. До позднего завтрака Уэлландов оставался еще целый час, и Мэй, вместо того чтобы пригласить его в дом, предложила прогуляться в видневшуюся вдалеке старую апельсиновую рощу. Мэй только что каталась на лодке, и солнце, которое плескалось в волнах золотой рябью, словно поймало ее в свои светящиеся сети. Ветер раздувал ее волосы, и они серебрились на солнце, оттеняя теплую смуглость щек, а светлые глаза стали почти совсем прозрачными. Она шла рядом с Арчером ритмичным шагом и ясным безмятежным выражением своего лица напомнила ему лики совершенных античных статуй.

Эта картина пролила бальзам на воспаленные нервы Арчера — так же, как и голубое небо, и лениво влачащая свои воды река. Они сели на скамейку под апельсиновыми деревьями, он привлек Мэй к себе и поцеловал. Поцелуй был как глоток воды из родника, в котором бился солнечный луч; но объятия Арчера невольно оказались столь крепки, что лицо Мэй залила краска, и она отпрянула, словно испугавшись.

— Что случилось? — спросил он, улыбаясь.

— Ничего, — ответила она, глядя на него с удивлением.

Легкое чувство неловкости возникло меж ними, и Мэй отобрала свою руку. В первый раз он поцеловал ее в губы, если не считать мимолетного поцелуя в бофортовской оранжерее, и он увидел, что она взволнована и выведена из обычного хладнокровного состояния.

— Расскажи мне, что ты делаешь весь день, — сказал он, откинувшись назад и закидывая руки за голову, надвинув на глаза шляпу, чтобы защитить их от яркого солнца. Было так приятно отдаться течению своих мыслей под журчащий ручеек ее сообщений о простых знакомых вещах; и он сидел, внимая рассказам о купаниях, прогулках верхом и на лодках, которые изредка перемежались танцами в простой гостинице, когда в Сент-Огастине появлялись моряки с приставшего военного корабля. В гостинице остановились приятные люди из Филадельфии и Балтимора, и семейство Селфридж Мерри приехало на три недели, потому что Кейт переболела бронхитом. Они собираются устроить на пляже теннисный корт; но ни у кого, кроме Мэй и Кейт, нет ракеток, а остальные никогда и не слыхивали

о теннисе.

На все это уходит очень много времени, поэтому она смогла только перелистать маленький томик «Португальских сонетов»,[58] который он послал ей неделю назад, но зато она учила наизусть «Как добрая весть из Гента достигла Аахена»,[59] потому что это одно из первых стихотворений, которое он ей прочел, и она с веселой улыбкой сообщила ему, что вот Кейт знать не знает поэта по имени Роберт Браунинг.

Тут она вскочила, воскликнула, что они могут опоздать к завтраку, и они поспешили к ветхому домику с некрашеным крыльцом и неухоженной живой изгородью из розовой герани и голубого свинцового корня, где Уэлланды обустраивались на зиму. Мистер Уэлланд, будучи домоседом, не любил неряшливых, лишенных удобств южных гостиниц, и каждый раз с неимоверным трудом и большими затратами миссис Уэлланд приходилось налаживать быт с помощью недовольных нью-йоркских слуг и нанятых на месте негров.

«Доктора говорят, что, если муж не будет чувствовать себя как дома, он будет нервничать и

---

[58] Примечания: 58
Сборник любовной лирики английской поэтессы Элизабет Браунинг.

[59] Примечания: 59
Стихотворение Р. Браунинга.

климат не пойдет ему на пользу», — объясняла она каждый раз сочувствующим филадельфийцам и балтиморцам. Сейчас же, за завтраком, улыбаясь Арчеру, сидящему напротив, через стол, заставленный различными деликатесами, мистер Уэлланд разглагольствовал:

— Видите, мой дорогой, как у нас все просто — по-походному, точно как в кемпинге. Я говорю своей жене и Мэй, что я хочу приучить их к походным условиям.

Мистер и миссис Уэлланд не меньше дочери были поражены внезапным появлением Арчера, но его весьма кстати осенило объяснить свой приезд тем, что он ощущает себя на грани сильной простуды. Этот довод мистер Уэлланд счел более чем убедительным — возможность простудиться была достаточной причиной для того, чтобы прекратить любую работу.

— Никакая осторожность в преддверии весны не может быть чрезмерной, — говорил он, накладывая на тарелку румяные лепешки и поливая их золотистым сиропом. — Если бы я в вашем возрасте был благоразумен, Мэй зимой могла проводить время на балах, вместо того чтобы скрашивать жизнь старому инвалиду.

— Что ты, папа, мне так нравится здесь. Если

бы только Ньюланд мог быть с нами, мне было бы в тысячу раз лучше, чем в Нью-Йорке.

— Ньюланд может остаться с нами до тех пор, пока не пройдет его простуда, — милостиво разрешила миссис Уэлланд. Арчер рассмеялся и дальновидно заметил, что о службе забывать не следует, изображая неуемное стремление к труду.

Ему удалось, однако, после обмена телеграммами между ним и фирмой сделать так, что его простуда продолжалась неделю. Милость мистера Леттерблэра отчасти объяснялась тем, что его блестящий молодой партнер так прекрасно уладил неприятное дело с разводом Оленской — такова была ирония судьбы. Мистер Леттерблэр дал понять миссис Уэлланд, что Арчер оказал «неоценимую услугу» всей семье, чем особенно довольна старая миссис Мэнсон Минготт. Миссис Уэлланд всегда избегала этой темы в присутствии дочери, но однажды, когда Мэй поехала с отцом кататься в единственном в городе экипаже, миссис Уэлланд осторожно коснулась запретного предмета:

— Боюсь, что идеи Эллен не похожи на наши. Едва ей исполнилось восемнадцать, Медора Мэнсон забрала ее в Европу — кстати, помните, какой

поднялся шум, когда она явилась на свой первый бал в черном? Очередная странность Медоры — на этот раз оказавшаяся пророческой… Это было по меньшей мере двенадцать лет назад; и с тех пор Эллен никогда не была в Америке. Немудрено, что она совершенно европеизировалась.

— Но европейское общество не приветствует разводы; графиня Оленская считала, что обретение свободы — идея вполне американская. — В первый раз после Скайтерклиффа он произнес ее имя и почувствовал, что краснеет.

— Как это похоже на те небылицы, которые сочиняют о нас иностранцы, — сочувственно улыбнулась миссис Уэлланд. — Они воображают, что мы обедаем в два часа дня и поощряем разводы! Вот почему мне кажется не слишком умным обычай развлекать их, когда они приезжают в Нью-Йорк. Они пользуются нашим гостеприимством, а потом возвращаются домой и повторяют те же сказки.

Арчер ничего не сказал, и миссис Уэлланд продолжала:

— Мы все очень благодарны вам, что вы убедили ее отказаться от этой неудачной идеи. Ни бабушке, ни ее дяде Лавелу это не удалось. Оба они сообщили нам, что это всецело ваша за-

слуга — она сама сказала об этом бабушке. Она просто обожает вас. Бедняжка Эллен всегда была своенравным ребенком. Знать бы, что за судьба ее ждет.

«То, что мы ей уготовили, — мысленно ответил ей Арчер. — Если вы все предпочитаете, чтобы она стала любовницей Бофорта, а не женой честного человека, то вы на правильном пути».

Что бы сказала миссис Уэлланд, произнеси он это вслух? Он представил, как внезапно исказятся ее спокойные, твердые черты, которые приобрели ложную значительность путем преодоления мифических жизненных сложностей. В них читались следы былой красоты Мэй была похожа на мать, и он спрашивал себя, не будет ли со временем лицо Мэй таким же — огрубевшим лицом женщины средних лет, и будет ли оно иметь это выражение непоколебимой безгрешности…

О нет, он не желает, чтобы Мэй отличалась этим ощущением безгрешности, которое не даст ей развиваться — ни уму ее, который зачахнет без воображения, ни сердцу, которое не осмелится следовать чувству!

— Я совершенно уверена, — продолжала миссис Уэлланд, — что если бы эта ужасная история попала в газеты, это убило бы моего мужа. Я

не знаю никаких подробностей; я и не хочу их знать, так я и сказала бедняжке Эллен, когда она пыталась поговорить со мной об этом. Заботясь о тяжелобольном человеке, я должна иметь ясный ум и быть в приятном расположении духа… Но мистер Уэлланд был ужасно расстроен; каждое утро у него немного повышалась температура, пока мы ожидали, как решится дело. Он был просто в ужасе, что его девочка может узнать о том, что возможны подобные вещи, — но ведь и вы, дорогой Ньюланд, чувствовали то же самое. Мы все знали, что вы думали о Мэй.

— Я всегда думаю о Мэй, — сказал молодой человек, поднимаясь, чтобы окончить беседу. Он хотел воспользоваться ею, чтобы убедить миссис Уэлланд ускорить свадьбу, но не смог придумать ни единого аргумента, который бы подействовал на нее, и с чувством облегчения увидел, что Мэй и мистер Уэлланд подъехали к дому.

У него оставалась единственная надежда убедить Мэй, и накануне отъезда он отправился с ней в заброшенный сад испанской миссии. Руины вдалеке напомнили Арчеру о европейских пейзажах; и Мэй, особенно прелестная в своей шляпке, широкие поля которой бросали таинственную тень на ее ясные-преясные глаза,

затаив дыхание внимала его рассказам о Гранаде и Альгамбре.[60]

— Мы могли бы увидеть все это уже весной — провести в Европе Пасху. — Нарочно завышая требования, Арчер надеялся достичь хотя бы малого.

— Пасха в Севилье? Но ведь на следующей неделе уже Великий пост! — засмеялась Мэй.

— Почему бы нам не пожениться на Великий пост? — легкомысленно предложил он и понял свою ошибку, увидев, как глубоко шокирована Мэй. — Я, конечно, пошутил, дорогая. Но сразу после поста — мы сможем отплыть в конце апреля. В офисе я все улажу.

Мэй мечтательно улыбнулась такой возможности; но, увы, Арчер ясно видел, что она останется только мечтой. С таким же выражением она слушала, когда он читал ей стихи о прекрасных вещах, которых не бывает в реальной жизни.

— О Ньюланд, еще, еще, я так люблю слушать твои фантазии…

— Но почему они должны оставаться фантазиями? Почему мы не в силах воплотить их в

---

[60] Примечания: 60

Гранада последнее государство мавров в Испании. Альгамбра дворец-крепость, образец восточной роскоши, вершина мавританской фантазии и искусства.

жизнь?

— Конечно в силах, дорогой. В следующем году… — протянула она.

— Разве ты не хочешь, чтобы это было скорее? Неужели мне не удастся уговорить тебя сделать это сейчас?

Она опустила голову, спрятав лицо под спасительными полями шляпы.

— Зачем нам проводить целый год в мечтаниях? Дорогая, взгляни на меня. Разве ты не понимаешь, как я хочу, чтобы ты скорее стала моей женой?

Мгновение она оставалась неподвижной; затем, подняв глаза, послала ему взгляд такой немыслимой ясности, что он едва не выпустил ее талию из своих рук. Но вдруг в глубине ее глаз появилось другое, загадочное выражение.

— Мне кажется, я не совсем тебя понимаю, — сказала она. — Может быть, это означает, что ты не уверен, что твои чувства ко мне останутся неизменными?

Арчер вскочил со скамьи.

— Боже, откуда мне знать? Я не знаю! — рассерженно вскричал он.

Мэй поднялась тоже и, выпрямившись, посмотрела ему прямо в глаза с обостренным чувством

собственного достоинства. Они оба помолчали мгновение, словно их смутил неожиданный оборот разговора, затем она тихо спросила:

— Может быть… кто-то встал между нами?

— Кто-то встал между нами? — повторил он ее вопрос медленно, как будто бы не понял его и ему нужно было время, чтобы осознать его смысл.

Мэй, словно уловив неуверенность в его голосе, продолжала проникновенным тоном:

— Давай поговорим откровенно, Ньюланд. Иногда мне кажется, что твое отношение ко мне изменилось; особенно после того, как была объявлена наша помолвка.

— Дорогая, что за чушь! — опомнившись, запротестовал он.

Она встретила его протест слабой улыбкой.

— Если это так, мы вместе посмеемся над этим. — Она помолчала и добавила, грациозным движением вскинув голову: — Или — если это правда — мы все равно можем все обсудить. Так легко совершить ошибку — ты мог сделать это.

Он опустил голову, разглядывая темную узорчатую тень листвы на залитой солнцем тропинке, что лежала у них под ногами.

— Совсем не трудно совершить ошибку, но, если бы я сделал это, неужели бы я стал просить

тебя ускорить свадьбу?

Она тоже опустила голову, кончиком зонта ломая узор светотени под ногами.

— Да, — сказала она наконец. — Может быть, ты хочешь — раз и навсегда — покончить с этим. Это выход.

Ее невозмутимость испугала его. Может быть, она равнодушна к нему? Из-под полей шляпы Арчер видел только ее бледный профиль. Ноздри ее слегка подрагивали над решительно сжатыми губами.

— Ты что-то имеешь в виду? — спросил Арчер, снова усаживаясь на скамейку и глядя на нее снизу с выражением, которому он силился придать оттенок шутливости. Она опустилась рядом с ним и продолжила:

— Ты не должен думать, что девушка знает так мало о жизни, как воображают ее родители. Каждая из нас все слышит и все замечает — и имеет свои собственные чувства и мысли. Задолго до того, как ты признался мне в любви, я знала о том, что у тебя есть другая женщина; все кому не лень толковали об этом два года назад в Ньюпорте. Однажды я увидела вас сидящими вместе на танцевальной веранде — и когда она вернулась в дом, у нее было печальное лицо, и я пожалела

ее. Я вспомнила об этом потом, уже после нашей помолвки.

Голос Мэй упал почти до шепота, и она сжимала и разжимала руки, державшие зонтик. Арчер нежно сжал их, испытывая чувство невыразимого облегчения.

— Мое дорогое дитя, так вот что тебя мучит?

Если бы ты знала правду…

Она быстро подняла голову:

— То есть есть что-то, чего я не знаю?

— Я имел в виду — правду о той старой истории, — сказал он, не отнимая своих рук.

— Но я бы и хотела узнать — именно это. Я должна знать, Ньюланд. Я не хочу, чтобы мое счастье было построено на чьем-то чужом несчастье. И мне хочется думать, что ты чувствуешь то же, что и я. Что же за жизнь у нас будет в ином случае?

Лицо ее окрасилось такой трагической решимостью, что он готов был упасть к ее ногам.

— Я много раз хотела сказать тебе это, — продолжала она, — я хотела сказать тебе, что если двое по-настоящему любят друг друга, я могла бы понять, что возможны ситуации, когда они могут пойти против общественного мнения. И если ты чувствуешь, что ты как-то связан… связан с той женщиной, о которой мы говорим… и если ты

дал ей обещание и должен его выполнить… если она может развестись… Ньюланд, ты не должен бросать ее даже ради меня!

Легкое удивление, охватившее его, когда он понял, что ее страхи связаны с давно позабытой историей его интрижки с миссис Торли Рашуорт, сменилось более сильным чувством. Он был просто сражен. Совершенно невероятно, чтобы она обладала столь противоположной общепринятой, великодушной точкой зрения на подобный предмет — и если бы не постоянно гнетущая его проблема, он бы просто умер на месте от изумления: ну и вундеркинд вырос среди Уэлландов! Уговаривать его жениться на прежней любовнице! Но у него еще кружилась голова при мысли о пропасти, на краю которой они стояли несколько мгновений назад, и он вновь исполнился благоговения перед ее девическим неведением.

Несколько мгновений он не мог вымолвить ни слова. Затем заговорил:

— Нет никаких клятв, никаких обещаний — во всяком случае того рода, что ты говорила. Такие дела обычно гораздо сложнее… но это не имеет значения… Я преклоняюсь перед твоим великодушием, я думаю так же, как и ты… я чувствую, что любой случай, если его рассматривать отдельно…

независимо от дурацких условностей… Я имею в виду, каждая женщина имеет право быть свободной… — Он остановился, испугавшись того, куда могут завести его собственные рассуждения, и продолжал, с улыбкой глядя на нее: — Раз ты так все хорошо понимаешь, дорогая, не пойти ли тебе немного дальше и понять всю бесполезность того, что мы должны склониться перед другой формой тех же дурацких условностей? И раз между нами не стоит никто и ничто, разве это не аргумент для того, чтобы не откладывать свадьбу и пожениться быстрее?

Она подняла к нему вспыхнувшее от радости лицо, и он увидел, что глаза ее наполнились слезами счастья. Но в следующий момент торжествующая гордая женственность вновь сменилась в ней на робкую девическую беспомощность; и он понял, что ее смелость и предприимчивость касается только других и что во всем, что касается ее самой, она совершенно несамостоятельна. Было совершенно очевидно, чего ей стоил всплеск ее гордой речи, и, услышав его дальнейшие слова, она снова «закрылась на ключ», спрятавшись в своей сдержанности, как чересчур разыгравшийся ребенок ищет укрытия в руках своей матери. У Арчера не было сил продолжать уговоры — он

был слишком разочарован исчезновением того необыкновенного существа, которое выплеснулось вдруг из глубины ее прозрачных глаз, а потом рассеялось, как туман. Было очевидно, что Мэй почувствовала его разочарование, но не знала, как его облегчить; и они вернулись домой в тягостном молчании.

Глава 17

— Когда тебя не было, к маме заезжала твоя будущая кузина, — объявила Арчеру Джейни за обедом в вечер его возвращения домой.

Арчер удивленно посмотрел на мать — она демонстративно не подняла глаз от тарелки. Не выезжая в свет, миссис Арчер все же не считала это достаточной причиной для того, чтобы свет забыл про нее, и Арчер понял, что ее раздосадовало его немое удивление визитом Оленской.

— На ней был черный бархатный полонез с гагатовыми пуговицами и крошечная зеленая муфта из обезьяньего меха; я никогда не видела ее столь шикарно одетой, — продолжала Джейни. — Она приехала одна, в воскресенье к вечеру; по счастью, в гостиной горел камин. У нее был этот, знаешь, новомодный футляр для визиток. Она сказала, что хотела с нами познакомиться, потому что ты был так добр к ней. Ньюланд засмеялся:

— Мадам Оленская всегда отзывается так о своих друзьях. Она просто очень счастлива снова быть среди своих.

— Да, она именно так и сказала, — проговорила

миссис Арчер. — Мне кажется, что она счастлива, что вернулась.

— Надеюсь, она понравилась тебе, мама.

Миссис Арчер поджала губы:

— Она жаждет произвести хорошее впечатление, поэтому и решила навестить пожилую даму.

— Мама считает, что она себе на уме, — вмешалась Джейни, покосившись на брата.

— Это всё мои старомодные чувства — моим идеалом является дорогуша Мэй, — сказала миссис Арчер.

— Да, — отозвался сын, — они совершенно разные.

Арчер покинул Сент-Огастин, имея множество поручений для старой миссис Минготт, и дня через два после возвращения в город он отправился к ней.

Старая дама приняла его с необычайной теплотой; она была благодарна ему за то, что он уговорил Оленскую отказаться от развода. А когда он рассказал ей, что удрал из конторы без разрешения в Сент-Огастин только потому, что ему захотелось повидать Мэй, откуда-то из глубин наплывов жира раздалось радостное кудахтанье, и она похлопала его по колену своей

пухлой ручкой:

— О, да это настоящий бунт, мой дорогой! Я представляю вытянувшиеся рожи Августы и ее благоверного; они наверняка вели себя так, будто с вашим приездом наступил конец света. Но малютка Мэй, она-то, я уверена, все поняла как надо?

— Надеюсь; но все же она не согласилась на то, о чем я просил ее.

— В самом деле? О чем же вы ее попросили?

— Я надеялся вырвать у нее обещание, что мы поженимся в апреле. Какая польза от того, что мы потеряем целый год?

Миссис Мэнсон Минготт скривила свой крошечный ротик в гримаску притворной стыдливости и, злобно прищурившись, подмигнула ему.

— «Ах, спросите маму», я полагаю, и все такое — обычная история! О, эти Минготты, они все одинаковые. Всю жизнь в одной колее, и невозможно заставить их с нее свернуть. Когда я строила этот дом, можно было подумать, что я переехала в Калифорнию! Мол, никто никогда не строился дальше Сороковой улицы. Ну и что, говорила я, когда-то никто не строился дальше Бэттери. Нет, нет, никто из них не желает отличаться от других, они боятся этого, как оспы. Мой

дорогой Арчер, я, благодаря звездам, всего лишь простая Спайсер; и никто из моих собственных детей не пошел в меня. Вот только моя малютка Эллен.

Она остановилась, снова подмигнув ему, и спросила со свойственной пожилым людям непоследовательностью:

— А кстати, почему бы вам было не жениться на моей малютке Эллен?

Арчер рассмеялся.

— Хотя бы потому, что ее здесь не было, — сказал он.

— Да, точно. Жалость какая. А теперь слишком поздно — ее жизнь сломана. — Она сказала это с хладнокровным благодушием преклонных лет, словно бросая горсть земли в могилу, где похоронены юные надежды.

Арчер почувствовал, как сердце его сжалось, и он поспешил сменить тему:

— Могу я просить вас повлиять на Уэлландов, миссис Минготт? Эти долгие помолвки — они как-то не по мне.

Старая Кэтрин бросила на него одобрительный взгляд:

— Вижу, вижу. Шустрый молодой человек. Побьюсь об заклад, в детстве вы наверняка любили,

чтобы за обедом вам накладывали первому.

Она закинула голову и залилась смехом, и ее множество подбородков заколыхались волнами.

— А вот и моя Эллен! — вслед за тем воскликнула она, и за спиной у нее раздвинулись портьеры.

Мадам Оленская вошла улыбаясь. Ее оживленное лицо сияло счастьем, и, склонившись поцеловать бабушку, она непринужденно протянула Арчеру руку.

— Я как раз говорила ему, моя дорогая, почему бы ему не жениться на моей малютке Эллен.

Оленская, все еще смеясь, взглянула на Арчера.

— И что же он ответил? — спросила она.

— О дорогая, пусть он сам тебе скажет. Он только что был во Флориде у своей возлюбленной.

— Да, я знаю. — Она все еще не отводила от него взгляда. — Я заезжала к вашей матери, чтобы узнать, где вы. Я послала вам записку и не получила ответа; я боялась, что вы заболели.

Он пробормотал что-то о неожиданном и спешном отъезде и намерении написать из Сент-Огастина.

— И конечно, как только вы приехали туда, вы тут же забыли обо мне. — Она продолжала улыбаться с веселым — притворным, хотелось

ему надеяться — равнодушием.

«Если я все еще нужен ей, она решила не показывать мне этого более», — подумал он, слегка уязвленный ее новой манерой. Он хотел поблагодарить ее за то, что она навестила его мать, но под коварным взглядом прародительницы слова застревали у него на губах.

— Взгляни-ка на него — до того не терпится жениться, что удрал по-английски и помчался на коленях упрашивать глупую девчонку! Вот что такое любовь — точно так же Боб Спайсер увез мою бедную мамочку, но не успели отнять меня от груди, как она уже ему надоела, хотя им пришлось ждать моего появления только восемь месяцев! Но вы-то, молодой человек, к счастью и для вас, и для Мэй, совсем не Спайсер. Только моей бедняжке Эллен досталась их испорченная кровь, все остальные настоящие Минготты! — презрительно закончила старая дама.

Арчер видел, что О ленская, которая села рядом с бабушкой, все еще внимательно изучает его. Веселость исчезла из ее глаз, и она сказала мягко:

— И в самом деле, бабушка, мы должны уговорить их сделать так, как он хочет.

Арчер поднялся, чтобы уйти, и, прощаясь с Оленской, он почувствовал невысказанный во-

прос о записке.

— Когда я могу вас увидеть? — спросил он, когда она проводила его к дверям.

— Когда захотите; но поспешите, если хотите еще раз увидеть мой маленький домик. На следующей неделе я оттуда съезжаю.

Внезапная острая боль пронизала его при воспоминании о часах, проведенных в освещенной лампой низкой гостиной. Короткое время, проведенное в ней, меж тем вызвало в памяти столь многое…

— Может быть, завтра вечером? Она кивнула:

— Только не поздно — я собираюсь в гости. Следующий день был воскресным, и «в гости» могло означать только одно — «к миссис Лемюэл Стразерс». Он почувствовал легкую досаду, не столько потому, что она едет туда (это даже порадовало его, что она ездит куда хочет назло ван дер Лайденам), но потому, что это дом того сорта, где она может встретить Бофорта, где она знает заранее, что его встретит, а может быть, и едет именно с этой целью.

— Отлично, завтра вечером, — повторил он, решив про себя, что рано не поедет, а приехав поздно, либо не даст ей поехать к миссис Лемюэл Стразерс, либо — если не застанет ее — это будет

простейшим выходом из положения.

Но уже в полдевятого он звонил в дверь под глицинией — на полчаса раньше, чем собирался, но странное беспокойство принесло его ноги к ее порогу. Он подумал, что вечер у миссис Лемюэл Стразерс отнюдь не бал и гости могут собираться рано, как бы пытаясь преуменьшить значение своего проступка.

Его поразило, что в прихожей О ленской лежали пальто и шляпы. Зачем она просила его прийти пораньше, если у нее обедали гости? Он внимательно исследовал одежду, рядом с которой Настасья положила его собственную, и негодование его сменилось любопытством. Он не встречал такой одежды в так называемых приличных домах; и достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что ни одно пальто не принадлежит Бофорту. Одно одеяние представляло собой потрепанное длинное свободное пальто явно из магазина подержанного платья; вторым, судя по всему, владел человек весьма крупных размеров. Это был очень старый, поношенный выцветший плащ с пелериной. Его черные с прозеленью складки издавали запах мокрых опилок, который свидетельствовал о том, что владелец плаща подолгу подпирал собой стены

пивнушек. На нем лежал драный серый шарф и странная шляпа, смахивающая на головной убор священника.

Арчер вопросительно поднял брови, глядя на Настасью, та в ответ развела руками. Потом она распахнула дверь в гостиную.

Молодой человек сразу же увидел, что хозяйки нет в гостиной; к его удивлению, другая дама стояла у камина — длинная, тощая, нескладная, завернутая в невероятно сложное одеяние из смеси клеток, полосок и лент незамысловатых цветов, к тому же отделанное бахромой, — следы какого-нибудь смысла в этом наряде отыскать было невозможно. Ее волосам, имевшим намерение поседеть, удалось лишь поблекнуть, и они были собраны в прическу, увенчанную испанским гребнем и черными кружевами. Распухшие ревматические суставы ее рук прятались в шелковые митенки с явными следами штопки.

Рядом с ней, окутанные облаком сигарного дыма, стояли владельцы пальто. Оба были в костюмах, которые, совершенно очевидно, они не меняли с самого утра. В одном из них Арчер, к своему удивлению, узнал Неда Уинсетта; с другим, постарше, Арчер был незнаком. Это, судя по его гигантской фигуре, был владелец огромного

плаща; его голова с мелкими седыми кудрями, слегка напоминающая львиную гриву, была откинута назад; он широко развел руки, словно осеняя благословением коленопреклоненную толпу. Все трое стояли на ковре у камина, глядя на необычайно огромный букет красных роз, который лежал рядом с пучком пурпурных анютиных глазок на диване, где обычно сидела Оленская.

— Сколько же они должны стоить зимой — хотя, конечно, чего не сделаешь ради любви! — прерывистым стаккато произносила дама, когда Арчер вошел.

Все трое удивленно обернулись при его появлении; впрочем, дама сразу шагнула вперед и протянула ему руку.

— Дорогой мистер Арчер, можно сказать — кузен Ньюланд! — приветствовала его она. — Я маркиза Мэнсон.

Арчер поклонился, и она продолжала:

— Моя Эллен приютила меня на несколько дней. Я только что с Кубы, где проводила зиму с испанскими друзьями необыкновенными, очаровательными людьми. Высшая кастильская знать, вы же понимаете, — как жаль, что я не смогу вас познакомить! Но мой старый друг доктор Карвер вырвал меня оттуда. Вы не знакомы

с Агатоном Карвером, основателем общества «Долина Любви»?

Доктор Карвер склонил свою львиную голову, и маркиза продолжала:

— Ах, Нью-Йорк, Нью-Йорк, как же мало он соприкасается с духовной жизнью! Однако, я вижу, вы знакомы с мистером Уинсеттом.

— О да, мой дух соприкасается с мистером Арчером уже некоторое время; правда, на иных дорогах, — пошутил Уинсетт, улыбаясь своей суховатой улыбкой.

Маркиза неодобрительно покачала головой:

— Не стоит над этим шутить, мистер Уинсетт. Откуда вы можете знать это? «Дух дышит, где хочет».[61]

— Да-да, где хочет! — громовым голосом подхватил доктор Карвер.

— Присядьте, мистер Арчер. Мы вчетвером прекрасно пообедали, и моя девочка поднялась наверх переодеться. Она спустится через минуту — она ждала вас. А мы тут восхищаемся этими прекрасными цветами, которые будут для нее сюрпризом, когда она появится.

Уинсетт не стал садиться.

---

[61] Примечания: 61
Евангелие от Иоанна, гл. 3.

— Боюсь, я должен идти. Пожалуйста, передайте мадам Оленской, что мы будем сожалеть, когда она переедет. Этот дом был в наших краях прекрасным оазисом.

— Но вас-то она не покинет. Поэзия и искусство для нее как воздух. Вы ведь пишете стихи, мистер Уинсетт?

— Нет, но я иногда читаю их, — сказал Уинсетт и, отвесив общий поклон, удалился.

— Весьма язвителен… un peu sauvage.[62] Но так остроумен! Как на ваш взгляд, доктор Карвер?

— Остроумие меня не интересует, — сурово сказал доктор Карвер.

— Ах, ах, не интересует! Он так безжалостен к нам, простым смертным, не правда ли, мистер Арчер? Но он живет одной лишь духовной жизнью; сейчас он мысленно готовит лекцию, которую будет читать у миссис Бленкер. Доктор Карвер, если у вас останется время перед Бленкерами, может быть, вы объясните мистеру Арчеру ваше изумительное открытие Прямого Контакта? Однако нет. Я вижу, что уже почти девять часов, и мы не вправе задерживать вас, когда у Бленкеров ждут ваших откровений.

---

[62] Примечания: 62
Слегка грубоват *(фр.)*.

Доктор Карвер выглядел слегка разочарованным этим неожиданным заключением, но, сверив свои массивные золотые часы с маленькими дорожными часами Оленской, он неохотно стал продвигаться к выходу.

— Мы еще увидимся, дорогой друг? — спросил он маркизу, которая отвечала с улыбкой:

— Как только подъедет карета Эллен, я присоединюсь к вам; надеюсь, лекция еще не начнется.

Доктор Карвер задумчиво посмотрел на Арчера:

— Возможно, молодой джентльмен заинтересуется моими опытами. Может быть, миссис Бленкер позволит вам захватить его с собой?

— О дорогой друг, если бы это было возможно, она была бы очень рада. Но я боюсь, моя Эллен сама имеет виды на мистера Арчера.

— Это весьма неудачно, — сказал доктор Карвер, — однако вот моя карточка. — Он вручил Арчеру карточку, на которой готическим шрифтом было написано:

АГАТОН КАРВЕР

Долина Любви

Риттаскваттамп, Нью-Йорк

Доктор Карвер откланялся, и миссис Мэнсон со вздохом, который мог с тем же успехом означать как сожаление, так и облегчение, снова пригласила Арчера сесть.

— Эллен сейчас сойдет вниз; но я так рада, что мы можем минуту посидеть в тишине перед ее приходом.

Арчер пробормотал, как он рад их встрече, и маркиза продолжала своим низким, с придыханием голосом:

— Я все знаю, дорогой мистер Арчер, — мое дитя рассказало мне о том, что вы сделали для нее. Ваш мудрый совет, ваша ободряющая твердость — слава Небесам, что еще не было поздно!

Арчер почувствовал себя неловко. Остался ли кто-нибудь, подумал он, кому мадам Оленская не рассказала о его участии в ее личных делах?

— Мадам Оленская преувеличивает, — сказал он. — Я просто дал ей юридический совет, поскольку она меня попросила об этом.

— Да, но, совершая это, вы были бессознательным орудием… каким современным словом мы

называем Провидение, мистер Арчер? — вскричала маркиза, склонив голову набок и прикрыв глаза с таинственной значительностью. — Вы не знали в тот момент, что ко мне взывали — и через Атлантику мне был задан вопрос!

Она бросила взгляд через плечо, будто боясь, что их могут подслушать, и, придвинув ближе свой стул и прикрывая рот маленьким веером из слоновой кости, выдохнула:

— Сам граф обратился ко мне — бедный, глупый, сумасшедший Оленский, он просит вернуть ее на любых условиях.

— Боже милостивый! — воскликнул Арчер, вскочив со стула.

— Вы испуганы? О да, я понимаю. Я не защищаю бедного Станислава, хотя он всегда называл меня лучшим другом. Он и сам не пытается защититься — он припадает к ее ногам в моем лице. — Она хлопнула себя по впалой груди. — Здесь у меня его письмо.

— Письмо? Мадам Оленская его видела? — пробормотал Арчер; голова его слегка кружилась от откровений маркизы.

Она слегка покачала головой.

— Время, время, — сказала она. — Мне нужно время. Я знаю свою Эллен — надменную, непо-

корную и, я бы сказала, неспособную прощать.

— Но, силы небесные! Одно дело — простить, а вернуться в этот ад…

— О да, — согласилась маркиза. — Так она и мне говорила — моя чувствительная девочка! Но, мистер Арчер, если мы сможем снизойти до обсуждения материальной стороны дела, знаете ли вы, отчего она отказывается? Видите эти розы — таких там целые плантации, в теплицах и на открытом воздухе, в его несравненных террасных садах в Ницце… Драгоценные камни, старинный жемчуг, изумруды, соболя… но она совершенно равнодушна ко всему этому. Искусство и красота, ей нужно только это, и для этого она живет, как, впрочем, и я. И это у нее было. Картины, бесценная мебель, музыка, беседы с блестящими людьми — о мой дорогой друг, извините меня, но вы здесь не имеете ничего подобного. Она все это имела, и поклонение великих умов тоже. Она говорит, что в Нью-Йорке ее не считают красивой — святые Небеса! Ее портрет писали девять раз, величайшие художники Европы молили об этой чести. Разве это все ничто? И раскаяние обожающего ее мужа тоже?

Маркиза Мэнсон дошла в рассказе до высшей точки — и лицо ее исказилось в экстазе воспо-

минаний о прошлом. Если бы Арчер не онемел от изумления, он бы расхохотался. Кто бы мог представить заранее, что именно Медора Мэнсон появится в виде посланца Сатаны! Но ему было не до смеха — она явилась прямиком из того ада, откуда Эллен только что вырвалась.

— Так она ничего не знает? — спросил он.

Миссис Мэнсон приложила распухший палец к губам.

— Ничего конкретно — но, может быть, она подозревает? Кто знает? По правде говоря, мистер Арчер, я ждала вас. С того момента, как я узнала о вашей твердой позиции и о вашем влиянии на нее, я надеялась на вашу поддержку в том…

— Что она должна вернуться? Я предпочел бы увидеть ее мертвой! — в гневе воскликнул Арчер.

— Вот оно что, — пробормотала маркиза без особого негодования. Некоторое время она сидела в кресле, открывая и закрывая нелепый веер своими полу спрятанными в митенки пальцами; внезапно она подняла голову и прислушалась. — Она идет, — шепнула маркиза и затем махнула рукой на огромный букет на диване: — В конце концов, брак есть брак… а моя племянница все еще замужем…

Глава 18

Что вы тут вдвоем замышляете, тетушка Медора? — воскликнула Оленская, войдя в комнату.

Она была одета как на бал. Платье, словно сотканное из пламени мерцающей свечи, сверкало и переливалось; она высоко несла голову, как будто бросая вызов воображаемым соперницам, наполнявшим комнату.

— Мы говорили, дорогая, что тебя ждет сюрприз, — отозвалась миссис Мэнсон, поднимаясь и показывая на цветы.

Оленская остановилась и увидела букет. Лицо ее не изменило своего цвета; но Арчеру показалось, что на мгновение оно озарилось вспышкой гнева, словно белая молния пронзила грозовое летнее небо.

— А, — воскликнула она резким голосом, которого Арчер никогда не слышал, — кто же так смешон, чтобы посылать мне букет? Зачем букет? Почему именно сегодня? Я не собираюсь на бал, я не невеста. Но некоторые люди всегда творят нелепости. — Она повернулась к двери, позвала: — Настасья!

Вездесущая служанка проворно явилась, и Ар-

чер услышал, как О ленская по-итальянски, но четко выговаривая каждое слово, явно чтобы он мог понять, потребовала:

— Сейчас же выбрось это на помойку! — Но, увидев немой протест Настасьи, поправилась: — Да, пожалуй, бедные цветы ни в чем не виноваты. Кликни мальчишку, пусть отнесет мистеру Уинсетту — тому темноволосому джентльмену, который обедал у нас. Третий дом отсюда. У него болеет жена — может быть, ей будет приятно… Мальчишки нет? Тогда, дорогуша, сбегай сама; вот, возьми мою накидку и слетай. Я хочу, чтобы они немедленно испарились из моего дома. И не говори, что они от меня, если хочешь остаться в живых!

Она надела на плечи служанке свою бархатную накидку, в которой ездила в Оперу, и вернулась в гостиную, громко хлопнув дверью. Грудь ее вздымалась под кружевами, и Арчер испугался, что она вот-вот заплачет, но вместо этого она расхохоталась и, переводя взгляд с маркизы на Арчера и обратно, требовательно спросила:

— Ну а вы двое — вы уже успели подружиться?

— Об этом нужно спросить у мистера Арчера, дорогая. Он так терпеливо ждал, пока ты переодевалась.

— О да, времени у вас было достаточно. Я никак не могла уложить волосы, — сказала Оленская, дотрагиваясь рукой до сооружения из бесчисленных локонов, заколотых кверху. — Да, кстати, доктор Карвер, я думаю, уже у Бленкеров, и ты, тетя, можешь опоздать на лекцию. Мистер Арчер, будьте добры, проводите тетю до кареты.

Она проводила маркизу в переднюю, проследила, чтобы ее облачили в шали, палантины и боты, и крикнула:

— Не забудь отправить карету за мной к десяти! — и прошелестела обратно в гостиную.

Там ее и нашел слегка ошалевший Арчер, вернувшись в гостиную после того, как по приказанию Эллен выпроводил маркизу. Она стояла у камина, глядя в зеркало. Было невероятно, что дама из общества называла горничную «дорогуша» и посылала ее с поручением в собственной нарядной одежде. Чувства бушевали в груди Арчера — и их немного умиротворяла возможность находиться в таком мире, где действие следует за побудительным импульсом с поистине олимпийской скоростью…

Она продолжала стоять неподвижно; он подошел к ней сзади, и на секунду глаза их встретились в зеркале. Потом она повернулась, привычно

примостилась в углу дивана и выдохнула:

— Ну вот, теперь самое время закурить.

Он подал ей коробку и зажег для нее лучинку; пламя, вспыхнув, осветило ее лицо, она взглянула на него смеющимися глазами и спросила:

— Ну и как я вам, когда раздражена?

Арчер мгновение помедлил, затем ответил с внезапной решимостью:

— Это заставило меня поверить в то, что говорила ваша тетушка.

— Я так и знала, что она будет вам сплетничать обо мне. Ну и?..

— Она сказала, что вы привыкли вести жизнь, которую здесь никто из нас не может вам обещать, — вы утопали в роскоши, развлечениях, утонченных удовольствиях.

Оленская слабо улыбнулась ему сквозь кольцо папиросного дыма.

— Медора утомительно романтична. Впрочем, это так скрашивает ее жизнь!

— Но я надеюсь, ее романтизм не влияет на достоверность ее суждений? — поколебавшись, решил прояснить дело Арчер.

— Вы хотите спросить: говорит ли она правду? — Она задумалась. — Я бы сказала, во всем, что она говорит, что-то правда, а что-то неправ-

да. Но что вас обеспокоило? Что такого она вам сообщила?

Он посмотрел на огонь, а потом снова повернулся, переведя взгляд на ее сверкающий наряд. Его сердце сжалось при мысли, что это их последний вечер у этого камина. Уже очень скоро за ней приедет карета.

— Маркиза уверяет — не знаю, насколько это правда, — что граф Оленский просил ее уговорить вас вернуться.

Оленская ничего не ответила. Она сидела неподвижно, и папироса дымилась в ее застывшей слегка приподнятой руке. Выражение ее лица не изменилось; и Арчер вспомнил, что он и раньше замечал эту кажущуюся неспособность к удивлению.

— Вы это знали?

Она так долго молчала, что пепел просыпался ей на платье. Она стряхнула его на пол.

— Она намекала на какое-то письмо. Бедняга! Ее намеки…

— Действительно ли она внезапно прибыла сюда потому, что ваш муж требовал этого?

Оленская тщательно обдумала ответ и на этот вопрос.

— Этого нельзя знать наверняка. Мне она

сказала, что слышала ГОЛОС, кажется, мистера Карвера. Боюсь, она собирается за него замуж… Бедная Медора, она всегда собирается за кого-нибудь замуж. Но возможно, эти люди на Кубе просто устали от нее! Я думаю, она была там кем-то вроде оплачиваемой компаньонки. На самом деле я ума не приложу, зачем она приехала.

— Но вы допускаете, что у нее есть письмо от вашего мужа?

Оленская снова помолчала и затем ответила:

— В конце концов, в этом нет ничего невероятного.

Молодой человек поднялся и встал у камина. Навязчивая мысль о том, что вот-вот он услышит стук колес подъезжающей кареты, лишала его способности говорить непринужденно.

— Если хотите знать, ваша тетушка уверена, что вы вернетесь к мужу, — выдавил он на конец.

Оленская гордо вскинула голову. Густая краска залила ее лицо, шею и плечи. Она краснела редко, но мучительно, словно кровь обжигала ей кожу.

— Со мной и раньше особенно не церемонились, — сказала она.

— О Эллен, простите меня. Я дурак и чудовище.

Она улыбнулась своею легкой улыбкой.

— Я заметила, что вы все время нервничаете

в последнее время. Я знаю, у вас полно проблем. Уэлланды необыкновенно упрямы, и я, конечно, согласна с вами, что свадьбу можно было бы сыграть скорее. В европейском обществе не понимают этих долгих американских помолвок — я просто думаю, что они более темпераментны, чем мы.

Она слегка выделила голосом слово «мы», что придало ему иронический оттенок.

Арчер почувствовал иронию, но не осмелился развивать беседу в том же тоне. В конце концов, она же не поддержала разговора о собственных делах; было очевидно, что он причинил ей боль и теперь ему нужно было быть осторожным. Однако его по-прежнему мучило сознание того, что время неотвратимо утекает сквозь пальцы; он боялся, что между ними снова вырастает барьер из ничего не значащих фраз…

— Да, — сказал он резко. — Я ездил на юг, чтобы уговорить Мэй пожениться на Пасху. Я не вижу причин, мешающих нам сделать это.

— Мэй ведь обожает вас, — но вам все же не удалось убедить ее? Я считала, что она достаточно умна, чтобы не быть рабыней предрассудков.

— Она действительно умна. И не рабыня.

Оленская посмотрела на него:

— Но тогда я не могу понять…

Арчер покраснел и быстро ответил:

— Мы поговорили откровенно — практически впервые. Она считает мое нетерпение дурным знаком.

— О боже милосердный, дурным знаком?

— Она думает, что это означает мою неуверенность в своих чувствах. Короче говоря, она думает, что я хочу поскорее вступить в брак, потому что… потому что есть другая, которую я стараюсь забыть.

— Но если она так считает, почему бы ей действительно не поспешить со свадьбой? — с любопытством спросила Оленская.

— Потому что она необыкновенно благородна. Она настаивает на долгой помолвке, чтобы дать мне время…

— Время для того, чтобы оставить ее и уйти к другой?

— Если мне этого хочется.

Оленская наклонилась к огню и долго смотрела на него. В полной тишине Арчер услышал с улицы приближающееся цоканье копыт.

— Это весьма благородно, — сказала наконец Оленская. Голос ее слегка дрожал.

— Да. Но ведь это смешно.

— Смешно? Потому что никакой другой женщины нет?

— Потому что нет никакой другой женщины, на которой я хотел бы жениться.

— А. — Она опять замолчала. Наконец она снова подняла на него глаза и спросила: — Эта другая женщина — она вас любит?

— О, у меня нет другой женщины! Та, на которую намекала Мэй, — у нас с ней никогда…

— Тогда действительно, зачем вам торопиться?

— Ваша карета, — сказал Арчер.

Приподнявшись, она огляделась вокруг отсутствующим взглядом. Ее веер и перчатки лежали рядом с ней на диване, Элен машинально взяла их.

— Пожалуй, мне пора ехать.

— К миссис Стразерс?

— Да. — Она улыбнулась и добавила: — Я должна ездить туда, куда приглашают, иначе буду совсем одинока. Может быть, поедете со мной?

Арчер вдруг ощутил, что должен удержать ее любой ценой — и заставить подарить ему остаток вечера. Он не ответил на ее вопрос и продолжал стоять у камина, так упорно глядя на перчатки и веер в ее руке, словно пытался силой внушения заставить ее уронить их.

— Мэй догадалась верно, — словно через силу выдавил он. — Другая женщина существует — только не та, которую она подозревает.

Оленская не шевелилась и молчала. Мгновение спустя он сел рядом с ней, взял ее руку и мягко разжал ее пальцы. Веер и перчатки все-таки упали на диван между ними.

Она мгновенно высвободила руку и, вскочив, отошла к противоположной стороне камина.

— Не стоит заигрывать со мной, — сказала она, нахмурившись. — Слишком многие пытались делать это.

Побагровев, Арчер встал тоже — она не могла задеть его больнее.

— Я никогда не заигрывал с вами и не собираюсь делать этого впредь. Но вы та женщина, на которой я женился бы, если бы это было возможно для нас обоих.

— Возможно для нас обоих? — Она посмотрела на него с изумлением. — Это говорите вы — вы, тот, кто своими руками сделал это невозможным?

Он уставился на нее, словно пытаясь отыскать в окружающей их кромешной тьме один-единственный луч света.

— Я, я сделал это невозможным?

— Вы, вы, вы! — вскричала она, и губы у нее задрожали, как у ребенка, который вот-вот заплачет. — Разве не вы заставили меня оставить всякую мысль о разводе, разве не вы убедили меня, как это эгоистично и дурно, разве не вы говорили, что надо сохранить святость брачных уз, пожертвовать собой и уберечь семью от публичного скандала? И я согласилась только потому, что моя семья вот-вот должна стать вашей, согласилась только ради Мэй и вас — я сделала то, о чем вы меня просили, то, что я, по вашим словам, должна была сделать. О, — она неожиданно рассмеялась, — я и не скрывала, что делаю это только ради вас!

Она рухнула на диван, потонув в ворохе пышных ярких складок своего платья, словно вернувшаяся с маскарада смертельно усталая маска; Арчер же продолжал неподвижно стоять у камина и не сводил с нее глаз.

— Боже мой, — застонал он. — А я-то думал…

— Что вы думали?

— Лучше не спрашивайте.

Все еще глядя на нее, он увидел, как давешний сильный румянец заливает ее — от шеи до корней волос. Она с достоинством выпрямилась, сурово глядя на него:

— А я спрашиваю.

— В том письме, которое я прочел…

— Письме моего мужа?

— Да.

— Я не боялась огласки — совершенно. Мне нечего стыдиться. Все, чего я боялась, — скандала, который мог бы повредить вам и Мэй.

— Боже мой, — снова простонал он и закрыл лицо руками.

Наступившее вслед за этим молчание легло на них тенью чего-то непоправимого. Арчеру показалось, что оно придавило его как могильной плитой; и в обозримом будущем он не увидел ничего, что бы помогло ему подняться. Он не шевельнулся и не отнял рук от лица, и его закрытые глаза продолжали смотреть в темноту.

— Но по крайней мере, я любил… любил вас, Эллен, — вырвалось у него.

С другой стороны камина, из того угла дивана, где сидела Эллен, он услышал сдавленный плач, словно плакал ребенок. Он подошел к ней.

— Эллен! Что за безумие! Почему вы плачете? Все еще можно изменить. Я все еще свободен, вы тоже можете стать свободной.

Он обнял ее; лицо ее влажным цветком коснулось его губ, и все их напрасные страхи рассея-

лись, как привидения при первых лучах солнца. Единственная мысль занимала его сейчас — зачем было так долго и сложно спорить с ней, стоя в отдалении, когда, как только он прикоснулся к ней, все стало удивительно просто?

Она вернула ему поцелуй, но в следующий момент высвободилась из его рук и встала.

— Мой бедный Ньюланд, это должно было случиться. Но это ничего не меняет, — сказала она, глядя на него.

— Для меня это меняет всю жизнь.

— Нет, нет — нельзя, невозможно. Вы обручены с Мэй, а я замужем.

Он тоже поднялся.

— Ерунда! — решительно сказал он. — Слишком поздно думать обо всем этом. Мы не имеем права лгать другим и себе. О вашем браке нечего и говорить, но как я могу теперь жениться на Мэй?

Эллен молча стояла, опираясь локтями на каминную полку. Профиль ее отражался рядом в зеркале. Один из локонов выпал из ее прически и струился по ее шее; она выглядела измученной и вмиг постаревшей.

— Я не могу представить, как вы скажете об этом Мэй. А вы можете? — спросила она, помолчав.

— Слишком поздно думать об этом. — Он равнодушно пожал плечами.

— Но ведь это неправда. Вы говорите это, потому что сейчас вы не можете сказать иначе. На самом деле слишком поздно что-то менять.

— Я вас не понимаю.

Она вымученно улыбнулась, и от этой улыбки лицо ее сжалось, вместо того чтоб разгладиться.

— Вы не понимаете потому, что даже не догадываетесь, как вы изменили мое мироощущение с самого начала, задолго до того, как я узнала все, что вы сделали.

— Все, что я сделал?

— Да. Я совершенно не понимала, что люди чураются меня, считая дурной женщиной. Оказалось, они даже отказались обедать со мной за одним столом. Я узнала обо всем много позже: и как вы заставили мать поехать к ван дер Лайденам, и как вы настояли на объявлении помолвки на балу у Бофортов, чтобы я могла рассчитывать на две семьи вместо одной…

При этих словах он горько расхохотался.

— Только представьте, — сказала она, — как я была глупа и ненаблюдательна! Я ничего не знала обо всем этом, пока однажды бабушка не проговорилась. Нью-Йорк означал для меня просто покой

и свободу — я ведь возвратилась домой… И я была так счастлива быть среди своих, что каждый, кого я встречала, казался мне добрым и прекрасным, и каждый, казалось, был очень рад мне. Но с самого начала я чувствовала, что нет никого добрее вас. Никто не мог объяснить так, чтобы я поняла то, что казалось мне ненужным и пустым с самого начала. Очень хорошие люди не могли убедить меня — я чувствовала, что они просто никогда не знали, что такое… соблазн; но вы — знали; вы — понимали; вы чувствовали, как постепенно внешний мир на все накладывает свои позолоченные лапы, — и все же вы ненавидели те вещи, которые он требовал от всех и каждого, вам было ненавистно счастье, за которое заплачено неверностью, жестокостью и безразличием… Я никогда не сталкивалась с подобным — и это было лучше всего того, что я знала.

Она говорила глухим низким голосом, без слез или видимого волнения; и каждое слово, которое она роняла, как будто падало ему на грудь расплавленным свинцом. Уронив голову на руки, он уставился на каминный коврик и на мысок ее атласной туфельки, выглядывающей из-под платья. Вдруг он упал на колени и поцеловал эту туфельку.

Она наклонилась над ним, положив руки ему на плечи и глядя ему в глаза так проникновенно, что он не смел пошевелиться под этим взглядом.

— Нет, мы не будем изменять то, что сделано, — сказала она. — Я не могу и не хочу стать прежней. Если мы не расстанемся, я не смогу любить вас.

Он протянул к ней руки, но она вырвалась, и они смотрели друг на друга, разделенные преградой, которую воздвигли между ними ее слова. Затем, внезапно, он вскипел от гнева:

— Конечно, Бофорт займет мое место?

Выпалив это, он приготовился к ответной вспышке гнева, он даже был бы ей рад. Но Оленская лишь побледнела. Она стояла уронив руки вдоль тела и слегка склонив голову — так, как будто обдумывала что-то.

— Полагаю, он ждет вас сейчас у миссис Стразерс, — что ж вы медлите? — усмехнулся Арчер.

Она дернула за шнурок звонка.

— Я никуда не поеду вечером, пусть карета вернется за синьорой маркизой, — сказала она служанке.

Дверь снова закрылась, но Арчер продолжал с горечью смотреть на Оленскую:

— Что за жертва? С тех пор, как вы пожаловались мне, что вам одиноко, у меня нет права

мешать вам общаться с друзьями.

Она слабо улыбнулась, взглянув на него из-под мокрых ресниц:

— Теперь я не буду одинокой. Я БЫЛА одинокой, мне БЫЛО страшно. Но больше нет темноты и пустоты — теперь, когда я заглянула в себя, я чувствую себя ребенком, который вошел в комнату, где всегда светло, даже ночью.

Ее тон и взгляд продолжал мягко отдалять ее от Арчера, и он снова с отчаянием простонал:

— Я вас не понимаю!

— А Мэй вы понимаете?

Он покраснел от досады, но не отвел глаз.

— Мэй готова дать мне свободу.

— Что я слышу! Через три дня после того, как вы умоляли ее ускорить свадьбу?

— Она отказалась. Это дает мне право…

— О, вы учили меня, что это словосочетание отвратительно.

Он отвернулся, внезапно ослабев. Он чувствовал себя так, будто он много часов карабкался по отвесной скале и, когда достиг вершины, неожиданно рухнул вниз, в темноту.

Если б он снова смог обнять ее, ему бы удалось смять ее возражения; но она по-прежнему держала его на расстоянии, и было что-то такое

отрешенное в ее облике, что он испытал благоговейный трепет перед ее искренностью. Но он пересилил себя.

— Если мы сейчас не переломим ситуацию, потом будет хуже — хуже для каждого из нас, — взмолился он.

— Нет-нет-нет! — почти закричала она, как будто бы он напугал ее.

В эту минуту раздался резкий звонок в дверь. Никто из них не слышал звука подъехавшего к дому экипажа, и они оба застыли, с тревогой глядя друг на друга.

Было слышно, как Настасья пробежала по коридору, отперла дверь, и минутой позже она вручила графине Оленской телеграмму.

— Кстати, дама очень обрадовалась цветам, — сказала Настасья. — Она подумала, что ей их прислал муж, немножко всплакнула и сказала, что это сумасшествие.

Оленская улыбнулась, надорвала желтый конверт и поднесла телеграмму к лампе; затем, когда дверь за Настасьей закрылась, она протянула телеграмму Арчеру.

Она была послана из Сент-Огастина и адресована графине. Он прочитал:

«Бабушкина телеграмма достигла цели папа и мама согласны на свадьбу после Пасхи телеграфирую Ньюланду так счастлива что нет слов люблю тебя очень *твоя Мэй*».

Получасом позже отперев парадную дверь своего дома, он увидел такой же конверт поверх вороха записок и карточек в своей прихожей. Текст внутри был тоже написан Мэй и гласил следующее:

«Родители согласны свадьба вторник после Пасхи в двенадцать церкви Милости Господней восемь подружек невесты пожалуйста переговори пастором очень счастлива люблю *Мэй*».

Арчер скомкал желтый конверт, словно этим жестом возможно было уничтожить то, что в нем содержалось. Потом он вытащил карманный ежедневник и лихорадочно стал его перелистывать; ему не удалось найти то, что он искал, и, сунув телеграмму в карман, он стал подниматься по лестнице.

Свет пробивался из-под двери комнаты, которая служила Джейни и приемной и будуаром.

Арчер постучал в дверь. Дверь отворилась, и сестра предстала пред ним во всей красе — в неописуемом пурпурном фланелевом халате, с папильотками в волосах. Лицо ее было бледным и встревоженным.

— Ньюланд! Надеюсь, в этой телеграмме нет плохих новостей? Я на всякий случай не ложусь, жду тебя.

Джейни всегда следила за перепиской Ньюланда — и на сей раз ею была проявлена привычная бдительность.

Он не обратил внимания на ее вопрос.

— Слушай, когда в этом году Пасха? — в свою очередь спросил он.

Такое невнимание к христианским ценностям заставило ее изобразить на лице крайнюю степень негодования.

— Пасха? Ньюланд! Разумеется, в первую неделю апреля! А что?

— На первой неделе? — Он снова полистал свой ежедневник, что-то быстро подсчитывая в уме. На первой неделе, говоришь? Он вскинул голову и рассмеялся долгим смехом.

— Ради всего святого, что случилось?

— Ровным счетом ничего, кроме того, что через месяц я женюсь.

Джейни бросилась ему на шею и прижала его к своей пурпурной фланелевой груди:

— О Ньюланд, как чудесно! Я так рада! Но, дорогой, почему ты все смеешься? Хватит, хватит, а то ты разбудишь маму!

Книга вторая

Глава 1

День выдался свежий; веселый ветерок носился, гоняя кругами пыль. Все почтенные дамы обоих семейств извлекли из своих сундуков поблекшие соболя и пожелтевшие горностаи, и запах камфоры из передних рядов свел почти на нет весенний слабый аромат белых лилий, которыми был щедро засыпан алтарь.

По специальному знаку Ньюланд Арчер вышел из ризницы и встал вместе с шафером на ступеньку алтаря церкви Милости Господней.

Это означало, что карета с невестой и ее отцом уже возникла в поле зрения; но предстояла еще долгая возня в притворе, где вокруг новобрачной порхали ее подружки, похожие на охапку пасхальных цветов. Все это время жениху полагалось одиноко стоять под взглядами собравшейся публики — в доказательство его страстного нетерпения. Арчер покорился этому столь же безропотно, как и всему остальному, — увы, свадьба в Нью-Йорке в девятнадцатом веке напоминала обряд на заре истории. Все было одинаково легко — или одинаково мучительно, в зависимости от того, как посмотреть на это, — на пути,

по которому он двигался столь неотвратимо. И он повиновался смятенным указаниям своего шафера так же благоговейно, как другие женихи ранее повиновались ему в те дни, когда он вел их сквозь тот же лабиринт.

Насколько он помнил, он выполнил все свои обязательства. Восемь букетов белой сирени и ландышей были разосланы вовремя, так же как и сапфировые запонки восьмерым церемониймейстерам и булавка для галстука из «кошачьего глаза» шаферу. Полночи Арчер провел в попытках разнообразить тексты своих благодарственных писем за последнюю партию подарков от друзей и бывших приятельниц. Деньги для епископа и пастора были переданы шаферу. Дорожный багаж Арчера был уже в доме старой миссис Минготт, где должен был быть свадебный завтрак, и, наконец, было заказано отдельное купе в поезде, который должен был умчать молодоженов в неизвестном направлении, — место, где они собирались провести свою первую брачную ночь, держалось в строжайшем секрете. Это было одно из самых священных табу всего этого доисторического ритуала.

— Кольцо с вами? — тревожно прошептал молодой ван дер Лайден. Будучи совсем еще

неопытным шафером, он был преисполнен чувства ответственности.

Арчер повторил жест многих виденных им прежде женихов — правой рукой без перчатки пощупал карман своего темно-серого жилета и убедился, что маленькое золотое колечко («Мэй от Ньюланда, …апреля 187… года» — было выгравировано на нем) на месте. Затем принял прежнюю позу и продолжал стоять, глядя на дверь, держа в левой руке цилиндр и жемчужно-серые перчатки с черной строчкой.

В вышине, под каменными сводами, торжественно звучал марш Генделя; волны звуков несли с собой неясные воспоминания о многих свадьбах, на которых, с радостным безразличием, стоял он на той же ступеньке, наблюдая, как чужие невесты вплывали в неф навстречу своим женихам.

«Словно в Опере на премьере», — подумал он, узнавая все те же лица в ложах (простите, на скамьях). Он подумал с насмешкой, будет ли и на смертном его одре присутствовать миссис Селфридж Мерри с неизменным высоченным, как башня, плюмажем из страусиных перьев на шляпке, и наденет ли миссис Бофорт ту же улыбку и те же бриллиантовые серьги, и приготовлены

ли уже на том свете для них соответственные места на авансцене?

После этого еще было время оглядеть одно за другим знакомые лица в первых рядах — женские горели от любопытства и возбуждения, а мужские омрачала мысль о том, что нужно будет еще переодеваться во фрак перед ленчем и биться за угощение на свадебном завтраке. Арчер даже ясно представил речь Реджи Чиверса: «Обидно, что свадебный завтрак у старой Кэтрин. Но я слышал, что Лоуэлл настоял на том, чтобы готовил ЕГО шеф-повар, и, значит, еда будет неплохой — если только удастся до нее добраться». А Силлертон Джексон, должно быть, отвечал: «Разве вы не слышали, дружище? Все будет сервировано на маленьких столиках, по последней английской моде».

На мгновение глаза Арчера задержались на левой стороне, где его мать, вошедшая в церковь под руку с Генри ван дер Лайденом, тихонько всхлипывала под кружевной вуалью, спрятав руки в бабушкину муфту из горностая.

«Бедняжка Джейни, — подумал он, глядя на сестру, — даже если она свернет себе голову, ничего, кроме первых рядов, не увидит. А там сидят главным образом Ньюланды и Дагонеты, одетые,

как обычно, без особого вкуса».

По эту сторону от белой ленты, отделявшей места для соединяющихся семейств, он увидел Бофорта, высокого и краснолицего, по своему обыкновению нагло разглядывающего женщин. Рядом сидела его жена, вся в фиолетовом и в серебристой шиншилле, а в самом конце ленты виднелась прилизанная голова Лоуренса Лефертса, этого посланца «хорошего тона», стража невидимого божества, осенявшего всю церемонию.

«Хотелось бы знать, сколько погрешностей против ритуала заметит острый глаз Лефферта», — подумал Арчер и вспомнил, что когда-то и сам считал все это чрезвычайно важным. Все, что прежде наполняло его дни, сейчас казалось ему жалкой пародией на жизнь, а то и спорами средневековых схоластов о метафизических терминах, которых теперь никто не понимает. Яростная дискуссия по поводу того, устраивать ли выставку свадебных подарков, отравила ему последние часы перед свадьбой. Арчеру казалось невероятным, что взрослые люди всерьез могли впадать в исступление из-за подобных пустяков, пока в конце концов миссис Уэлланд со слезами на глазах не решила этот вопрос отрицательно,

сказав, что скорее впустит в свой дом репортеров. Но ведь были времена, когда Арчер имел твердое мнение по всем этим вопросам и все, что касалось привычек и обычаев его небольшого клана, казалось ему исполненным мирового значения.

«И все это время, — думал он, — люди где-то жили настоящей жизнью и с ними случались настоящие события…»

— Идут! — выдохнул в возбуждении шафер. Но жених знал церемонию лучше и понимал, что еще не время.

Осторожно приоткрывшаяся дверь церкви значила только то, что весь в черном словно дьякон мистер Браун, владелец наемных карет, производил предварительный осмотр сцены боевых действий, прежде чем построить свои войска в определенный порядок. Затем дверь снова мягко закрылась; спустя еще какое-то время она торжественно распахнулась, и по церкви прошелестело:

— Семья!

Миссис Уэлланд шла первой, под руку со своим старшим сыном. На ее крупном розовом лице было выражение торжественности, соответствующее важному событию. Ее атласное платье глубокого сливового цвета с бледно-голубыми

боковыми вставками и голубой плюмаж из страусиных перьев на маленькой атласной шляпке вызвали общее одобрение; но не успела она прошелестеть юбками, усаживаясь на свое место в ряду напротив миссис Арчер, как глаза гостей уже снова устремились к выходу, чтобы посмотреть, кто следующий.

Накануне разнесся слух, имевший эффект разорвавшейся бомбы, — будто бы старая Кэтрин Минготт, презрев немощь, почтит своим присутствием церемонию, и эта идея столь очевидно выражала ее несгибаемую сущность, что в клубах заключались пари, сможет ли она войти в неф и втиснуть себя в узкое сиденье. Было известно, что она посылала своего плотника посмотреть, что будет, если снять спинку передней скамейки, — достаточным ли будет расстояние до следующего ряда? Но результат оказался отрицательным; потом вся семья пережила еще один неприятный день, когда старая Кэтрин носилась с мыслью въехать в неф в своем огромном инвалидном кресле на колесиках и, словно на троне, воссесть у подножия алтаря.

Ужасная идея выставить себя, как экспонат, на всеобщее обозрение чуть ли не до смерти напугала всех родных старой Кэтрин, они готовы

были осыпать золотом того умнейшего человека, который внезапно обнаружил, что кресло слишком велико, чтобы пройти между железными стойками тента, который вел от конца тротуара до церковной двери. Мысль о том, чтобы снять парусину и открыть невесту взорам репортеров и портних, которые обычно толпились снаружи и толкались меж собой в борьбе за место, где можно было посмотреть на невесту — куски ткани тента, соединенные встык, давали такую возможность, — показалась чрезмерной для старой Кэтрин, хотя она в какой-то момент и рассматривала этот план.

Когда ей намекнули на намерения матери, миссис Уэлланд схватилась за голову. «Эти ужасные репортеры снимут мою девочку и ее фотографии ПОПАДУТ В ГАЗЕТЫ!» — воскликнула миссис Уэлланд, и весь клан содрогнулся от такого невероятного неприличия. Прародительнице пришлось сдаться, однако отказ ее был оплачен ценой обещания устроить в ее доме свадебный завтрак, хотя — молвил родственник с Вашингтон-сквер — было довольно неумно перевозить всех гостей к старой Кэтрин и платить непомерную сумму мистеру Брауну, тогда как особняк Уэлландов был гораздо ближе.

Хотя эти перипетии были подробно доложены всем присутствующим Силлертоном Джексоном и его сестрой, самые азартные спорщики все же надеялись, что старая миссис Минготт появится в церкви, и когда вместо нее появилась невестка, были сильно разочарованы, как будто заключили пари. Миссис Лавел Минготт, раскрасневшаяся от усилий втиснуть себя в новое платье, что, впрочем, было достаточно характерно для дам ее возраста и комплекции, смотрела вокруг себя почти отсутствующим взглядом. Но когда разочарование, вызванное отсутствием ее свекрови, улеглось, все согласились, что черные кружева на лиловом атласе и шляпка с пармскими фиалками миссис Лавел Минготт прекрасно сочетается со сливово-голубыми тонами наряда миссис Уэлланд. Однако появившаяся вслед за ней долговязая, жеманно семенящая ногами фигура в немыслимом наряде из смеси лент, бахромы и развевающихся шарфов, повисшая на руке мистера Минготта, вызвала совсем иное впечатление. Когда наконец она попала в поле зрения Арчера, сердце его оборвалось.

Он был уверен, что маркиза Мэнсон еще в Вашингтоне, куда она недели четыре назад уехала со своей племянницей Эллен Оленской. Все еди-

нодушно решили, что их неожиданный отъезд связан с желанием Оленской уберечь маркизу от тлетворного влияния доктора Агатона Карвера, которому едва не удалось завербовать ее в ряды членов общины «Долина Любви», и в данных обстоятельствах никто не ожидал, что кто-то из этих дам появится на свадьбе.

Арчер застыл на месте, глядя на фантасмагорическую фигуру Медоры, боясь перевести глаза на ту, что могла появиться за ней, — но маркиза замыкала шествие. Менее значительные родственники уже заняли свои места, а восемь высокорослых распорядителей, скользнув из разных боковых дверей, собрались вместе в притворе словно стая перелетных птиц перед стартом.

— Ньюланд, да очнитесь же: ОНА ЗДЕСЬ! — прошептал шафер.

Волевым усилием Арчер взял себя в руки и вернулся к действительности.

С тех пор как сердце его остановилось, должно быть, прошла вечность — бело-розовая процессия была на полпути к нефу; епископ, пастор и два белокрылых их помощника стояли у засыпанного лилиями алтаря, и первые аккорды симфонии

Шпора[63] цветами ссыпали свои ноты к ногам невесты.

Арчер открыл глаза — или это ему показалось, что они были закрыты? Во всяком случае, зрение постепенно возвращалось к нему и он снова ощущал ритмичное биение сердца. Музыка, запах лилий на алтаре, облако тюля и флердоранжа, придвигавшееся все ближе, лицо матери, внезапно исказившееся от счастливых рыданий, голос пастора, едва различимо бормочущего слова благословения, заученные ритуальные перемещения восьми розовых цветов-подружек невесты и восьми черных воронов-распорядителей — все эти образы, звуки и ощущения, такие знакомые сами по себе, но такие странные и бессмысленные теперь, в своем непосредственном отношении к нему, перемешались у него в голове, словно все это происходило не наяву, а во сне.

«Боже, — пронзило точно молнией его мозг, и он конвульсивно схватился за карман — на месте ли кольцо?»

Через мгновение рядом с ним оказалась Мэй, и от нее исходило такое сияние, что оно растопило словно окоченевшего Арчера, и, выпрямившись,

---

[63] Примечания: 63
Шпор Л. — (1784–1859) немецкий композитор.

он с улыбкой взглянул ей в глаза.

Возлюбленные чада мои, мы собрались здесь вместе… — начал пастор.

Кольцо уже скользнуло ей на палец, епископ произнес благословение, подружки готовы были занять свое место в процессии, орган готов вот-вот разорвать тишину звуками марша Мендельсона, без которого никогда еще в Нью-Йорке не начинала свой путь ни одна пара новобрачных…

— Вашу руку… наконец, ПОДАЙТЕ ЕЙ РУКУ! — нервно шипел юный шафер; и Арчер снова очнулся от мыслей, которые унесли его далеко-далеко. Что заставило его перенестись туда? Может быть, внезапно мелькнувший в толпе людей темный локон под шляпой — но через секунду оказалось, что он принадлежит незнакомой даме с длинным носом, настолько — до смешного — непохожей на ту, чей образ она у него вызвала, что он спросил себя, не начались ли у него галлюцинации.

…И вот они с женой, спустившись, медленно плывут по нефу, словно по мелкой зыби волн мендельсоновского марша, и в широко распахнутых дверях церкви их приветствует ясный весенний день, и в конце парусинового тоннеля

нетерпеливо цокают копытами гнедые миссис Уэлланд с крупными белыми розетками на лбу.

Лакей с еще более крупной розеткой в петлице укутал Мэй белой пелериной, и Арчер, вскочив в карету, сел рядом с ней. Она повернулась к нему с торжествующей улыбкой, и их руки под ее вуалью соединились.

— Ласточка моя, — сказал Арчер…

…Внезапно снова черная бездна разверзлась перед ним, и он почувствовал, как летит вниз, все дальше и дальше… Меж тем голос его продолжал журчать весело и спокойно:

— Ты знаешь, я думал, что потерял кольцо; свадьба будет не свадьбой, если черт не сыграет с женихом такой шутки. Но и долго же ты заставила себя ждать! Какие только страхи не мерещились мне за это время!

Она несказанно изумила его, бросившись вдруг ему на шею на виду у всей Пятой авеню:

— Но ведь теперь, Ньюланд, когда мы вместе, нам ничего не страшно!

День был расписан по минутам, и после свадебного завтрака молодожены едва успели переодеться в дорожное платье, сойти с широкой лестницы дома старой Кэтрин между подружками невесты и всхлипывающими родителями

и сесть в карету под традиционным дождем из риса и легких атласных домашних туфелек, после чего осталось полчаса, чтобы доехать до вокзала, купить свежие еженедельники с видом завязых путешественников и занять свое купе, куда горничная Мэй заранее отвезла ее темно-серый в голубизну дорожный плащ и выписанный из Лондона новый дорожный несессер.

Старые тетушки дю Лак из Райнбека предоставили свой дом в распоряжение новобрачных, соблазнившись возможностью провести неделю в Нью-Йорке у миссис Арчер, а Арчер был рад возможности избежать традиционного «свадебного номера» в отеле Филадельфии или Балтимора и с готовностью принял предложение родственниц.

Мэй, в восторге от предстоящего путешествия за город, по-детски радовалась тщетным попыткам восьми подружек разгадать тайну их убежища. Это было так «по-английски» — снять загородный дом, и придавало последний изысканный штрих этой, по общему мнению, самой великолепной свадьбе года — но никто, кроме родителей жениха и невесты, не знал, где этот загородный дом находится, а те в ответ на расспросы поджимали губы и с таинственным видом отвечали:

«Ах… они ничего нам не сказали…» — что, стро-

го говоря, соответствовало истине, поскольку нужды в их рассказах об этом не было.

Как только молодые расположились в купе и поезд, минуя бесконечные деревянные предместья, вырвался на простор бледного весеннего пейзажа, беседа их, чего не ожидал Арчер, стала гораздо непринужденнее. Мэй, внешностью и манерами еще вчерашняя девочка, с нетерпением ожидала момента, чтобы обменяться с ним мнениями о свадьбе, и стала болтать так свободно, будто была подружкой невесты, судачащей об оной с распорядителем. Сначала Арчер решил, что это маска, скрывающая внутреннее волнение; но ее ясные глаза выражали только спокойное неведение. Она впервые осталась наедине с мужем — но муж был просто прекрасным другом, таким же, как и накануне. Не было человека, который бы больше нравился ей, кому бы она больше доверяла; но самая «изюминка» всего этого замечательного приключения, называемого помолвкой, свадьбой, замужеством, в этом и заключалась — отправиться с ним в путешествие, наедине, как совершенно взрослая «замужняя леди».

Было поразительно — он еще тогда, в саду испанской миссии, подумал об этом, — как глубина

чувств может сочетаться с подобным отсутствием воображения. Но потом он вспомнил, как она удивила его, внезапно снова погрузившись в состояние маловыразительного девичества, как только ей удалось высказать то, что мучило ее совесть; и он подумал, что она так и пройдет по жизни, выкладываясь до конца в любых обстоятельствах, но не в состоянии предвидеть ни одного из них, хотя бы украдкой заглянув в будущее.

Возможно, этот дар безмятежности и придавал ее глазам такую прозрачность, а глядя на ее лицо, казалось, что она представляет собой некий типаж, а не личность — нечто вроде скульптуры греческой богини или какой-нибудь гражданской добродетели. По жилам, просвечивающим сквозь светлую кожу, казалось, течет не горячая живая, а консервированная кровь, и лишь благодаря обаянию юности она казалась не холодной и туповатой, а наивной и чистой. Погруженный в эти размышления, Арчер внезапно почувствовал, что смотрит на нее удивленным взором постороннего человека, и, решив прекратить это, стал вспоминать о свадебном завтраке под триумфальным руководством бабушки Минготт.

Мэй с искренней радостью подхватила эту

тему.

— Кстати, я была так удивлена — а ты? — что в конце концов приехала тетя Медора. Эллен писала мне, что они обе нездоровы и не смогут пуститься в путь. Жаль, что выздоровела не она! Ты видел потрясающие старинные кружева, которые она мне послала?

Он знал, что этот момент настанет рано или поздно, но непонятно почему воображал, что усилием воли сможет этого избежать.

— Да… нет… я… да, они прекрасны, — сказал он, глядя на Мэй остановившимися глазами, не понимая, почему каждый раз, как он слышал эти два слога — Эл-лен — мир вокруг него начинал шататься и готов был рухнуть как карточный домик. — Ты устала? Было бы неплохо выпить чаю, когда мы приедем, я уверен, что тетушки все приготовили, — быстро говорил он, держа ее руку в своей, и мысли Мэй немедленно перенеслись к замечательному чайно-кофейному сервизу из балтиморского серебра, который прислали Бофорты, который так прекрасно подходил к подносам и блюдам, подаренным дядей Лавелом.

В сумерках поезд остановился в Райнбеке, и они пошли по платформе к ожидавшей их карете.

— О, ван дер Лайдены послали за нами своего

слугу из Скайтерклиффа — как это любезно с их стороны! — воскликнул Арчер, когда неторопливая персона в ливрее приблизилась к ним и взяла у горничной саквояжи.

— Мне бесконечно жаль, сэр, — молвил посланец, — нов доме дю Лак случилась неприятность — потек бак с водой. Это произошло вчера, и мистер ван дер Лайден, узнав об этом сегодня утром, послал ранним поездом служанку в Скайтерклифф, чтобы приготовить домик патрона. Я уверен, вам там будет очень удобно, сэр. Тетушки дю Лак отправили туда свою кухарку, так что вам будет там точно так же, как было бы в Райнбеке.

Арчер так растерянно уставился на лакея, что тот повторил еще более извиняющимся тоном:

— Все будет точно так же, клянусь, сэр…

Голос Мэй радостно прервал неловкое молчание:

— Точно так же? Домик патрона? Но это же в сто тысяч раз лучше — правда, Ньюланд? Как это любезно со стороны ван дер Лайденов, что они придумали это!

И она продолжила, когда они двинулись в путь:

— Только представь, я никогда не была там внутри. А ты? Ван дер Лайдены почти никого

туда не пускают. Но они открыли его специально для Эллен, и она рассказывала мне, что это очаровательное место. Она сказала, что это единственный дом из всех, которые она видела в Америке, где чувствовала себя совершенно счастливой.

— Ну что же, будем надеяться, что так же должно быть и с нами! — вскричал весело Арчер, и Мэй отозвалась со своей детской улыбкой:

— Ах, как же удачно все началось — теперь, когда мы вместе, нам всегда будет улыбаться удача!

Глава 2

— Ничего не поделаешь — мы должны обедать у миссис Карфри, дорогая, — сказал Арчер.

Мэй, озабоченно нахмурившись, посмотрела на него поверх массивной посуды из британского металла,[64] которой был сервирован стол для завтрака в пансионе, где они сняли комнаты.

Во всей дождливой пустыне осеннего Лондона у Арчеров было только двое знакомых, и этих двоих они избегали с завидной настойчивостью по непонятной нью-йоркской традиции — считалось «недостойным» навязывать свое общество знакомым, встреченным за границей.

Миссис Арчер и Джейни во время своих визитов в Европу так неукоснительно придерживались этого правила и встречали любые дружеские попытки попутчиков к общению с такой непроницаемой сдержанностью, что почти побили собственный рекорд «необщения с иностранцами» (если, конечно, те не оказывались служащими отеля или железнодорожных станций). Свои же соотечественники — если они не были известны

---

[64] Примечания: 64
Сплав олова, меди, сурьмы и цинка.

им лично или понаслышке — сталкивались с едва ли не большей надменностью. Так что если дамам не приходилось столкнуться с Чиверсами, Дагонетами или Минготтами, они месяцами за границей вынуждены были довольствоваться обществом друг друга.

Но самые крайние меры предосторожности иногда оказываются тщетными, и однажды вечером в Боцене[65] одна из двух живших через коридор англичанок (чьи имена, наряды и общественное положение до мельчайших деталей были уже изучены Джейни) позвонила в дверь и спросила, не найдется ли у миссис Арчер мази для растирания. У сестры вторгшейся дамы, миссис Карфри, внезапно разыгрался бронхит, и миссис Арчер, которая, к счастью, никогда не путешествовала без внушительной домашней аптечки, смогла ей помочь!

Миссис Карфри заболела довольно серьезно, и поскольку сестры путешествовали без сопровождающих, они были глубоко благодарны своим американским соседкам, которые всячески способствовали выздоровлению больной, чья расторопная служанка во всем помогала меди-

---

[65] Примечания: 65
Город в Тироле.

цинской сестре.

Когда Арчеры покинули Боцен, они не собирались видеться с мисс Харл и миссис Карфри снова. Не было ничего столь «недостойного», по мнению миссис Арчер, как навязываться «иностранцам», которым ты оказал случайную услугу. Но миссис Карфри и ее сестра, которые и не подозревали о подобной точке зрения, чувствовали себя обязанными «очаровательным американкам», которые были так добры к ним в Боцене, навеки. С трогательным постоянством они использовали каждый шанс встретиться с миссис Арчер и Джейни во время их континентальных путешествий и проявляли сверхъестественную сообразительность, разузнавая, когда те будут в Лондоне по пути из Америки или в Америку. Таким образом между ними установилась довольно тесная связь, и когда бы миссис Арчер и Джейни ни появлялись в отеле Брауна, их уже ожидали нежные подруги, которые, как и они, разводили папоротники в ящиках Уорда, плели макраме, читали мемуары баронессы Бунзен[66] и имели свое мнение насчет главных лондонских проповедников. Как сказала миссис Арчер, после

[66] Примечания: 66

Воспоминания Френсис фон Бунзен о своем муже Христиане фон Бунзене, прусском ученом и дипломате.

знакомства с миссис Карфри и мисс Харл «Лондон предстал перед ней совершенно в ином свете», и к тому времени, как Арчер обручился, дружба стала столь близкой, что «единственно правильным» стало решение пригласить английских дам на свадьбу Арчера, и в ответ они прислали с поздравлениями прелестный букет засушенных альпийских цветов под стеклом. И на пристани, когда Ньюланд с Мэй отплывали в Англию, последними словами миссис Арчер были: «Ты должен обязательно познакомить с ними Мэй».

Ньюланд и Мэй не собирались, впрочем, выполнять это предписание, но не тут-то было: миссис Карфри, по обыкновению, ухитрилась их разыскать и прислала приглашение на обед. Именно это приглашение и заставило Мэй хмуриться за завтраком, поглощая чай с горячими пончиками.

— Это для тебя удовольствие, Ньюланд, — ты их знаешь. А я так неловко себя чувствую среди незнакомых людей. И потом, я не представляю, что мне надеть.

Ньюланд откинулся на стуле и улыбнулся ей. Она была так хороша собой и так похожа на Диану, как никогда. Казалось, сырой английский климат ярче раскрасил ее щеки и смягчил легкую

заостренность ее девических черт. Или просто их согревал внутренний отблеск счастья.

Надеть, дорогая? Мне казалось, на прошлой неделе пришел целый сундук платьев из Парижа.

— Да, конечно. Но я не знаю, ЧТО ИМЕННО мне надеть. Я никогда не была на званом обеде в Лондоне и не хочу выглядеть смешной.

Он попытался вникнуть в возникшее затруднение:

— Но разве англичанки не одеваются по вечерам так же, как все?

— Ньюланд! Как ты можешь так говорить? Ведь они ходят в театр в старых бальных платьях и без шляп!

— Ну… возможно, новые бальные платья они разнашивают дома… но в любом случае, это не касается миссис Карфри и мисс Харл. Они носят чепцы, как моя мама, и шали. Такие, знаешь, мягкие шали.

— Я понимаю, но как будут одеты другие женщины?

В любом случае ты будешь лучше всех, милая, — отозвался он, размышляя, откуда у нее внезапно появился этот, с его точки зрения, нездоровый интерес к нарядам, который так

раздражал его в Джейни.

Она откинулась на спинку стула и вздохнула: — Это так приятно слышать, Ньюланд. Но мне от этого не легче.

— Почему бы тебе не надеть свадебное платье? — вдруг осенило его. — Это было бы неплохо, не так ли?

— О господи! Если б оно было! Но его отправили в Париж на переделку к следующей зиме, и Ворт[67] его еще не вернул.

— Что ж поделаешь, — отозвался Арчер, вставая. — Посмотри, туман вроде рассеялся. Если мы сделаем марш-бросок, у нас есть шанс попасть в Национальную галерею и посмотреть картины.

После трехмесячного свадебного путешествия, которое Мэй в письмах через океан своим подругам называла «блаженством», молодожены собирались возвращаться домой.

Они так и не поехали на итальянские озера — поразмыслив, Арчер решил, что не может представить свою жену на фоне этого пейзажа. Она же, проведя месяц у парижских портных, была настроена в июле полазить по горам, а в

[67] Примечания: 67

Знаменитый английский портной, законодатель моды. Жил и работал в Париже.

августе покупаться. Этот план был скрупулезно выполнен — они провели июль в Интерлакене и Гринделвальде, а август — в маленькой деревушке Этрета на нормандском побережье, которое им рекомендовали как экзотическое и тихое местечко. Раз или два, в горах, Арчер показывал в южную сторону и говорил: «Там Италия», и Мэй, по колено в траве, радостно улыбалась и говорила: «Было бы неплохо поехать туда следующей зимой, если только работа не удержит тебя в Нью-Йорке».

В реальности оказалось, что путешествовать понравилось ей даже меньше, чем он ожидал. Она воспринимала путешествие (после того, как все наряды были заказаны) как возможность походить пешком и поездить верхом, поплавать и набить себе руку в потрясающей новой игре под названием «теннис». Когда же они наконец вернулись в Лондон, где им предстояло провести две недели, чтобы заказать одежду уже Ньюланду, она больше не скрывала того нетерпения, с которым ждала дня, когда можно будет сесть на пароход и отправиться домой.

В Лондоне ничего, кроме театров и магазинов, ее не интересовало. Однако лондонские театры понравились ей меньше, чем парижские кафе-

шантаны, где, под сенью цветущих каштанов на Елисейских Полях, она испытала неизведанные ощущения, глядя вниз с ресторанной террасы на «кокоток» и слушая Арчера, который переводил ей те песенки, которые мог счесть более-менее подходящими для ее неискушенного слуха.

Арчер вернулся к своим старым традиционным понятиям о браке. Было гораздо менее утомительным придерживаться обычаев и вести себя с ней так, как его друзья вели себя со своими женами, чем стараться донести до нее свои теории, с которыми он так долго носился, пока был холостым.

Не было смысла пытаться «эмансипировать» жену, которая и не подозревает о том, что она не свободна; более того, он понял, что, собственно, свобода и нужна была ей именно для того, чтобы принести ее на алтарь супружеской любви. Ее внутреннее благородство помогло ей принести этот дар с достоинством. Возможно, придет день, когда она найдет в себе силы взять этот дар назад — если будет считать, что делает это для его блага. Однако ее представления о браке были столь просты, что невозможно было предположить, что за кризис мог бы вызвать подобную ситуацию — разве что уж откровенные оскорбления с его стороны, — но тонкость ее чувства к

нему делала это невероятным. Что бы ни случилось, Арчер знал, она всегда останется верной, внимательной и незлопамятной — и это заставляло его придерживаться тех же добродетелей.

Все это и способствовало его возврату к старому образу мыслей. Если бы ее простота была простотой человека недалекого ума, он бы был в раздражении и поднял мятеж; но так как черты ее характера были столь же благородны, как и черты ее лица, он не возражал, чтобы она превратилась в ангела-хранителя всех его старых мечтаний и святынь.

Все эти ее качества едва ли были способны оживить заграничное путешествие, хотя делали ее легким и приятным товарищем; но Арчер сразу понял, как они пригодятся в повседневной жизни. Он не боялся быть погребенным под ними — его интеллектуальная и творческая жизнь будет, как и раньше, протекать вне домашнего круга, зато внутри него не будет удушающе мелочной атмосферы. А потом у них появятся дети — и все острые углы их совместной жизни сгладятся.

Все это пронеслось в его голове во время их долгой медленной поездки из Мэйфера в Южный Кенсингтон, где жили миссис Карфри и ее сестра. Арчер тоже предпочел бы избегнуть дружеского

гостеприимства: в соответствии с семейными традициями он всегда в путешествии предпочитал осматривать достопримечательности и наблюдать заграничную жизнь со стороны, притворяясь, что не замечает присутствия себе подобных. Однажды летом, как раз после окончания Гарварда, ему пришлось провести несколько недель во Флоренции в обществе чудаковатых европеизированных американцев, танцуя все ночи напролет во дворцах с титулованными дамами и полдня проводя с повесами и денди у карточных столов в фешенебельном клубе. Он вспоминал все это как прекрасный сон — такой же нереальный, как карнавал. Эти эксцентричные женщины, лишенные национальных черт, вечно погруженные в какие-то сложные любовные истории, которые непременно пересказывались всем подряд, и предметы их страсти или наперсники — блестящие молодые офицеры и старые пьяницы с крашеными волосами — так поразительно отличались от людей, среди которых Арчер родился и вырос, и так были похожи на дорогие дурно пахнущие оранжерейные экзотические цветы, что не долго занимали его воображение. Ввести жену в подобное общество было невозможно — а никто другой к их обществу особенно и не стремился.

Вскоре после приезда в Лондон он столкнулся с герцогом Сент-Острей, и герцог, мгновенно узнав Ньюланда, сердечно его поприветствовал. «Я надеюсь, вы заглянете ко мне», — пригласил герцог, но какой же благовоспитанный американец мог принять подобное приглашение? Больше они не виделись…

Молодой чете даже удалось избежать встречи с английской тетушкой Мэй, женой банкира, потому что она не вернулась еще из Йоркшира; но, надо признаться, они нарочно отложили визит в Лондон до осени — ведь если бы они приехали в разгар сезона, это дало бы повод родственникам, с которыми они не были знакомы, обвинить их в неделикатности и навязчивости.

— Возможно, у миссис Карфри вообще никого не будет — в это время Лондон похож на пустыню, и ты перестаралась в своем желании быть краше всех, — сказал Арчер Мэй, которая сидела рядом с ним в двуколке и была так безукоризненно хороша в небесно-голубом плаще на лебяжьем пуху, что грешно было окунать ее в лондонскую копоть и осеннюю грязь.

— А пусть не считают, что мы одеваемся как дикари, — сказала она с презрением, которое до глубины души возмутило бы индейскую прин-

цессу Покахонтас.[68] И Арчер снова подивился тому священному преклонению американских женщин, даже тех, кто лишен суетности, перед этим божеством высшего света — одеждой.

«Это их военные доспехи, — подумал он, — этим они защищаются от неизвестного и бросают ему вызов». И он понял впервые, почему Мэй, которой не пришло бы в голову завязать лишнюю ленту в волосах для того, чтобы понравиться мужу, с такой серьезностью и внимательностью заказывала свой немалый гардероб.

Он оказался прав — гостей у миссис Карфри было немного. Кроме хозяйки и ее сестры, в длинной холодной гостиной оказалась еще одна укутанная шалью дама, ее муж, добродушный приходской священник, застенчивый племянник миссис Карфри и смуглый джентльмен небольшого роста с живыми глазами, которого она представила как домашнего репетитора мальчика, назвав при этом какую-то французскую фамилию.

В эту невыразительную компанию, к тому же освещенную довольно тусклым светом, Мэй Арчер вплыла словно лебедь в лучах заката; она

---

[68] Примечания: 68

Покахонтас дочь индейского вождя, помогавшая колонистам. Вышла замуж за англичанина и умерла в Англии.

казалась ярче, крупнее, прекраснее, чем обычно, и так напористо шелестела шелками, что Арчер понял, что с помощью этого натиска она пытается побороть свою робость.

«Господи, о чем же я буду с ними говорить?» — беспомощно взывали к Арчеру ее глаза в ту самую минуту, когда все в комнате были потрясены ее блистательным обликом. Но красота, пусть даже и не вполне уверенная в себе, всегда найдет отклик в сердце мужчины; и тотчас же и викарий, и гувернер с французским именем ринулись ей «на подмогу».

Однако, несмотря на все их старания, обед оказался довольно тоскливым. Арчер заметил, что Мэй, пытаясь показать свою непринужденность в общении с иностранцами, становилась невыносимо провинциальной в своих высказываниях. Поэтому — хотя красота ее и вызывала оживление и восхищение — ее реплики не давали возможности собеседникам выказать остроумие. Викарий вскоре сдался; но гувернер, который правильно и свободно говорил по-английски, продолжал изливать свое галантное красноречие до тех пор, пока дамы, к явному облегчению обоих участвующих в беседе сторон, не удалились в гостиную.

Викарий, выпив стакан портвейна, вскоре заспешил на какую-то важную встречу, а робкий племянник, как оказалось тяжелобольной, был уложен в постель. Арчер с гувернером остались беседовать за стаканом вина; и вдруг Арчер ясно ощутил, что эти разговоры ясно напоминают ему общение с Недом Уинсеттом, которого он так давно не видел.

Оказалось, что у племянника миссис Карфри нашли туберкулез и он был вынужден покинуть Харроу и отправиться в Швейцарию, где он провел два года в мягком климате у озера Леман. Поскольку он был склонен к чтению книг, ему наняли мистера Ривьера, который и привез его назад в Англию и должен оставаться с ним до весны, когда он отправится в Оксфорд. И с подкупающей простотой мистер Ривьер добавил, что тогда ему придется искать другую работу.

Было непохоже, подумал Арчер, что он долго останется без места — с такими разносторонними интересами и дарованиями. Он был лет тридцати, с худощавым некрасивым лицом (Мэй назвала бы его внешность заурядной), которому игра ума придавала невероятную выразительность; но в живости его лица не было ничего пошлого и легкомысленного.

Отец Ривьера умер молодым; он занимал небольшой дипломатический пост, и не подлежало сомнению, что сын пойдет по стопам отца. Но непреодолимая страсть к писательству заставила молодого человека заняться журналистикой, затем литературой (без всякого успеха) и, наконец, после подобных попыток и изломов судьбы, от подробности которых он избавил своего слушателя, он сделался гувернером английских юношей в Швейцарии.

Впрочем, перед этим Ривьер долго жил в Париже, был частым гостем у Гонкуров, получил от Мопассана совет не писать (что, впрочем, показалось Арчеру высочайшей честью) и часто толковал с Мериме в доме его матери. Было очевидным, что он всегда отчаянно нуждался в деньгах (имея на руках мать и незамужнюю сестру) и что его литературные амбиции похоронены навечно. С материальной точки зрения его положение не особенно отличалось от положения Уинсетта; но он жил в мире, который, по его словам, обеспечивал духовную пищу тому, кто в этом нуждался. Поскольку Уинсетт умирал именно от того, что не мог получить этой пищи, Арчер с некоторой завистью посмотрел на этого пылкого нищего, который, будучи бедняком,

ощущал себя богачом.

— Я думаю, монсеньор, вы не будете возражать, что интеллектуальная свобода и независимость не нуждается в официальном одобрении власть имущих или чьих-то критических суждениях? Именно поэтому я бросил журналистику и занялся довольно тупым делом — стал работать репетитором или частным секретарем. Конечно, это сплошная тягомотина, но никто не посягает на твою моральную свободу, и ты, как говорят французы, остаешься quant à soi.[69] И когда возникает любопытный разговор, ты можешь вступить в него и высказать любую точку зрения абсолютно бескомпромиссно, не оглядываясь ни на кого и отвечая только за себя. О, интересная беседа — ничто не может сравниться с ней, не так ли? Воздух идей — это единственный воздух, которым можно дышать. И я никогда не жалел, что бросил дипломатию и журналистику — две различные формы самоотречения.

Он закурил новую папиросу и остановил взгляд на Арчере.

— Оставаться самим собой и смотреть жизни в лицо — ради этого можно жить и на чердаке, не

---

[69] Примечания: 69
Самим собой *(фр.)*.

правда ли, монсеньор? Но к сожалению, чердак также надо оплачивать, и я боюсь, что тратить жизнь на частное гувернерство, равно как и еще на что-нибудь «частное», примерно так же вредно для развития воображения, как должность второго секретаря посольства в Будапеште. Иногда мне кажется, что я должен рискнуть — по-крупному. К примеру, как вы полагаете, могу ли я рассчитывать на что-то в Нью-Йорке?

Арчер изумленно уставился на собеседника. Нью-Йорк для молодого человека, приятельствовавшего с Гонкурами и Флобером, который считает безыдейную жизнь невозможной! Он продолжал ошеломленно смотреть на него, раздумывая, как бы ему объяснить, что все его преимущества и дарования будут, несомненно, только мешать ему.

— Нью-Йорк… Нью-Йорк… Но почему это должен быть именно Нью-Йорк? — запинаясь, произнес он, силясь представить, что же такое может предложить его родной город человеку, который, по-видимому, нуждается только в интересной беседе.

Внезапный румянец окрасил бледную кожу месье Ривьера.

— Я… Я думал, в вашей столице… Неужели ин-

теллектуальная жизнь богаче здесь? — спросил он. Затем, очевидно, ему пришла в голову мысль о том, что его могут принять за просителя, и он поспешно продолжил: — Иногда высказываешь мысли, обращаясь больше к себе, чем к собеседнику. На самом деле я вовсе не собираюсь… — И, поднявшись, прибавил непринужденно: — Однако, миссис Карфри, наверное, считает, что пришла пора нам подняться наверх.

Возвращаясь домой, Арчер глубоко задумался над их разговором. Час, проведенный с месье Ривьером, подействовал на него как глоток свежего воздуха, и он импульсивно едва не пригласил его обедать на следующий день, но он уже начал осознавать, почему женатые мужчины не всегда поддаются своим внезапным импульсам.

— Этот гувернер весьма интересный человек — мы с ним прекрасно побеседовали после обеда о книгах и разных других материях, — осторожно заметил он, сидя в двуколке.

Мэй пробудилась от мечтательной дремы, которая до женитьбы казалась ему столь многозначительной, пока шесть месяцев, проведенные вместе, не дали ему к ней ключа.

— Маленький француз? Разве он не показался тебе ужасно заурядным? — холодно спросила она,

и он догадался, что она разочарована тем, что пришлось обедать в обществе викария и гувернера. Это в Лондоне-то! Разочарование это было вызвано не то чтобы снобизмом, а присущим старому Нью-Йорку понятием, ради чего стоит, а ради чего не стоит подвергать свое достоинство риску общения с незнакомцами в другой стране. Если бы родители Мэй принимали миссис Карфри на Пятой авеню, они бы предложили ей что-нибудь более весомое, чем учитель и священник.

Арчер был раздражен и принял вызов.

— Заурядным? Заурядным в чем? — осведомился он, и Мэй отвечала с неожиданной готовностью:

— Во всем, кроме своих занятий. Эти люди всегда так неловки в обществе. Но впрочем, — обезоруживающе добавила она, — у меня просто не было случая оценить его ум.

Арчеру не нравилась ее манера произносить «умный», впрочем так же, как и «заурядный», и он внезапно испугался своей растущей склонности фиксироваться на тех чертах в жене, которые ему не нравились. В конце концов, ее точка зрения не была для него новостью. Это была точка зрения любого из людей, среди которых он вырос, и он принимал ее как должное, хотя и не придавал

ей большого значения. Еще несколько месяцев назад он не знал ни одной «приличной» женщины, которая смотрела бы на жизнь иначе, но ведь если мужчина его круга женится, то непременно на приличной женщине…

— Ладно, тогда я не приглашу его обедать, — заключил он со смехом, и Мэй, сбитая с толку, удивленно спросила:

— Боже, обедать? Гувернера миссис Карфри?

— Во всяком случае, не в один день с семейством Карфри, если ты против. Но я бы не возражал еще раз побеседовать с ним. Он спрашивал про работу в Нью-Йорке.

Изумление Мэй пересилило ее желание быть нейтральной — Арчер был уверен, что она заподозрила, что он заразился этой тлетворной «иностранщиной».

— Работу в Нью-Йорке? Какую? Мы не держим французских гувернеров — что он будет делать?

— Главным образом, как я понял, наслаждаться приятной беседой, — упрямо парировал Арчер, и она одобрительно рассмеялась:

— О Ньюланд, как забавно! Как это по-французски!

В целом он был даже рад, что она обратила в шутку его желание пригласить месье Ривьера.

Было бы трудно избежать в послеобеденном разговоре вопроса о Нью-Йорке; а чем больше Арчер думал об этом, тем меньше он мог вписать месье Ривьера в картину того Нью-Йорка, каким он знал этот город.

Он вдруг ощутил с холодной дрожью внутри, что еще не одна проблема будет впредь отрицательно решена за него; но когда, заплатив кучеру, он прошел в дом вслед за длинным шлейфом жены, он решил утешиться банальным суждением, что первые шесть месяцев брака всегда бывают самыми трудными.

«После этого, я надеюсь, мы притремся друг к другу», — подумал он. Но он прекрасно понимал — хуже всего было то, что давление Мэй было направлено именно на те углы его натуры, остроту которых он бы предпочел сохранить.

Глава 3

Небольшая яркая лужайка простиралась до скалистого обрыва, за которым виднелось огромное яркое море.

Дерн аккуратно окаймляла полоса из алой герани и колеуса, и чугунные вазы, выкрашенные в цвет шоколада, были расставлены, через равные промежутки, по краю дорожки, которая вела к морю, а на аккуратно выметенный гравий ниспадали гирлянды гераний и петуний.

Ровно посередине между краем обрыва и квадратом деревянного дома (который также был шоколадно-коричневым, и только железная крыша веранды была выкрашена в желто-коричневую полоску, чтобы создать иллюзию матерчатого тента), на фоне кустарника, были расположены две большие мишени. На другой стороне лужайки, напротив мишеней, был натянут настоящий тент, под которым были расставлены скамейки и садовые кресла. Дамы в летних платьях и джентльмены в серых сюртуках и цилиндрах сидели или просто стояли на лужайке; то и дело какая-нибудь стройная девушка в накрахмаленном муслине выходила

из-под тента с луком в руках и посылала стрелу в цель, а зрители прерывали свой разговор, чтобы узнать результат.

Ньюланд Арчер с любопытством наблюдал это действо с веранды. По обе стороны сверкающих свежей краской ступеней стояли ярко-синие фарфоровые вазы на ярко-желтых фарфоровых же подставках с колючими зелеными растениями. Вдоль веранды тянулся бордюр из голубых гортензий, также окаймленных красными геранями. За спиной Арчера в стеклянных дверях гостиной, из которых он вышел, колыхались кружевные занавески и был виден сверкающий паркет с островками ситцевых пуфиков, карликовых кресел и бархатных столиков с серебряными безделушками.

Ньюпортский Клуб лучников всегда проводил свои августовские состязания у Бофортов. Этот вид спорта, до сих пор не знавший себе равных по популярности, если не считать крокета, начал слегка отступать перед натиском лаун-тенниса, который все же пока считался игрой грубой и неизящной. А уж лучшей возможности для дам показать свои новые туалеты и грациозные позы, как с луком и стрелами в руках, и быть не могло.

Арчер с усмешкой смотрел на знакомую сцену.

Его крайне удивляло, что, несмотря на перемену в его отношении к жизни, она продолжает идти абсолютно по-старому. Именно здесь, в Ньюпорте, он впервые осознал, как велика эта перемена. В круговерти Нью-Йорка прошедшей зимой, после того как они с Мэй поселились в новом желто-зеленом доме с эркером и вестибюлем в стиле Помпеи, он с облегчением погрузился в рутину повседневности, и возвращение к своей работе в конторе послужило как бы связующим звеном с его прежним «я». Затем — он помнил — были приятные волнения по поводу покупки серого рысака для кареты Мэй (ее подарили Уэлланды) и хлопоты по устройству его новой библиотеки, которую, несмотря на неодобрение семейства, он устроил так, как хотел, — с темными тисненными обоями, шкафами, креслами и столами в изысканно простом стиле «истлейк». Снова в «Сенчери» он встречался с Уинсеттом, а в «Никербокере»[70] — с золотой молодежью своего круга. Если присоединить сюда часы, посвященные работе, приему гостей и выездам в свет, посещению Оперы и других театров, жизнь, которой он жил, казалась делом совершенно естественным

---

[70] Примечания: 70
Нью-йоркский клуб.

и непреложным.

Но Ньюпорт… Ньюпорт означал исчезновение обязанностей и непрерывные развлечения. Арчер пытался уговорить Мэй провести лето на отдаленном острове в штате Мэн с довольно выразительным названием Маунт-Дезерт,[71] где несколько безрассудных жителей Бостона и Филадельфии жили лагерем в местных хижинах и пытались соблазнить ньюйоркцев рассказами о необыкновенных пейзажах и «дикой», почти охотничьей, жизни среди лесов и вод.

Но Уэлланды всегда ездили в Ньюпорт, где они владели одним из квадратных домиков на обрывистом берегу, и их новоиспеченный зять не смог привести ни одного аргумента, почему они с Мэй не могут к ним присоединиться. Как довольно ядовито заметила миссис Уэлланд, стоило ли заказывать летние платья в Париже, если их некому будет показывать; это был один из тех доводов, которые Арчер еще не научился парировать.

Сама Мэй никак не могла понять его смутной неприязни к этому несомненно чудесному способу летнего времяпрепровождения. Она на-

---

[71] Примечания: 71
Горная пустыня *(англ.)*.

помнила ему, что до женитьбы он всегда любил Ньюпорт, и поскольку ему было нечего на это возразить, он смог только ответить, что теперь, когда они вместе, он, наверное, понравится ему еще больше. Однако, стоя на веранде Бофортов и глядя на лужайку, разукрашенную нарядной толпой, Арчер с внезапной дрожью ощутил, что все это ему совершенно не по сердцу.

Бедное дитя, Мэй, конечно, в этом не виновата. Если в путешествии им случалось иногда дуться друг на друга, то, возвратившись в привычные условия, они восстановили полное согласие. Арчер предвидел, что она ни в чем не разочарует его, и оказался прав. Он женился, как и большинство молодых людей, потому, что встретил совершенно очаровательную девушку в тот момент, когда нескончаемые любовные приключения, с их почти обязательной театральностью, стали вызывать у него неприязнь, а Мэй олицетворяла собой покой, постоянство, товарищество, чувство долга.

Он не мог упрекнуть ее в том, что она обманула его ожидания, — Мэй дала ему все, на что он рассчитывал. Несомненно, прекрасно было быть мужем одной из красивейших и пользующихся известностью молодых нью-йоркских дам,

особенно если она благоразумна и имеет хороший характер, — Арчер всегда ценил подобные качества. Минутное же безумие, потрясшее его накануне свадьбы, он научился воспринимать как последний неудачный любовный эксперимент. Мысль о том, что он в здравом уме мог когда-нибудь думать о женитьбе на графине Оленской, была совершенно невероятна, и Эллен осталась в его памяти как самый трогательный и печальный призрак прошедшего.

Однако это отрешение и абстрагирование дорого ему стоили — он чувствовал, как в его мозгу образовалась гулкая пустота, которую заполнили раздражение и нигилизм, наверное, поэтому оживленное общество на бофортовской лужайке напоминало ему детей, резвящихся на кладбище.

Он услышал позади себя шорох юбок, и через стеклянные двери на террасу выпорхнула маркиза Мэнсон. Как всегда, она была в пестром наряде с фестонами, в сникшей соломенной шляпке, привязанной к голове газовым шарфом, над огромными полями которой забавно торчал крошечный черный бархатный зонтик с ручкой из слоновой кости.

— Мой дорогой Ньюланд, я и не знала, что вы с

Мэй здесь! Только вчера приехали? Да, да, конечно, дела… работа… я понимаю. Многие мужья в состоянии приехать сюда только на уик-энд. — Она искоса взглянула на него, жеманно склонив голову набок. — Но брак есть непрерывное жертвоприношение, я всегда говорила моей Эллен…

Сердце Арчера, как это уже однажды было, внезапно остановилось, словно захлопнув дверь между ним и внешним миром; но на сей раз он, видимо, быстро справился с собой, потому что он услышал, как Медора отвечает на вопрос, который ему каким-то образом удалось произнести.

— Нет, я остановилась не здесь, а у Бленкеров, в их прекрасном уединении в Портсмуте. Бофорт был так любезен послать за мной сегодня утром своих рысаков, чтобы я могла посмотреть прием в саду, который устраивает Регина, но к вечеру я вернусь к сельской жизни. Бленкеры такие оригиналы, они сняли простую старую ферму в Портсмуте, где собирают интересных людей… — Она словно сжалась под полями спасительной шляпы и добавила, внезапно покраснев: — На этой неделе доктор Агатон Карвер проводит у них сеансы «Внутренней мысли». Какой контраст с этой веселой сценой мирских удовольствий! Но я живу контрастами! По-моему, отвратительно

скучна лишь смерть. Я всегда говорю Эллен: берегись скуки, она мать всех смертных грехов. Но мое бедное дитя сейчас в периоде экзальтации, отвращения к миру. Я полагаю, вам известно, что она отклонила все приглашения провести лето в Ньюпорте, приглашение даже своей бабушки? Я с трудом уговорила ее поехать к Бленкерам, поверите ли? Жизнь, которую она ведет, противоестественна. Ах, если бы она послушалась меня тогда, когда все еще было возможно… когда дверь была открыта… Но не спуститься ли нам, чтобы посмотреть на этот увлекательный матч поближе? Я слышала, Мэй побеждает?

Навстречу к ним из-под тента двинулся Бофорт, высокий, грузный, слишком тесно затянутый в лондонский сюртук, с орхидеей в петлице из собственной оранжереи. Арчер, не видевший его два или три месяца, был поражен изменениям в его облике. В ярком летнем свете он казался не дородным, а тяжелым и обрюзгшим, и если бы не его прекрасная осанка, он бы выглядел просто как разряженный переевший старик.

Разные слухи ходили о Бофорте. Весной он надолго уезжал в Вест-Индию на своей новой паровой яхте, и все, кому пришлось с ним столкнуться, говорили, что его сопровождала дама,

весьма смахивающая на Фанни Ринг. Яхта, построенная на верфях в Шотландии, с изразцовыми санузлами и прочей немыслимой роскошью, говорили, обошлась ему в полмиллиона, а жемчужное ожерелье, которое он приподнес жене по возвращении, было великолепно, как и полагается искупительным жертвам. Состояние Бофорта было достаточно велико, чтобы после этого устоять, но тревожные слухи продолжали циркулировать, причем не только на Пятой авеню, но и на Уолл-стрит. Некоторые говорили, что он неудачно спекулировал с акциями железных дорог, другие — что из него вытягивает средства одна из самых ненасытных представительниц древнейшей профессии. Впрочем, на каждый новый слух о своем неминуемом банкротстве Бофорт отвечал новой экстравагантной выходкой — покупкой новой оранжереи для орхидей, скаковой лошади или приобретением новых Мейсонье[72] и Кабанеля для своей картинной галереи.

Он приветствовал маркизу и Ньюланда своей обычной полунасмешливой улыбкой:

— Привет, Медора! Как мои рысаки? Сорок

---

[72] Примечания: 72
Мейсонье Ж.-Б. — (1815–1891) французский художник-баталист.

минут, а? Совсем неплохо, экономит трату нервов. — Он обменялся рукопожатием с Ньюландом и пошел рядом с ними обратно. Идя рядом с миссис Мэнсон, он что-то тихо сказал ей, но Ньюланд не расслышал вопроса.

Маркиза отвечала ему со своей неприятной вульгарной гримаской: «Que voulez-vous?»[73] — и морщина, разделявшая брови Бофорта, стала глубже, но усилием воли он придал своему лицу более мягкое выражение и одобрительно взглянул на Арчера:

— Вы знаете, Мэй, очевидно, получит первый приз.

— В таком случае он останется в семье, — прожурчала Медора. В этот момент они поравнялись с тентом, и миссис Бофорт встретила их в девическом облаке розовато-лилового муслина и развевающихся вуалей.

Мэй как раз вышла из-под тента. В своем белом платье, опоясанном бледно-зеленой лентой, с венком плюща на шляпке, она имела тот же вид Дианы-охотницы, что и в день помолвки на балу у Бофортов. Но прошедшее время, казалось, не привнесло в выражение ее глаз ни одной мятежной

---

[73] Примечания: 73
Что вы хотите? *(фр.)*

мысли и не заставило сильнее биться ее сердце; и хотя Арчер знал, что ей не чужды ни мысли, ни чувства, он в который раз удивился, что опыт не оставляет на ее облике ни малейшего отпечатка.

Держа в руке лук и стрелу, она остановилась у меловой отметки, подняла к плечу лук и прицелилась. Поза ее была столь классически-грациозна, что среди присутствующих пронесся одобрительный гул, и Арчер почувствовал гордость собственника, которая столь часто внушала ему обманчивое и недолговечное чувство удовлетворения. Ее соперницы — миссис Реджи Чиверс, девицы Мерри и множество других розовых пташек семейств Торли, Дагонетов и Минготтов — взволнованно толпились позади нее, склонив каштановые и белокурые головки над таблицей очков, и их светлые муслины со шляпками, украшенными цветами, переливались нежной радугой. Купаясь в лучах летнего яркого солнца, все они были молоденькими и хорошенькими — но ни одна не обладала той легкостью нимфы, с которой его жена, напрягая мускулы и счастливо хмурясь, всей душой стремилась победить.

— О боже, — услышал Арчер голос Лоуренса Леффертса, — ни одна из них не способна так

держать лук!

И Бофорт отозвался на это:

— Да, но это единственный род мишени, где она попадает в цель.

Арчер внезапно рассердился. Собственно, это замечание Бофорта в адрес его жены всего лишь отдавало дань ее «порядочности» и любого мужа на его месте только порадовало бы. Если какой-то неотесанный человек находит, что ваша жена непривлекательна, это только доказывает ее порядочность; но все же легкая дрожь пронзила его сердце.

Что, если «порядочность», возведенная в крайнюю степень, превращается в свою противоположность? Что, если она занавес, скрывающий пустоту? Он посмотрел на Мэй, раскрасневшуюся, но хладнокровную, только что пославшую стрелу в самое «яблочко», и у него возникло чувство, что ему еще ни разу не пришлось этот занавес поднять.

С простотой, которая венчала все ее достоинства, Мэй принимала поздравления своих соперниц и остальных гостей. Никто не ревновал к ее успеху, потому что ей удалось внушить всем чувство, что она осталась бы такой же спокойной и в случае неудачи. Но когда ее глаза встретились

с глазами мужа, она прочла в них гордость, и лицо ее расцвело от удовольствия.

Плетеная коляска миссис Уэлланд, запряженная пони, уже ждала их, и они двинулись в путь вместе с остальными каретами. Мэй была за кучера, Ньюланд сидел с ней рядом.

Послеполуденное солнце все еще горело на ярких лужайках и кустарниках; по Бельвю-авеню, вверх и вниз, катились в два ряда ландо, «виктории», «дог-карты» и «визави»,[74] унося нарядных дам и господ, покидающих бофортовский «прием в саду» или просто совершающих ежедневную прогулку по Океанскому бульвару.

— Может, навестим бабушку? — внезапно предложила Мэй. — Хочется самой рассказать ей, как я выиграла приз. До обеда еще много времени.

Арчер согласился, и она повернула пони на Наррагансетт-авеню, пересекла Спринг-стрит и на-правилась в сторону Скалистой Пустоши. В этом совершенно немодном районе Екатерина Великая, как всегда равнодушная к общепринятым обычаям, еще в юности построила нечто вроде шале с большим количеством шпилей и поперечных балок на клочке недорогой земли с

---

[74] Примечания: 74
Различные виды карет.

видом на залив. Ее полускрытые чахлыми дубами веранды смотрели на гладь залива, усеянную островами. Въездная дорога вилась между железными волами и синими стеклянными шарами на клумбах с геранью и вела к парадной двери из прекрасно отполированного орехового дерева под полосатым тентом крыши веранды. За ней лежал узкий коридор с наборным черно-желтым паркетом, выложенным в форме звезд, а в коридор выходили четыре небольшие квадратные комнаты с мрачными велюровыми обоями, с потолками, на которых художник-итальянец, не жалея сил, изобразил все божества Олимпа. В одной из этих комнат, с тех пор как на миссис Минготт обрушились лавы плоти, была спальня, а в примыкавшей к ней она проводила дни напролет, восседая в огромном кресле между открытой дверью и окном, обмахиваясь веером из пальмового листа. Однако ее чудовищно громадный бюст так сильно выступал вперед, что воздух, приводимый в движение веером, колыхал исключительно бахрому салфеток на подлокотниках кресла.

С тех пор как старая Кэтрин посодействовала ускорению свадьбы, она выказывала Арчеру сердечность, которую обычно испытывают к

тем, кому удалось оказать услугу. Она была убеждена, что причиной его нетерпения была безумная страсть; и, будучи пылкой сторонницей импульсивных действий (если они не вели к непомерным денежным тратам), она часто заговорщически подмигивала ему и обожала насыщать свою речь намеками, истинный смысл которых, к счастью, ускользал от Мэй.

Она с большим интересом рассматривала стрелку с бриллиантовым наконечником, которая была приколота на груди Мэй, рассуждая по ходу дела о том, что в ее время, разумеется, ограничились бы филигранной брошью, но нельзя отрицать, что Бофорт понимает толк в подобных вещах.

— Это настоящая фамильная драгоценность, дорогая, — прокудахтала старая дама. — Ты должна оставить ее в наследство старшей дочери. Она ущипнула Мэй за руку, глядя, как краска заливает ее лицо. — Ну, ну, что я такого сказала, что ты зарделась как маков цвет? Разве у вас не будет дочерей — только мальчишки, а? О боже, посмотрите, как она краснеет — второй слой краски! Неужели и этого сказать нельзя! Милостивый боже, когда мои дети умоляют меня закрасить всех этих богов и богинь на потолке, я всегда го-

ворю: слава богу, что, кроме них, существуют еще близкие, которых ничто не может шокировать!

Арчер расхохотался, и Мэй, красная до корней волос, последовала его примеру.

— Ну а теперь, дорогие, расскажите мне про праздник, а то я от этой полоумной Медоры ни одного толкового слова не услышу, — продолжала прародительница.

— Кузина Медора? Но я думала, она возвращается в Портсмут, — сказала Мэй.

— Да, конечно, но сначала она заедет сюда за Эллен. А, вы не слышали, что Эллен приехала на пару дней навестить меня? Такое безобразие, что она отказалась провести здесь лето; но я уже лет пятьдесят как перестала спорить с молодежью. Эллен! Эллен! — закричала она своим резким старческим голосом, делая потуги склониться к окну так, чтобы увидеть лужайку за верандой.

Ответа не было, и миссис Минготт в нетерпении постучала палкой по натертому до блеска паркету. Служанка-мулатка в ярком тюрбане, появившаяся на зов, сказала, что она видела, как «мисс Эллен» спускалась по тропинке к морю.

— Будь добр, сгоняй по-родственному за ней, — повернулась к Арчеру миссис Минготт. — А эта симпатичная леди пока расскажет мне, что про-

исходило у Бофортов.

За те полтора года, что минули со дня их последней встречи, Арчер не раз слышал имя графини Оленской и даже знал основные события ее жизни. Он знал, что прошлое лето она провела в Ньюпорте, где постоянно появлялась в обществе; но осенью она внезапно сдала «именно такой, как надо, домик», подобрать который для нее стоило столько усилий Бофорту, и решила обосноваться в Вашингтоне. Зимой, он слышал, она (как, впрочем, говорили обо всех хорошеньких женщинах в Вашингтоне) вращалась в «изысканном дипломатическом обществе», которое маскировало индифферентность к светским развлечениям администрации президента. Он слушал эти рассказы и различные противоречивые мнения о ее внешности, сплетни о том, кого она выбирала себе в друзья, с таким чувством, словно ему рассказывают о ком-то давно умершем; но когда Медора упомянула ее имя на матче лучников, Эллен О ленская вруг ожила для него снова.

Жеманный лепет маркизы внезапно вызвал в его памяти картину небольшой гостиной, освещенной огнем камина, и он ясно услышал звук возвращающейся кареты — дребезжание колес по мостовой пустынной улицы. Он вспомнил

историю, которую когда-то читал, — как крестьянские дети в Тоскане жгли связки соломы в придорожной пещере и из дыма возникали молчаливые образы-призраки, поднимаясь из-под своих могильных плит…

Дорожка, ведущая к морю, спускалась с обрыва, на котором прилепился дом, по обсаженной ивами тропинке над водой. Сквозь листву Арчер мог видеть маяк Лайм-Рок с белой башней и крошечным домиком, в котором смотрительница Ида Льюис[75] героически доживала свои последние годы. За маяком виднелись плоские берега и уродливые фабричные трубы Козьего острова, а дальше переливающаяся золотом бухта уходила к поросшему низкорослым дубняком острову Пруденс и к берегам острова Коннанпкут, едва виднеющимся в легкой дымке садящегося за горизонт солнца.

Ивовая тропинка вела к деревянным мосткам, которые заканчивались беседкой в форме пагоды. В беседке, спиной к берегу, прислонившись к перилам, стояла женщина. При виде ее Арчер остановился, словно пробудившись ото сна. Это видение из прошлого было мечтой, а реальность

---

[75] Примечания: 75

Смотрительница маяка Лайм-Рок, известная тем, что спасла многих моряков.

ожидала его в доме над обрывом — запряженные пони в карету миссис Уэлланд у парадной двери, Мэй, полная горячих надежд, которая сидела сейчас под бесстыдными олимпийскими богами, вилла Уэлландов в конце Бельвю-авеню и, наконец, мистер Уэлланд, уже переодевшийся к обеду, снующий взад-вперед по гостиной с часами в руке, с нетерпением, повергающим его в подавленное состояние, — ведь это был один из тех домов, в котором все живут точно по часам.

«Кто я, собственно, такой? Всего лишь зять», — подумал Арчер.

Фигура в беседке не шевелилась. Молодой человек долго стоял посередине склона, глядя на залив, где сновали парусные шлюпки, яхты, рыболовные суда и пыхтящие буксиры с груженными углем черными баржами. Женщина в беседке, казалось, тоже не могла оторвать взгляда от этой картины. За серыми бастионами Форт-Адамса[76] тысячью огней сверкал медленный закат, и его сияние окрасило парус одинокой лодки, выходившей из пролива между берегом и маяком Лайм-Рок. Арчер вспомнил сцену из «Шогрэна», где Монтегю подносил к губам ленту Ады Диас,

---

[76] Примечания: 76
Форт в ньюпортской гавани.

которая даже не ощутила его присутствия.

«Она не знает — и не догадывается. Неужели бы я тоже не почувствовал, если бы она подошла ко мне сзади? — подумал он и вдруг сказал себе: —Если она не повернется до того момента, как лодка пройдет Лайм-Роком, я вернусь обратно».

Лодка медленно скользила по течению. Она приблизилась к Лайм-Року, заслонила крошечный домик Иды Льюис и миновала башню, в которой висел фонарь. Арчер подождал, пока широкая полоса воды не сверкнула между последней скалой острова и кормой лодки, но фигура в беседке на конце пирса не шелохнулась.

Арчер повернулся и стал карабкаться вверх по склону.

— Как жаль, что ты не нашел Эллен, мне бы так хотелось повидать ее снова, — сказала Мэй, когда они в вечерних сумерках возвращались домой. — Но может быть, ей все равно — она так изменилась.

— Изменилась? — эхом отозвался Арчер. Голос его был абсолютно бесцветным, он не сводил глаз с прядающих ушами пони.

— Я имею в виду — стала равнодушной к своим друзьям. Бросила Нью-Йорк и свой домик, проводит время с такими странными людьми.

Представь, как ей должно быть ужасно дискомфортно у Бленкеров! Она говорит, что пытается присматривать за Медорой — как бы та не вышла замуж за какого-нибудь ужасного человека. Но иногда мне кажется, что ей просто скучно с нами.

Арчер молчал, и она продолжала с оттенком жесткости, которую он никогда раньше не замечал в ее чистом свежем в голосе:

— В конце концов, я начинаю думать, не лучше ли ей было остаться с мужем.

Арчер расхохотался.

— Sancta simplicitas![77] — воскликнул он. И когда она повернулась, вопросительно подняв брови, добавил: — Не думаю, что ты когда-либо произносила более жестокие слова.

— Жестокие?

— Да. Говорят, любимое занятие ангелов — наблюдать за грешниками, которые корчатся в аду; но даже они, я уверен, не думают, что там прекрасно.

— Тогда, конечно, жаль, что она вышла замуж за границей, — сказала Мэй тем примиряющим тоном, с каким ее мать всегда встречала выходки

---

[77] Примечания: 77
Святая простота! *(лат.)*

мистера Уэлланда. И Арчер почувствовал, как ему мягко отвели место в категории неразумных мужей.

Они проехали вдоль всей Бельвю-авеню и въехали в ворота, чьи обтесанные деревянные столбы были увенчаны чугунными фонарями. Окна виллы уже были освещены, и когда карета остановилась, Арчер увидел тестя точно таким, как он представлял себе: расхаживающим по комнате с часами в руке со страдальческим выражением на лице, которое, как он давно убедился, было куда более действенным, чем гнев.

Войдя вслед за женой в переднюю, молодой человек вдруг почувствовал, что его настроение изменилось.

Было что-то такое в роскоши особняка Уэлландов и в вязкой его атмосфере, заполненной различными предписаниями и запретами, что всегда проникало ему в кровь как наркотик. Тяжелые ковры, предупредительные слуги, вечное навязчиво дисциплинирующее тиканье часов, вечно обновляемая куча визитных карточек и приглашений на столике в передней — длинная цепь тиранических мелочей, связывающих данный час с последующим и каждого члена семьи со всеми остальными. Все это делало почти бес-

смысленным любое менее систематизированное существование, но сегодня он сумел побороть наркотическое влияние обстановки в доме Уэлландов, и виной тому была его встреча с Эллен, о которой она даже не догадывалась. Именно это казалось ему исполненным тайным смыслом и каким-то особым значением.

Он не спал всю ночь напролет, лежа рядом с Мэй в огромной спальне, затянутой ситцем, смотрел, как луч лунного света движется по ковру, и думал об Эллен Оленской, которую везли домой по сумеречным берегам залива бофортовские рысаки.

Глава 4

— Прием в честь Бленкеров — БЛЕНКЕРОВ?

Мистер Уэлланд положил нож и вилку и тревожно-недоверчиво взглянул через стол на свою жену, которая, приспособив к глазам золотой лорнет, в нарочито громком комедийном тоне снова прочла вслух:

— Мистер и миссис Эмерсон Силлертон просят вас пожаловать на прием в честь миссис Бленкер и ее дочерей в Клуб «Вечера по средам» двадцать пятого августа в пятнадцать часов на Кэтрин-стрит.

— Боже милостивый, — задохнувшись от изумления, сказал мистер Уэлланд, как будто вся абсурдность этого послания дошла до него только тогда, когда ее произнесли второй раз.

— Бедная Эми Силлертон — никогда нельзя знать заранее, что придумает ее муж, — вздохнула миссис Уэлланд. — Сдается мне, что на сей раз он только что открыл Бленкеров.

Профессор Эмерсон Силлертон был колючкой, торчащей из гладкого тела ньюпортского общества, но колючкой, которую нельзя удалить, потому что она выросла на почтенном

и почитаемом фамильном древе. Он, как говорили, «родился в рубашке». Его отец был дядей Силлертона Джексона, мать из бостонской семьи Пеннилоу; каждая семья принесла в брак благосостояние и стабильное положение в обществе. Ничто — как часто повторяла миссис Уэлланд, — ничто не заставляло Эмерсона Силлертона становиться профессором археологии или любой другой науки, так же и как жить в Ньюпорте зимой или совершать массу других революционных поступков, которые он тем не менее совершал. И уж по меньшей мере раз он собирался ломать традиции и эпатировать общество, ему не следовало жениться на бедняжке Эми Дагонет, у которой было достаточно средств, чтобы держать собственный экипаж; разумеется, она имела право рассчитывать на нечто совсем иное…

Никто из минготтского клана не понимал, почему Эми Силлертон так смиренно покорялась эксцентричным выходкам своего мужа, который наводнил дом длинноволосыми мужчинами и коротко стриженными женщинами, а вместо путешествий в Париж или Италию брал ее с собой на Юкатан на раскопки гробниц. Но так они жили — казалось совершенно не понимая,

насколько их образ жизни отличается от всех остальных. А когда раз в год они устраивали отчаянно скучный «прием в саду», каждая семья буквально тянула жребий и направляла к ним своего незадачливого представителя — из уважения к клану Силлертон-Пеннилоу-Дагонет.

— Потрясающе, — заметила миссис Уэлланд, — как они еще не выбрали день Кубка гонок! Помнишь, два года назад они дали прием в честь какого-то негра в день thè dansant[78] Джулии Минготт? Удачно, что на этот раз вроде бы ничего такого нет, во всяком случае насколько мне известно. Нам, конечно, придется к ним поехать.

Мистер Уэлланд занервничал:

— Нам, моя дорогая? Ведь, я полагаю, может поехать кто-нибудь один? В три часа — такое не удобное время! В полчетвертого я обычно принимаю свои капли, а лечение доктора Бенкома будет совершенно бесполезным, если не следовать ему систематически; а если я присоединюсь к вам позже, как же тогда моя прогулка?

При мысли об этом он отложил вилку и нож, и краска гнева залила его щеки, испещренные тонкими морщинками.

---

[78] Примечания: 78
Вечеринка с танцами *(фр.)*.

— Я совершенно не вижу причины, по которой тебе нужно было бы ехать, дорогой, — отвечала его жена с заученной бодростью. — Мне необходимо оставить несколько карточек в том же конце Бельвю-авеню, вот я и загляну к ним в половине четвертого и побуду ровно столько, сколько нужно, чтобы Эми не обиделась. — Поколебавшись, она взглянула на дочь. — И если Ньюланд после обеда занят, Мэй может прокатить тебя на пони и заодно примерить новую красную упряжь.

— Конечно, я поеду с папой — я уверена, что у Ньюланда есть чем заняться, — молвила Мэй тоном, который мягко напомнил ее мужу о некоторой его черствости. Нежелание зятя планировать до мелочей свой день было источником постоянного раздражения для миссис Уэлланд. Хотя он уже две недели провел под крышей Уэлландов, но все еще на вопрос о том, на что он собирается потратить послеполуденное время, частенько отделывался каламбуром вроде: «О, я, пожалуй, попробую для разнообразия сберечь его, вместо того чтобы тратить», а однажды, когда миссис Уэлланд и Мэй пришлось наносить давно откладываемые визиты, он признался, что пролежал под скалой у дома на пляже все время, пока они отсутствовали.

«Ньюланд ничего никогда не продумывает заранее», — рискнула однажды миссис Уэлланд пожаловаться дочери; и Мэй отозвалась безмятежно: «Да, но когда у него не намечено ничего важного, он читает книги». — «А, ну да — как его отец!» — согласилась миссис Уэлланд — с наследственностью-то ничего не поделаешь; и после этого вопрос о незанятости Ньюланда больше не поднимался.

Как бы то ни было, по мере приближения дня приема у Силлертонов Мэй начала проявлять некоторое беспокойство о времяпрепровождении мужа и, чтобы компенсировать свое отсутствие возле него, стала предлагать ему поиграть в теннис у Чиверсов или покататься на катере Джулиуса Бофорта. «Дорогой, я вернусь к шести — ты же знаешь, папины прогулки никогда не длятся дольше», — волнуясь, уверяла она и успокоилась только тогда, когда Арчер сказал, что наймет карету и съездит на конный завод на севере острова присмотреть вторую лошадь для ее экипажа.

Они уже думали об этом раньше, и предложение показалось Мэй столь подходящим, что она взглянула на мать, как бы говоря: «Видишь, он так же хорошо умеет планировать свое время, как и мы».

Идея о конном заводе и покупке лошади возникла у Арчера в тот самый день, когда впервые возник разговор о приглашении Эмерсона Силлертона; но он не высказывал ее вслух, словно в этом плане было что-то такое, что он хотел скрыть, и преждевременное оглашение могло способствовать тому, чтобы все вышло на поверхность и помешало его осуществлению. Однако он уже заранее нанял коляску с парой старых рысаков, которые все же могли протащиться восемнадцать миль по ровной дороге; и в два часа, с нетерпением поднявшись из-за стола, он вскочил в карету и уехал.

День был чудесным. Легкий бриз гнал небольшие хлопья облаков по ярко-синему небу, сквозь которые ярко светило солнце. Бельвю-авеню была пуста в этот час, и, высадив конюха на углу Милл-стрит, Арчер свернул на Олд-Бич-роуд и поехал вдоль берега.

Арчер был полон тем радостным возбуждением, с которым он, когда был школьником, получив короткую передышку между занятиями, покидал школьное здание в ожидании чего-то неизведанного. Пустив лошадей легким аллюром, он прикинул, что приедет на конный завод, который был сразу за Райскими скалами, не

позднее чем в три часа, и после осмотра лошади в его личном распоряжении еще останется часа четыре!

Как только он услышал о приеме у Силлертонов, он сказал себе, что маркиза Мэнсон наверняка потащится с Бленкерами в Ньюпорт, а Оленская может воспользоваться этим днем для визита к бабушке. Во всяком случае, обитель Бленкеров опустеет, и он сможет, не выказывая нескромности, удовлетворить свое любопытство и увидеть их жилище.

Он не был уверен, что хочет встретиться с Оленской снова; но с тех пор, как он увидел ее стоящей на склоне, у него возникло совершенно иррациональное и необъяснимое желание увидеть место, где она живет, словно для того, чтобы заставить пошевелиться оставшуюся в его воспоминаниях неподвижную фигуру в беседке на пирсе. Это чувство не давало ему покоя ни днем ни ночью — так иногда больного человека преследует нестерпимая жажда. Он был не в состоянии понять, что стоит за этим поступком и к чему он может привести, поскольку это не было желанием видеть мадам О ленскую или слышать ее голос. Он просто чувствовал, что, если он увидит обрамленный небом и морем кусок земли,

по которой она ступала, весь остальной мир не будет уже казаться ему таким пустым.

Он приехал на конный завод и, едва бросив взгляд на лошадь, понял, что это совсем не то, что он хотел; тем не менее он опробовал ее, чтобы доказать самому себе, что никуда не спешит. Но в три часа он уже поворачивал своих рысаков на одну из проселочных дорог, ведущих к Портсмуту. Ветер стих, и легкая дымка на горизонте показывала, что с началом прилива туман будет стелиться вверх по реке Саконнет; но сейчас все леса и поля еще были залиты золотым светом.

Он миновал крытые серой кровельной дранью фермерские дома, тонущие во фруктовых садах, поля со скошенной травой и дубовые рощи, деревни с белыми шпилями, пронзающими потускневшее небо; и наконец, расспросив нескольких работавших в поле крестьян, он повернул на тропинку между живыми изгородями из ежевики. В конце тропинки проблескивала речная гладь; слева, на фоне группы деревьев — дубов и кленов, — он увидел длинный полуразрушенный дом с облупившейся белой краской на деревянных панелях.

Со стороны улицы, напротив ворот стоял открытый сарай, в котором у жителей Новой Англии

было принято хранить фермерские орудия труда и где гости привязывали своих лошадей. Арчер, спешившись, поставил туда своих и направился к дому. Газон перед домом скорее походил на скошенный луг. Неухоженные кусты роз и георгинов окружали призрачную, когда-то белую, решетчатую беседку, увенчанную деревянным Купидоном, который утерял свои лук и стрелу, но продолжал целиться в пространство.

У ворот Арчер немного помедлил. Никого не было видно, и ни звука не доносилось из распахнутых окон дома. Дремавший у дверей поседевший ньюфаундленд казался таким же бесполезным стражем, как и потерявший стрелу Купидон. Было странно представить себе, что неутомимые Бленкеры пребывают в подобной обители спокойствия и запустения, но Арчер был уверен, что не ошибся.

Он долго стоял, зачарованно впитывая эту вызывающую дремоту сцену; но, наконец, встряхнулся и вспомнил о том, что время уходит. Он же собирался лишь взглянуть — не следовало ли теперь уехать? Пока он раздумывал, внезапно его посетило желание войти в дом, чтобы он мог представлять себе обстановку, в которой живет Оленская. В том, что он подойдет к двери

и позвонит в звонок, не будет ничего особенного; если, как он полагал, она на вечеринке со всеми остальными, он просто назовется и попросит разрешения войти в гостиную и написать несколько слов.

Но вместо этого он почему-то пересек лужайку и повернул к живой изгороди. В беседке виднелось что-то яркое, похожее на розовый зонтик. Его потянуло туда как магнитом; он был уверен — зонтик принадлежит ей. Он вошел в беседку, сел на шаткую скамью, взял в руки розовый шелк и стал разглядывать резную ручку из какого-то редкого дерева, которая издавала легкий аромат. Арчер на мгновение поднес ее к губам.

Он услышал шорох юбок, но сидел неподвижно, опираясь на зонтик и сжимая ручку в ладонях. Приблизившись, шорох прекратился. Он знал, что это должно было случиться…

— О, мистер Арчер! — громко воскликнул юный голос, и, подняв глаза, он увидел перед собой самую младшую и крупную из девиц Бленкер, светловолосую и растрепанную, в помятом муслиновом платье. Красный след на ее щеке явно указывал на то, что она только что была прижата к подушке, а ее заспанные глаза взирали на Арчера приветливо, но смущенно. — Господи, как вы

сюда попали? Я, наверное, уснула в гамаке. Все остальные уехали в Ньюпорт. Вы звонили? — расспрашивала она, выпаливая бессвязные фразы.

Арчер смутился еще больше:

— Я? Нет. То есть да, я собирался. Я смотрел лошадь неподалеку и заехал в надежде застать миссис Бленкер и ваших гостей. Но мне показалось, что в доме никого нет, вот я и сел немного подождать…

Мисс Бленкер, стряхнув с себя остатки сна, с возрастающим интересом воззрилась на него.

Дом действительно пуст. Никого, кроме меня, нет — ни мамы, ни маркизы. — Во взгляде ее появился легкий упрек. — Разве вы не знаете, что Силлертоны дают сегодня прием в нашу честь? Мне так не повезло, что я не смогла к ним присоединиться, но у меня болит горло, а на обратном пути, мама сказала, может быть холодно. Досадно, не правда ли? Впрочем, — кокетливо добавила она, — я бы могла не огорчаться, если бы знала, что заедете вы.

Арчеру было не до ее заигрываний. Собравшись с духом, он спросил:

— А мадам Оленская — она тоже уехала к Силлертонам?

Мисс Бленкер посмотрела на него с удивле-

нием:

— Мадам Оленская? Разве вы не знаете, что ей пришлось уехать?

— Пришлось?

— О, мой любимый зонтик! Я дала его дурехе Кэти, потому что он подходил по цвету к ее лентам, а она бросила его здесь. Мы, Бленкеры, — настоящая богема!

Тень от ее мощной руки упала на Арчера, когда она схватила зонтик и водрузила над своей головой розовый купол.

— Да, Эллен пришлось вчера уехать — знаете, она разрешила нам называть ее просто Эллен. Из Бостона пришла телеграмма; она сказала, что ее не будет два дня. Мне так нравится ее прическа! А вам? — продолжала она бессвязно трещать.

Арчер смотрел сквозь нее, как будто бы она была прозрачной. Все, что он видел, был зонтик, розовым нимбом осеняющий ее хихикающую физиономию. Спустя мгновение он спросил:

— Вы, случайно, не знаете, зачем мадам Оленская отправилась в Бостон? Надеюсь, ничего плохого не случилось?

Мисс Бленкер отмела это предположение:

— Мне так не показалось. Она не сказала нам, что там в телеграмме, — по-моему, она не хотела,

чтобы узнала маркиза. У нее такой романтичный вид, правда? Не правда ли, она напоминает миссис Скотт-Сиддонс,[79] когда та читает «Поклонение леди Джеральдин»?[80] Вы слышали ее когда-нибудь?

Арчер пытался разобраться в сумбуре своих мыслей. Перед ним словно распахнулась дверь, за которой лежало его будущее; и, пробегая глазами по этой бесконечной пустыне, он разглядел постепенно дряхлеющую фигурку человека, с которым никогда ничего не случалось. Он оглянулся вокруг на запущенный сад, на обветшалый дом и дубы, над которыми сгущались сумерки. Казалось, это именно то место, где он мог обрести Эллен; но она ускользнула, и даже розовый зонтик принадлежал не ей…

Он нахмурился и после паузы сказал:

— Возможно, мне придется завтра тоже быть в Бостоне. Как бы я мог ее найти?

Он почувствовал, что мисс Бленкер теряет к нему интерес, хотя улыбка еще держалась на ее лице.

— О, конечно, это так мило с вашей стороны!

---

[79] Примечания: 79
Английская драматическая актриса.

[80] Примечания: 80
Поэма Элизабет Браунинг.

Она остановилась в «Паркер-Хаусе». Должно быть, в такую погоду в городе ужасно.

После этого они еще поболтали — но до Арчера лишь изредка доходил смысл сказанного. Он помнил только свое решительное сопротивление в ответ на ее уговоры дождаться возвращения остальных и выпить чаю, прежде чем он отправится домой. В конце концов ему удалось вырваться из объятий хозяйки и деревянного Купидона, отвязать лошадей и уехать. На повороте дороги он снова увидел мисс Бленкер. Она продолжала стоять у ворот и махать розовым зонтиком.

Глава 5

Следующим утром Арчер сошел с фоллриверского поезда в душном летнем Бостоне. Над привокзальными улицами висел смешанный запах пива, кофе и подпорченных фруктов, а народ в рубашках с короткими рукавами сновал туда-сюда с отрешенностью жителей пансиона, направляющихся по коридору в ванную комнату.

Арчер нанял кеб и отправился завтракать в Сомерсет-клуб. Даже фешенебельные кварталы имели какой-то неопрятно-кухонный вид, до которого города Европы не опускаются даже в жару. Консьержки в ситцевых платьях лениво бездельничали у подъездов богатых домов, а Коммон[81] выглядел так, словно всю ночь напролет в нем продолжался пикник. Если бы Арчер попытался представить себе Эллен Оленскую в каких-либо невероятных декорациях, то это было именно то, что нужно, — ничто не вязалось с ее обликом менее, чем этот изнемогающий от жары, полупустынный Бостон.

---

[81] Примечания: 81
Бостон-Коммон старейший общественный парк США.

Он завтракал со вкусом и аппетитом, начав с куска дыни и просматривая газету в ожидании яичницы с тостами. С того момента, как он накануне объявил Мэй, что по делам фирмы он должен съездить в Бостон, он ощущал необыкновенный прилив сил и жажду деятельности. Он и так должен был в начале недели по делам фирмы возвратиться в Нью-Йорк, и все домашние уже знали это; но к тому же — волею судьбы — возвратившись из Портсмута, он нашел на столике в передней письмо из конторы, которое и послужило предлогом для изменения его планов. Той же ночью он сел на пароход в Фолл-Ривер.

Ему стало даже немного стыдно, что все получилось так легко: это напомнило ему отвратительные хитроумные уловки Лоуренса Леффертса, которыми тот обеспечивал себе свободу. Но это чувство тревожило его недолго — в настоящий момент он не был склонен анализировать свои поступки.

После завтрака он оторвался от газеты, чтобы закурить, и в это время вошли двое-трое его знакомых, с которыми он обменялся обычными приветствиями. Все шло своим чередом — несмотря на его странное ощущение пребывания в другом времени и пространстве.

Он посмотрел на часы — было уже полдесятого. Он поднялся, прошел в соседнюю комнату, написал на бумаге несколько строк и велел посыльному взять кеб до «Паркер-Хауса», передать записку и подождать ответа. Затем он снова отгородился от окружающих газетой и раздумывал, сколько времени на все это понадобится посыльному.

— Дамы, которой вы посылали записку, на месте не оказалось, сэр, — услышал он голос официанта над своим плечом. — Она вышла.

— Вышла? — переспросил он так, словно это было слово, произнесенное на иностранном языке.

Он встал и вышел в переднюю. Должно быть, это ошибка: куда ей деваться в этот час? Кровь бросилась ему в лицо — да какой же он дурак! Почему он не послал записку сразу же, как приехал?

Он взял шляпу и трость и вышел на улицу. Город внезапно стал незнакомым, огромным и пустым — Арчер внезапно почувствовал себя так, будто он иностранец, прибывший из дальних земель. Поколебавшись мгновение у дверей, он решил отправиться в «Паркер-Хаус». Что, если произошла какая-то ошибка и она все-таки там?

Он решил пересечь пешком Коммон и на пер-

вой же скамейке в парке увидел ее. Она держала над головой серый шелковый зонтик — как он мог даже вообразить, что у нее мог быть розовый? Когда он приблизился, его поразила ее безжизненная поза — она сидела так, словно все было потеряно. Он увидел ее поникший профиль и узел волос, низко заколотый над шеей под ее темной шляпой, и длинную перчатку, ткань которой морщилась на запястье, на той руке, которая держала зонтик. Он сделал один или два шага, она повернулась и увидела его.

— О! — воскликнула она, и в первый раз в жизни Арчер увидел испуг на ее лице; впрочем, он тут же сменился тихой улыбкой удивления и радости. — О, — пробормотала она снова, уже совсем другим тоном, так как он продолжал стоять, молча глядя на нее.

Она подвинулась, освобождая ему место на скамейке.

— Я здесь по делу — только приехал, — объяснил Арчер и, сам не зная почему, притворился, что удивлен их встрече. — Но что ВЫ делаете в этой пустыне?

Он еле-еле понимал, что говорит, ему казалось, что он кричит ей откуда-то издалека, а она вот-вот исчезнет безвозвратно.

— Я? О, я тоже по делу, — ответила она, повернулась — и они оказались лицом к лицу. Смысл ее слов ускользал от него; он слышал только ее голос и поразился, что он совершенно не сохранился в его памяти. Он даже не помнил, что голос у нее низкого тембра, а согласные она произносит слегка хрипловато.

— Вы изменили прическу, — сказал он. Сердце его билось так сильно, словно он произносил что-то очень важное.

— Изменила? Да нет, просто со мной нет Настасьи, и это все, на что я сама способна.

— Она не с вами?

— Нет, я одна. Не стоило тащить ее с собой на два дня.

— Вы одна — в «Паркер-Хаусе»?

Она взглянула на него со знакомым лукавым выражением:

— Вы считаете, что это опасно?

— Не то чтобы опасно…

— Но не совсем обычно? Я понимаю. Полагаю, вы правы. — Она немного помолчала. Это меня не особенно интересует, потому что как раз сейчас я сделала кое-что более необычное. — Легкий налет иронии просвечивал в ее глазах. — Я только что отказалась принять обратно деньги, которые

принадлежали мне.

Арчер вскочил и отошел на пару шагов. Она сложила зонтик и рассеянно чертила что-то на гравии его кончиком. Наконец он вернулся и встал рядом.

— Кто-то… кто-то приехал к вам с поручением?

— Да.

— С этим предложением?

Она кивнула.

— И вы отказались — из-за поставленных условий?

— Я отказалась, — ответила она, помолчав.

Он снова сел с ней рядом.

— Что были за условия?

— О, ничего особенно тягостного: время от времени сидеть с ним во главе стола.

Они снова молчали. Сердце Арчера снова словно перестало биться, и он сидел, силясь найти слова.

— Он хочет, чтобы вы вернулись — любой ценой?

— О да, значительной ценой. По крайней мере, значительной для меня.

Он опять замолчал, ломая голову, как ему задать вопрос, что мучил его.

— Вы приехали сюда для встречи с ним?

Она посмотрела на него изумленно и расхохоталась:

— Встречи… с ним? Здесь? В это время года он всегда в Каузе или в Бадене.

— Он послал кого-то?

— Да.

— С письмом?

Она покачала головой:

— Нет, с поручением на словах. Он никогда не пишет. Не думаю, чтобы я получила от него более чем одно письмо. — Она покраснела при воспоминании об этом письме, и ее румянец отразился на лице Арчера.

— Почему он никогда не пишет?

— А почему он должен писать? Зачем тогда иметь секретаря?

Молодой человек покраснел еще глубже. Она произнесла это слово, не придавая ему особого значения — как любое другое слово. «Так он прислал своего секретаря?» — вертелось у Арчера на кончике языка. Но воспоминание о единственном письме графа О ленского жене было слишком живо. Он снова помолчал, затем начал снова:

— И этот человек…

Гонец? — отозвалась Оленская, все еще улыбаясь. — Гонец должен бы был уже уехать. Но он

захотел подождать до сегодняшнего вечера… в случае… вдруг я передумаю…

— И вы пришли сюда обдумать окончательное решение?

— Я пришла сюда подышать воздухом. В гостинице душно. Я возвращаюсь дневным поездом в Портсмут.

Они сидели в молчании, глядя не друг на друга, а прямо перед собой, на прогуливающихся по тропинке людей. Наконец она повернулась к нему и сказала:

— А вы не изменились.

Он хотел сказать ей: «Я был другим, пока снова не увидел вас», — но вместо этого он решительно встал и оглядел неряшливый парк, изнывающий от зноя.

— Здесь ужасно. Почему бы нам не прогуляться к заливу? Там ветерок и будет прохладнее. Мы могли бы прогуляться на пароходе в Пойнт-Арли. — Она, колеблясь, взглянула на него, и он продолжал: — Сегодня понедельник, и утром на пароходе не будет ни души. Мой поезд в Нью-Йорк отходит вечером. Почему бы нам не поехать? — настаивал он, глядя на нее сверху.

И вдруг у него вырвалось:

— Разве мы не сделали все, что могли?

— О… — пробормотала она снова. Она встала, раскрыла зонтик и растерянно огляделась вокруг, словно ища подтверждение его словам, что невозможно оставаться здесь долее. Затем она снова посмотрела на него. — Вам не следовало говорить мне этого, — сказала она.

— Я буду говорить вам обо всем, о чем вы захотите. Или не буду говорить ни о чем. Я не раскрою рта, пока вы мне не прикажете. Наша прогулка не может принести никому вреда. Все, что я хочу, — слушать вас, — убеждал он.

Все еще колеблясь, она вытащила часики на эмалированной цепочке.

— Не нужно все просчитывать, — умолял он. — Подарите мне сегодняшний день! Я хочу увезти вас от того человека. Во сколько он придет?

Она снова покраснела:

— В одиннадцать.

— Так вы должны идти немедленно.

— Если я не пойду, вам нечего бояться.

— И вам тоже. Я клянусь, что я только хочу слушать вас, узнать, что вы делали все это время. Сто лет прошло с тех пор, как мы виделись последний раз — и может быть, минует еще столетие, прежде чем мы встретимся снова.

Она все еще колебалась, глядя на него с тре-

вогой:

— Почему вы не подошли ко мне там, на берегу, у бабушки?

— Потому что вы не оборачивались, потому что вы не знали, что я там. Я поклялся, что я не подойду, если вы не обернетесь. — Его признание прозвучало так по-детски, что он засмеялся.

— Но ведь я не обернулась нарочно.

— Нарочно?

— Я знала, что вы приехали; увидев коляску, я узнала пони. Поэтому я и ушла на берег.

— Чтоб уйти от меня как можно дальше?

— Чтобы уйти от вас как можно дальше, — эхом откликнулась она.

Он снова засмеялся с какой-то мальчишеской радостью:

— Вот видите, и все зря. Я также могу признаться вам, что дело, которое привело меня сюда, — это вы. Но послушайте, нам надо спешить, а то мы пропустим наш пароход.

— Наш пароход? — Она недоуменно нахмурилась, но затем рассмеялась. — Но надо сначала зайти в отель — я должна оставить записку.

— Хоть сто записок. Можете написать прямо здесь. — Он вытащил из записной книжки одну из последних новинок — ручку с вечным пе-

ром. — У меня даже есть конверт — вы видите, все предрешено! Вот — положите книжку на колени, а я встряхну ручку. Ее создатели — веселые люди, я вам скажу… подождите. — Он постучал рукой, в которой держал ручку, по спинке скамейки. — Это похоже на то, как стряхивают ртуть в термометре… Вот. Пробуйте.

Она засмеялась и, наклонившись над листом бумаги, начала писать. Арчер отошел на несколько шагов и стал разглядывать прохожих невидящими сияющими глазами, а те в свою очередь с удивлением наблюдали эту картину — как модно одетая дама писала что-то у себя на коленях в парке Коммон.

Оленская положила листок в конверт, подписала и положила в свой карман. Затем она поднялась.

Они пошли к Бикон-стрит, и около клуба Арчер заметил карету, обитую внутри плюшем, которая возила его записку в «Паркер-Хаус» и кучер которой умывался водой из пожарного крана, пытаясь прийти в себя от произведенных усилий.

— Я говорил вам, что все предрешено! Вот и кеб для нас. Посмотрите! — Они оба засмеялись, изумленные невероятной удачей — наемный кеб в такой час! В неположенном месте! В городе, где

стоянки наемных карет все еще были «иностранным новшеством»!

Взглянув на часы, Арчер увидел, что у них есть время заехать в гостиницу. Кеб загромыхал по жарким улицам и остановился у отеля.

Арчер протянул руку и сказал:

— Давайте я передам письмо, — но Оленская, покачав головой, вышла из кеба и исчезла за стеклянными дверьми. Было только пол-одиннадцатого; но что, если гонец из-за нетерпения или не зная, чем заняться, уже сидит внизу в холле за прохладительным напитком среди тех путешественников, которых мельком видел Арчер, когда Оленская входила в дверь?

Он ждал у кеба, расхаживая взад и вперед, как маятник. Сицилианский юноша с Настасьиными глазами предложил почистить Арчеру ботинки, а старая ирландка — купить у нее персики. Каждую минуту двери отворялись, чтобы выпустить потных мужчин в соломенных шляпах, сдвинутых на затылок, — проходя, каждый мерил его взглядом. Удивительно было, что двери так часто открываются и что все те, кто выходит, так похожи друг на друга, и он подумал, что так же похожи друг на друга все другие потные мужчины, которые в этот час беспрестанно входят и выходят

через крутящиеся двери отелей на всей земле.

И затем внезапно в его поле зрения попало совсем иное, одухотворенное, лицо. Он увидел его, когда как раз начинал свой путь от крайней точки маятника — к дверям, в толпе тех, похожих друг на друга, созданий — худых и круглолицых, усталых и бодрых, кротких и настороженных.

Это был молодой человек, бледный, полуживой от жары, или забот, или от того и другого вместе, но тем не менее его лицо было более оживленным и осмысленным. Или это казалось так из-за того, что он был не таким, как остальные? Арчер на мгновение ухватил нить памяти, но она тут же порвалась и уплыла вместе с исчезнувшим лицом — по-видимому принадлежавшему какому-нибудь иностранному коммерсанту, выглядящему вдвойне иностранцем на фоне захолустного облика Бостона. Он исчез в потоке прохожих, и Арчер продолжил изображать маятник.

Он не хотел вынимать часы из кармана на виду у всего отеля и не мог сообразить, сколько прошло времени. Раз мадам О ленская так долго не появляется — значит, она столкнулась с гонцом или он подкараулил ее. При этой мысли его опасения приняли паническую форму.

«Если она сейчас же не вернется, я пойду за ней», — решил он.

Двери снова открылись, и она возникла рядом с ним. Они сели в кеб, и, как только они тронулись, он взглянул на часы.

Она отсутствовала три минуты.

Плохо пригнанные стекла так дребезжали, что разговаривать было невозможно, и, громыхая колесами по булыжной мостовой, карета повезла их на пристань.

Сидя рядом на скамейке полупустого парохода, они поняли, что у них едва ли есть что сказать друг другу, или, вернее, то, что они хотели сказать, уже само по себе было сказано блаженным расслабленным ощущением того, что они наконец-то остались наедине.

Когда гребные колеса начали разворачиваться, а корабли и берега скрылись в знойной дымке, Арчеру показалось, что старый знакомый реальный мир тоже растаял. Он страстно желал спросить Оленскую, чувствует ли она то же самое — то, что они пустились в долгое плавание, из которого, может быть, не возвратятся никогда. Но он побоялся сказать это или что-то другое, что могло бы разрушить ее хрупкое доверие к нему. Он не хотел этого. Бывали дни и ночи, ко-

гда воспоминание об их единственном поцелуе нестерпимо горело у него на губах, а вчера по дороге в Портсмут мысль о ней жгла его изнутри, как огонь… Но сейчас, когда она была рядом с ним и они уплывали в неизвестность, между ними, казалось, возникла такая глубокая духовная близость, что любое прикосновение могло ее безвозвратно разрушить.

Как только пароход покинул гавань и вышел в открытое море, на них повеял легкий ветерок. Залив превратился в сплошную волнистую рябь — длинные маслянистые волны пенились белыми гребешками. Удушающий туман все еще висел над городом, но впереди лежал бодрящий мир кружевных вод и освещенных солнцем далеких маяков. Откинувшись спиной на поручни, Оленская вдыхала прохладу полураскрытыми губами. Ее шляпа была обернута длинной вуалью, но она не закрывала ее лица, и его безмятежно-веселое выражение поразило Арчера. Казалось, она отнеслась к их путешествию как будто это само собой разумелось, и не только не боялась неприятных встреч, но даже (что, может быть, было еще хуже) возможность этого вызывала у нее излишне приподнятое настроение.

В довольно бедном ресторане, где, он надеялся,

они будут одни, сидела шумная компания весьма безобидных с виду молодых людей учителя на каникулах, пояснил хозяин, — и сердце у Арчера упало, когда он представил, что им с Оленской придется беседовать в такой обстановке.

— Это безнадежная затея — я попрошу, чтобы нам накрыли отдельно, — сказал он, и О ленская, не возразив ни слова, ждала, пока он вернется.

Комната выходила на длинную деревянную веранду; за окнами виднелось море. Здесь тоже было голо и прохладно; стол был накрыт грубой клетчатой скатертью, на которой стояла банка маринованных огурчиков и пирог с голубикой. Невозможно было представить себе более непритязательный cabinet particulier[82] для ищущей уединения пары; и Арчеру показалось, что в слабой улыбке, с которой Оленская опустилась на стул напротив, мелькнуло чувство облегчения. Женщина, которая сбежала от мужа — и как говорили, с другим мужчиной, — должна была овладеть искусством принимать все как ни в чем не бывало; но в ее самообладании было нечто такое, что не давало ему иронизировать.

Она была такой спокойной, так просто, без

---

[82] Примечания: 82
Отдельный кабинет.

малейшего смущения отметала условности, что ей удалось внушить ему: желание уединиться является совершенно нормальным для двух старых друзей, которым так много надо сказать друг другу…

Глава 6

Они трапезничали не торопясь, с долгими паузами, сменявшими стремительные всплески беседы. Словно рассеялись колдовские чары и наконец стало возможным так о многом рассказать друг другу. Временами разговор затихал, и обрывки его служили лишь аккомпанементом к долгому молчанию. Арчер почти не говорил о себе — не специально, а просто боясь упустить хотя бы слово из ее повествования. Опираясь на сцепленные под подбородком руки, она рассказывала ему, как жила эти полтора года, что миновали со дня их последней встречи…

Так называемый «свет» все больше и больше докучал ей. Нью-Йорк в своей часто притворной любезности и гостеприимстве был не слишком терпим и деспотичен. Конечно, она была благодарна за то, что ее «возвращение» состоялось, но после первых кратких мгновений упоения новизной она почувствовала, что она «другая», что ценности окружавшего ее теперь мира ей безразличны. Она решила попробовать обосноваться в Вашингтоне, где, как считалось, люди были менее консервативны, и взять к себе бедняжку

Медору, которая в очередной раз израсходовала запас терпения остальных родственников, а ведь именно теперь она наиболее нуждается в присмотре в связи с очередными матримониальными планами.

— Но доктор Карвер — разве вы не имеете в виду доктора Карвера? Я слышал, он жил с вами у Бленкеров.

Она улыбнулась:

— О нет, эта опасность миновала. Доктор Карвер совсем не глуп. Ему нужна богатая жена, чтобы она финансировала его проекты. А новообращенная Медора служит прекрасной рекламой.

— Новообращенная во что?

— В любого рода новые социальные эксперименты. Но, знаете, для меня это гораздо интереснее, чем слепое следование традициям — чьим-то традициям, — которое я наблюдаю среди наших общих знакомых. Довольно глупо было открывать Америку только для того, чтобы превратить ее в точную копию другой страны. — Она улыбнулась. — Вы полагаете, Христофор Колумб затеял всю эту головную боль только ради того, чтобы сходить в Оперу с семейством Селфридж Мерри?

— А Бофорт — с ним вы тоже говорите на эти темы? — внезапно спросил он, покраснев.

— Я давно его не видела. Но прежде говорила, он все понимает.

— Это как раз то, что я не раз говорил вам: вы другая. И Бофорт вам симпатичен потому, что он тоже другой. — Он обвел взглядом пустую комнату, потом посмотрел в окно на пустынные берега, где выстроились в ряд безупречно белые деревенские домики. — Мы чертовски скучны. В нас нет характера, разнообразия, красок. Интересно, — спросил он вдруг, — а почему вы не уезжаете назад?

Ее глаза потемнели, и он ждал негодующего ответа. Но она сидела молча, словно обдумывая его вопрос.

— Думаю, что из-за вас, — наконец произнесла она.

Невозможно было бы сделать подобное признание более бесстрастным тоном. Арчер покраснел до корней волос, но не смел ни двинуться, ни заговорить — как будто эти слова были диковинной бабочкой, которая от малейшего шороха могла раскрыть крылышки и улететь; но если сидеть не шелохнувшись, то другие, такие же прекрасные бабочки могли собраться вокруг нее.

— Во всяком случае, — продолжала она, — только вы заставили меня понять, что под этой скукой

может таиться нечто изысканное, тонкое и возвышенное, что многие вещи, которые я ценила до этого, на самом деле ничего не значат в сравнении с этим. Не знаю, как удачнее выразить свою мысль, — она слегка нахмурила лоб, — но мне кажется, раньше я никогда не ощущала так ясно, какая низость и безжалостность лежит в основе так называемых изысканных наслаждений, за которые так жестоко приходится платить…

«Изысканные наслаждения — за них не жаль заплатить!» — хотел воскликнуть Арчер, но промолчал, повинуясь ее взгляду.

— Я хочу, — продолжала она, — быть совершенно честной с вами — и с собой. Я давно надеялась, что эта минута настанет — и я смогу рассказать вам, как вы мне помогли, что вы сделали из меня…

Арчер слушал Эллен, глядя на нее исподлобья, — и прервал ее, вдруг разразившись смехом:

— А понимаете ли вы, что сделали из меня?

— Я — из вас? — Она слегка побледнела.

— Да, я — создание ваших рук гораздо более, чем вы — моих. Я — мужчина, который женился на одной женщине потому, что так ему приказала другая.

Ее бледность сменилась румянцем.

— Я думала — вы обещали… давайте не будем говорить об этом.

— А-а! Как это по-женски! Ни одна из вас не желает смотреть ужасной правде в глаза!

— Так Мэй это не принесло счастья? — Голос ее упал.

Он стоял у окна, барабаня пальцами по полуоткрытой раме, и каждой своей клеточкой ощутил тоскующую нежность, с которой она произнесла имя своей кузины.

— Но это то, к чему мы оба стремились, разве нет? И вы сами сделали выбор!

— Я сам? — отозвался он машинально, не сводя взгляда с моря.

— Но если нет, — продолжала она, развивая свою мысль с настойчивостью, которая, очевидно, причиняла ей боль, — но если нет, если не стоило отказываться от… не стоило терять все… ради того, чтобы спасти других от разочарования и горя… Тогда все, ради чего я вернулась, все, по сравнению с чем моя прежняя жизнь казалась бедной и убогой, потому что там это никого не интересует, — все это есть обман или пустые фантазии…

Он повернулся к ней:

— И в этом случае… никакая причина не удер-

жит вас от возвращения?

Ее глаза, прикованные к нему, были полны отчаяния.

— А разве… вы думаете, есть такая причина?

— Нет, раз вы поставили все на карту ради безоблачности моего брака. Но мой брак, — воскликнул он с яростью, — не то зрелище, которое могло бы удержать вас здесь! — Она не ответила, и он продолжал: — Что толку? Благодаря вам я понял, что такое жить по-настоящему, и в тот же самый момент вы заставили меня довольствоваться химерой. Это выше того, что может вынести человек!

— Не нужно так говорить — я же терплю! — вырвалось у нее, и глаза ее наполнились слезами. Она убрала руки от лица и взглянула на него прямо и открыто с отчаянной безрассудной отвагой. Вся ее душа раскрылась ему навстречу — и Арчер стоял, совершенно потрясенный тем, что внезапно понял.

— Как — и вы? Вы тоже? Все это время?

Ответом были слезы — она больше не могла удерживать их, и они медленно потекли по ее щекам.

Их разделяло полкомнаты; оба они не сделали никакого движения друг к другу. Арчера

поразило, что он совершенно не чувствовал физического присутствия Оленской — он бы вообще не ощущал его, если бы не был прикован взглядом к одной из ее лежавших на столе рук — как тогда, в крошечном домике на Двадцать третьей улице, он все время смотрел на ее руку, чтобы не смотреть ей в лицо. Теперь его воображение вихрем крутилось вокруг этой руки, как по краю водоворота; но он все еще не сделал попытки приблизиться к этому краю. Он знавал любовь, которая кормила его и сама кормилась ласками; но страсть к Оленской настолько вошла в его плоть и кровь, что ее нельзя было удовлетворить столь простым способом. Он боялся лишь одного — не сделать чего-нибудь, что могло бы стереть смысл и значение ее слов.

Но спустя лишь мгновение его охватило чувство неминуемой потери. Они были вдвоем, так близко друг к другу — и так далеко. Словно мир раскололся надвое — и они остались в разных половинах, прикованные цепями каждый к своей судьбе.

— Впрочем, какая разница — если вы вернетесь обратно? — выдавил он, но она услышала его безмолвный безнадежный крик: «Как мне удержать вас?»

Она сидела неподвижно, опустив глаза:

— Я останусь — пока.

— Пока? Значит, через некоторое время? Вы уже назначили его?

Она подняла на него ясные глаза:

— Я вам обещаю — до тех пор, пока вы будете держать себя в руках. До тех пор, пока мы сможем прямо смотреть в глаза друг друга — так, как сейчас.

Он опустился на стул, осознав смысл ее ответа: «Если вы шевельнете хоть пальцем, вы вынудите меня вернуться — вернуться к тем мерзостям, о которых вам известно, вернуться к тем искушениям, о которых вы только догадываетесь...» Он понял это так ясно, как будто она произнесла это вслух, и эта мысль удерживала его по другую сторону стола в какой-то растроганной благоговейной покорности.

— Что же за жизнь будет у вас! — простонал он.

— О, я выдержу, пока моя жизнь будет частью вашей.

— А моя — вашей? Она кивнула.

— И это все, что ждет нас?

— Но ведь это и есть ВСЕ, не так ли?

При этих словах он вскочил, забыв обо всем и

видя только ее лицо. Она тоже встала — не для того, чтобы подойти к нему или бежать от него, но спокойно, словно часть задачи была выполнена и теперь осталось только ждать; так спокойно, что, когда он приблизился, ее вытянутые руки не оттолкнули его, а, скользнув в его руки, ласково, но твердо удержали его на таком расстоянии, чтобы он мог прочесть остальное на ее лице.

Может быть, они стояли так очень долго, а может быть, всего несколько мгновений; но времени этого оказалось достаточно, чтобы она беззвучно сказала все, что хотела, а он понял, что имеет значение только одно. Он не должен допустить, чтобы эта их встреча стала последней; он должен оставить их будущее в ее руках и просить лишь о том, чтобы она держала его как можно крепче.

— Постарайтесь не чувствовать себя несчастным, — надломившимся голосом сказала она, отнимая руки.

— Но вы не уедете? Не уедете? — спрашивал он, словно это было единственное, чего бы он не вынес.

— Не уеду, — сказала она и, повернувшись, открыла дверь и прошла в общий зал.

Шумная компания школьных учителей соби-

рала свои вещи, готовясь бежать на пристань. На фоне берега у пирса белел пароход, и над освещенной солнцем водной гладью смутным расплывчатым силуэтом вырисовывался Бостон.

Глава 7

На палубе, среди посторонних, Арчер почувствовал облегчение — это и удивило, и обрадовало его. Итог дня — если рассматривать его с традиционной мужской точки зрения — был плачевным: Арчер даже не поцеловал руки Оленской и не услышал ни единого слова, давшего надежду на будущее.

Но, как ни странно для человека, измученного неутоленной страстью и вынужденного держаться в отдалении от предмета своей любви неопределенное время, может быть, вечно, — он чувствовал в себе почти благоговейное смирение и покой. Ей удалось создать идеальное равновесие между их верностью другим и честностью по отношению друг к другу — равновесие, основанное не на расчете, а искреннее, пришедшее из глубины ее сердца — ее колебания и слезы свидетельствовали об этом. Теперь, когда опасность миновала, это наполнило его священным трепетом — он благодарил судьбу за то, что ни тщеславие, ни ощущение, что он играет какую-то роль перед опытными зрителями, не позволили ему ввести ее в искушение. Даже после того, как

они попрощались на станции Фолл-Ривер и он остался один, его не покидало ощущение, что эта их встреча дала ему нечто значительно большее, чем то, что пришлось принести в жертву.

Он вернулся в клуб и сидел в одиночестве в пустой библиотеке, перебирая в мыслях каждое мгновение их встречи. Ему было ясно — а по здравом размышлении стало еще яснее, — что если теперь она и решит вернуться в Европу — то есть к мужу, — то это будет не потому, что она решила вернуться к старому, даже на новых условиях. Нет, она уедет только в том случае, если почувствует, что ее присутствие для Арчера будет соблазном и этот соблазн разрушит ту преграду, которую они себе поставили. Она будет рядом до тех пор, пока он не попросит ее подойти ближе; и от него самого будет зависеть, останется ли она здесь, — на безопасном расстоянии…

В поезде он по-прежнему думал об этом. Мысли окутывали его золотистой дымкой, и сквозь нее все окружающие лица казались удаленными и расплывчатыми. Ему казалось, что, если он заговорит с кем-нибудь из них, они просто не поймут, о чем идет речь.

Все еще находясь в этом странном состоянии, он возвратился утром в душную реальность сен-

тябрьского Нью-Йорка. Вокруг него возникало в том же золотистом тумане множество лиц, сошедших с поезда, и на выходе из вокзала одно из них неожиданно выделилось, увеличившись на фоне общей массы и приблизившись, привлекло к себе внимание. Это было, как он внезапно осознал, лицо того молодого человека, которого он видел днем ранее у «Паркер-Хауса», — то, которое так резко отличалось от лиц посетителей американской гостиницы.

Та же самая мысль поразила его и теперь — и снова пробудила неясные ассоциации. Молодой человек стоял, растерянно озираясь вокруг, словно иностранец, попавший во власть грубой американской стихии; затем он сделал шаг к Арчеру, приподнял шляпу и сказал по-английски:

— Сдается мне, месье, мы встречались в Лондоне.

— Вот именно: в Лондоне! — с выражением любопытства и симпатии Арчер потряс его руку. — Так вы все-таки приехали! — воскликнул он, удивленно глядя на умное осунувшееся лицо гувернера юного Карфри.

— О да, — месье Ривьер натянуто улыбнулся, — но ненадолго: послезавтра я возвращаюсь. — Он стоял, держа в одной руке саквояж, и взволно-

ванно, растерянно, почти умоляюще смотрел на Арчера. Простите, месье, но раз уж я вас встретил, не могу ли я…

— Я как раз собирался просить вас позавтракать со мной. Не здесь, конечно. Если вы подождете меня немного в конторе, мы чуть позже сходим в какой-нибудь приличный ресторан.

Месье Ривьер явно был удивлен и тронут.

— Вы очень добры. Но я только хотел попросить вас помочь мне найти извозчика. Здесь нет носильщиков, и никто не хочет слушать…

— Ну да, наши американские вокзалы удивляют вас. Вы ищете носильщика, а вам предложат купить жевательную резинку. Пойдемте со мной, я помогу вам; но вы все равно должны со мной позавтракать.

Молодой человек рассыпался в благодарностях, не очень убедительно доказывая, что занят. Но когда они из суеты вокзала вышли на относительно спокойную улицу, он спросил, не сможет ли он зайти к Арчеру после полудня.

В конторе Арчера было летнее затишье, и он легко назначил ему час и написал адрес, который француз сунул в карман, сопровождая сие действо дальнейшими благодарностями и взмахами шляпой. Посадив его в коляску, Арчер отправился

восвояси.

Точно в назначенное время месье Ривьер появился, чисто выбритый и приглаженный, но столь же серьезный и унылый. Арчер был один, и, не принимая предложение сесть, француз сразу выпалил:

— Мне кажется, сэр, я видел вас вчера в Бостоне.

Заявление вполне соответствовало истине, и Арчер готов был подтвердить его слова, но его остановило необычное и таинственное выражение в глазах француза.

— Поразительно, просто поразительно, — продолжал месье Ривьер, — что нам с вами пришлось встретиться в подобных обстоятельствах.

— Каких обстоятельствах? — спросил Арчер. «Уж не нуждается ли он в деньгах?» — мелькнула у него неприятная мысль.

Месье Ривьер не сводил с него неуверенного взгляда:

— Я приехал не по поводу места, о чем мы говорили в прошлый раз, — а по специальному поручению.

— А! — воскликнул внезапно прозревший Арчер. Мгновенная вспышка сознания связала воедино две их последние встречи. Он замолчал,

обдумывая ситуацию, и Ривьер тоже молчал, поняв, что сказал вполне достаточно. — По специальному поручению, — повторил Арчер, нарушив наконец молчание.

Молодой человек слегка развел руками, и двое мужчин продолжали смотреть друг на друга через стол, пока Арчер, встряхнувшись, снова не предложил Ривьеру сесть, и тот, усевшись подальше, продолжал ждать.

— Об этой своей миссии вы и хотели поговорить со мной? — спросил наконец Арчер.

Ривьер кивнул:

— Не ради себя — с тем, что меня касается, я справился сам. Я бы хотел — если это возможно — поговорить о графине Оленской.

Вот уже несколько минут Арчер ждал этих слов; и все же при звуке их кровь бросилась ему в виски.

— Так ради кого вы хотите сделать это?

Ривьер встретил этот вопрос не дрогнув:

— Я бы сказал — во имя графини, если это не прозвучит дерзко. Может быть, я лучше скажу — во имя абстрактной справедливости?

— Другими словами, вы гонец графа Оленского? — иронически взглянув на него, сказал Арчер.

Теперь румянец, еще более густой, залил лицо Ривьера.

— Не к вам, месье. Если я пришел к вам, то по совершенно иным причинам.

— Что дает вам право говорить и действовать от своего имени? Либо вы посланец Оленского, либо нет.

Молодой человек обдумал его слова:

— Миссия моя закончена — она потерпела фиаско.

— Ничем не могу помочь. — В голосе Арчера по-прежнему была ирония.

— Разумеется, но есть кое-что, что в ваших силах. — Ривьер замолчал. Он сидел не снимая перчаток и крутил в руках шляпу, глядя внутрь нее; потом снова взглянул в лицо Арчеру. — Я убежден, что вы можете помочь в другом: способствовать неудаче моей миссии также и у ее семьи.

Громыхнув стулом, Арчер встал.

— Видит Бог, я это сделаю! — воскликнул он. Он стоял, держа руки в карманах, в ярости глядя сверху вниз на маленького француза, чье лицо, даже когда он поднялся, все еще было на несколько дюймов ниже уровня глаз Арчера.

Краски исчезли с лица Ривьера — бледность

вернулась на его щеки. Вряд ли можно было быть бледнее…

— Какого дьявола, — рычал Арчер, — какого дьявола вы решили, что я придерживаюсь другого мнения, чем все в нашей семье? Ведь, я полагаю, вы обратились ко мне потому, что я родственник мадам Оленской?

Несколько мгновений ответом Ривьера было лишь изменение в выражении его лица. Робость его сменилась глубоким отчаянием — его обычная находчивость, казалось, изменила ему, едва ли можно было выглядеть беспомощнее и беззащитнее.

— О месье… — только и мог вымолвить он.

— Я не могу понять, — продолжал Арчер в том же тоне, — зачем вы явились ко мне, когда есть люди гораздо более близкие графине; еще менее я могу понять, что я буду более открыт доводам, с которыми вы были посланы.

Ривьер смиренно встретил это нападение.

— Доводы, с которыми я пришел, — мои собственные. Тот, кто меня послал, ничего не знает о них.

— В таком случае у меня еще меньше причин их выслушивать.

Месье Ривьер снова взглянул на дно своей шля-

пы, словно раздумывая, не могут ли последние слова Арчера быть достаточной причиной для того, чтобы надеть ее и уйти. Затем с внезапной решимостью он заговорил:

— Месье, не можете ли вы сказать мне одну вещь? Вправе ли я быть здесь, пока вопрос не решится окончательно? Или вы полагаете, что он уже решен?

Его спокойная настойчивость заставила Арчера понять всю неуместность своего поведения. Ривьеру, несомненно, удалось показать себя в лучшем свете; и, слегка покраснев, Арчер снова опустился на стул и жестом попросил француза сделать то же самое.

— Простите, но почему вам кажется, что вопрос не решен?

Во взгляде Ривьера была боль и мука.

— То есть вы, подобно другим членам семьи, считаете, в свете новых предложений, которые я привез, что мадам Оленская должна вернуться к мужу?

— О боже! — воскликнул Арчер, и Ривьер пробормотал что-то в знак одобрения.

— Перед тем как встретиться с графиней, я переговорил — по требованию графа Оленского — с мистером Лавелом Минготтом. Я имел с

ним несколько бесед до отъезда в Бостон. Он, совершенно очевидно, представляет точку зрения миссис Мэнсон Минготт, которая, несомненно, является самым влиятельным членом семьи.

Арчер застыл, почувствовав себя так, словно пропасть разверзлась под ним и он цепляется изо всех сил за ее скользкие края, чтобы не сорваться. Тот факт, что он был исключен из числа лиц, ведущих переговоры, и даже не знал, что они ведутся, изумил его едва ли не больше, чем сам результат переговоров. Его осенило, что, раз семья перестала консультироваться с ним, какой-то глубокий родовой инстинкт внушил им, что он уже не на их стороне; и теперь он вдруг заново осознал слова Мэй, сказанные ею на пути домой от бабушки Минготт в день соревнования лучников: «В конце концов, возможно, Эллен будет все-таки лучше со своим мужем».

Но даже сейчас, в том сильном душевном смятении, в котором он находился, Арчер вспомнил свой возмущенный ответ и вдруг понял — с тех пор жена никогда не произносила при нем имя графини Оленской. Ее небрежное высказывание, несомненно, было ловушкой — она узнала, в какую сторону дует ветер, доложила семье, и Арчер был незаметно удален из совещательных рядов.

Он восхитился родовой дисциплиной, которая заставила Мэй принять это решение. Он знал, что она бы не настаивала на этом — это было против ее совести; но, возможно, она разделяла взгляды семьи на то, что мадам Оленской лучше быть несчастливой женой, чем разведенной женщиной. Что же касается Ньюланда, то она знала, что временами он не прочь «взбрыкнуть» и отвергнуть — ни с того ни с сего — любую фундаментальную ценность, истинность которой не подлежит обсуждению.

Арчер поднял глаза и встретил взволнованный взгляд гостя.

— Так вы не знаете, месье, — возможно ли, чтоб вы не знали? — что семья в сомнении — имеют ли они право советовать Оленской отказаться от последних предложений ее мужа.

— Тех, которые вы привезли?

— Именно так.

С губ Арчера едва не сорвались гневные слова о том, что не дело Ривьера судить о том, что Арчер знает и чего он не знает; но что-то в смиренном и в то же время отважном упорстве, которое он читал в пристальном взгляде Ривьера, заставило его отказаться от этого решения, и он ответил вопросом на вопрос:

— Так о чем вы хотели сказать — лично мне?

Ему не пришлось дожидаться ответа ни секунды.

— Я пришел умолять вас, месье, — выпалил француз, — умолять всеми силами, на которые я способен, — удержите ее от возвращения к мужу. Не отпускайте ее!

Арчер посмотрел на него с всевозрастающим удивлением. Не было никаких сомнений в искренности Ривьера или в силе его убежденности — было очевидно, что он полон решимости проиграть все, но высказаться до конца. Арчер задумался.

— Могу я спросить, — сказал он наконец, — вы то же посоветовали и мадам Оленской?

Месье Ривьер покраснел, но не отвел глаз:

— Нет, месье. Я честно выполнил свою миссию. Дело в том, что, когда я взялся за это дело, я действительно считал — по причинам, перечислением которых я не хочу утомлять вас, — что для мадам Оленской будет лучше, если она вновь займет то место в обществе, которое дает ей положение мужа.

— Я так и полагал. В ином случае вы не взяли бы на себя этой миссии.

— Разумеется.

— А теперь… — Арчер опять умолк, и они мерили друг друга испытующими взглядами.

— После того как я увидел ее, месье, и переговорил с ней, я пришел к выводу, что здесь ей лучше.

— Вот как?

— Я добросовестно выполнил свое поручение, месье, — я изложил аргументы графа, я представлял его интересы без каких-либо комментариев со своей стороны. Графиня была достаточно добра, чтобы выслушать меня; она простерла свою доброту до того, чтобы выслушать меня дважды. Она беспристрастно обдумала все, что я сказал ей. Но в результате этих двух бесед я изменил свое мнение и стал смотреть на вещи по-другому.

— Могу я спросить — почему?

— Просто я увидел перемену в НЕЙ, — ответил Ривьер.

— Перемену в ней? Вы знали ее прежде?

Молодой человек снова покраснел:

— Я встречался с ней в доме ее мужа. Я знаю графа Оленского много лет. Неужели вы думаете, что он послал бы с подобной миссией незнакомого человека?

Взгляд Арчера, блуждающий по голым стенам

офиса, остановился на настенном календаре с изображением суровых черт президента Соединенных Штатов. Вообразить подобную беседу где-то на подвластной ему огромной многокилометровой территории было довольно странно — но тем не менее это было фактом.

— Перемену… В чем же она изменилась?

— О месье, если бы я мог объяснить… Я полагаю, что открыл для себя нечто, о чем не подозревал, что она АМЕРИКАНКА. А для таких американцев, как она и как вы, многие вещи, которые приняты в некоторых других обществах или по крайней мере принимают их как некий компромисс, становятся немыслимыми, просто немыслимыми. Если бы родные мадам Оленской поняли, что это за вещи, они воспротивились бы возвращению мадам Оленской к мужу так же, как и она сама. Но они, очевидно, принимают желание графа вернуть ее домой как доказательство его верности домашнему очагу.

Ривьер помолчал и потом добавил:

— Тогда как это далеко не так просто.

Арчер вновь посмотрел на президента Соединенных Штатов, затем на стол и на бумаги, разбросанные по нему. Несколько мгновений он не мог говорить. Пока он молчал, он услышал

звук отодвигаемого стула — Ривьер встал. Когда он встретился с ним глазами, он увидел, что Ривьер взволнован не меньше его самого.

— Благодарю вас, — просто сказал Арчер.

— Вам не за что благодарить меня, месье. Скорее я… — Голос Ривьера прервался, как будто ему стало трудно говорить. — Мне следует, однако, сказать еще одну вещь, — добавил он более твердо. — Вы спросили меня, работаю ли я у Оленского. Да, сейчас это так — я возвратился к нему несколько месяцев назад, по причинам, которые может понять каждый, у кого на попечении есть пожилые или больные люди, которые полностью зависят от него. Но с той минуты, как я пришел сюда сказать вам то, что сказал, я уже считаю себя уволенным, и, вернувшись, я доложу об этом графу, изложив свои причины. Теперь все, месье.

Ривьер поклонился и сделал шаг назад.

— Благодарю вас, — повторил Арчер, когда их руки встретились.

Глава 8

Каждый год пятнадцатого октября Пятая авеню открывала ставни, раскатывала ковры и вывешивала занавески на окнах в три ряда.

К первому ноября этот домашний ритуал заканчивался, и общество начинало оглядываться вокруг и «проводило инвентаризацию». К пятнадцатому сезон уже надул паруса, Опера и театры манили новыми спектаклями, рассылались приглашения на обеды и назначались даты балов. И каждый раз точно в это время миссис Арчер провозглашала, что Нью-Йорк стал совсем другим.

Наблюдая за ним с высоты своего беспристрастного взгляда, она была способна заметить, с помощью мистера Силлертона Джексона и мисс Софи, каждую новую трещинку на его гладкой поверхности и все незнакомые сорняки, пробивающиеся меж стройными рядами великосветских растений. Это было одно из любимых развлечений Арчера в юности — ждать этого ежегодного отчета и внимать малейшим признакам разложения общества, которые проглядел его рассеянный взгляд. Что касается Нью-Йорка, то, по мнению матери, он год из года менялся к худшему; эту

точку зрения всецело поддерживала мисс Софи Джексон.

Мистер Силлертон Джексон, как и полагается светскому человеку, приберегал свои суждения и от души забавлялся, слушая горестные стенания дам. Но и он никогда не отрицал, что Нью-Йорк изменился; да и Ньюланд Арчер на вторую зиму после женитьбы был вынужден признать, что если он и не изменился окончательно, то, несомненно, меняется.

Эти вопросы были подняты, как обычно, на обеде у миссис Арчер в День благодарения. В день, когда традицией она была вынуждена приносить благодарности за дары Небес прошедшего года, у нее вошло в привычку производить весьма печальный, хотя и лишенный озлобленности, досмотр своей вотчине и выяснять, собственно, есть ли за что благодарить Всевышнего. Во всяком случае, не за состояние общества, — общество, если допустить, что оно существует, было скорее зрелищем, на которое нужно было призывать библейские проклятия — и действительно, каждый знает, что доктор Реверенд Эшмор имел в виду, когда выбрал для службы в День благодарения текст из Книги пророка Иеремии

(глава II стих 25).[83] Доктор Эшмор, новый пастор церкви Святого Матфея, был избран потому, что был «продвинутых» взглядов, — его проповеди отличались смелостью суждений и оригинальностью языка. Когда он выступал с осуждением великосветского общества, он всегда говорил о «тенденциях» его развития, и от мысли, что она принадлежит обществу, которое развивается, миссис Арчер испытывала нечто вроде сладкого ужаса.

— Нет сомнений, что доктор Эшмор прав — некоторая тенденция действительно есть, — произнесла она таким тоном, словно ее, эту тенденцию, можно было увидеть и измерить, как трещину в стене дома.

— Однако все же как-то странно вещать об этом в День благодарения, высказала свое мнение мисс Джексон, и хозяйка дома сухо отозвалась:

— О, он имел в виду, что мы должны быть благодарны за все то, что еще осталось.

Арчер обыкновенно подсмеивался над ежегодными вердиктами матери; но в этом году, ознакомившись со списком перемен, был вынужден

---

[83] Примечания: 83

«Не давай ногам твоим истаптывать обувь и гортани твоей томиться жаждою. Но ты сказал: „Не надейся, нет! Ибо люблю чужих и буду ходить вслед их“».

согласиться, что «тенденция» просматривается.

— Скажем, экстравагантность в одежде, — начала мисс Джексон. — Силлертон взял меня на премьеру в Оперу, и я должна сказать, что только Джейн Мерри была в прошлогоднем платье — но и то с немного переделанным лифом. Я знаю, что она сшила его у Ворта чуть ли не два года назад, потому что она всегда вызывает мою портниху переделывать ее парижские платья, перед тем как она их надевает.

— Ах, Джейн Мерри — одна из нас, — одобрительно вздохнула миссис Арчер, словно находя весьма незавидным жить во время, когда дамы начинали щеголять в платьях, полученных из Парижа, едва получив их на таможне, вместо того чтобы дать им отлежаться под замком, по обычаю одногодок миссис Арчер.

— Да, она одна из немногих оставшихся, — отозвалась мисс Джексон. — Раньше считалось неприличным одеваться по последней моде. Эми Силлертон всегда мне рассказывала, что в Бостоне было правило надевать новые парижские платья только через два года. Старая миссис Бакстер Пеннилоу, чье знание светских правил было верхом совершенства, каждый год заказывала двенадцать платьев — два бархатных, два

атласных, два шелковых и шесть остальных — из поплина и чудеснейшего кашемира. Она делала это из года в год, и когда она умерла, после двухлетней болезни, у нее нашли сорок восемь платьев от Борта, завернутых в папиросную бумагу, к которым никто даже не прикасался. И когда у ее дочерей закончился траур, они смогли появиться на симфонических концертах в платьях из первой партии без боязни быть одетыми по последней моде.

— Да, но ведь Бостон… он всегда был немного консервативнее, чем Нью-Йорк. Я всегда думала, что для леди лучше всего надевать модные платья сезоном позже, — сказала миссис Арчер.

— Это Бофорт завел новую моду, заставляя свою жену напяливать новые платья тут же, как они прибудут; я должна заметить, что из-за этого, если бы не аристократическая внешность Регины, она бы выглядела, как… как… — Мисс Джексон обвела стол глазами и, споткнувшись взглядом о вытаращенные глаза Джейни, закончила свою речь невнятным бормотанием.

— Как ее соперницы, — пришел на помощь мистер Силлертон Джексон с видом человека, сочинившего эпиграмму.

— Ах, — вздохнули дамы, а миссис Арчер доба-

вила, частично для того, чтобы отвлечь дочь от неудобной темы:

— Бедная Регина! Боюсь, не очень-то веселый у нее в этот раз День благодарения. Дошли ли до вас слухи, Силлертон, о спекуляциях Бофорта?

Мистер Джексон безразлично кивнул. Каждый знал об этих слухах, и он считал ниже своего достоинства обсуждать вещи, ставшие общим достоянием.

Мрачное молчание повисло над столом. Никто особенно не жаловал Бофорта, и было даже приятно судачить о нем; но мысль о том, что он навлек бесчестье на семью своей жены, была столь ужасна, что не могла радовать даже его врагов.

Нью-Йорк Арчеров допускал лицемерие в личной жизни, но в деловых отношениях требовал исключительной честности. Прошло уже довольно долгое время с тех пор, как хорошо всем известный банкир дискредитировал себя, но все помнили, как общество отвернулось от владельцев той фирмы, где произошло это злосчастное событие. То же самое ожидало и Бофортов, несмотря на их могущество и популярность; и даже объединив усилия, клан Далласов не сможет спасти бедную Регину, если есть хоть доля правды в этих слухах о незаконных спеку-

ляциях Бофорта.

Беседа скользнула на менее опасные рельсы, но, чего бы она ни коснулась, все, казалось, подтверждало мысль миссис Арчер об усилении «тенденций».

— Конечно, Ньюланд, я знаю, что ты позволил нашей дорогой Мэй бывать на воскресных вечеринках у миссис Стразерс, — начала она, но Мэй весело подхватила:

— О, знаете, теперь все ездят к ней. Она даже была приглашена на последний прием к бабушке.

Именно так, подумал Арчер, Нью-Йорк и справляется с переменами — упорно игнорирует их до тех пор, пока они не укоренятся, а после этого простодушно считают, что все это произошло еще в доисторические времена. В неприступной цитадели всегда найдется предатель; и после того, как он (а чаще она) уже сдаст ключи, какой смысл притворяться, что крепость взять невозможно? Однажды попробовав раскрепощенного гостеприимства миссис Стразерс, люди уже не хотят сидеть по воскресеньям дома, занимаясь злопыхательством по поводу того, что шампанское в ее доме является продуктом перегонки сапожной ваксы.

— Знаю, знаю, дорогая, — вздохнула миссис Ар-

чер. — Такие вещи неизбежно должны случаться, коль скоро именно за развлечениями гоняются люди сегодня, но я никогда до конца не прощу вашу кузину мадам Оленскую за то, что она первой поддержала миссис Стразерс.

Лицо Мэй внезапно вспыхнуло ярким румянцем — это изумило как Арчера, так и всех сидящих за столом.

— О эта ЭЛЛЕН… — пробормотала она столь же обвинительным и неодобрительным оном, каким ее родители говорили: «О эти БЛЕНКЕРЫ…»

Это был именно тот тон, которым было принято говорить в семье о графине Оленской, с тех пор как она удивила и поставила всех их в неловкое положение, окончательно отвергнув все предложения своего мужа; но то, что это сорвалось с губ Мэй, давало пищу для размышлений. Чувство отчужденности вновь охватило Арчера при взгляде на нее — оно порой овладевало им, когда она уж слишком становилась похожа на своих родных.

Его мать, обычно очень чувствительная к атмосфере беседы, на сей раз продолжала довольно бестактно:

— Я всегда полагала, что люди, подобные графине Оленской, которые вращались в великосветских кругах, должны помогать нам

поддерживать общественные различия, а не игнорировать их.

Румянец Мэй не сходил с ее лица — можно было подумать, что за ним стояло нечто большее, чем просто открытие того, что мадам О ленская неправильно ведет себя по отношению к обществу.

— Нет сомнений, что для иностранцев мы все похожи друг на друга, — ехидно заметила мисс Джексон.

— Не думаю, что Эллен есть какое-либо дело до общества; впрочем, никто не знает, есть ли ей вообще дело до чего-нибудь, — продолжала Мэй, стараясь выразиться как можно осторожнее.

— Да, да, — снова вздохнула миссис Арчер.

Каждый знал, что графиня Оленская больше не в милости у своей семьи. Даже ее верная наперсница, миссис Мэнсон Минготт, и та не могла оправдать ее отказ возвратиться к мужу. Минготты не провозглашали во всеуслышание свое неодобрение — чувство семейной солидарности было слишком сильным. Они просто, как выразилась миссис Уэлланд, «дали бедняжке Эллен идти своим путем», — и этот путь, оскорбительный и ни с чем не сравнимый для них, пролегал в немыслимой пропасти, где правили Бленкеры, а «пишущие люди» вершили свои неприятные

обряды. Было невероятно, что Эллен, несмотря на свои возможности и преимущества, опустилась до уровня «богемы». Этот факт утвердил всех во мнении, что она совершила роковую ошибку, не вернувшись к графу Оленскому.

В конце концов, место молодой женщины — под мужниной крышей, особенно если она покинула его в обстоятельствах… скажем… если в них внимательнее всмотреться…

— Мадам Оленская пользуется большим успехом у мужчин, — сказала мисс Софи, в очередной раз под видом якобы примирительного замечания подливая масло в огонь.

— Ах, это та опасность, которая всегда подстерегает таких молодых женщин, как мадам Оленская, — печально согласилась миссис Арчер, и дамы, придя к этому заключению, подобрав свои шлейфы, поспешили в гостиную к столу с круглой лампой, тогда как Арчер и Силлертон Джексон удалились в готическую библиотеку.

Расположившись у каминной решетки и вознаградив себя за недостаточно хороший обед великолепной сигарой, Силлертон Джексон снова обрел свою напыщенность и словоохотливость.

— Если Бофорт обанкротится, — сказал он, — то вскроется много неприятного.

Арчер быстро взглянул на него. При упоминании о Бофорте перед его глазами всегда вставала грузная фигура в мехах и ботах, приближающаяся сквозь снег в Скайтерклиффе.

— Это будет нечто, — продолжал мистер Джексон. — Нечто совершенно невероятное. Он отнюдь не все деньги тратил на Регину.

— Но это — это преувеличение, не так ли? Я верю, что он выпутается, — сказал Арчер, желая переменить тему.

— Возможно, возможно. Я знаю, что он сегодня должен был быть у некоторых влиятельных людей. Конечно, — неохотно согласился мистер Джексон, — есть надежда, что они его вытащат — по крайней мере на этот раз. Мне бы не хотелось, чтобы бедная Регина проводила остаток своей жизни на каком-нибудь убогом морском курорте для банкротов.

Арчер ничего не сказал. Это казалось ему совершенно нормальным — хотя и трагичным, — что Бофорт может лишиться денег, добытых нечестным путем. Поэтому мысли его, скользнув над несчастной судьбой миссис Бофорт, вернулись к чему-то более близкому. Что означало то, что при упоминании графини Оленской Мэй так отчаянно покраснела?

Четыре месяца прошло с того летнего дня, который они провели вдвоем с Оленской; больше он не видел ее. Он знал, что она вернулась в Вашингтон, в маленький домик, который они сняли с Медорой; однажды он написал ей — несколько слов, спрашивая, когда же они увидятся снова, — и она еще более кратко ответила: «Еще не время».

С тех пор между ними не было никакой связи, и он выстроил в своей душе некое святилище, в котором среди секретных дум и желаний царила она. Мало-помалу оно превратилось в место, где была его настоящая жизнь и совершались правильные поступки; туда он приносил книги, которые читал, мысли и чувства, которые лелеял, свои суждения и мечты. Вне этого места, где текла его реальная жизнь, он двигался с растущим чувством неудовлетворенности и недовольства, наталкиваясь на знакомые предрассудки и традиционные точки зрения, словно рассеянный человек с отсутствующим взглядом, спотыкающийся о мебель в собственной комнате. Отсутствующий — это было именно то слово, которое характеризовало его теперь. Так бесконечно далек был он от всего, что окружало его, что было привычно для тех, кто был рядом с ним,

что иногда его даже пугала их уверенность, что он по-прежнему находится среди них.

Вот и теперь он едва осознал, что мистер Джексон, откашливаясь, готовится к новым разоблачениям.

— Я не знаю, конечно, насколько распространяется осведомленность семьи вашей жены о том, что говорят в свете об отказе мадам Оленской принять последние предложения мужа.

Арчер молчал, и мистер Джексон двинулся в обход:

— Такая жаласть… Право, такая жалость, что она отказалась.

— Жалость? Ради бога, почему же?

Мистер Джексон внимательно уставился на свою ногу — туда, где туго натянутый носок соединялся с лакированной туфлей.

— Ну, если спуститься с небес на землю — на что она собирается теперь жить?

— Теперь?

— Если Бофорт…

Арчер вскочил, ударив кулаком по краю письменного стола. В стаканчиках медного чернильного прибора на столе заплескались чернила.

— Что, к дьяволу, вы хотите этим сказать, сэр?

Мистер Джексон, слегка поерзав на стуле, невоз-

мутимым взглядом посмотрел на вспыхнувшее лицо Арчера.

— Ну, я узнал это из весьма достоверного источника, собственно говоря, от самой старой Кэтрин — что семья урезала содержание графини Оленской, когда она окончательно отказалась вернуться к мужу. А из-за этого отказа она потеряла право на свои собственные деньги — которые Оленский был готов ей предоставить только в том случае, если она вернется, — вот и все, что я хотел сказать. А что, мой мальчик, ВЫ собирались от меня услышать? — отозвался мистер Джексон с легкой усмешкой.

Арчер подошел к камину и наклонился, стряхивая пепел.

— Мне ничего не известно о личных делах мадам Оленской, но я уверен в беспочвенности ваших намеков…

— Они не мои, а Леффертса, — вставил мистер Джексон.

— Леффертса! Который пытался волочиться за ней и у которого ничего не вышло! — с негодованием вскричал Арчер.

— А-а, в самом деле? — живо воскликнул Джексон, как будто ждал этого — словно охотник, поставивший капкан. Он все еще сидел у огня, и

его тяжелый взгляд не отрывался от лица Арчера, будто зажав его в стальные тиски. — Да, очень жаль, что она не покинула нас до краха Бофорта, — повторил он. — Если она вернется к мужу теперь, когда он обанкротится, это только подчеркнет общее впечатление — которому, кстати, подвластен не один Леффертс.

— Она не вернется к мужу — и сейчас это возможно менее, чем когда-либо. — Арчер еще не успел выпалить это, как у него снова возникло чувство, что это были именно те слова, которые ждал услышать мистер Джексон.

Старик внимательно смотрел на него:

— Это ваше мнение? Конечно, вам виднее. Но каждый вам скажет, что жалкие пенни, которые остались у Медоры, — в руках Бофорта, и как эти две дамы собираются выплыть в бурном море, если он утонет, я не могу представить. Конечно, мадам Оленская способна умаслить старую Кэтрин, хотя она больше всех настаивала на ее возвращении к мужу, а та может назначить ей любое содержание. Но мы все знаем, как она не любит расставаться с деньгами; а остальные члены семьи не имеют никакого интереса в том, чтобы Оленская задерживалась здесь.

Арчер кипел безрассудным гневом — он был

в состоянии, когда человек, совершенно ясно сознавая, что он делает глупость, все же не может остановиться.

Он видел, что мистер Джексон озадачен фактом, что разногласия с ее бабушкой и другими родственниками неизвестны Арчеру, и что старый джентльмен сделал собственные выводы о причинах исключения Арчера из числа участников семейного совета. Арчер понял, что ему необходимо быть настороже; но намеки на Бофорта лишили его самообладания.

Однако он сознавал, что он должен быть сдержанным — если не ради себя самого, то хотя бы потому, что мистер Джексон находился под крышей дома его матери и, следовательно, был его гостем. Старый Нью-Йорк неукоснительно соблюдал законы гостеприимства, и никакая дискуссия с гостем ни при каких условиях не должна превращаться в ссору.

— Не пора ли нам наверх, к дамам? — с некоторой натянутостью в голосе предложил он, когда мистер Джексон сбросил остатки пепла в медную пепельницу.

По дороге домой Мэй оставалась непривычно молчаливой. Было темно, но ему казалось, что он все еще видит ее угрожающий, почти гневный

румянец. Что означала эта угроза, он не мог догадаться, но он совершенно четко понимал, что ее вызвало упоминание имени графини Оленской.

Они поднялись наверх, и он завернул в библиотеку. Обычно она следовала за ним, но на этот раз он услышал, как она прошла в свою спальню.

— Мэй! — нетерпеливо позвал он, и она, слегка удивленная его тоном, вернулась. — Эта лампа снова коптит — мне кажется, слуги могли бы лучше выполнять свои обязанности, — нервно проговорил он.

— Прости, больше этого не будет, — ответила она, и ее спокойный бодрый тон, которому она научилась от матери, заставил Арчера почувствовать, что она уже начала ему потакать, словно он мистер Уэлланд-младший. Она склонилась прикрутить фитиль, и когда отблеск огня осветил ее белые плечи и чистые линии лица, он подумал: «Как она молода! Как долго будет длиться эта наша бесконечная жизнь!»

И он ощутил с тем же чувством собственную молодость и горячую кровь, бившуюся в жилах.

— Слушай, — сказал он вдруг, — возможно, скоро мне придется съездить в Вашингтон на несколько дней. Наверное, на следующей неделе.

Все еще держась рукой за лампу, она медленно повернулась к нему. Жар от лампы окрасил было снова ее лицо румянцем, но, когда она подняла глаза на Арчера, оно побледнело.

— По делу? — спросила она тоном, который говорил, что другой причины быть просто не может, а она задает вопрос просто автоматически, как бы просто заканчивая за него его фразу.

— Конечно. Верховный суд начинает рассматривать одно патентное дело… — Он назвал имя изобретателя и продолжал украшать свою речь красочными деталями, словно был Лоуренсом Леффертсом, меж тем как Мэй внимательно слушала и повторяла время от времени: «Да, я понимаю».

— Тебе полезно будет переменить обстановку, — просто сказала она, когда он закончил. — И не забудь навестить Эллен, — добавила она, глядя ему прямо в лицо со своей фирменной семейной безоблачной улыбкой. Тон ее также был безупречен — она как будто просила его об исполнении семейного долга, возможно не очень для него и приятного.

Больше на эту тему не было сказано ни слова, но на безмолвном языке, который они оба понимали, это означало: «Конечно, ты понима-

ешь, что мне известно все, что люди говорят об Эллен, и я согласна с мнением моей семьи, что ей нужно возвращаться к мужу. Я также знаю, что по какой-то причине ты не счел нужным сказать мне, что ты настроил ее против отъезда, необходимость которого признают теперь все старшие члены семьи, даже бабушка. Благодаря твоей поддержке Эллен проигнорировала наше мнение и дала повод к критике, часть которой, вероятно, сообщил тебе Силлертон Джексон, что и привело тебя в такое раздражение… Тебе пытались намекать и ранее, но ты не желаешь их слушать от других; так я сама тебе намекну, в той единственной форме, в которой хорошо воспитанные люди и могут сообщать друг другу не слишком приятные вещи. Я даю тебе понять, что я знаю, что ты увидишься с Эллен, когда ты будешь в Вашингтоне, а может быть, и едешь туда специально для этого; и поскольку ты все равно встретишься с ней, я хочу, чтобы ты сделал это с моего разрешения — и чтобы ты воспользовался данной возможностью объяснить ей, к чему может привести ее поведение, которое ты поддерживаешь».

Ее пальцы все еще лежали на лампе, когда он выслушивал последние слова этой безмолвной

речи. Потом она подкрутила фитиль, подняла стеклянный абажур и дунула на коптящее пламя.

— Если задуть, то запах уменьшится, — объяснила она своим озабоченно-бодрым хозяйским тоном. На пороге она обернулась и послала ему воздушный поцелуй.

Глава 9

На следующий день Уолл-стрит узнал, что положение Бофорта не так уж безвыходно, как всем казалось. Сведения поступили не слишком определенные, но обнадеживающие. Все поняли так, что у него была возможность в критическом случае использовать свои влиятельные связи и он с успехом это проделал; и тем же вечером, когда миссис Бофорт появилась в Опере со своей обычной улыбкой да еще в новом изумрудном ожерелье, общество перевело дух.

Нью-Йорк неумолимо осуждал нарушения норм деловой морали. До сих пор не было исключений из неписаного правила: за бесчестный поступок положена расплата, и каждый знал, что даже Бофорт и его жена будут бестрепетно принесены в жертву этому принципу. Но неотвратимость вполне заслуженного наказания на этот раз была не только болезненна, но и весьма неприятна для общества. Исчезновение Бофортов образовало бы в их небольшом кругу вакуум, который было бы нечем заполнить, и даже те, кому была безразлична их катастрофа, сокрушались о возможной потере лучшего бального зала

Нью-Йорка.

Арчер твердо вознамерился ехать в Вашингтон. Он ждал только начала слушания дела, о котором он сказал Мэй, чтобы приурочить свой визит к этой дате; но в следующий вторник он узнал от мистера Леттерблэра, что дело может быть отложено на несколько недель. Тем не менее он отправился после полудня домой с твердым намерением выехать следующим вечером во что бы то ни стало. Была надежда, что Мэй, никогда не интересовавшаяся его профессиональной деятельностью, не узнает, что дело отложено, а если при ней и прозвучат фамилии, относящиеся к нему, то она ни за что их не вспомнит. Во всяком случае, он не мог более откладывать встречу с Оленской. Слишком велико было желание увидеть ее.

В среду утром, когда он появился в офисе, мистер Леттерблэр встретил его с похоронным выражением лица. Бофорту в конце концов не удалось выпутаться, но, поскольку он распустил слух, что все в порядке, крупные суммы продолжали поступать в его банк до предыдущего вечера, когда вдруг вновь начались беспокойные толки. Как следствие этого, люди бросились забирать свои вклады. Банкротство было неминуемо.

Все ужасно бранились по поводу бофортовского подлого маневра, и его крах обещал быть самым позорным в истории Уолл-стрит.

Размеры бедствия привели мистера Леттерблэра в состояние полной растерянности.

— Бывали на моем веку неприятности, но не такие. Так или иначе это ударит по каждому. Что будет с миссис Бофорт? Чем можно ей помочь? Боюсь, как бы это не коснулось и миссис Мэнсон Минготт — а в ее лета просто неизвестно, как она сможет это перенести. Она всегда верила в Бофорта — она даже дружила с ним! А весь круг Далласов, — Регина же родственница вам всем! Ее единственный шанс спастись — это покинуть мужа, но кто осмелится ей это посоветовать? Ее долг — быть рядом с ним; к счастью, она, кажется, всегда была слепа относительно его личных слабостей.

Раздался стук в дверь, и мистер Леттерблэр раздраженно повернул голову:

— Что там еще? Я просил не мешать!

Это был один из клерков; он протянул Арчеру письмо и вышел. Узнав почерк жены, он вскрыл конверт и прочел:

«Не сможешь ли ты приехать как мож-

но скорее? У бабушки случился ночью небольшой удар. Каким-то непонятным образом она первой узнала эту ужасную новость о банке г-на Бофорта. Дядя Лавел на охоте, а бедный папа так разнервничался, что у него поднялась температура и он не выходит из комнаты. Мама ужасно нуждается в тебе, и я надеюсь, что ты сможешь сразу же уйти и поехать прямо к бабушке».

Арчер протянул письмо Леттерблэру и через несколько минут уже медленно тащился на север в переполненной конке. На Четырнадцатой улице он пересел в высокий омнибус, который, пошатываясь, полз по Пятой авеню. Уже пробило двенадцать, когда он высадился у дверей старой Кэтрин. В окне гостиной на первом этаже, где обычно восседала старуха, виднелась едва ли способная заменить ее миссис Уэлланд, которая при виде Арчера приветливо махнула рукой. У дверей его встретила Мэй. В холле этого всегда тщательно убранного дома царил непривычный беспорядок, который возникает всегда, когда кто-то внезапно заболевает, — брошенные накидки и шубы свисали со стульев, а на столике, среди

кучи карточек и писем, лежали чемоданчик доктора и его пальто.

Мэй была бледной, но улыбалась — доктор Венком, который только что приехал вторично, на этот раз сказал что-то более обнадеживающее, а непреклонная решимость миссис Минготт жить и выздороветь уже начала благотворно влиять на ее родных.

Мэй провела Арчера в гостиную, раздвижные двери которой были плотно закрыты и занавешены тяжелыми желтыми портьерами. Здесь миссис Уэлланд, понизив голос, поведала ему детали катастрофы. Оказалось, что накануне вечером произошло что-то таинственное и ужасное. Около восьми, как раз после того, как миссис Минготт разложила пасьянс, что она всегда делала после обеда, раздался звонок и дама под густой вуалью попросила принять ее.

Лакей, услышав знакомый голос, распахнул дверь в гостиную и объявил: «Миссис Джулиус Бофорт», — и затем закрыл двери, оставив женщин наедине. Они пробыли вместе, как ему показалось, около часа. Когда миссис Минготт позвонила, миссис Бофорт уже не было в комнате, а старая дама, бледная, громадная и страшная, сидела одна в своем огромном кресле и сделала

знак помочь ей переправиться в ее комнату. В этот момент сильно расстроенная, она все же была в полном здравии. Горничная-мулатка уложила ее в постель, принесла, как обычно, чашку чая, слегка прибралась и ушла, но ранним утром, в три часа, снова раздался звонок, и двое слуг, поспешив на необычный зов (старая Кэтрин обычно спала крепко, как ребенок), нашли свою хозяйку сидящую в подушках с кривой ухмылкой на лице и неподвижной вывернутой крошечной кистью руки.

Удар был несильным — она смогла членораздельно объяснить слугам, что делать, и вскоре после первого визита доктора смогла контролировать лицевые мышцы. Но вся семья пребывала в огромной тревоге; и таким же огромным было возмущение, когда из фрагментарных слов старухи стало ясно, что Регина, оказывается, приезжала с просьбой — невероятная наглость! — оказать поддержку Бофорту, помочь им с мужем, не покидать их в трудную минуту. То есть, собственно говоря, просила семью покрыть своим авторитетом их страшный позор.

— Я сказала ей: «Честь всегда остается честью, а честность — честностью в доме Мэнсон Минготтов, и так будет до тех пор, пока меня не вынесут

вперед ногами», — с трудом, хрипя и заикаясь, говорила в ухо склонившейся к ней дочери полупарализованная старуха. — И когда она сказала: «Но, тетушка, ведь мое имя — Регина Даллас», я ответила: «Когда он осыпал тебя драгоценностями, ты была Регина Бофорт, и ты должна остаться Региной Бофорт, когда он покрыл тебя позором».

Все это, плача и задыхаясь от ужаса, сообщила миссис Уэлланд, бледная и уничтоженная необычной необходимостью зафиксировать свой взгляд на чем-то неприятном и позорном.

— Если б я как-то могла скрыть это от мистера Уэлланда! Он всегда говорит: «Августа, не будь безжалостна, не разрушай мои последние иллюзии», — и как мне укрыть его от всех этих неприятностей? — причитала бедная дама.

— В конце концов, мама, он ничего не увидит, — сказала дочь, и миссис Уэлланд вздохнула:

— Да, спасибо Небесам, он в безопасности в своей постели, и доктор Венком обещал удерживать его там, пока бедной маме не станет лучше, а Регина в конце концов куда-нибудь не денется.

Арчер сел у окна и безучастно смотрел на пустынную улицу. Было очевидно, что он был вызван исключительно для моральной поддержки встревоженным дамам — другая помощь от него

не требовалась. Телеграммой был вызван мистер Лавел Минготт, а всем родным в Нью-Йорке разослали сообщения с посыльным. И теперь делать было совершенно нечего, кроме как обсуждать приглушенными голосами обстоятельства бофортовского бесчестья и непозволительный поступок его жены.

Миссис Лоуэлл Минготт, писавшая послания в соседней комнате, снова появилась и присоединилась к беседе. В былые времена, согласились друг с другом старшие дамы, жена человека, который был нечист в бизнесе, мечтала только об одном: держаться в тени и как можно скорее исчезнуть с глаз вместе с мужем.

— К примеру, так поступила бедная бабушка Спайсер, твоя прабабушка, Мэй. Конечно, поспешила добавить миссис Уэлланд, — денежные затруднения твоего прадедушки были просто личными — он проигрывал в карты, подписал кому-то денежное обязательство, — точно я не знаю, мама никогда не говорила об этом. Но она выросла на периферии, потому что ее матери пришлось покинуть Нью-Йорк после случившегося позора — в чем бы он ни заключался. И они жили одни на берегу Гудзона, зимой и летом, пока маме не исполнилось шестнадцать. Бабушке Спайсер

никогда и в голову бы не пришло просить семью помочь ей «сохранить лицо», как выразилась Регина; хотя личный позор не идет ни в какое сравнение с разорением сотен невинных людей.

— Конечно, Регине более пристало спрятать свое лицо, чем просить других людей помочь его сохранить, — согласилась миссис Лавел Минготт. — Я так понимаю, что изумрудное ожерелье, в котором она в прошлую пятницу появилась в Опере, было послано ей на пробу от Болла и Блэка. Интересно, получат ли они его обратно?

Арчер безучастно слушал хор голосов безжалостных дам. Идея необходимости абсолютной честности в финансовых делах была первой заповедью джентльменского набора и так глубоко проникла в него, что никакие сентиментальные соображения не могли поколебать ее. Авантюрист, подобный Лемюэлу Стразерсу, мог получать миллионы на сапожной ваксе посредством темных делишек; но незапятнанная репутация была своего рода noblesse oblige[84] финансового мира старого Нью-Йорка.

Судьба миссис Бофорт тоже не особенно трогала Арчера. Без сомнения, он жалел ее больше,

---

[84] Примечания: 84
Положение обязывает *(фр.)*.

чем разъяренные родственники; но ему казалось, что связь между мужем и женой, если и могла быть взломана в обычных обстоятельствах, в несчастье должна быть неразрывной. Как сказал мистер Леттерблэр: когда муж в беде, место жены рядом с ним; но общество вовсе не должно быть на его стороне, и нахальное предположение Регины, что это не так, ставило ее чуть ли не на место его сообщницы. Сама идея, что женщина может просить семью прикрыть позор ее мужа, была неприемлема, потому что именно этого Семья как общественный институт не могла сделать.

Мулатка-горничная позвала миссис Лавел Минготт в прихожую, и та вернулась, озабоченно нахмурившись:

— Она хочет, чтобы я телеграфировала Эллен Оленской. Я, конечно, написала Медоре и Эллен письмо; но, кажется, мама не считает, что этого достаточно. Я должна написать в телеграмме, чтобы Эллен приехала сюда без Медоры.

На это заявление никто не отозвался. Миссис Уэлланд смиренно вздохнула, а Мэй поднялась со своего места и стала собирать газеты, разбросанные по полу.

— Я полагаю, это должно быть сделано, — сказала миссис Лоуэлл Минготт таким тоном, словно

надеясь услышать возражения.

— Конечно, это надо сделать, — сказала Мэй, обернувшись. — Бабушка знает, чего она хочет, и мы должны следовать ее желаниям. Хотите, тетя, я составлю текст телеграммы? Если отправить ее сейчас же, Эллен, возможно, сможет приехать завтра утренним поездом.

Она произнесла ее имя по слогам и так отчетливо, как будто позвонила в два серебряных колокольчика.

— Но это никак нельзя сделать немедленно. Слуги оба отправлены с записками и телеграммами.

Мэй с улыбкой повернулась к мужу:

— Но здесь Ньюланд, готовый нам помочь. Ведь ты можешь отправить телеграмму, Ньюланд? Как раз есть время до ленча.

Арчер встал, пробормотав, что он готов. Она уселась за маленький письменный столик, написала текст телеграммы своим крупным детским почерком и вручила ее Арчеру.

— Какая жалость, — сказала она, — что вы не встретитесь с Эллен! Ньюланд, — добавила она, обращаясь к матери и тетке, — должен быть в Вашингтоне по патентному делу в Верховном суде. Я надеюсь, что дядя Лоуэлл вернется к завтраш-

нему вечеру, а поскольку бабушке стало лучше, мне кажется, не следует просить моего мужа отказаться от важного поручения, не так ли?

Она замолчала, как будто в ожидании ответа, и миссис Уэлланд быстро согласилась:

— Конечно нет, дорогая. Бабушка ни за что не захочет этого.

Выходя из комнаты с телеграммой, он услышал, как его теща сказала, обращаясь, по-видимому, к миссис Лавел Минготт: «С какой стати ей понадобилось телеграфировать Эллен Оленской?» — а чистый голосок Мэй произнес: «Возможно, для того, чтобы еще раз постараться убедить ее, что ее долг — быть рядом с мужем».

Входная дверь закрылась за Арчером, и он поспешил на телеграф.

Глава 10

— Ол… Ол… как это по буквам, я что-то не разберу, — спросила резкая молодая дама, которой Арчер протянул телеграмму жены через медную стойку конторы «Вестерн Юнион».

— Оленская — О-л-е-н-с-к-а-я, — повторил он, забирая назад листок, чтобы печатными буквами написать иностранную фамилию над неаккуратным почерком Мэй.

— Непривычное имя для нью-йоркского телеграфа, во всяком случае в этом квартале, — услышал вдруг Арчер у своего плеча и, обернувшись, увидел Лоуренса Леффертса, который, пытаясь притвориться, что не смотрит в текст телеграммы, смотрел куда-то поверх его плеча, задумчиво подергивая ус. — Приветствую, Ньюланд, я так и думал, что поймаю вас здесь. Я только что узнал о том, что у старой миссис Минготт удар, и по дороге домой увидел, как вы сюда свернули. Вы ведь оттуда?

Арчер кивнул и просунул телеграмму под решетку.

— Плохи дела, а? — продолжал спрашивать Леффертс. — Думаю, плохи, раз вызываете род-

ственников и даже Оленскую.

Арчер стиснул зубы — он чувствовал нестерпимое желание заехать кулаком в эту красивую самодовольную физиономию.

— А вам что за дело? — спросил он.

Леффертс, о котором было известно, что он никогда не вступал в споры, иронически приподнял брови, как бы предупреждая о том, что рядом свидетель — девушка-телеграфистка. Его взгляд напомнил Арчеру, что демонстрировать гнев в общественном месте — «дурной тон».

Менее чем когда-либо Арчер был склонен придерживаться правил «хорошего тона»; но, разумеется, нестерпимое желание расправиться с Лоуренсом Леффертсом физически уже исчезло. Он расплатился, и молодые люди вместе вышли на улицу. Там Арчер, к которому вернулось самообладание, заговорил:

— Миссис Минготт значительно лучше; доктор считает, что можно уже не тревожиться.

И Леффертс, испытав явное облегчение, стал спрашивать его, дошли ли до него эти ужасные слухи насчет Бофорта…

В этот день все газеты объявили о крахе Бофорта. Эта весть заслонила собой известие об ударе миссис Минготт, и только те, кто слышал

о таинственной общности между этими двумя событиями, могли связать болезнь старой Кэтрин с чем-то еще, кроме бремени лет и плоти.

Нью-Йорк был потрясен историей с Бофортом. Никогда, сказал мистер Леттерблэр, не случалось ничего позорнее — ни на его памяти, ни на памяти даже того Леттерблэра, который основал фирму. Банк продолжал принимать платежи целый день после того, как стало ясно, что крах неминуем; и так как многие клиенты Бофорта принадлежали к тому или другому правящему клану, поведение Бофорта выглядело особенно циничным. Если бы миссис Бофорт не провозгласила, что подобное «несчастье» (именно так она характеризовала случившееся) является хорошей проверкой друзей «на прочность», сочувствие к ней, может быть, слегка сгладило общее негодование против ее мужа.

Но теперь — особенно после ее ночного визита к миссис Минготт, цель которого стала многим известной, — все пришли к выводу, что ее цинизм даже превосходит цинизм самого Бофорта. Некоторые злорадствующие (из тех, чьи ценные бумаги не были в залоге у Бофорта) как раз и решили вспомнить, кем, собственно-то говоря, являлся Бофорт; и в конце концов, если Регина

Даллас из Южной Каролины становится на его точку зрения и толкует о том, что он вот-вот опять «встанет на ноги», нет другого выхода, как просто констатировать неразрывность брачных уз.

Общество должно научиться обходиться без Бофортов, и дело с концом. Что же касается этих его несчастных жертв — таких, как Медора Мэнсон или бедные старушки Лэннинг, и некоторые другие заблудшие леди из хороших семей, то им надо было думать раньше и следовало бы прислушиваться к таким достойным людям, как мистер Генри ван дер Лайден…

— Самое лучшее, что могут в этой ситуации сделать Бофорты, — сказала миссис Арчер таким тоном, словно она ставила диагноз и прописывала курс лечения, — уехать жить в маленькое поместье Регины в Северной Каролине. Бофорт всегда любил держать лошадей, вот он и будет разводить рысаков. Я бы сказала, что у него явный талант в этой области.

Каждый согласился с ней, но никто не снизошел до вопроса, что же собираются делать Бофорты на самом деле.

На следующий день миссис Мэнсон Минготт чувствовала себя намного лучше и окрепшим голосом, достаточным для того, чтобы дать ука-

зание никогда при ней не упоминать о Бофортах снова, спросила у доктора Бенкома, какого черта родственники подняли такой шум по поводу ее болезни.

— Чего можно ждать, если в мои годы ужинать салатом из цыпленка? — вопросила она, и доктор стал обсуждать с ней диету — и в конце концов удар трансформировался в несварение желудка. Но, несмотря на это, твердый тон Кэтрин не вернул ей прежнее отношение к жизни. Возрастающий старческий эгоизм хотя и не умерил ее любопытства к соседским делам, но приуменьшил и так не слишком большое сочувствие к их бедам. Что касается Бофорта, то, казалось, она просто выкинула беднягу из головы. Но зато, погрузившись в изучение симптомов своей болезни, она неожиданно стала испытывать сентиментальный интерес к некоторым членам семьи, к которым раньше выказывала полнейшее равнодушие.

В частности, ее внимания наконец удостоился мистер Уэлланд. Именно его изо всех своих зятьев она игнорировала упорнее всего; и все попытки его жены изобразить его как человека сильного характером и необыкновенных интеллектуальных способностей («о, если бы его только

„признали“!») вызывали у нее насмешливое кудахтанье. Теперь его знаменитая болезненная мнительность, напротив, сделала его объектом необычайного интереса, и миссис Минготт отдала царственные распоряжения, чтобы он явился и они смогли сравнить диеты, как только у нее спадет температура, — старая Кэтрин впервые осознала важность измерения температуры.

Через сутки после уведомления мадам Оленской пришла телеграмма, что она будет из Вашингтона вечером следующего дня. Арчеры завтракали у Уэлландов, и возник вопрос, кто же сможет встретить ее в Джерси-Сити, и эта сложнейшая задача немедленно начала обсуждаться всем семейством — словно Джерси был бог знает где. Все согласились, что миссис Уэлланд не может ехать туда потому, что она должна сопровождать мужа к старой Кэтрин, и экипаж взять тоже нельзя, поскольку, если, увидев тещу в первый раз после удара, он сильно расстроится, его немедленно нужно будет сопроводить домой. Сыновья Уэлланда будут заняты на работе, мистер Лавел Минготт будет на пути с охоты, и минготтовская карета будет отправлена встретить его. Что касается Мэй, то никто бы не рискнул просить ее в этот холодный предзимний вечер

отправиться одной на паром, пусть даже и в собственной карете. Однако не встретить Оленскую значило нарушить правила гостеприимства и, кроме того, нарушить волю старой Кэтрин.

Как это в стиле Эллен, устало заметила миссис Уэлланд, поставить семью перед такой трудной задачей.

— Беда всегда следует одна за другой, — простонала бедная леди: это был один из редких случаев, когда она пожаловалась на судьбу. — Боюсь, что положение мамы не так хорошо, как уверяет доктор Бенком, раз она хочет немедленно вызвать Эллен, хотя ее совершенно некому встретить.

Эти слова были довольно необдуманны, поскольку были высказаны в запале; и мистер Уэлланд тотчас же воспользовался этим промахом.

— Августа, — сказал он побледнев и положив вилку на стол, — у тебя есть причины думать, что на мистера Бенкома уже нельзя положиться? Может быть, ты заметила, что он уже не так тщательно следит за моим здоровьем или состоянием твоей матери?

Теперь наступил черед побледнеть миссис Уэлланд — при мысли о возможных последствиях своих необдуманных высказываний. Однако она

сумела рассмеяться, положив себе добавку запеченных в раковине устриц, и, вновь облачаясь в обычную броню бодрости, воскликнула:

— Дорогой, как ты мог такое подумать! Я имела в виду, что после того, как мама сказала, что долг Эллен — вернуться к мужу, кажется странным ее внезапный каприз увидеть ее, когда добрая полдюжина внуков и внучек находится рядом с ней. Но мы никогда не должны забывать, что мама, несмотря на свою замечательную жизнеспособность, очень немолодая женщина.

Мистер Уэлланд все еще хмурился, и было очевидно, что его тревожное воображение сосредоточилось на ее последних словах.

— Да, твоя мать очень стара, а Бенком, возможно, не слишком много понимает в болезнях старых людей. Как ты сказала, дорогая, беды всегда следуют одна за другой, и через десять-пятнадцать лет, возможно, мне следует поискать другого врача. Всегда лучше сделать это раньше, чем позже.

Высказав столь спартанское решение, мистер Уэлланд решительно взял вилку снова.

— Но все же, — начала снова миссис Уэлланд, поднявшись из-за стола и направляясь в царство пурпурного атласа и малахита в дальнем углу

гостиной, — я по-прежнему не понимаю, как Эллен доберется сюда завтра вечером, а я люблю, чтобы все было спланировано по крайней мере за двадцать четыре часа.

Арчер оторвался от созерцания небольшого полотна в восьмиугольной рамке черного дерева с ониксовыми медальонами, на котором пировали два кардинала.

— Могу я встретить ее, — предложил он, стараясь говорить равнодушно. — Мне не составит труда уйти пораньше из офиса и сесть в экипаж возле парома, если Мэй пошлет его туда.

Его сердце, едва он начал говорить, возбужденно забилось.

Миссис Уэлланд издала вздох облегчения, и Мэй, которая стояла у окна, повернулась к мужу и просияла одобряющей улыбкой.

— Вот видишь, мама, все уладилось за сутки, как ты и хотела, — сказала она и наклонилась поцеловать мать во все еще нахмуренный лоб.

Экипаж Мэй ждал ее у порога. Она должна была подбросить Арчера до Юнион-сквер, где он собирался пересесть на бродвейскую конку, чтобы доехать до офиса. Она устроилась в углу сиденья и затем сказала:

— Я не стала нервировать маму, поднимая но-

вые вопросы; но как ты собираешься встречать Оленскую завтра и привезти ее в Нью-Йорк, когда сам должен быть в это время в Вашингтоне?

— Я не еду, — кратко ответил он.

— То есть как? Что-то случилось? — Ее голос, чистый, как звук колокольчика, был пронизан супружеской заботой.

— Нет никакого дела, то есть оно отложено.

— Отложено! Как странно. Я видела сегодня утром записку мистера Леттерблэра бабушке — он собирается в Вашингтон по важному патентному делу, которое будет слушаться в Верховном суде. Ты же говорил, тебе необходимо ехать именно по патентному делу?

— Ну да, это так. Но не может же сразу уехать вся контора! Леттерблэр решил ехать сегодня утром.

— То есть дело НЕ отложено? — уточнила она с настойчивостью, которая настолько не была ей свойственна, что кровь бросилась ему в лицо.

— Нет, отложена МОЯ поездка, — ответил он, ненавидя себя за то, что зачем-то пустился в ненужные объяснения по поводу своей поездки в Вашингтон, и вспоминая, где он читал, что умные лжецы приводят детали, а самые умные их избегают. Было не так уж трудно врать Мэй, но

было крайне неприятно видеть, как она старается скрыть, что проверяет его. Я поеду позже, разве это не удача для вашего семейства? — продолжал он с легким сарказмом. Пока Арчер говорил, он чувствовал, что она смотрит на него, и тогда он посмотрел ей прямо в лицо, чтобы она не думала, что он пытается избежать ее взгляда. Секунду они смотрели глаза в глаза и, возможно, проникли в мысли друг друга глубже, чем сами того желали.

— Да, нам ДЕЙСТВИТЕЛЬНО повезло, — спокойно согласилась Мэй, — что ты сможешь встретить Эллен. Ты же видел, как мама благодарна тебе за твою любезность.

— Ты знаешь, я всегда готов помочь.

Карета остановилась; он выпрыгнул на мостовую, Мэй подалась к нему и взяла его за руку.

— До свидания, дорогой, — сказала она, и ее глаза засияли такой нестерпимо яркой голубизной, что ему пришло потом в голову, уж не блестели ли в них слезы.

Он повернулся и поспешил через Юнион-сквер, повторяя про себя нечто вроде беззвучной песенки:

— Целых два часа от Джерси-Сити до старой Кэтрин! Целых два часа а может быть, и больше!

Глава 11

Темно-синяя коляска Мэй, с которой еще не сошел свадебный глянец, встретила Арчера у парома, и он благополучно добрался до Пенсильванского терминала в Джерси-Сити.

Было пасмурно, шел снег, и в огромном гулком вокзале были включены газовые фонари.

Стоя на платформе в ожидании вашингтонского экспресса, Арчер подумал о том, что существуют чудаки, которые верят, что настанет день, когда под Гудзоном протянут тоннель[85] и пенсильванские поезда будут приходить прямо в Нью-Йорк. Впрочем, такие же выдумщики предсказывали и постройку судов, способных пересекать Атлантику за пять дней, и изобретение летающих машин, освещение электричеством, беспроволочную телефонную связь и другие диковины, подобные чудесам из сказок Шехерезады.

«Может быть, какому-то из этих чудес и суждено осуществиться, — подумал Арчер, — лишь бы подольше не строили тоннель». С детским

---

[85] Примечания: 85

Строительство первого тоннеля под Гудзоном, соединившего Нью-Йорк с Джерси-Сити, началось в 1874 г.

предвкушением счастья он представлял, как совсем скоро Оленская сойдет с поезда и он выхватит взглядом ее лицо из массы ничего не значащих для него лиц, как она пойдет с ним к карете, опираясь на его руку, как потом карета медленно поползет к пристани, потому что по такой погоде копыта лошадей будут скользить по мостовой, как они будут въезжать на паром среди нагруженных повозок и орущих извозчиков и как потом, в наступившей тишине, они будут бок о бок сидеть в неподвижной карете, занесенной снегом, и они почувствуют, как земля, вращаясь вокруг солнца, уходит у них из-под ног. Было просто невероятно, как много он хотел сказать ей, и слова эти уже теснились в груди, собираясь вот-вот сорваться с его губ…

Пыхтя и грохоча, поезд подходил все ближе и ближе и медленно въехал в вокзал, словно чудовище, нагруженное добычей, вползало в свою берлогу. Арчер подался вперед, расталкивая локтями окружающих и пытаясь заглянуть в окна высоко нависших вагонов. Затем внезапно он увидел бледное и удивленное лицо Оленской рядом с собой, и им снова овладело горькое чувство, что эти черты совершенно стерлись из его памяти.

Они шагнули навстречу друг другу, и он предложил ей руку.

— Сюда, здесь моя карета, — только и сказал он.

Далее все было именно так, как и представлялось ему. Он поставил ее вещи, усадил в карету и — как припоминал потом — долго докладывал о здоровье бабушки и кратко обрисовал ситуацию с Бофортом («Бедная Регина!» — воскликнула она с явным сочувствием, что его удивило). Меж тем карета выбралась из сутолоки вокзала и потащилась по скользкому склону к пристани — вместе с неопрятными почтовыми повозками, тачками с углем, мечущимися лошадьми и пустыми катафалками — о, эти катафалки! При виде их Оленская зажмурила глаза и схватила Арчера за руку.

— О нет, только не это — бедная бабушка!

— Нет, нет, ей намного лучше — правда. Этого не произойдет, я уверен! — воскликнул он, как будто бы от этого зависело что-то в их отношениях.

Ее рука все еще оставалась в его руке, и, когда карета въехала на мостки, перекинутые на паром, он наклонился, расстегнул ее тесную перчатку и благоговейно поцеловал теплую ладонь. Она

отняла руку с легкой улыбкой, и он спросил ее:

— Вы не ожидали, что встречу вас я?

— О нет.

— Я собирался в Вашингтон, чтобы повидать вас. Я уже почти уехал… мы едва не разминулись.

— О-о! — испуганно отозвалась она, будто они избежали какой-то опасности.

— Знаете, я почти забыл вас.

— Забыли? Меня?

— Я имею в виду… как бы это объяснить… Это всегда так. Каждый раз вы возникаете передо мной заново.

— О да, я понимаю вас… понимаю.

— То есть у вас тоже так?

Она кивнула, глядя в заснеженное окошко.

— Эллен… Эллен… Эллен…

Она не ответила, и он замолчал, глядя на ее профиль, четко вырисовывающийся на фоне снежной мглы за окном. «Что она делала в эти нескончаемые четыре месяца, хотел бы я знать», — подумал он.

Как, в сущности, мало знали они друг о друге! Таяли драгоценные мгновения, но он позабыл все, что хотел ей сказать, и только беспомощно размышлял об их близости и разобщенности,

и это, казалось, подчеркивалось даже тем, что они, сидя рядом в карете так близко, не решались взглянуть в лицо друг другу.

— Какая чудесная карета! Она принадлежит Мэй? — спросила она, вдруг отвернувшись от окна.

— Да.

— Это ведь Мэй послала вас встретить меня, не так ли? Как любезно с ее стороны!

Мгновение он молчал; затем мстительно сказал:

— После нашей встречи в Бостоне меня посетил секретарь вашего мужа.

В своем коротком послании к ней он ничего не сообщил об этом и имел намерение похоронить этот инцидент в своей душе. Но ее ненужное напоминание о том, что эта карета принадлежит его жене, заставило Арчера сказать это. Он посмотрит, будет ли ей так же приятно услышать о месье Ривьере, как ему о Мэй! Однако, как обычно, ему не удалось заставить ее выйти из себя, и она не выказала ни малейшего удивления. «Следовательно, он написал ей», — заключил про себя Арчер.

— Мистер Ривьер приходил к вам? — спросила она наконец.

— Да, а вы не знали?

— Нет, — просто ответила она.

— Но вы не удивлены?

— Что ж тут удивительного? — слегка поколебавшись, ответила она. — Он рассказал мне, когда приезжал в Бостон, что познакомился с вами. Кажется, в Англии.

— Эллен, я хочу спросить у вас одну вещь.

— Да.

— Я хотел спросить у вас это сразу после встречи с Ривьером, но я не хотел это писать в записке. Это Ривьер помог вам уехать — когда вы решили оставить мужа?

Сердце его билось так сильно, что он едва мог дышать. Неужели и этот вопрос она встретит с той же невозмутимостью?

— Да, я обязана ему многим, — ответила она без малейшей дрожи в голосе.

Ее слова звучали так естественно, почти безразлично, что волнение Арчера угасло. Еще раз ей удалось — своей простотой — заставить его почувствовать всю глупость своей приверженности к условностям как раз тогда, когда он уже считал, что покончил с этим.

— Мне кажется, что вы самая честная женщина из всех, кого я когда-либо встречал, — пробор-

мотал он.

— О нет, но, возможно, одна из наименее суетных, — ответила она, и он почувствовал в ее голосе улыбку.

— Зовите это как вам угодно — вы принимаете вещи такими, как они есть.

— О, просто так сложилось. Мне пришлось смотреть в лицо Медузе Горгоне.

— Но это не ослепило вас! Вы поняли, что она просто старое пугало!

— Она никого не ослепляет; она просто иссушает слезы.

Ответ ее словно запечатал губы Арчера, с которых была готова сорваться мольба — столько печального жизненного опыта стояло за ним. Медленное движение парома вдруг прекратилось — он с такой силой врезался в причал, что карету тряхнуло, а Арчера и О ленскую бросило друг к другу. Весь дрожа, Арчер ощутил прикосновение ее плеча и обнял ее.

— Но если вы не слепы — тогда вы должны видеть, что так не может продолжаться.

— Что именно?

— То, что мы вместе — и не вместе.

— Нет. Вам не следовало встречать меня, — сказала она упавшим голосом.

Потом вдруг она повернулась, обвила его шею руками и прижалась губами к его губам.

В тот же момент карета тронулась, и свет газового фонаря у выезда с причала упал в окно. Она отстранилась, и они сидели не двигаясь, пока карета старалась выбраться из пробки на пристани. Когда они наконец выехали на ровную дорогу, Арчер заговорил торопливо:

— Не бойтесь меня, можете не забиваться в угол, что вы сейчас делаете. Сорванный второпях поцелуй — это совсем не то, что мне нужно. Посмотрите, я даже не касаюсь рукава вашего жакета. Вы полагаете, я не понимаю, что вы не хотите, чтобы наше чувство выродилось в обычную тайную интрижку? Когда нас разделяет расстояние, все мои мысли сгорают в ярком пламени желания; но стоит вам появиться… и я тут же осознаю, что вы для меня намного больше того, что я помнил, чего я желал, и то, что я хочу, настолько не укладывается в то, что мы можем иметь: быть вместе час-другой, что я могу совершенно спокойно сидеть рядом с вами. Просто сидеть и ждать, когда же осуществятся мои мечты… Несколько мгновений она молчала, затем спросила:

— Что значит — осуществятся?

— Но вы же верите, что это будет, не так ли?

— Мечты о том, чтобы мы были вместе? — Она внезапно резко рассмеялась. — Хорошенькое же вы выбрали место, чтобы сказать мне об этом!

— Вы хотите сказать, что мы в карете моей жены? Давайте выйдем из нее. Вы же не боитесь снега?

Она рассмеялась снова, уже более мягко.

— Нет, я, конечно, не выйду и не пойду пешком, потому что мне нужно как можно скорей быть у бабушки. А вы останетесь сидеть рядом со мной, и мы будем смотреть в лицо реальности, а не предаваться мечтам.

— Не знаю, что вы подразумеваете под реальностью. Единственная реальность для меня только эта.

Она встретила эти слова долгим молчанием, и тем временем карета, выехав с какой-то темной улочки, покатила по ярко освещенной Пятой авеню.

— Так что же вы решили, что я буду вашей любовницей? Поскольку вам хорошо известно, что быть вашей женой я не смогу.

Грубость ее высказывания поразила Арчера — женщины его круга стеснялись произносить такие слова, если даже речь о них и заходила в разговоре. Он заметил, что Оленская произнесла

слово «любовница» спокойно, как будто оно было для нее привычным, и он подумал, что в той ужасной жизни, которую она покинула, при ней его употребляли свободно. Ее вопрос заставил его судорожно вздрогнуть, и он с трудом заговорил:

— Я хочу… я хочу как-нибудь оказаться с вами в чудесной стране, где этих слов… этих понятий… не существует. Где мы будем просто человеческими существами, которые любят друг друга, и больше ничего на свете не существует.

Она издала глубокий вздох, который затем превратился в горький смех.

— О мой дорогой, и где же эта страна? Вы когда-нибудь бывали там? — спросила она; и так как он угрюмо молчал, она продолжила: — Я знаю многих, которые пытались найти ее; и, поверьте мне, они все по ошибке сходили на придорожных станциях — скажем, в Болонье, Пизе или Монте-Карло, и эти станции не слишком отличались от того мира, который они покинули. Разве что были меньше, сомнительнее и их населяли люди, менее разборчивые в средствах.

Он никогда не слышал, чтобы она говорила в таком тоне, и вспомнил фразу, которую она сказала немного раньше.

— Я вижу, Горгона и в самом деле лишила вас

слез.

— Да, и в то же время открыла мне глаза — это людское заблуждение, что она ослепляет. На самом деле она творит нечто совершенно противоположное — не позволяет им закрыть глаза, и они никогда более не могут погрузиться в благословенную тьму неведения. Есть ли китайская пытка, подобная этой? Должна быть. О, поверьте, эта чудесная страна, о которой вы мечтаете, — это такая маленькая и жалкая страна!

Карета пересекла уже Сорок вторую улицу — она двигалась так быстро, словно в нее впрягли кентуккийского рысака. Арчера разрывало изнутри сознание того, что время, отведенное им, истекает — и все было напрасно…

— Так все-таки, что, по-вашему, будет с нами?

— С НАМИ? Но ведь НАС нет! Мы близки друг другу только тогда, когда далеко друг от друга. Тогда мы остаемся сами собой. Иначе мы только Ньюланд Арчер, муж кузины Эллен Оленской, и Эллен Оленская, кузина жены Ньюланда Арчера, которые пытаются искать счастья за спиной у тех, кто им доверяет.

— О, мне это уже безразлично, — простонал он.

— Уверяю вас, нет! Вам никогда не было все безразлично. А мне было, — добавила она странным

голосом, — и я знаю, ЧТО это такое.

Он сидел молча, переполненный невыносимой болью. Потом он нашарил в темноте кареты звонок, которым Мэй звонила кучеру два раза, когда хотела остановиться. Он позвонил, и карета подъехала к тротуару.

— Почему мы остановились? Это же не дом бабушки! — воскликнула Оленская.

— Нет. Но я выйду здесь, — пробормотал он, открывая дверь и выпрыгивая на мостовую. В свете уличного фонаря он увидел ее испуганное лицо и инстинктивное движение, которое она сделала, чтобы задержать его. Он закрыл дверь, и на мгновение прислонился к стеклу. — Вы были правы: мне не надо было встречать вас сегодня, — сказал он, понижая голос, чтобы кучер не мог его расслышать.

Она наклонилась вперед, и казалось, хотела что-то сказать; но он уже махнул кучеру, и карета покатилась дальше, а он, стоя на углу, смотрел ей вслед. Снег перестал идти, но порывы ветра хлестали его в лицо, пока он стоял. Внезапно он почувствовал что-то холодное и твердое на своих ресницах и понял, что плачет, а ветер превращает его слезы в льдинки.

И, засунув руки в карманы, он повернул назад

и зашагал быстрым шагом вниз по Пятой авеню к своему дому.

Глава 12

Когда он вечером снова вернулся домой к обеду, гостиная была пуста.

Они должны были обедать с Мэй одни, поскольку все семейные приглашения и договоренности были отложены из-за болезни старой миссис Минготт; но Мэй обычно была пунктуальнее его, и он удивился, что ее нет за столом. Переодеваясь, он слышал, что она дома, — он слышал шорох в ее комнате, и он не мог понять, что ее задерживает.

У него вошло в привычку размышлять над простыми вещами и строить предположения — ему казалось, что это крепче связывало его с реальностью. Иногда ему казалось, что он нашел ключ к чудачествам тестя — возможно, и мистер Уэлланд давным-давно, ускользая из реальности, призвал на помощь всех духов домашнего очага, чтобы защитить себя.

Когда Мэй наконец появилась, она выглядела усталой. Она была в обеденном платье с тесным корсетом и низким вырезом — этого требовал минготтовский свод правил даже в самых неформальных случаях; и ее белокурые волосы, как обычно, были собраны в пышную прическу. Но

ее лицо было изнуренным и словно поблекшим. Впрочем, глаза светились обычным нежным светом, и в них был тот же яркий отблеск, что и накануне.

Что-то случилось, дорогой? — спросила она. — Я прождала тебя у бабушки, а Эллен появилась одна и сказала, что ты сошел по дороге из-за какого-то срочного дела. Ничего неприятного?

— Нет, нет. Просто я вспомнил, что не отправил кое-какие письма, и это необходимо было сделать до обеда.

— Понятно, — отозвалась она и добавила через минуту: — Как жаль, что ты не приехал к бабушке. Впрочем, если письма были срочные…

— Я же сказал, — ответил он, слегка удивленный ее настойчивостью. — И кроме всего прочего, я вообще не понимаю, почему я должен был ехать к бабушке. Я даже не знал, там ты или нет.

Она отвернулась и подошла к зеркалу над камином. Она стояла, поправляя рукой выбившуюся из прически прядь, и Арчера поразило, что в этой ее позе было что-то неестественное и напряженное, и он подумал, не начинает ли сказываться на ней монотонность их жизни. Потом он вспомнил, что, когда покидал дом этим утром, она крикнула ему с лестницы, что будет ждать его у бабушки,

чтобы они могли вместе поехать домой. Думая совершенно о другом, он радостно крикнул ей: «Хорошо!» — и тут же забыл об этом.

Ему стало стыдно, но одновременно он почувствовал и досаду, что такая мелкая оплошность может иметь значение после почти двух лет брака. Он устал жить в умеренно теплой температуре медового месяца, которую требовалось постоянно поддерживать, но без всплесков настоящей страсти или каких-либо других выражений нормальных чувств. Если бы Мэй высказывала свои жалобы (а он подозревал, что их много), он мог бы разрядить обстановку и с юмором решить любую проблему; но Мэй была приучена скрывать свои чувства под спартанской улыбкой.

Пытаясь справиться с досадой, он спросил о здоровье бабушки, и Мэй ответила, что той лучше, вот только она очень расстроилась, получив последние новости о Бофортах.

— Что за новости?

— Кажется, они и не думают уезжать из Нью-Йорка. Бофорт хочет заняться страховым бизнесом. Они собираются снять маленький домик.

Абсурдность этой идеи не подлежала обсуждению, и они пошли в столовую. Во время обеда их беседа велась на обычные темы, но Арчер заме-

тил, что Мэй ни разу не упомянула ни о самой Оленской, ни о том, как ее встретила бабушка. Хотя он и был благодарен ей за это, но в самом факте ему почудилась легкая угроза.

Кофе они пили в библиотеке. Арчер зажег сигару и взял томик Мишле. Он стал читать исторические книги по вечерам, с тех пор как Мэй взяла манеру просить его почитать вслух, когда видела у него в руках стихи.

Не то что бы он не любил звук своего голоса, но он заранее мог предвидеть все комментарии, которые она сделает. Как он теперь понял, в дни их помолвки она просто заученно повторяла то, что он сам говорил ей; но когда он перестал снабжать ее готовыми мнениями, ей пришлось высказывать свои — и в итоге они портили ему все удовольствие от восприятия стихов.

Увидев, что Арчер взял историческую книгу, Мэй придвинула свою рабочую корзинку, подтянула поближе к креслу лампу под зеленым абажуром и достала подушку, которую вышивала на его софу. Она не была хорошей рукодельницей — ее крупные руки были созданы для верховой езды, гребли и других занятий на открытом воздухе; но раз другие жены вышивали подушечки для своих мужей, она не желала упус-

кать еще одну возможность продемонстрировать свою супружескую преданность.

Мэй села таким образом, что Арчер, подняв глаза, мог наблюдать ее за работой. Она склонилась над пяльцами, и ее кружевные рукава соскользнули с крепких округлых рук к локтям; на левой руке было подаренное в честь помолвки кольцо со сверкающим сапфиром, надетое на один палец вместе с золотым обручальным кольцом, а правой она медленно и старательно прокалывала ткань.

Он смотрел на нее, на ее чистый лоб, освещенный лампой, и с тайным испугом вдруг осознал, что он всегда будет знать все мысли, которые таятся под ним, и никогда, сколько бы ни минуло лет, Мэй не удивит его ни новой идеей, ни неожиданным настроением, ни слабостью, ни жестокостью, ни вообще каким-либо проявлением чувств. Весь свой запас поэтичности и романтизма она израсходовала за время их короткого романа; и функция эта атрофировалась, как только нужда в ней отпала. Теперь она просто медленно и постепенно превращалась в копию своей матери, одновременно пытаясь превратить его в мистера Уэлланда. Он положил книгу и резко поднялся; она тотчас же подняла голову:

— Что-нибудь случилось?

— Здесь душно, мне нужен воздух.

Он настоял, чтобы шторы в библиотеке не закреплялись неподвижно над рядами тюля, как в гостиной, а могли свободно двигаться по карнизу. Он отодвинул их и приподнял окно, высунувшись в ледяную ночь. Уже сам факт, что он не видит Мэй, склонившуюся с рукоделием под лампой, а видит крыши, трубы, ощущает какую-то другую жизнь, кроме его собственной, может представить себе, что там, вдали, за пределами Нью-Йорка, есть и другие города, и вообще за пределами его мирка существует другой, огромный мир, прояснил его мысли и ему стало легче дышать.

Несколько мгновений он был погружен в эту спасительную темноту; потом услышал голос Мэй:

— Ньюланд! Закрой окно. Ты простудишься и умрешь.

Он опустил раму и обернулся к ней.

— Умру! — повторил он, и ему захотелось продолжить: «Но я ведь уже умер. Я МЕРТВ — я мертв уже много месяцев…»

Внезапно эти слова навели его на мысль. А что, если это ОНА мертва! Что, если она должна уме-

реть — скоро умрет — и он будет свободен! Это ощущение того, что он стоит здесь, в своей родной теплой комнате, смотрит на жену и желает ей смерти, было таким странным, таким завораживающим и непреодолимым, что чудовищность этой мысли не сразу дошла до сознания Арчера. Он просто чувствовал, что оно дает его измученной больной душе возможность продержаться какое-то время. Да, она может умереть — почему нет? Умирают же внезапно молодые люди, с виду здоровые, как она. И она может также умереть, и он станет свободным.

Она подняла на него глаза, и он прочел в них, что что-то в его взгляде ужаснуло ее.

— Ньюланд! Ты заболел?

Он покачал головой и пошел к своему креслу. Она снова нагнулась над пяльцами, и, проходя мимо, он погладил ее по голове и сказал:

— Бедная Мэй!

— Бедная? Почему? — неестественно рассмеявшись, спросила она.

— Потому что я не могу открыть окна без того, чтобы ты не начала волноваться, — сказал он, тоже смеясь.

Мгновение она молчала; затем сказала очень тихо, низко наклонившись над своей работой:

— Я перестану волноваться, когда увижу, что ты счастлив.

— Ах, дорогая! Как же я буду счастлив, если я не смогу открывать окна?

— В такую погоду? — возразила она, и он, вздохнув, погрузился в книгу.

Минуло около недели. Арчер ничего не слышал об Оленской и наконец понял, что никто из членов семьи, видимо намеренно, не упоминает при нем ее имени. Он не пытался увидеть ее — пока она находилась у постели старой Кэтрин, это было невозможно. В этой неопределенной ситуации он позволил себе плыть по течению своих мыслей, но под этой ровной слабо колышущейся поверхностью зрела решимость, которую он почувствовал, когда высунулся из окна библиотеки в ледяную ночь. Сила этой решимости помогала ему ждать, никак этого не проявляя.

Однажды Мэй сказала мужу, что бабушка просит его прийти. Не было ничего странного в ее желании — она понемногу поправлялась; к тому же она никогда не скрывала, что предпочитает Арчера остальным мужьям своих внучек. Мэй с явным удовольствием передала ему приглашение — она была горда, что бабушка ценит ее супруга.

Возникла минутная пауза, потом Арчер почувствовал, что необходимо предложить:

— Заедем вечером вместе?

Лицо Мэй посветлело, но она тотчас ответила:

— Нет, лучше поезжай один. Бабушке уже наскучило каждый день видеть одних и тех же людей.

Сердце Арчера отчаянно колотилось, когда он позвонил в дверь старой Кэтрин. Больше всего на свете он хотел ехать без Мэй, потому что был уверен, что в этом случае ему непременно выпадет шанс побеседовать наедине с Оленской. Это была награда за долгое ожидание. Она где-то здесь, за дверью или за занавесками из желтого Дамаска в первой же за холлом комнате, и наверняка ждет его! Еще миг — и он увидит ее, услышит ее голос, пока она проведет его в комнату больной.

Он хотел задать ей только один вопрос — после этого все станет ясно. Все, что он хотел знать, — точную дату ее отъезда в Вашингтон; и она вряд ли откажется ответить на этот простой вопрос.

Но в комнате с желтыми занавесками его ждала лишь горничная-мулатка. Сверкнув белыми зубами, она открыла раздвижные двери и впустила его к старухе.

В своем тронном кресле Кэтрин восседала у

своей кровати. Около нее на подставке из макагонового дерева стояла бронзовая лампа с гравировкой, которую венчал зеленый бумажный абажур. Нигде не было ни газеты, ни какого-либо женского рукоделия — единственный интерес старой Кэтрин составляла беседа, и она не желала притворяться, что занимается чем-нибудь вроде вышивания.

Арчер не увидел никаких следов болезни. Может быть, только она была излишне бледной, а тени в складках и впадинах ее тучной фигуры обозначились сильнее; чепчик с плиссированной оборкой по краю был завязан бантиком между двумя первыми складками ее подбородка, а муслиновый платок, повязанный крест-накрест поверх ее пурпурного домашнего платья, делал ее похожей на какую-то проницательную добродушную, покорившуюся судьбе прародительницу, единственная слабость которой чрезмерное чревоугодие.

Она протянула ему одну из своих крошечных ручек, которые пригрелись у нее в необъятном подоле, как птенцы в гнезде, и сказала служанке:

— Никого больше не пускай. Если заедут мои дочери, скажи, что я сплю.

Служанка исчезла, и старуха повернулась к

Арчеру.

— Что скажете, дорогой мой, очень я страшна? — весело спросила она, приглаживая муслиновые складки на огромной груди. Дочери говорят, что в моем возрасте это не имеет значения, но ведь чем труднее скрыть это безобразие, тем оно приобретает большее значение!

— Дорогая, вы сегодня прекраснее, чем обычно! — в тон ей со смехом ответил Арчер, и она, откинув голову, расхохоталась.

— Но, увы, не так прекрасна, как Эллен! — лукаво сверкнув глазками, проговорила старуха и, прежде чем он смог ответить, добавила: — Уж не была ли она столь же прекрасна в тот день, когда вы сопровождали ее на пароме?

Он снова засмеялся, и она продолжала:

— Не выгнала ли она вас из кареты за то, что вы ей об этом сказали? Во времена моей юности молодые люди не бросали на полдороге хорошеньких женщин! — Она снова было раскудахталась, но прервала свой смех и сказала почти раздраженно: — Какая жалость, что она не за вас вышла замуж, я всегда говорю ей это. Это бы избавило меня от тревог. Но разве кто-нибудь думает о том, чтобы избавить свою бабушку от тревог?

Арчер слегка обеспокоился, не затуманила ли

болезнь ясность ее сознания; но, оборвав себя, старая леди внезапно заявила:

— Ну да ладно, теперь все решено, она будет жить со мной, что бы там ни говорили остальные члены семейства. Она и пяти минут тут не пробыла, а я уже была готова просить ее, чтобы она осталась со мной, хоть на коленях — если бы, конечно, мне удалось опуститься на колени, — последние двадцать лет мне не удавалось даже увидеть под собой пол.

Арчер слушал в молчании, и она продолжила:

— Они меня уговорили, как вы, конечно, знаете… Все убедили меня: и Лавел, и Леттерблэр, и Августа, и остальные — не давать ей денег и держаться стойко до тех пор, пока она не поймет, что ее долг — вернуться к Оленскому. Они думали, что наконец убедили меня, когда этот секретарь или кто он там явился с последними предложениями — я вам скажу, весьма выгодными. В конце концов, брак есть брак, и деньги есть деньги — обе эти вещи по-своему полезны… и я не знала, как поступить. — Она помолчала и тяжело вздохнула, слов но ей трудно было говорить. — Но в тот момент, когда я увидела ее, я тут же подумала: «Ах ты моя птичка! Опять запихнуть тебя в клетку? Да никогда!» В общем, решено, что

она останется со мной и будет ходить за своей бабушкой до конца. Это не веселая перспектива, но она не возражает. А Леттерблэру я, конечно, велела выплачивать ей подходящее содержание.

Молодой человек слушал ее с всевозрастающим возбуждением; но он находился в таком смятении, что не мог решить, хороша эта новость или плоха. Ему было слишком тяжело перестроиться и пустить свои мысли по другому руслу. Но он ясно ощущал, что в целом препятствия к их встречам устранены. Если Эллен согласилась остаться и жить с бабушкой, возможно, она просто поняла, что не может расстаться с ним. Это ее ответ на его последнюю просьбу — если она и не согласилась на решительный шаг, о котором он говорил, то, по-видимому, на полумеры уже согласна. Он воспринял эту мысль с невольным облегчением человека, который был готов рискнуть всем, но внезапно оказался в приятном отдалении от этой опасности.

— Она не должна возвращаться к мужу — это невозможно! — воскликнул он.

— Мой дорогой, я всегда знала, что вы на ее стороне; поэтому-то я и послала за вами сегодня и сказала вашей прелестной жене, которая хотела приехать с вами: «Нет, милочка, я хочу видеть

Ньюланда и не хочу ни с кем делить наши восторги!» Потому что, мой дорогой, — она откинула голову настолько, насколько ей позволяли ее бессчетные подбородки, и посмотрела ему прямо в глаза, — потому что нам с вами предстоит нелегкая борьба. Родственники не хотят, чтобы она оставалась здесь, они скажут, что она уговорила меня, потому что я заболела. Я же недостаточно крепка, чтобы бороться с ними в одиночку, и вы должны сделать это для меня.

— Я? — пробормотал он.

— Ну да. А что? — отрывисто произнесла она, впившись в него своими круглыми глазками, внезапно ставшими острыми, как перочинные ножи. Рука ее выпорхнула из кресла и вцепилась в его руку маленькими бледными, точно птичьими, коготками. — Почему нет? — требовательно повторила она.

Арчер, под ее испытующим взглядом, взял себя в руки:

— Боюсь, что я не в счет — мое положение в семье слишком незначительно.

— Ну-ну, вы ведь партнер Леттерблэра, разве нет? Вы должны действовать через него, и все. Конечно, если вы согласны, — настаивала она.

— Я уверен — вы справитесь с ними и без моей

помощи. Но если она понадобится, я готов помочь, — заверил он ее.

— Тогда мы спасены! — радостно выдохнула она и, улыбаясь ему со всем своим дремучим коварством, добавила, поудобнее устроившись в своих подушках: — Я знала, что вы меня поддержите: недаром же все они, когда пытаются доказать мне, что долг Эллен — вернуться к мужу, никогда не ссылаются на вас.

Он слегка сжался от ее пугающей проницательности. «А Мэй? Ссылаются ли они на нее?» — хотелось спросить ему, но он счел, что безопаснее не делать этого.

— А мадам Оленская? Когда я смогу ее увидеть? — спросил он вместо этого.

Старая дама снова закудахтала, игриво прищурившись:

— Не сегодня… Не все сразу. Мадам Оленской сейчас здесь нет.

Он покраснел от досады, и, увидев это, старуха милостиво объяснила:

— Мое дитя покинуло меня ненадолго — она отправилась в моей карете навестить Регину Бофорт уже второй раз!

Она выдержала паузу, чтобы сообщение возымело эффект, и продолжала:

— Вот как она мной крутит. На следующий день после приезда она нацепила свою лучшую шляпку и спокойно сообщила мне, что собирается навестить Регину. «Я не знаю такой, кто это?» — спросила я. «Это ваша внучатая племянница и просто несчастная женщина», — ответила Эллен. «Она жена негодяя», — сказала я. «Что ж, — говорит моя птичка, — я тоже, а все мои родственники требуют, чтобы я вернулась к нему». На это я не нашлась что ответить, и я отпустила ее. В конце концов, Регина — храбрая женщина, и Эллен тоже. А я всегда ценила смелость превыше всего.

Крошечная рука все еще лежала на руке Арчера. Он наклонился и прижал ее к своим губам.

— Ну-ну! Хотела бы я знать, чью руку вы воображаете на месте моей? Надеюсь, руку жены? — И старая дама вновь разразилась своим дразнящим кудахтающим смехом.

Арчер встал и направился к двери, и она крикнула ему вслед:

— Передайте ей мой привет, но будет лучше, если вы ничего не скажете ей о нашем уговоре.

Глава 13

Арчер был ошеломлен новостями, которые он узнал от старой Кэтрин. Было вполне естественно, что Оленская сразу откликнулась на зов бабушки и приехала из Вашингтона, но решение остаться под ее крышей — особенно теперь, когда миссис Минготт уже почти оправилась от удара, — не поддавалось столь же легкому объяснению.

Арчер был убежден, что не перемены в финансовом положении Оленской повлияли на ее решение. Он, впрочем, знал точную цифру содержания, назначенного ее мужем при их раздельном проживании, — без дополнительных бабушкиных вливаний его едва хватало на жизнь, во всяком случае в том смысле, который вкладывали в это понятие Минготты. Теперь же, когда Медора Мэнсон, которая жила с Эллен, разорилась, эти гроши разве что спасали от голода. И все же Арчер был совершенно уверен, что не эти соображения повлияли на решение Оленской остаться у бабушки.

Ее отличала небрежная щедрость и порывистая излишняя расточительность, свойственная людям, которые привыкли к большим деньгам,

но абсолютно равнодушны к ним. Она могла спокойно обходиться без множества вещей, наличие которых ее родственники, к примеру миссис Лавел Минготт или миссис Уэлланд, считали непреложным условием «достойного существования». Их поражало и равнодушие Оленской к роскоши, в которой она знала толк. Кроме того, прошло уже несколько месяцев с тех пор, как ей было урезано содержание, и за это время она не предприняла ни малейшей попытки переубедить бабушку. Стало быть, если она и приняла это решение, то по совершенно другой причине.

Ему не нужно было долго искать эту причину. На пути с парома она сказала ему, что они должны расстаться; но сказала это, спрятав лицо у него на груди. Он знал, что за этими словами не было никакого просчитанного кокетства. Оба они — и он и она — пытались бороться с судьбой, в отчаянии цепляясь за решимость не обманывать тех людей, которые им доверяют.

Но с тех пор, как он привез ее в Нью-Йорк, прошло десять дней. По его молчанию, по тому, что он не пытался увидеть ее, она могла догадаться, что он обдумывает решительный шаг — шаг, после которого уже нет возврата. Может быть, она испугалась собственной слабости и решила, что

в этих обстоятельствах лучше пойти на обычный для таких случаев компромисс?

Часом раньше, когда он звонил в дверь старой Кэтрин, ему была совершенно ясна вся его последующая жизнь. Он намеревался переговорить с О ленской наедине, а если это не удастся, как-нибудь узнать у бабушки, когда и каким поездом она возвращается в Вашингтон. Он присоединится к ней, и они поедут вдвоем в Вашингтон — или дальше, туда, куда она захочет. Его собственное воображение не исключало и Японию. Во всяком случае, она должна была понять: куда бы она ни отправилась, он будет рядом с ней. Мэй он оставит письмо, после чего будут сожжены все мосты.

Он воображал, что нервничает только от нетерпения поскорее совершить все это, — но первое, что он испытал, услышав о том, что все изменилось, было чувство облегчения. Однако теперь, идя пешком домой от миссис Минготт, он обдумывал будущее, и путь, что лежал перед ним теперь, стал вызывать у него все большую неприязнь. В нем не было ничего не известного Арчеру, но, когда он пускался по нему ранее, он был свободным человеком, который ни перед кем не отчитывается в своих поступках, и он мог

с головой погрузиться в любовную игру, полную предосторожностей, увиливаний, маскировок и уступок, которых требовала эта принятая на себя роль. Вся эта процедура называлась «защита женской чести», и лучшие образцы литературы вместе с послеобеденными мужскими беседами давно просветили его насчет всего этого до мельчайших подробностей.

Но теперь его положение было иным — он был женат, и его роль приобретала другую окраску. Ему предстояло играть то, что он наблюдал когда-то со стороны со скрытым самодовольством — роль, которую разыгрывала миссис Торли Рашуорт перед любящим и доверчивым мужем. Она была полна лжи — улыбчивой, льстивой, осторожной, никогда не прекращающейся лжи. Ложь днем, ложь ночью, ложь в каждом касании и в каждом взгляде; ложь в ласке и ложь в ссорах; ложь в каждом слове и даже молчании…

В целом он считал, что эта роль была менее постыдной, когда ее играла женщина по отношению к своему мужу. По сложившемуся в веках стандарту женщина имела право быть менее правдивой, чем мужчина, — она была существом зависимым, порабощенным и, следовательно, владела искусством изворотливости. К тому же

она всегда могла сослаться на настроение или нервы, что служило основанием для того, чтобы ее не судили слишком строго, — и даже в самом высоконравственном обществе предметом насмешек становился исключительно муж.

В узком кружке, где вращался Арчер, над обманутыми женами никто не смеялся, а к мужчинам, продолжавшим свои похождения и после женитьбы, относились с оттенком легкого неуважения. То, что извинительно до женитьбы, после нее становилось не вполне уместным.

Арчер всегда разделял этот взгляд и в глубине души презирал Леффертса. Но, полюбив Эллен Оленскую, он не считал, что уподобился Леффертсу — в первый раз в жизни Арчер оказался лицом к лицу с его величеством ЧАСТНЫМ СЛУЧАЕМ… Эллен Оленская не была обыкновенной женщиной, а Арчер не был обыкновенным мужчиной — стало быть, их ситуация не походила ни на какую другую, и они были неподсудны ни одному трибуналу, кроме суда собственной совести.

Все это прекрасно, подумал он, но через десять минут он будет у дверей собственного дома; там будет все честь по чести: привычная обстановка, Мэй, соблюдение всех традиций и правил, в

которые он, как и все остальные, прежде свято верил…

На углу своей улицы он постоял в нерешительности; затем зашагал дальше, вниз по Пятой авеню.

Впереди, в зимней ночи, вырисовывались очертания большого неосвещенного дома. Идя к нему, Арчер подумал, как часто он видел его сияющим огнями, когда люди, сидевшие в теснившихся вокруг каретах, ожидали своей очереди подняться по огромной, застланной ковром лестнице под тентом. В этой мертвенно-темной сейчас оранжерее, тянувшейся вдоль улицы, он впервые поцеловал Мэй. А в этот огромный зал, освещенный мириадами свечей, она вошла тогда, как юная богиня Диана, высокая и словно излучающая серебристое сияние.

Теперь дом был темным, как могила, — лишь в подвале горел газовый фонарь, да в одной комнате наверху из-под ставни пробивался свет. Дойдя до угла, он увидел, что у дверей стоит карета миссис Мэнсон Минготт. Вот так находка для мистера Силлертона Джексона, если бы ему случилось быть поблизости! Арчер был поражен рассказом старой Кэтрин о том, как Оленская пыталась поддержать Регину Бофорт — правед-

ный гнев Нью-Йорка по сравнению с этим был отвратительным ханжеством. Но он прекрасно знал, что в клубах и гостиных Нью-Йорка о визитах Оленской к Регине будут говорить нечто совершенно иное.

Он замедлил шаг и посмотрел на окно, где горел свет. Без сомнения, именно там находились обе женщины — а Бофорт, скорее всего, отправился искать утешения в какое-нибудь другое место. Ходили даже слухи, что он покинул Нью-Йорк с Фанни Ринг; впрочем, миссис Бофорт держалась так, что вряд ли это было правдой.

Насколько Арчер мог видеть Пятую авеню, он был почти совершенно один. Большинство знакомых в этот час были дома и переодевались к обеду; и он порадовался про себя, что выход Эллен, по всей вероятности, останется незамеченным. Как только эта мысль промелькнула в его мозгу, дверь отворилась, и она появилась на пороге. Позади нее мерцал огонек свечи, как будто кто-то освещал ей дорогу. Она повернулась, сказала этому кому-то несколько слов, и дверь закрылась. Она сбежала со ступенек.

— Эллен, — едва слышно проговорил он, когда она ступила на мостовую.

Она остановилась в легком испуге, и тут же он

увидел двух приближающихся к ним франтов. Что-то очень знакомое показалось ему в покрое их пальто, в манере носить роскошные шелковые шарфы, повязанные поверх белых галстуков, — он подивился тому, куда это люди их круга могут отправляться в столь неурочное время. Потом он вспомнил, что Реджи Чиверсы, особняк которых был неподалеку, приглашали большую компанию друзей, чтобы отправиться на «Ромео и Джульетту», и эти двое, видимо, были из числа их гостей. Когда они поравнялись с фонарем, он узнал Лоуренса Леффертса и молодого Чиверса.

Трусливое желание, чтобы никто не видел Оленскую у дверей Бофортов, исчезло, как только он почувствовал тепло ее руки.

— Теперь я смогу видеть вас — мы будем вместе… — пробормотал он, едва осознавая, что он говорит.

— Бабушка вам сказала? — отозвалась она.

Глядя на нее, он увидел краем глаза, как Леффертс и Чиверс, дойдя до угла, из деликатности перешли на другую сторону Пятой авеню. Он и сам всегда поступал так из мужской солидарности, но теперь это молчаливое потворство вызвало у него тошноту. Неужели она полагает, что они смогут существовать подобным обра-

зом? А если нет, что она вообще думает обо всем этом?

— Я должен вас видеть — завтра. Где мы можем быть одни, — сказал он, и его голос показался грубоватым даже ему самому.

Поколебавшись, он пошла к карете.

— Но я буду у бабушки — по крайней мере пока, — сказала она, все же решив, что изменения в ее планах требуют хоть каких-нибудь объяснений.

— Где-нибудь, где мы сможем быть одни, — настаивал он.

Она рассмеялась слабым смехом, который привел его в раздражение.

— В Нью-Йорке? Но ведь здесь нет ни церквей… ни памятников…

— Уже есть — Музей искусств.[86] В парке, — объяснил он, так как она смотрела удивленно. — В полтретьего я буду у входа.

Ничего не ответив, она повернулась и быстро села в карету. Карета тут же тронулась. Оленская наклонилась к окну, и ему показалось, что она махнула ему рукой. Арчер смотрел ей вслед, и буря противоречивых чувств переполняла его.

---

[86] Примечания: 86
Знаменитый ныне Метрополитен-музей (осн. в 1870 г.).

Ему казалось, что он только что говорил не с той женщиной, которую искренне и страстно любил, а с какой-то другой, поднадоевший роман с которой уже давно катился по накатанным рельсам, — так невыносимо для него было вновь ощутить себя пленником привычных для ловеласа слов и действий…

«Она придет!» — сказал он себе чуть ли не с отвращением.

Презрев «коллекцию Вульф»,[87] немыслимые полотна которой занимали одну из главных галерей странного здания с диковатым смешением чугуна и разноцветных изразцов, известного как Метрополитен-музей, они прошли по коридору в комнату, куда редко забредала нога посетителя, — там скучала в уединении коллекция античных древностей Чеснолы.

В этой обители уныния они были предоставлены сами себе и, сев на диван у радиатора, молча смотрели на шкафы из черного дерева, где за стеклом хранились спасенные из земли фрагменты Илиона.[88]

---

[87] Примечания: 87

Вульф Катарина (1828 — 887) американская меценатка. Завещала музею большую сумму денег и коллекцию картин.

[88] Примечания: 88

Древняя Троя.

— Забавно, — сказала Оленская, — я никогда не была здесь прежде.

— Это и понятно. Но со временем, я думаю, это будет великий музей.

— Пожалуй, — согласилась она рассеянно.

Она встала и прошлась по комнате. Оставшись сидеть, Арчер наблюдал за перемещениями ее фигуры, девически легкой даже под тяжестью мехов. На ней была меховая шапочка, изящно украшенная пером цапли, из-под которой спускались на щеки возле ушей темные локоны колечками, похожие на завитки виноградной лозы. Как и при первой их встрече, он словно впитывал в себя каждую деталь ее внешности, которая принадлежала только ей и никому более. Он поднялся и подошел к шкафу, перед которым она стояла. На стеклянных полках были собраны обломки разных вещей, в которых с трудом можно было распознать предметы домашнего обихода, украшения и мелкие безделушки, сделанные из стекла, глины, потемневшей бронзы и других материалов, тронутых временем, а иногда почти разрушенных им.

Как это жестоко, — сказала она, — что когда-то все перестает иметь значение… вот эта мелочь, все эти предметы… они ведь были нужны ка-

ким-то давно забытым людям… а теперь мы должны догадываться об их предназначении, разглядывать их в лупу и писать на этикетках: «назначение неизвестно»…

— Да, но сейчас…

— Что — сейчас?

Она стояла перед ним в своей длинной котиковой шубе, спрятав руки в маленькую круглую муфту, с вуалью, полупрозрачной маской укрывшей ее лицо до кончика носа, и букетик подаренных им фиалок, который она приколола к груди, слегка колебался от ее прерывистого дыхания. Ему казалось совершенно невероятным, что эта изысканная гармония линий и красок когда-нибудь разрушится под влиянием этих отвратительных законов природы.

— Сейчас для меня что-нибудь значит лишь то, что касается вас, — сказал он.

Она задумчиво посмотрела на него и вернулась на диван. Он опустился рядом и ждал; шаги, отдающиеся гулким эхом где-то в отдалении, заставили его ощутить почти физически, как уходит время.

— Вы что-то хотели сказать мне? — нарушила она молчание, словно почувствовав то же, что и он.

— Сказать? — отозвался он. — Да. Я думаю, вы решили остаться в Нью-Йорке, потому что испугались.

— Испугалась?

— Что я последую за вами в Вашингтон.

Она опустила свой взгляд на муфту, и он увидел, что руки ее слегка дрожат.

— Это верно? — настаивал он.

— Что ж, да, — призналась она.

— Значит, это так. Вы это знали.

— Да. Знала.

— И что же?

— Но так все-таки будет лучше, правда? — Этот вопрос вырвался у нее вместе с тяжелым вздохом.

— Лучше?

— Но так мы меньше причиним горя другим. В конце концов, разве не этого вы всегда хотели?

— Быть рядом с вами — и бесконечно далеко от вас? Встречаться с вами вот так вот, тайком? Это совершенно не отвечает моим желаниям. Я уже говорил вам, чего я хочу.

Она колебалась:

— И вы все еще думаете, что это — хуже?

— В тысячу раз! — Он помолчал. — Легче было бы солгать, но я скажу правду: весь ужас в том,

что я нахожу это отвратительным.

— О, и я тоже! — воскликнула она, вздохнув с облегчением.

Он вскочил на ноги и воскликнул с раздражением:

— Но ради всего святого — чем же тогда это лучше?

Она склонила голову, сжимая и разжимая руки, спрятанные в муфте. Шаги приблизились, и смотритель в обшитом галуном головном уборе тихо, точно кладбищенское привидение, продефилировал по комнате. Они дружно уставились в стоящий перед ними шкаф, и когда смотритель прошествовал в другой зал в направлении мумий и саркофагов, Арчер повторил:

— Чем же это лучше?

Вместо ответа она пробормотала:

— Я обещала бабушке остаться с ней, потому что мне казалось, что здесь я буду в большей безопасности.

— Опасность — это я?

Она уронила голову, не глядя на него.

— Вы хотите спастись от меня?

Он смотрел на ее неподвижный профиль и увидел, как слеза скатилась с ее ресниц и поползла по щеке — край вуали остановил ее.

— Я хочу спасти других от непоправимого зла. Давайте не будем вести себя так же, как все!

— Что значит — все? Я не претендую на то, чтобы быть особенным. У меня те же желания, что и у всех.

Она взглянула на него с ужасом, и щеки ее покрылись легким румянцем.

— То есть вы все-таки хотите… Вы готовы удовлетвориться тем, что я один раз стану вашей, а после этого вернусь домой?

Кровь бросилась ему в голову.

— Любимая! — проговорил он, не двигаясь с места. Ему казалось, что сердце выпрыгнуло у него из груди и он держит его в руках, как в переполненной чаше, и от малейшего движения оно выплеснется и погибнет.

Затем до него дошел смысл ее последних слов, и лицо его потемнело.

— Домой? Что значит — домой? — Домой к мужу.

— И вы полагаете, что я соглашусь на это?

Она подняла на него глаза, полные горя:

— Что же мне делать? Я не могу жить здесь и лгать людям, которые были так добры ко мне.

— Но ведь именно поэтому я предлагаю вам уехать со мной!

— И разрушить их жизни, когда они столько сделали, чтобы я могла начать заново свою!

Арчер вскочил на ноги и смотрел на нее в немом отчаянии. Было так просто сказать ей: «Да, будьте моей. Будьте моей хоть однажды». Он знал, что, если он скажет это, она подчинится ему и после этого он обретет власть над нею — власть, которая не позволит ей возвратиться к мужу.

Но что-то мешало этим словам сорваться с его губ — может быть, ее неистовая честность. Он не смел заманить ее в хорошо известную ему ловушку. «Если я сейчас принужу ее прийти ко мне, — подумал он, — это будет просто началом конца».

Однако, увидев тень ресниц на ее мокрой щеке, он вновь заколебался.

— В конце концов, — начал он снова, — у нас своя жизнь… Может быть, и нет смысла стремиться к невозможному… Вы настолько лишены предрассудков… и столько раз, по вашим словам, смотрели в лицо Горгоне… что я не понимаю, почему вы боитесь посмотреть правде в глаза, когда это касается нас… если только вы не считаете, что то, что происходит между нами, недостойно никакой жертвы.

Она тоже поднялась, нахмурившись и сжав

губы.

— Что ж, считайте так, не буду спорить. Я должна идти. — Она посмотрела на часики, висящие на цепочке у нее на груди. — Мне пора.

Она повернулась, чтобы идти, и, потеряв самообладание, он поймал ее за запястье. В голове у него помутилось от мысли, что он сейчас потеряет ее.

— Я согласен: пусть будет один раз, — выдавил он.

Секунду или две они смотрели друг на друга с ненавистью, как враги.

— Так когда? — настаивал он. — Завтра?

Она помолчала, потом сказала:

— Послезавтра.

— Любимая! — вырвалось у него снова.

Она вырвала у него руку, но они продолжали смотреть друг другу в глаза, и при этих словах лицо ее, бледневшее все больше и больше, вдруг осветилось глубоким внутренним светом. Сердце Арчера забилось от священного трепета — ему показалось, что первый раз в жизни он видит перед собой живое воплощение любви.

— О, я опоздаю из-за вас. До свидания. Нет-нет, не надо дальше меня провожать! — воскликнула она, бросаясь к дверям комнаты, как будто бы

испугалась этого сияния — отраженного в глазах Арчера. На пороге она обернулась и махнула ему рукой.

Арчер пошел домой пешком. Уже спустилась тьма, когда он вошел в дом, и огляделся вокруг, взирая на знакомые предметы с таким чувством, словно он вернулся с того света.

Горничная, услышав его шаги, вбежала по лестнице зажечь наверху лампы.

— Миссис Арчер дома?

— Нет, сэр, она уехала в карете после ленча и еще не возвращалась.

С чувством облегчения он пошел в библиотеку и бросился в кресло. Горничная последовала за ним, зажгла лампу и разворошила огонь в камине, подбросив угля. После ее ухода он сидел неподвижно, уперевшись локтями в колени, положив подбородок на сцепленные руки и глядя на пламя.

Он сидел так, ни о чем не думая и не замечая, сколько прошло часов или минут, погрузившись в глубокое восторженное раздумье, которое заставило его потерять счет времени.

«Произошло то, что должно было произойти, значит… так и должно было быть», — повторял он мысленно, как будто уверяя себя, что от судь-

бы не уйти. То, о чем он мечтал, так разительно отличалось от того, как он жил, что мертвенный холод дурного предчувствия сковал его члены.

Дверь отворилась, и вошла Мэй.

— Я ужасно запоздала — ты волновался? — спросила она, положив ему на плечо руку с нежностью, не слишком для нее характерной.

Он изумленно посмотрел на нее: — Разве уже поздно?

— Восьмой час. Ты, наверное, заснул! — засмеялась она и, вытащив булавки, бросила на софу свою бархатную шляпку. Она была бледнее обычного, но сияла каким-то особенным оживлением.

— Я поехала навестить бабушку, и как раз с прогулки вернулась Эллен; поэтому я осталась, и мы долго с ней болтали. Тысяча лет прошла с тех пор, как нам удавалось по-настоящему поговорить…

Она опустилась на свое обычное место — в кресло напротив — и поправляла растрепавшиеся волосы. Ему показалось, она ждет, чтобы он сказал что-нибудь, но он молчал.

— Мы прекрасно поговорили, — продолжала она, улыбаясь с живостью, которая показалась Арчеру слегка ненатуральной. — Она была такой милой — совсем как прежде. Боюсь, я была к ней

несправедлива. Я иногда думала…

Арчер встал, подошел к камину и повернулся так, чтобы свет лампы не падал на его лицо.

— Так что ты думала? — спросил он, не дождавшись продолжения.

— Ну, возможно, я судила ее слишком строго. Она ведь совсем другая — во всяком случае внешне. И встречается с такими странными людьми — словно ей нравится выставлять себя напоказ. Я думаю, это то, к чему она привыкла в Европе; нет сомнения, мы для нее смертельно скучны. Но мне не хотелось бы быть к ней несправедливой.

Она помолчала, переводя дух после непривычной для нее длинной речи; глубокий румянец покрыл ее щеки, губы были приоткрыты.

Глядя на нее, Арчер вспомнил горячность, которая оживила ее лицо в саду испанской миссии в Сент-Огастине. Он понял, что она делает над собой такое же усилие, чтобы постичь что-то, что находится вне пределов ее обычных чувств.

«Она ненавидит Эллен, — подумал он, — но пытается пересилить это чувство и хочет, чтобы я помог ей».

Эта мысль тронула его, и мгновение он был на грани того, чтобы сдаться и сломать заговор

молчания…

— Ты же понимаешь, — заговорила она снова, — как она досаждает семье? Сначала мы делали для нее все, что могли; но, кажется, она вообще этого не поняла. А теперь эта идея поехать к миссис Бофорт, да еще в бабушкиной карете! Я боюсь, она совершенно оттолкнула от себя ван дер Лайденов…

— А-а, — отозвался Арчер с раздраженным смешком.

Приоткрывшаяся было между ними дверь захлопнулась снова.

— Надо бы переодеться; мы же куда-то едем обедать, не так ли? — спросил он, отходя от камина.

Она тоже поднялась, но медлила. И когда он поравнялся с ней, она порывисто подалась к нему, точно пытаясь его удержать; глаза их встретились, и он снова увидел ту же самую влажную синеву, что и в тот раз, когда он прощался с ней, уезжая в Джерси-Сити.

Она обняла его и прижалась щекой к его щеке.

— Ты не поцеловал меня сегодня, — шепотом проговорила она, и Арчер ощутил, что она дрожит в его руках.

Глава 14

— При дворе в Тюильри, — произнес мистер Силлертон Джексон с ностальгической улыбкой, — такие вещи допускались.

Сцена происходила в вандерлайденовской гостиной черного ореха на Мэдисон-авеню на следующий вечер после визита Арчера в Метрополитен-музей. Ван дер Лайдены на несколько дней вернулись из Скайтерклиффа, куда они опрометчиво бежали при известии о банкротстве Бофорта. Оказалось, что смятение, в которое было погружено общество в результате этой неприятной истории, более чем когда-либо требовало их присутствия в городе. Это был как раз один из тех случаев, как сказала миссис Арчер, когда «их долг перед обществом» — показаться в Опере и даже открыть двери своего дома. «Нельзя допустить, моя дорогая Луиза, чтобы люди типа миссис Лемюэл Стразерс смогли занять место Регины, — сказала она. — Именно в такие времена выскочкам удается найти лазейку и зацепиться в обществе. Когда появилась миссис Стразерс? Той зимой, когда в Нью-Йорке была эпидемия ветрянки, и скучающие женатые мужчины, пока их

жены неотрывно сидели в детских, стали потихоньку бегать на ее вечеринки. Вы и наш дорогой Генри, Луиза, должны закрыть собой эту брешь».

Ван дер Лайдены не остались глухи к этому призыву и, пересилив себя, совершили героический поступок — вернулись в город и разослали приглашения на два обеда и вечерний прием.

В этот вечер, о котором идет речь, они пригласили Силлертона Джексона, миссис Арчер и Ньюланда с женой сопровождать их в Оперу, где в первый раз в эту зиму давали «Фауста». Под крышей ван дер Лайденов ничего не совершалось без церемоний, и хотя гостей было всего лишь четверо, обед был сервирован ровно к семи, чтобы положенное количество блюд было подано без спешки, перед тем как мужчины смогут выкурить свои сигары.

Арчер не видел жены со вчерашнего вечера. Утром рано он отправился на работу, где долго занимался каким-то малозначительным делом. Во второй половине дня с ним неожиданно пожелал переговорить один из старших партнеров; и домой он вернулся так поздно, что Мэй уехала к ван дер Лайденам одна, а потом послала за ним карету.

Сейчас, на фоне скайтерклиффских гвоздик и

массивной посуды, она показалась ему томной и бледной; но глаза ее сияли, и говорила она с необычным оживлением.

Разговор, вызвавший вышеприведенное замечание мистера Силлертона, начала сама хозяйка (не без умысла, решил Арчер). Банкротство Бофорта, вернее, его поведение после происшедшего все еще было плодотворной темой для моралистских разглагольствований в гостиных; и после того, как оно было тщательно разобрано и пригвождено к позорному столбу, миссис ван дер Лайден перевела свой зоркий взгляд на Мэй:

— Дорогая, мне сказали, что у дверей Бофорта видели карету вашей бабушки. Неужели это возможно?

Все заметили, что она не назвала по имени особу, которая подозревалась в этом преступлении.

Мэй порозовела, и миссис Арчер быстро вмешалась:

— Если это и имело место, я убеждена, что было сделано без ведома миссис Мэнсон Минготт.

— Вы уверены? — Миссис ван дер Лайден умолкла, вздохнула и взглянула на мужа.

— Думаю, — сказал мистер ван дер Лайден, — что на столь дерзкий поступок мадам Оленскую толкнуло доброе сердце.

— Или ее пристрастия к людям со своеобразной репутацией, — сухо вставила миссис Арчер, обратив на сына невинный взор.

— Было бы неприятно думать так о мадам Оленской, — сказала миссис ван дер Лайден, а миссис Арчер пробормотала:

— Ах, моя дорогая, — и это после того, как вы дважды приглашали ее в Скайтерклифф!

Именно в этом месте мистер Джексон и рискнул предаться своим излюбленным воспоминаниям о Тюильри.

— В Тюильри, — повторил он, когда глаза всех сидящих за столом выжидающе повернулись к нему, — в некоторых случаях пересматривали слишком строгие правила… и если бы вы спросили, где брал деньги Морни…[89] Или кто выплачивал долги некоторых придворных красоток…

— Я надеюсь, дорогой Силлертон, — сказала миссис Арчер, — вы не предлагаете нам равняться на это?

— Я ничего никогда не предлагаю, — спокойно сказал мистер Джексон. — Но заграничное воспитание мадам Оленской не могло не наложить на

---

[89] Примечания: 89

Морни Шарль де герцог, сводный брат Наполеона III, известный своими финансовыми спекуляциями.

нее отпечатка…

— Ах, — вздохнули обе немолодые дамы.

— Но оставить карету своей бабушки у двери банкрота! — вдруг возмутился мистер ван дер Лайден, и Арчер подумал, что он вспомнил и пожалел о корзинах гвоздик, которые послал когда-то в маленький домик на Двадцать третьей улице.

— В общем, я всегда говорила, что она смотрит на вещи совершенно иначе, чем мы, — подвела итог миссис Арчер.

Краска уже залила лицо Мэй до корней волос.

— Я уверена, что Эллен не желала ничего плохого, — сказала она примиряюще, взглянув через стол на мужа.

— Дерзкие люди часто не лишены доброты, — сказала миссис Арчер, дав понять своим тоном, что это их нисколько не оправдывает, и миссис ван дер Лайден пробормотала:

— Если бы только она посоветовалась с кем-нибудь….

— О, она никогда этого не делает! — отрезала миссис Арчер.

В это мгновение мистер ван дер Лайден взглянул на жену, которая внимательно слушала миссис Арчер, и тут же переливающиеся шлейфы

всех трех дам зашелестели к дверям, и мужчины приступили к раскуриванию сигар. В те вечера, когда надо было ехать в Оперу, мистер ван дер Лайден угощал короткими сигарами, а сигары у него всегда были так хороши, что заставляли гостей сожалеть о его неумолимой пунктуальности.

После первого акта Арчер покинул своих спутников и пошел в клубную ложу. Отсюда, через плечи всевозможных Чиверсов, Минготтов и Рашуортов, он наблюдал ту же картину, что и два года назад, в ту ночь, когда он впервые увидел Эллен Оленскую. У него теплилась слабая надежда, что он увидит ее в ложе старой миссис Минготт, но она оставалась пустой; и он сидел неподвижно, не сводя с нее глаз, пока чистое сопрано мадам Нильсон не затянуло: — M'ama, non m'ama…

Арчер перевел глаза на сцену, где на знакомом фоне гигантских роз и анютиных глазок та же крупная блондинка вот-вот должна была быть принесена в жертву маленькому шатену-соблазнителю.

Со сцены он пробежался глазами по подковообразному ряду лож туда, где сидела Мэй, как и тогда, в окружении двух дам, — только в тот вечер рядом с ней были миссис Лавел Минготт

и новоприбывшая «заграничная» кузина. Как и тогда, она была в светлом — и Арчер, который до этого не обратил внимания на ее наряд, узнал сейчас белый с голубым атлас и старинные кружева ее подвенечного платья.

По обычаю старого Нью-Йорка молодые жены должны были год или два после свадьбы еще носить его, а его мать, он знал, держала свое в папиросной бумаге на случай свадьбы Джейни, хотя бедняжка уже достигла того возраста, когда платье следует шить из жемчужно-серого поплина.

Арчеру внезапно пришло в голову, что Мэй очень редко надевала это платье, с тех пор как они вернулись из Европы, и невольно стал сравнивать ее с той девушкой, на которую два года назад смотрел с таким блаженным восторгом.

Несмотря на то что Мэй слегка пополнела, к чему располагало ее сложение античной богини, ее осанка и девически ясное выражение лица не изменились; если бы не легкая томность, которую Арчер замечал в ней в последнее время, она была бы точной копией девушки, играющей букетом ландышей в день объявления помолвки. Казалось, сам этот факт взывал к его жалости: подобная невинность была так же трогательна, как

объятие ребенка. Затем он вспомнил о страстном великодушии, которое таилось под этим невинным спокойствием. Вспомнил он и понимающий взгляд, которым она отвечала ему на его настойчивое упрашивание объявить о помолвке на балу у Бофортов, — и услышал ее голос, которым она произнесла в саду испанской миссии: «Я не могу строить свое счастье на чьем-то несчастье…»

Страстное желание сказать ей правду овладело им — желание отдаться ее великодушию, желание испросить ту свободу, от которой он когда-то отказался.

Ньюланд Арчер был спокойным и сдержанным человеком. Конформизм и дисциплина, свойственные небольшим замкнутым обществам, вошли в его плоть и кровь. Мысль о том, чтобы совершить что-то мелодраматическое и бросающееся в глаза, что-нибудь, что мистер ван дер Лайден или члены его клубной ложи могли классифицировать как «потерю вкуса», вызывала у него глубокое отвращение.

Но внезапно и клубная ложа, и мистер ван дер Лайден, и все то, что всегда привычно окутывало его приятным теплом, стало ему совершенно безразлично. Он поднялся, прошел по коридору и открыл дверь вандерлайденовской ложи, как

будто это были ворота в никуда.

— M'ama! — торжествующе пропела Маргарита, и все в ложе с удивлением посмотрели на вошедшего Арчера — он нарушил одно из неписаных правил людей их круга: нельзя входить в ложу во время сольного исполнения.

Протиснувшись между мистером ван дер Лайденом и Силлертоном Джексоном, он склонился к жене.

— У меня ужасно болит голова. Не говори ничего никому, поедем домой, — попросил он.

Мэй озабоченно взглянула на него, шепнула что-то своей матери, и та сочувственно кивнула; потом она пробормотала скорые извинения миссис ван дер Лайден и поднялась в тот момент, когда Маргарита упала в объятия Фауста. Помогая жене надеть манто, Арчер заметил, как старшие дамы заговорщически улыбнулись друг другу.

Когда карета тронулась, Мэй робко накрыла его руку своей:

— Мне очень жаль, что ты неважно себя чувствуешь. Мне кажется, тебя слишком перегружают на работе.

— Нет, дело не в этом. Я открою окошко, ты не против? — смущенно отозвался он, опуская свое стекло.

Он сидел, вглядываясь в даль, чувствуя на себе недоуменный взгляд жены и нарочно не отрывая взгляда от проплывавших за окном домов. Выходя из кареты у своего дома, Мэй наступила на край платья и чуть не упала на Ньюланда.

— Ты не ушиблась? — спросил он, поймав ее за руку и помогая обрести равновесие.

— Нет. Но мое бедное платье — посмотри, я порвала его! — воскликнула она, нагнулась, приподняла запачканный шлейф и последовала за Арчером в прихожую. Слуги не ожидали их так рано, и лишь наверху, тускло мерцая, горела газовая лампа.

Арчер поднялся по лестнице, зажег свет, потом поднес спичку к газовым рожкам по обеим сторонам камина в библиотеке. Шторы были задернуты, и дружеские объятия теплой комнаты разбудили в нем неприятное чувство, словно, выполняя тайное поручение, он столкнулся лицом к лицу со знакомым.

Он заметил, что Мэй чрезвычайно бледна, и спросил, не хочет ли она выпить немного бренди.

— О нет! — внезапно вспыхнув, воскликнула она и сняла манто. — Может быть, тебе лучше сразу лечь в постель? — добавила она, видя, как

он достал из серебряного портсигара папиросу.

Арчер отбросил папиросу и направился к своему обычному месту у камина.

— Нет, голова болит не настолько уж сильно. — Он помолчал. И я хочу сказать тебе что-то важное — то, что я давно должен был сказать тебе.

Она опустилась в кресло и посмотрела на него.

— Да, дорогой? — отозвалась она так мягко, что он даже слегка растерялся — она не выказала ни малейшего удивления по поводу его довольно странного вступления.

— Мэй… — начал он, став в нескольких шагах от ее кресла и глядя поверх нее так, словно меж ними разверзлась бездна. Звук его голоса странно и гулко отдавался в уютной домашней тишине, и он повторил: — Я должен кое-что тебе рассказать… это касается меня…

Она сидела, застыв в молчании так, что даже ресницы оставались неподвижными. Она все еще была необыкновенно бледна, но ее лицо сохраняло странное спокойствие, которое, казалось, исходило из какого-то таинственного внутреннего источника.

Арчер подавил в себе желание начать с традиционных покаянных фраз. Он решил изложить

все просто, как на духу.

— Мадам Оленская… — начал он; при звуке этого имени его жена жестом остановила его. При этом на обручальном кольце ее сверкнул золотом отблеск пламени.

— Почему мы должны сейчас говорить об Эллен? — спросила она, и лицо ее исказилось в легкой гримаске неудовольствия.

— Потому что мне давно нужно было сказать тебе об этом.

Ее лицо вновь обрело спокойное выражение.

— Стоит ли обсуждать это, дорогой? Я знаю, что иногда была к ней несправедлива — как и все мы, возможно. Ты, без сомнения, понимал ее лучше, чем мы, и всегда был добр к ней. Но какое это имеет значение, раз все кончено?

Арчер озадаченно посмотрел на нее. Возможно ли, чтобы чувство абсолютной нереальности происходящего, сковавшее его, передалось и Мэй?

— Все… кончено? Ты это… о чем? — запинаясь, произнес он.

Мэй смотрела сквозь него прозрачным взглядом:

— Как о чем? Она скоро возвращается в Европу; бабушка поняла ее и одобрила это — даже назначила ей содержание, чтобы она могла не

зависеть от мужа.

Она замолчала, и Арчер, в конвульсивном движении схватившись рукой за край каминной полки, пытаясь удержать равновесие, делал тщетные попытки прийти в себя и обрести контроль над своим едва не помутившимся рассудком и готовым рухнуть от наступившей позорной слабости телом.

— Я думала, — ровным голосом продолжала Мэй, — что ты так долго задержался на работе именно из-за того, чтобы ускорить все приготовления. Насколько мне известно, это решилось сегодня утром.

Поймав его невидящий взор, она опустила глаза, и беглый румянец плеснул ей в лицо.

Он осознал наконец, что взгляд этот вынести невозможно, и отвернулся, опершись локтями на каминную полку, стоя спиной к жене. В ушах его раздавался бешеный шум и стук; и он не мог понять, биение ли это крови, или просто тиканье каминных часов. Мэй сидела не шевелясь и не говоря больше ни слова.

Так минуло пять минут. Кусок угля выкатился из огня к решетке, и Арчер услышал, как Мэй встала и бросила его обратно. Наконец Арчер повернулся и посмотрел на нее.

— Это невозможно, — сказал он.

— Невозможно? Что?

— То, что ты мне сейчас сказала… Откуда ты знаешь?

— Я вчера видела Эллен — я же сказала тебе, что мы разговаривали с ней у бабушки.

— Но вчера ты еще этого не знала?

— Нет. Я получила сегодня днем от нее записку. Хочешь прочитать?

Голос отказался повиноваться ему, и он ничего не ответил. Она вышла из комнаты и тотчас же вернулась.

— Я думала, ты знаешь, — просто сказала она.

Она положила листок бумаги на стол; Арчер протянул руку и взял его. В письме было всего несколько строк:

> «Мэй, дорогая, наконец мне удалось убедить бабушку, что мой визит к ней не может быть не чем иным, кроме визита. Она была, как всегда, добра и великодушна. Она теперь согласна со мной, что, вернувшись в Европу, я буду жить одна или с бедной тетушкой Медорой, которая уезжает вместе со мной. Я уезжаю в Вашингтон, чтобы собраться, — мы

отплываем на будущей неделе. Ты должна быть очень добра к бабушке, когда я уеду, — так же, как ты всегда была добра ко мне.

Эллен

Если кто-нибудь из моих друзей захочет заставить меня изменить это решение, скажи им, что это абсолютно бесполезно».

Арчер перечитал письмо два или три раза, затем отбросил его и расхохотался.

Звук собственного смеха ужаснул его. Он вспомнил, как испугалась Джейни, застав его ночью в состоянии непонятного чрезмерного веселья по поводу полученной телеграммы от Мэй, которая извещала о том, что их свадьба состоится совсем скоро.

— Почему она так решила? — спросил он, невероятным усилием оборвав смех.

Мэй встретила этот вопрос непоколебимым спокойствием.

— Я полагаю, потому, что вчера мы все с ней обсудили…

— Обсудили что?

— Я сказала ей о том, что, вероятно, была к ней

иногда несправедлива — не всегда понимала, как ей здесь тяжело, одной среди стольких родственников, которые, несмотря на это, оставались практически чужими людьми; они чувствовали за собой право обсуждать ее поступки, совершенно не принимая во внимание обстоятельства. — Она сделала паузу. — Я знаю, что ты был ее единственным другом, на которого она всегда могла положиться… И я хотела, чтобы она знала, что мы с тобой единодушны — во всех наших чувствах…

Она помолчала, словно ожидая, что он заговорит, и потом тихо добавила:

— Она поняла, почему я хотела сказать ей это. Я думаю, она все понимает.

Мэй подошла к Арчеру и порывисто прижала к своей щеке его руку. Она была ледяной.

— Что-то у меня тоже разболелась голова. Спокойной ночи, дорогой, — сказала она и вышла.

Испачканный и надорванный шлейф ее подвенечного платья потянулся и исчез в дверях вслед за ней.

Глава 15

Как сказала миссис Арчер, обращаясь с улыбкой к миссис Уэлланд, первый званый обед в своем доме большое событие для молодой пары.

С тех пор как молодые Арчеры зажили своим домом, к ним часто заезжали гости. Арчер любил, когда с ними обедали трое-четверо его друзей, и Мэй радушно принимала их, следуя и в этом примеру своей матери. Муж ее сначала спрашивал себя, приглашала бы она кого-нибудь в дом, если бы оставить это право за ней; но потом оставил тщетные попытки разгадать ее внутреннюю сущность и отделить ее от необходимости следовать традициям и привычкам, что составляло ее внешнюю оболочку. По нью-йоркским правилам полагалось, чтобы состоятельные молодые пары часто устраивали неформальные приемы, а Уэлланды, помноженные на Арчеров, и вовсе не имели никакой возможности нарушить традиции.

Но званый обед с нанятыми шеф-поваром и двумя ливрейными лакеями, с римским пуншем,

розами от Гендерсона[90] и меню на бумаге с золотым обрезом — это было нечто совершенно иное и не терпело легкомысленного отношения. Как заметила миссис Арчер, римский пунш[91] придавал всему совершенно иное звучание — не сам по себе, а потому, что требовал определенных сопутствующих вещей — блюд из дикой североамериканской утки и черепахи, двух супов, двух сладких десертов — горячего и холодного, декольтированных туалетов приглашенных дам непременно с короткими рукавами и приглашения, в некоторой пропорциональной зависимости от общего числа гостей, именитых персон.

Когда молодая пара устраивала свой первый прием подобного рода, это обычно вызывало огромный интерес, и приглашения, как правило, не отклонялись даже самыми известными людьми, пользующимися «большим спросом». Но все же согласие ван дер Лайденов, которые по просьбе Мэй должны были приехать из Скайтерклиффа для того, чтобы принять участие в прощальном обеде в честь отъезжающей в Евро-

---

[90] Примечания: 90
Магазин Питера Гендерсона, известного американского садовода.

[91] Примечания: 91
Ром с лимонным соком и взбитым белком.

пу графини Оленской, было воспринято всеми как триумфальное событие.

В тот великий день миссис Арчер и миссис Уэлланд сидели в гостиной Мэй. Миссис Арчер писала меню на карточках самого толстого бристольского картона с золотым обрезом аж от Тиффани,[92] а миссис Уэлланд отдавала указания о расстановке пальм и ламп.

Арчер, поздно вернувшийся из офиса, застал их еще там. Его мать расписывала именные карточки для торжественного стола, а теща прикидывала, не стоит ли слегка сдвинуть большой позолоченный диван, чтобы устроить уютный уголок между окном и роялем.

Мэй, сказали ему, пошла проверить, как смотрятся розы и адиантум по центру длинного стола и правильно ли распределены между канделябрами серебряные вазочки с конфетами. На рояле стояла большая корзина с орхидеями, которые прислали из Скайтерклиффа ван дер Лайдены. Короче говоря, все было так, как полагается в подобных случаях.

Миссис Арчер задумчиво изучала список гостей, отмечая каждое имя ручкой с острым

---

[92] Примечания: 92
Один из самых дорогих Нью-Йорке.

золотым пером.

— Генри ван дер Лайден, Луиза, Лоуэлл Минготты, Реджи Чиверсы, Лоуренс Леффертс и Гертруда… Я думаю, Мэй права, что позвала их… Селфридж Мерри, Силлертон Джексон, Ван Ньюланд с женой… Как утекает время! Кажется, еще вчера он был шафером на твоей свадьбе, Ньюланд… и сама графиня О ленская. Да, пожалуй, все…

Миссис Уэлланд доброжелательно посмотрела на зятя:

— Никто не посмеет сказать, Ньюланд, что проводы Эллен могли бы быть шикарнее.

— Да-да, — вмешалась миссис Арчер, — понятно желание Мэй не ударить лицом в грязь — пускай ее кузина доложит за границей, что мы не совершенные варвары.

— Я уверена, что Эллен это оценит. Она должна была приехать сегодня утром. Это будет прекрасным заключительным аккордом в ее воспоминаниях. Вечер накануне отъезда всегда так тосклив, — бодрым тоном заключила миссис Уэлланд.

Арчер повернулся к двери, и теща крикнула ему вслед:

— Пойдите-ка полюбуйтесь столом. И просле-

дите, чтобы Мэй не слишком уставала!

Он предпочел сделать вид, что не расслышал это, и вбежал по ступеням к себе в библиотеку. Комната взглянула на него точно незнакомая физиономия, расплывшаяся в вежливой гримасе, — она была безжалостно прибрана и приготовлена согласно общему плану. Везде стояли пепельницы и кедровые шкатулки с сигарами, чтобы гостям было удобно здесь курить. «Ладно, — подумал он, — это ведь ненадолго...» — и отправился в свою туалетную комнату.

Прошло десять дней с тех пор, как О ленская покинула Нью-Йорк. За эти дни Арчер не получил от нее ни одного слова, за исключением ключа, завернутого в папиросную бумагу. Он был отправлен в его контору в конверте, на котором адрес был написан ее рукой. Это можно было счесть классическим ходом в хорошо знакомой ему игре, но молодой человек предпочел думать по-другому: она еще борется с собой — да, она возвращается в Европу, но не к мужу. Ничто, следовательно, не мешало ему последовать за нею; и если он решит сжечь мосты, она никогда не прогонит его прочь.

Эта надежда на будущее позволила ему спокойно играть свою роль в настоящем — она удержала

его от того, чтобы написать Эллен, и от любых попыток объясниться с ней, чтобы каким-либо действием не выдать свои страдания и разочарование. Ему казалось, что в их молчаливой игре не на жизнь, а на смерть козыри все еще были в его руках; и он выжидал.

В этом ожидании были и довольно тягостные моменты — например, когда мистер Леттерблэр, на следующий день после отъезда Оленской, посвятил его в детали доверенности на свое имущество, которую миссис Мэнсон Минготт передавала своей внучке. Часа два вместе со своим старшим партнером Арчер изучал условия этого документа, и все это время его не покидало смутное ощущение, что с ним советуются не только потому, что он является родственником, и что в конце концов настоящая причина всплывет на поверхность.

— Ну что ж, графиня не может отрицать, что это неплохо для нее, — суммировал мистер Леттерблэр, изучив резюме соглашения. — Надо сказать, что в конечном итоге по всем вопросам с ней обошлись по-божески.

— По всем вопросам? — отозвался Арчер с долей иронии в голосе. — Вы имеете в виду то, что муж согласился вернуть ей ее же собственные

деньги?

Густые брови мистера Леттерблэра слегка, на какую-то долю дюйма, приподнялись.

— Мой дорогой друг, закон есть закон — кузина вашей жены выходила замуж по французским законам. Предполагается, что она знала, что это означает.

— Даже если она и знала, то все последующие события… — начал было Арчер, но оборвал себя.

Мистер Леттерблэр слегка почесал кончик своего сморщенного носа перьевой ручкой — во взгляде его выражалось то, что обычно пожилые джентльмены хотят донести до более младших: неведение не есть добродетель…

— Мой дорогой сэр, я вовсе не хочу оправдывать проступки графа. Но… с другой стороны… я не поклялся бы, что это не месть… помните, этот молодой секретарь… — Мистер Леттерблэр открыл ящик стола и протянул Арчеру сложенный лист бумаги. — Вот донесение, результат тайного расследования… — И так как Арчер не сделал попытки взглянуть на бумагу, Леттерблэр уже более твердо продолжал: — Я не утверждаю, что это истина в последней инстанции, вовсе нет. Но некоторые вещи доказывают, что… в целом обе стороны должны быть совершенно удовлетворе-

ны успешным разрешением этого вопроса.

— О, разумеется, — согласился Арчер, отодвигая от себя бумагу.

День или два спустя, когда ему пришлось навестить миссис Мэнсон Минготт, он испытал еще более тягостное чувство.

Старая дама была крайне раздражена и удручена.

— Вы слышали, что она покинула меня? — начала она сразу и, не дожидаясь ответа, продолжила: — О, только не задавайте вопросов почему! Она отыскала столько причин, что я уже все их позабыла. Мне-то кажется, что она просто решила, что ей будет со мной скучно. Кстати, так же думают Августа и мои невестки. Я, конечно, не уверена, что я ее осуждаю. Оленский, конечно, законченный негодяй, но жизнь с ним все равно, наверное, веселее, чем на Пятой авеню. Никто из моих родственников этого вам не скажет — они-то думают, что Пятая авеню есть рай земной вместе с рю де ла Пэ. Бедная Эллен, конечно, не думает возвращаться к мужу. Она тверда в этом, как никогда… Ну, будет жить в Париже с Медорой… Париж есть Париж… карету там можно держать — практически ничего не стоит… Но она такая веселая, точно птичка… мне будет ее

не хватать…

Две слезы, скупые старческие слезинки, сбежали по ее пухлым щекам и исчезли в мощных складках ее груди.

— Все, о чем я прошу, — сказала она в заключение, — чтобы они все оставили меня в покое. Все, в чем я на самом деле нуждаюсь, — чтобы наладилось мое пищеварение… — Она силилась взглянуть на него с прежним огоньком, но во взгляде ее была тоска.

Именно в тот вечер, когда он вернулся домой, Мэй и объявила ему о намерении дать прощальный обед в честь кузины. Имя мадам Оленской не произносилось меж ними с той ночи, когда она уехала в Вашингтон, и Арчер посмотрел на жену с удивлением.

— Обед? Зачем? — спросил он.

Она слегка порозовела:

— Но вы же с Эллен друзья, — я думала, ты будешь доволен.

— Это ужасно любезно с твоей стороны. Но я не понимаю…

— Это решено, Ньюланд, — сказала она, спокойно поднимаясь и подходя к своему столу. — Все приглашения уже написаны. Мама помогала мне — она согласилась, что это наш долг. —

Она замолчала, смущенно улыбаясь, и Арчер внезапно увидел перед собой образ Семьи, воплощенный в жизнь.

— О, ради бога, как хочешь, — сказал он, утыкаясь невидящими глазами в список приглашенных гостей, который она подала ему.

Перед обедом, когда он зашел в гостиную, Мэй возилась с камином, пытаясь красиво разложить поленья на фоне непривычно вычищенных изразцов.

По общему мнению, гостиная выглядела великолепно. Всюду горели лампы, и вандерлайденовские орхидеи красовались в фарфоровых и серебряных вазах. Эркер, где любители старины предпочли бы увидеть что-нибудь вроде бронзовой копии Венеры Милосской, был отгорожен позолоченной бамбуковой жардиньеркой с ухоженными примулами и цинерариями. Диваны и кресла, обитые светлой парчой, были умело сгруппированы вокруг низеньких столиков с плюшевой поверхностью, заставленных серебряными и фарфоровыми безделушками и фотографиями в рамках, а среди пальм, словно диковинные тропические цветы, возвышались лампы на длинных подножиях с абажурами в форме роз. — Кажется, Эллен ни разу не видела

эту комнату при полном освещении, — сказала Мэй, поднимая разрумянившееся от борьбы с поленьями лицо и окидывая комнату взглядом, полным понятной гордости. Медные щипцы, которые она прислонила к камину, вдруг с грохотом упали, и она не услышала ответа Арчера. Прежде чем он успел положить их на место, слуга доложил о прибытии ван дер Лайденов.

Остальные гости не заставили себя ждать — было известно, что ван дер Лайдены чтят пунктуальность. Комната быстро наполнялась гостями, и Арчер как раз демонстрировал миссис Селфридж Мерри маленький густо отлакированный «Этюд с овцами» Вербекховена,[93] который на Рождество миссис Уэлланд приподнесла Мэй в подарок, когда он внезапно увидел возле себя Оленскую.

Она была необыкновенно бледна, и от этой бледности ее волосы, казалось, стали еще темнее. Это или то, что шею ее украшали несколько рядов янтаря, вдруг напомнило ему маленькую Эллен Минготт, с которой он танцевал на детских утренниках, когда Медора Мэнсон впервые привезла ее в Нью-Йорк. Впрочем, то ли причиной этому были янтарные бусы, то ли платье ей не

---

[93] Примечания: 93
Вербекховен Э.-Ж. — бельгийский художник-анималист.

шло — но лицо ее показалось ему потухшим и почти безобразным. Но он еще никогда не любил его так, как в эту минуту.

Руки их встретились, и он услышал, как она сказала:

— Да, мы отплываем завтра, на «России»… — Сразу вслед за тем раздался шум распахнутой двери, и после короткой паузы он услышал голос Мэй:

— Ньюланд! Все готово. Будь так добр, проводи Эллен к столу.

Оленская взяла его под руку; он увидел, что она не надела перчаток, и вспомнил, как он не отводил взгляда от ее руки в тот вечер, когда они сидели у камина в маленькой гостиной на Двадцать третьей улице. Вся красота, которая схлынула вдруг с ее лица, казалось, нашла себе убежище в этой тонкой бледной руке с длинными пальцами, которая покоилась на его рукаве, и он сказал себе: «Я должен последовать за ней хотя бы только для того, чтобы снова увидеть эту руку»…

Только на обеде в честь «иностранной гостьи» было возможно, чтобы миссис ван дер Лайден сидела слева от хозяина. Сама «иностранность» гостьи едва ли могла быть подчеркнута яснее чем-то, кроме этой прощальной чести. И мис-

сис ван дер Лайден заняла свое второстепенное место с изысканной любезностью, не оставлявшей ни малейших сомнений, что это сделано с ее высочайшего одобрения. Если уж браться за исполнение некоторых традиций, то нужно это делать как следует, — и одна из этих традиций, по стародьюйоркским правилам, состояла в следующем: весь клан был обязан сплотиться вокруг «паршивой овцы», которая изгонялась из стада. Не существовало ничего на свете, на что Уэлланды и Минготты не пошли бы в данной ситуации, чтобы показать всем свою глубокую любовь к мадам Оленской теперь, когда ее отъезд в Европу был предрешен; и Арчер, сидя во главе стола, только диву давался, наблюдая, как они изо всех сил стараются вернуть ей популярность, которую она утратила, предать забвению ее прошлое и изо всех семейных сил одобрить ее настоящее. Миссис ван дер Лайден, обращаясь к Оленской, так и сияла благожелательностью, временами переходящей в необыкновенную сердечность, а мистер ван дер Лайден, который сидел справа от Мэй, оглядывал сидящих за столом, явно гордясь тем обстоятельством, что он посылал Оленской гвоздики из Скайтерклиффа.

Арчер, который, казалось, ассистировал этому

действу, был в состоянии странной прострации — и, витая где-то между канделябрами и потолком, более всего изумлялся собственному участию в происходящем. Взгляд его, блуждая, переходил с одной упитанной физиономии на другую, и вдруг он подумал, что все эти безобидные с виду люди, поглощающие поданную им утку, на самом деле банда заговорщиков, объединившихся против него и этой бледной женщины, которая сидела по правую руку от него. И как только он понял это, мозг его внезапно прояснился — словно мелкие догадки, как слабые лучи, собравшись воедино, преломились в яркую вспышку света.

Он понял, что, по мнению света, они любовники — любовники именно в том, недвусмысленном значении, которое так четко обозначено в «иностранных» словарях.

Он понял, что уже много месяцев он находится — словно на сцене — в окружении многочисленных глаз, которые внимательно следят за ним и вслушиваются в любую его реплику.

Он понял, что что-то произошло — что-то неизвестное ему, и это что-то разлучило его с Эллен навеки; и теперь весь клан сомкнулся вокруг его жены, молча притворяясь, что никто ничего не знает, а этот обед — всего лишь естественное

желание Мэй сделать приятный прощальный жест в отношении своей подруги и кузины.

Это был староньюйоркский испытанный метод «бескровной казни» — метод, используемый людьми, которые страшились скандала больше, чем смертельной болезни, которые ставили приличия выше отваги, которые считали, что нет ничего более неблаговоспитанного, чем «устроить сцену», кроме разве что поведения, которое дало к этому повод.

Арчер чувствовал себя пленником во вражеском лагере. Он оглядел стол и вдруг осознал, что эти его тюремщики, которые сейчас безмятежно поглощали спаржу из Флориды, заодно перемывая кости Бофорту и его жене, так же безжалостно расправятся и с ним. «Это они показывают мне, — подумал он, — что то же ожидает и меня», — и смертельный смысл намеков и аналогий, которые были тяжелее любого действия, и немое осуждение, более страшное, чем любые слова, — все это сомкнулось над ним, словно помещая его в фамильный склеп, двери которого вот-вот должны были захлопнуться, отрезая его от мира.

Он засмеялся и встретился взглядом с удивленными глазами миссис ван дер Лайден.

— Вы находите это смешным? — спросила она

с принужденной улыбкой. — Конечно, я полагаю, идея бедной Регины остаться в Нью-Йорке после всего, что произошло, несомненно, имеет свою смешную сторону.

— Да, конечно, — пробормотал Арчер.

В этот момент он осознал, что второй сосед Оленской уже давно занят беседой с Эллен, и заметил, что Мэй, сидевшая между мистером ван дер Лайденом и мистером Селфридж Мерри, быстрым взглядом окинула стол. Было очевидно, что хозяин и его дама справа не могут не обменяться за вечер ни единым словом. Он повернулся к Оленской, и она встретила его взгляд своей слабой улыбкой. «Что ж, вынесем и это», — казалось, хотела сказать она.

— Не устали ли вы в дороге? — спросил он голосом, который поразил своей естественностью даже его самого; она отвечала, что нет, ей редко приходилось путешествовать с таким комфортом.

— Если, конечно, не считать того, что в поезде было очень жарко, — добавила она, и он заметил, что в той стране, куда она едет, ей вряд ли придется страдать от этого.

— Никогда в жизни, — громко сказал он, — я так не мерз, как в поезде, когда в апреле ехал из

Кале в Париж.

Ничего удивительного, сказала она, но, в конце концов, можно же всегда взять лишний плед, и вообще путешествия в целом предполагают некоторые трудности; он с неожиданной резкостью сказал в ответ, что все они ничего не стоят в сравнении с блаженством отъезда. Она слегка порозовела, и он добавил, внезапно повысив голос:

— Я как раз собираюсь отправиться в долгое путешествие.

Дрожь пробежала по ее лицу, а он, откинувшись и поймав взгляд Реджи Чиверса, воскликнул:

— Я говорю, Реджи, как ты насчет кругосветного путешествия, скажем, в следующем месяце? Если ты за — я с тобой… — На что миссис Реджи проверещала, что и не подумает отпустить Реджи до благотворительного бала имени Марты Вашингтон[94] в пользу приюта для слепых, который будет у них на Пасху, а сам Реджи спокойно сообщил, что в это время он как раз должен готовиться к международному матчу по конному поло.

Мистер Селфридж Мерри уловил фразу «путешествие вокруг света», и так как он однажды объехал земной шар на своей паровой яхте,

---

[94] Примечания: 94

Вашингтон М. (1732 1802) жена Джорджа Вашингтона, первого президента США.

то был рад случаю послать через стол Арчеру несколько насмешливых замечаний о мелководье в средиземноморских портах. Хотя, в конце концов, добавил он, это не имеет особого значения; зато ему удалось увидеть Афины, Смирну и Константинополь. А миссис Мерри сказала, что бесконечно благодарна доктору Бенкому за то, что он взял с них слово никогда не ездить в Неаполь из-за тамошней лихорадки.

— Но у вас непременно должно быть три недели, чтобы как следует осмотреть Индию, — продолжал просвещать Арчера ее муж, желая произвести на окружающих впечатление серьезного путешественника.

И тут дамы поднялись, чтобы отправиться в гостиную.

В библиотеке, несмотря на присутствие куда более весомых персон, царил Лоуренс Леффертс.

Беседа, как обычно, крутилась вокруг Бофортов, и даже мистер ван дер Лайден и мистер Селфридж Мерри, расположившиеся в почетных креслах, которые им уступили по молчаливому уговору, снизошли до того, чтобы послушать филиппики[95] молодого человека.

---

[95] Примечания: 95
Гневные обличительные речи.

Никогда еще Леффертс не был так поглощен возвышенными чувствами, которые бы сделали честь любому христианину, и не превозносил так святость домашнего очага. Негодование придало его красноречию оттенок едкого остроумия, и было совершенно ясно, что если бы другие следовали его примеру и воплощали его идеи в жизнь, то общество никогда бы не опустилось до такой степени, чтобы принять в свои ряды иностранца-выскочку Бофорта, даже если бы он взял в жены представительницу ван дер Лайденов или Лэннингов, а не Далласов. Да и откуда бы у него взялась возможность войти в семью Далласов, гневно вопрошал Леффертс, если бы ему уже не удалось просочиться в приличные дома, как теперь миссис Лемюэл Стразерс удалось проделать то же самое, используя дружбу с ним? Если общество открывает двери вульгарным женщинам, вред еще не так велик, хотя польза сомнительна; но если оно начнет терпимо относиться к мужчинам сомнительной репутации, наступит конец всему — и притом ждать этого осталось совсем недолго.

— Если все будет так продолжаться, — гремел Леффертс, похожий на юного, одетого с иголочки пророка, которого еще не успели забросать

камнями, — мы успеем увидеть, как наши дети будут драться за честь быть принятыми в домах негодяев и жениться на бофортовских ублюдках.

— Ну, ты и хватил! — запротестовали Реджи Чиверс и молодой Ньюланд. Мистер Селфридж Мерри выглядел довольно встревоженным, а на чувствительном лице мистера ван дер Лайдена появилась гримаса боли и отвращения.

— Разве у него есть дети? — забеспокоился мистер Силлертон Джексон, навострив уши, и покуда Леффертс пытался свести этот вопрос к шутке, старый сплетник прошептал Арчеру: —Ну не забавны ли эти ребята, которые мнят себя проповедниками? Те люди, у кого самые скверные повара, всегда говорят, побывав в гостях, что их потчевали какой-то отравой. Но мне кажется, у нашего друга Леффертса есть основания для его последнего заявления — я слышал, как раз одна машинистка собирается…

Разговоры омывали Арчера бессмысленным безостановочным потоком. На лицах вокруг он видел выражения интереса, возбуждения и даже радости. Он слышал смех молодых людей и неторопливо произносившиеся мистером ван дер Лайденом и мистером Мерри высшие похвалы его мадере. Ему казалось, что он плавает в вязкой

атмосфере общего дружелюбия, которое решили выказывать его надсмотрщики, чтобы облегчить ему пребывание в тюрьме, и это укрепило его в желании вырваться на свободу.

В гостиной, где они вскоре снова присоединились к дамам, он разглядел торжествующее выражение в глазах Мэй, в которых читалось удовлетворение, что все идет как надо. Она покинула Эллен, и миссис ван дер Лайден тут же пригласила Оленскую присесть рядом с собой на диван с позолоченной спинкой, на котором она восседала. Миссис Селфридж Мерри не поленилась пересечь комнату, чтобы присоединиться к ним, и Арчеру стало совершенно ясно, что заговор с целью реабилитации честного имени Эллен с последующим преданием ее забвению набирает обороты. Тесный мирок, к которому принадлежал Арчер, был спаян молчаливой порукой, и он изо всех сил настойчиво пытался доказать Арчеру, что ни у кого никогда не возникало никакого сомнения ни в добропорядочности мадам Оленской, ни в прочности семейного счастья Мэй и Ньюланда. Все эти любезные и непреклонные персоны были твердо намерены притвориться друг перед другом, что никогда не слышали, не подозревали ни о чем противоположном и да-

же представить себе такого не могли. Из этого открывшегося ему теперь молчаливого хитро сплетенного и тщательно разработанного в деталях лицемерного плана он совершенно убедился в том, что весь Нью-Йорк безоговорочно считает его любовником мадам Оленской.

Он поймал победный отблеск во взгляде жены и впервые осознал, что она разделяет общее убеждение.

Открытие это вызвало отвратительный хохот демонов, поселившихся в душе Арчера; этот хохот сопровождал все его попытки участвовать в беседе с миссис Реджи и маленькой миссис Ньюланд насчет предстоящего бала Марты Вашингтон. А вечер все тек и тек, подобно бессмысленной реке, которая катит свои воды и не знает, как ей остановиться.

Наконец он увидел, как Оленская поднялась и стала прощаться. Он понял, что сейчас она уйдет, и попытался вспомнить, договорились ли они о чем-нибудь за обедом, но не смог воссоздать ни единого слова из их беседы.

Она направилась к Мэй, и все остальные тут же обступили их плотным кольцом. Кузины обменялись рукопожатиями; потом Мэй подалась вперед и поцеловала Эллен.

— Без сомнения, хозяйка дома гораздо красивее, — услышал Арчер тихую реплику Реджи Чиверса, адресованную юному мистеру Ньюланду, и вспомнил грубую остроту Бофорта о лишенной обаяния красоте Мэй.

Спустя мгновение он был в прихожей и набрасывал на плечи мадам Оленской ее накидку.

Хотя в голове его царил полный хаос, он твердо решил, что не скажет ничего, что может испугать или встревожить ее. Совершенно убежденный в том, что ничто на свете не сможет теперь увести его от достижения его цели, Арчер нашел в себе силы позволить событиям течь своим чередом. Но когда он последовал за Оленской в прихожую, он почувствовал непреодолимое желание остаться хотя бы на секунду с ней наедине у дверцы ее кареты.

— Ваша карета ждет вас? — спросил он; и в эту минуту миссис ван дер Лайден, которую облачали в ее царственные соболя, сказала мягко:

— Мы возьмем милую Эллен с собой.

Сердце Арчера судорожно забилось; мадам Оленская, придерживая накидку и веер одной рукой, протянула другую Арчеру.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания — мы скоро увидимся в Пари-

же, — громко ответил он. Ему казалось, что он кричит.

— О-о, — произнесла она. — Если бы вы с Мэй смогли приехать…

Мистер ван дер Лайден подал ей руку, и Арчер повернулся, чтобы сделать то же самое для его жены. На минуту в темной глубине большого ландо мелькнул знакомый овал лица и блеснули ее глаза — карета тронулась с места, и видение исчезло.

Поднимаясь по ступеням, он столкнулся с уходящими Леффертсами. Лоуренс поймал его за рукав и слегка оттянул назад, пропуская жену вперед.

— Старина, окажи услугу: ты не будешь возражать, если я скажу Гертруде, что обедаю завтра вечером с тобой в клубе? Большое спасибо, приятель! Спокойной ночи.

— Не правда ли, все было прекрасно? — спросила Мэй, появившись на пороге библиотеки.

Арчер пришел в себя. Как только уехала последняя карета, он закрылся в библиотеке, надеясь, что жена, которая все еще была внизу, пройдет прямо к себе. Но она появилась перед ним, бледная и усталая, но все еще излучающая остаточную энергию перевозбужденного человека.

— Могу я войти и поговорить с тобой? — спросила она.

— Конечно, что ты спрашиваешь. Но ты, должно быть, очень хочешь спать…

— Нет, не хочу. Я бы хотела сесть рядом и поговорить с тобой немного.

— Отлично, — сказал он, придвигая ее кресло поближе к огню.

Она села, а он снова занял свое обычное место, и никто из них долго не начинал разговора. Наконец Арчер сдавленно начал:

— Раз ты не устала и намерена поговорить, я должен сказать тебе одну вещь. Я хотел это сделать тогда…

Она быстро посмотрела на него:

— Да, дорогой. Что-то касающееся тебя?

— Да. Ты говоришь, ты не устала. Но я — я устал. Страшно устал…

Тут же на лице ее отразилась нежная тревога.

— Я это давно заметила, Ньюланд! Тебя так дико перегружают на работе…

— Возможно. Во всяком случае, я хочу отдохнуть…

— Отдохнуть? Бросить юриспруденцию?

— Я хочу уехать — сейчас же. В долгое путешествие, как можно дальше… подальше от всего

этого.

Он замолчал, осознав, что ему не удается говорить с равнодушием человека, который жаждет перемен, но слишком измученного, чтобы им радоваться. Как он ни старался, голос его вибрировал от нетерпения.

— Подальше от всего этого, — повторил он.

— Как можно дальше? Куда, к примеру?

— Не знаю. Скажем, в Индию. Или в Японию.

Она поднялась, и так как он сидел, склонив голову и уткнувшись подбородком в сцепленные руки, он не видел ее — лишь ощущал рядом ее тепло и запах ее духов.

— Так далеко? Но я боюсь, ты не сможешь, дорогой… — нерешительно сказала она. — Если только не возьмешь меня с собой. — Он молчал, и она продолжила голосом таким ровным и таким чистым, что каждый слог точно крохотным молоточком стучал ему в мозг. — И то если только позволят врачи… но боюсь, они не позволят. Видишь ли, Ньюланд, сегодня утром я удостоверилась в том, чего я так страстно и долго желала…

Он посмотрел на нее безумным взглядом, а она, зардевшись как роза, опустилась на колени и спрятала у него в коленях свое лицо.

— О моя дорогая, — с трудом выговорил он, прижимая ее к себе и гладя по волосам.

Рука его была холодна как лед.

Возникла долгая пауза, пока демоны внутри Арчера корчились от хохота. Наконец Мэй высвободилась из его рук и встала:

— Ты не догадывался?

— Я… да. То есть нет. То есть, конечно, я надеялся….

Они взглянули друг на друга и снова помолчали. Затем, отведя глаза, он спросил:

— Кто-нибудь… кроме меня… знает об этом?

— Только наши матери.

Она поколебалась, но потом добавила, при этом краска залила ее лицо до корней волос:

— То есть… еще Эллен. Я же говорила тебе, как долго мы говорили с ней тогда — и она была так мила со мной…

— Вот как, — сказал он, и сердце его остановилось.

Он чувствовал, что жена внимательно наблюдает за ним.

— Ты недоволен, что она узнала об этом раньше тебя, дорогой?

— Недоволен? Да почему? — Он изо всех сил пытался взять себя в руки. — Но ведь это было две

недели назад, не так ли? Мне показалось, ты сказала, что удостоверилась в этом сегодня утром.

Она покраснела еще сильнее, но твердо встретила его взгляд.

— Да, в тот день это было еще не точно… Но я сказала ей, что уверена. Но ты же видишь, я была права! — воскликнула она. В ее голубых глазах сияли слезы — счастливые слезы победительницы.

Глава 16

Ньюланд Арчер сидел за письменным столом в своей библиотеке на Восточной Тридцать девятой улице.

Он только что вернулся с торжественного приема по случаю открытия новых галерей в Метрополитен-музее. Глядя на эти просторные помещения, которые были заполнены следами цивилизаций былых веков, где фешенебельные толпы сновали мимо сокровищ, занесенных в подробные каталоги кабинетными учеными, заржавевшая пружина его памяти, хранившаяся под прессом, внезапно резко распрямилась.

— А-а, раньше это была одна из комнат, где хранились древности Чеснолы, — услышал он, и внезапно все вокруг исчезло, и он, казалось, снова очутился на массивном кожаном диване у радиатора, а стройная фигурка в котиковой шубке уходила вдаль по анфиладам старого музея.

Это его видение разбудило в нем массу ассоциаций. Он сидел, глядя другим взглядом на библиотеку, которая вот уже больше тридцати лет была местом для его уединенных раздумий и всех семейных дружеских дискуссий.

В этой комнате происходила большая часть важных событий его жизни. Здесь его жена почти двадцать шесть лет назад призналась ему со смущением, которое вызвало бы улыбку у современных молодых женщин, что ждет ребенка. Здесь их старшего сына, Далласа, слишком слабого здоровьем, чтобы нести его в церковь посреди холодной зимы, крестил их старый друг, епископ Нью-Йоркский, величественный блестящий незаменимый епископ, краса и гордость всей епархии. Здесь Даллас впервые сказал «папа!» и, шатаясь и падая, пересек комнату, направляясь к нему, пока Мэй и няня смеялись за дверью. Здесь их второй ребенок, Мэри, так похожая на мать, объявила о своей помолвке с самым скучным и надежным из многочисленных сыновей Чиверсов, и здесь Арчер поцеловал ее сквозь свадебную вуаль перед тем, как молодые отправились на автомобиле в церковь Милости Господней, ибо в мире, в котором пошатнулись, уже казалось, все устои, «свадьба в церкви Милости Господней» все еще оставалась незыблемой традицией.

Здесь они с Мэй всегда вели беседы о детях — об учебе Далласа и его младшего брата Билла, о неизлечимом безразличии Мэри к стремлению «быть лучше всех», ее страсти к занятию спортом

и филантропии. Говорили они и о смутной тяге детей к «искусству», что в конце концов привело любопытного непоседу Далласа на работу к подающему большие надежды нью-йоркскому архитектору.

Настали новые времена — юноши из хороших семей отвернулись от юриспруденции и бизнеса и пытались найти себя в других родах деятельности. Если они не погрузились в политику или муниципальные реформы, было весьма вероятно, что они займутся археологическими раскопками в Центральной Америке, или устройством ландшафтов, или, может быть, будут изучать историю архитектуры своей страны, восхищаясь георгианскими зданиями и протестуя против бессмысленного термина «колониальный стиль». Ни у кого теперь не было «колониальных» домов — разве что у миллионеров-бакалейщиков, обосновавшихся в пригородах.

Но самое главное — Арчеру иногда именно это казалось самым главным — именно в этой библиотеке губернатор штата Нью-Йорк, однажды заехавший пообедать и оставшийся ночевать, стукнул кулаком по столу, обращаясь к хозяину дома, и заявил, блеснув стеклами очков:

— К черту профессиональных политиков! Вы,

Арчер, человек того сорта, в котором нуждается страна. Если эти авгиевы конюшни и можно вычистить, то это смогут сделать только такие люди, как вы.

«Такие люди, как вы» — как Арчер упивался этой фразой! Как искренне он откликнулся на этот зов! Это было эхо давнего постулата Неда Уинсетта засучить рукава и сунуться прямо в грязь, только на этот раз предложение исходило от человека, который уже сам показал этот пример и на призыв которого невозможно было не откликнуться.

Сейчас, когда Арчер оглядывался назад, он был уже не так уверен, что страна нуждалась именно в таких людях, как он, — во всяком случае в смысле активной деятельности, которую имел в виду Теодор Рузвельт. На самом деле были причины полагать, что все было как раз наоборот, поскольку через год его не переизбрали снова в Государственную Ассамблею, и он с облегчением вновь погрузился в свою полезную, но никому не заметную муниципальную работу, которую в конце концов заменил на писание статей в одном из реформистских еженедельников, которые пытались пробудить страну от апатии. Это, в общем, было немного — но, оглядываясь назад

и вспоминая обычный удел людей его поколения: рутинное «делание денег», спорт и светские обязанности, чем ограничивалось их поле деятельности, — даже его небольшой вклад в новое положение вещей, казалось, чего-то стоил: он был «кирпичиком» в умело выложенной кирпичной стене… Арчер мало сделал в общественной жизни, ибо по своей натуре был созерцателем и дилетантом, — но он видел великие дела и восхищался ими, и дружба с одним из великих людей была его гордостью и придавала ему силы.

Короче говоря, он был тем, кого теперь принято называть «добрым гражданином». Шли годы, но каждое новое движение, художественное, благотворительное или муниципальное, не могло обойтись без его имени и его участия. Люди говорили: «Надо узнать мнение Арчера», — когда собирались открыть новую школу для детей-инвалидов и библиотеку, реконструировать Музей искусств, основать Клуб Гролье[96] или новое общество любителей камерной музыки. Дни его были заполнены, и заполнены достойными делами. Возможно, это и есть именно то, что необходимо человеку.

---

[96] Примечания: 96

По имени французского библиофила XVI в. Был основан в Нью-Йорке в 1884 г. Занимался книгоиздательством.

Он понимал, что утратил самое прекрасное в жизни. Но теперь он думал об этом как о чем-то совершенно немыслимом и недостижимом, и роптать на это было все равно что пребывать в отчаянии оттого, что тебе не досталось в лотерее первого приза. В ЕГО лотерее было сто миллионов билетов — и только один первый приз, получить который было невозможно. Все шансы были против него.

Когда он думал об Эллен, он думал о ней абстрактно, безмятежно, как можно думать о любимой книге или картине, — ее образ был словно воплощением всего того, что он потерял. Этот образ, смутный и едва различимый, удерживал его от того, чтобы думать о других женщинах. Он был именно тем, кого называли «верным мужем»; и когда Мэй внезапно умерла — она заразилась инфекционной пневмонией, когда ухаживала за их больным младшим ребенком, — он искренне оплакивал ее. Многие годы, проведенные рядом с ней, заставили его понять: хотя брак и является довольно скучным исполнением долга, этот долг надлежит исполнять с достоинством — иначе он становится ареной уродливой борьбы страстей. Оглядываясь теперь вокруг, Арчер чтил свое прошлое и оплакивал его. В конце концов, старые

времена были не так уж плохи.

Глаза его блуждали по комнате — Даллас украсил ее английскими гравюрами, сине-белым фарфором, чиппендейловскими комодами с выдвижными ящиками, электрическими лампами со стильными абажурами, но здесь все еще стоял его любимый «истлейк», старый письменный стол, с которым он ни за что не желал расстаться. Там, у чернильного прибора, все еще стояла та, самая первая, фотография Мэй.

Да, это была она, высокая, полногрудая, гибкая, в накрахмаленном муслине и соломенной шляпке, такая, какой он запомнил ее под апельсиновыми деревьями в саду испанской миссии. Да, думал он, она и осталась именно такой, какой была в тот день — не поднялась выше, но и не спустилась ниже, — осталась той же великодушной, верной, неутомимой, но настолько лишенной воображения и неспособной к духовному росту, что даже не сумела заметить, как мир вокруг нее трещал и разламывался на куски, а потом воссоздавался, медленно и осторожно…

Ее слепота сужала ее горизонт. Ее неспособность воспринимать изменения в окружающем заставляла детей скрывать от нее свои взгляды так же, как когда-то Арчер скрывал свои. Ее неве-

дение о том, что мир меняется, заставило Арчера и детей организовать нечто вроде семейного заговора — они лицемерно делали вид, что все вокруг остается как было. Она умерла, считая мир, который она покидает, прекраснейшим местом, полным любви и гармонии и таких же прекрасных семей, как и ее. И она ушла из этого мира, уверенная, что, что бы ни случилось, Арчер продолжит прививать Далласу все те принципы и предрассудки, которые им прививали еще их родители, и Даллас в свой черед (когда Ньюланд последует за ней) также передаст эти сакральные заветы маленькому Биллу. В Мэри же она была уверена, как в самой себе. И, удержав маленького Билла на краю могилы и заплатив взамен своей жизнью, она легла в фамильную усыпальницу Арчеров в церкви Святого Марка, где уже лежала миссис Арчер, спасенная от ужасных «новых веяний», которых ее невестка так и не почувствовала.

Напротив портрета Мэй стоял портрет ее дочери. Мэри Чиверс была такой же высокой и белокурой, как ее мать, но талия ее была не такой узкой, грудь не такой пышной, да и спину держала она (впрочем, по требованию новой моды) не так прямо. Спортивные достижения

Мэри были бы невозможны, если бы она имела талию в двадцать дюймов, талию, которую с такой легкостью охватывал так хорошо знакомый Арчеру небесно-голубой пояс свадебного платья. И различие это казалось символическим; жизнь матери была так же туго затянута, как и ее фигура. Мэри не меньше ее чтила условности и не то что бы обладала большим умом, но все же жила более полноценной жизнью и обладала большей широтой кругозора. Новые времена все же принесли с собой и хорошее тоже.

Затрещал телефон, и Арчер, отвернувшись от фотографии, снял трубку. Как далеко канули дни, когда единственной быстрой связью были ноги мальчишек-посыльных в куртках с медными пуговицами!

— Вам звонят из Чикаго.

Это наверняка Даллас, решил Арчер. Его послали в Чикаго обсудить план дворца у озера, который его фирма собиралась возводить для одного миллионера, не лишенного передовых идей. В этих случаях всегда посылали Далласа.

— Алло, папа? Да, это Даллас. Как ты насчет того, чтобы махнуть в Европу? На «Мавритании», в следующий вторник. Мой клиент хочет, чтобы я осмотрел кое-какие итальянские сады, перед тем

как принять решение о ландшафте, и попросил меня сплавать туда как можно быстрее. К первому июня я уже должен вернуться, — голос его едва сдерживал счастливый смех, — так что нам нужно действовать поживее. Послушай, папа, мне нужна твоя помощь. Поехали, в самом деле.

Казалось, старший сын был совсем рядом — голос звучал так близко, как будто он сидел у огня, утонув в любимом мягком кресле. Сам этот факт уже давно не удивлял Арчера — междугородные разговоры стали такими же привычными, как электрический свет или пересечение Атлантики всего за пять дней. Но счастливый смех Далласа заставил его вздрогнуть. Все еще казалось невероятным, что донесшийся через сотни миль — через леса, реки, горы, прерии, грохочущие города, где суетились миллионы равнодушных людей, — радостный смех сына означал: «Что бы ни случилось, я должен вернуться к первому — потому что на пятое у нас с Фанни Бофорт назначена свадьба».

Счастливый голос продолжал звенеть:

— Обдумать, говоришь? Нет, сэр. Ни минуты. Ты должен прямо сейчас сказать: да. О чем тут думать? Ты можешь привести хоть один веский довод против? Нет. Я так и знал. Решено? Я

надеюсь, первое, что ты сделаешь утром — позвонишь в офис Кьюнард[97] и закажешь билеты до Марселя и обратно. Слышишь, пап? Может быть, это в каком-то смысле последний раз, когда мы сможем побыть вдвоем! Ну что? Да? Класс!

Чикаго отключился. Арчер поднялся и стал мерить комнату шагами. Мальчик прав: на свой лад это последний раз, когда они смогут быть вместе. Он был уверен, что и после свадьбы сына они еще не раз будут проводить время вместе — они были друзьями, и Фанни Бофорт, как к ней ни относиться, вряд ли будет мешать им общаться. Наоборот, насколько он знал ее, она скорее включится в их компанию. Но былого не вернешь, все равно теперь все изменится, и как бы ни была очаровательна его будущая невестка, было соблазнительно использовать шанс побыть наедине со своим мальчиком.

В общем-то не было никаких причин отказываться от поездки — никаких, кроме одной: он потерял интерес к путешествиям. Мэй не любила покидать свой дом на Тридцать девятой улице или привычные владения в Ньюпорте, если к тому не было особых причин — скажем, поехать

---

[97] Примечания: 97
Крупная пароходная компания (осн. в 1839 г.).

с детьми к морю или в горы. Когда Даллас защитил диплом, Мэй решила, что ее долг — свозить сына в Европу, и они всей семьей отправились на полгода в классическое путешествие, включавшее Англию, Швейцарию и Италию. Из-за ограничения во времени (абсолютно ничем не обоснованного) Францию они миновали. Арчер помнил ярость Далласа, когда ему предложили любоваться Монбланом вместо Реймса и Шартра.[98] Выручили младшие, Мэри и Билл, которым надоело таскаться вслед за братом по английским соборам — они хотели лазать по горам, и Мэй предоставилась возможность решить дело по справедливости, уравновесив таким образом спортивную и артистическую часть их компании. Мэй, разумеется, предложила было Арчеру после совместного «осмотра» Швейцарии съездить в Париж вдвоем с Далласом на пару недель, а потом присоединиться к остальным на итальянских озерах, но Арчер, разумеется, отказался. «Будем все делать вместе», — сказал он, и лицо Мэй просветлело. Может быть, оттого, что он подал Далласу такой прекрасный пример.

Но с тех пор, как она умерла, прошло уже два

[98] Примечания: 98

Знаменитые французские города, известные своей архитектурой, в частности готическими соборами.

года, и не было причин продолжать ту же, ставшую привычной, жизнь. Дети давно убеждали его попутешествовать. Мэри была убеждена, что ему будет очень полезно походить по картинным галереям, чтобы отвлечься. Сама таинственность подобного врачевания души внушала ей уверенность в том, что оно будет успешным. Но Арчер обнаружил в себе перемены — привычки, воспоминания и даже внезапно возникшая боязнь новизны мешали ему сдвинуться с места.

Сейчас, оглядываясь назад, он увидел, как глубоко он увяз. Худшим было то, что человек, последовательно выполняющий свой долг, становится неспособным заниматься ничем другим. Во всяком случае, этого взгляда придерживались люди его поколения. Четкое разделение добра и зла, честности и бесчестия, возможного и невозможного оставляло слишком узкую щель для непредвиденного. У каждого бывают минуты, когда воображение, которое в обычных условиях не выходит за рамки каждодневного существования человека, внезапно взмывает ввысь над повседневностью — и он может увидеть перед собой всю свою жизнь как на ладони. Оглядывая свою жизнь, Арчер только удивлялся…

Что стало с маленьким мирком, в котором он

вырос, чьи стандарты так довлели над ним? Он вспомнил забавное пророчество бедняги Лефертса: «Если так пойдет дело, наши дети будут вступать в брак с бофортовскими ублюдками».

Это было как раз то, что его старший сын, его гордость, и собирался сделать; и никого это особенно не трогало. Даже его тетушка Джейни, которая осталась точно такой же, как в дни своей юности, достала из розовой ваты материнские изумруды и жемчуг и дрожащими руками преподнесла их будущей невестке; а Фанни Бофорт, ничуть не разочарованная тем фактом, что ей не приподнесли вещь от какого-нибудь французского ювелира, зашлась в восторге от изящной работы и воскликнула, что в них она будет ощущать себя дамой со старинной миниатюры.

Фанни Бофорт, которая появилась в Нью-Йорке, когда ей исполнилось восемнадцать, после смерти своих родителей, завоевала его так же, как тридцать лет назад это сделала Эллен; только вместо того, чтобы отнестись к ней с недоверием и страхом, общество приняло ее на «ура». Она была хорошенькая, забавная и хорошо воспитанная — что еще можно было пожелать? Никто не обладал столь ограниченным умом, чтобы вытащить на свет полузабытые факты прошлого

ее отца и ее происхождения. Только пожилые люди помнили такое незначительное событие в жизни Нью-Йорка, как банкротство ее отца, или то, что после смерти жены Бофорт по-тихому женился на небезызвестной Фанни Ринг и покинул страну с новой женой и маленькой дочкой, унаследовавшей ее красоту. Слышали, что он жил в Константинополе, потом в России; и дюжину лет спустя он гостеприимно развлекал американских путешественников в Буэнос-Айресе, где представлял огромное страховое агентство. Там он и его жена жили в полном достатке, там и скончались, и в один прекрасный день их осиротевшая дочь появилась в Нью-Йорке в доме невестки Мэй, миссис Джек Уэлланд, муж которой был назначен опекуном девушки. Из-за этого она сразу стала дальней родственницей детей Ньюланда Арчера, и никто не удивился, когда объявили об их с Далласом помолвке.

Ничто не могло показать яснее, какая пропасть пролегла между миром нынешним и прошлым. Люди теперь были слишком заняты — разными реформами и «движениями», разными культами и кумирами, — чтобы всерьез интересоваться делами соседей. И какое значение могло иметь чье-то прошлое, когда в гигантском калейдоскопе

все песчинки-индивидуумы кружились в одной и той же плоскости?

Ньюланд Арчер, глядя в окно своего отеля на праздничную суету парижских улиц, чувствовал, что сердце его вновь бьется так, как в юности.

Много времени прошло с тех пор, как в последний раз сердце его билось в груди с подобным трепетом и силой, так, что кровь стучала в виски. Он подумал, чувствует ли то же самое его сын в присутствии Фанни Бофорт, и решил, что нет. «Может быть, оно бьется сильно, но не в таком сумасшедшем ритме», — подумал он, вспомнив, с какой сдержанностью молодой человек объявил о своей помолвке, никак не оценил, что семья не возражала.

«Разница состоит в том, что теперешняя молодежь ни секунды не сомневается, что она получит все, что пожелает, а мы ни секунды не сомневались, что не получим то, что нам хочется».

Шел второй день после их приезда в Париж, и весеннее солнце не отпускало Арчера от открытого окна, которое выходило на просторную Вандомскую площадь. Перед поездкой он поставил Далласу условие — практически единственное, — что его не заставят жить в одном из этих ужасных новых зданий.

— Ладно, я поселю тебя в каком-нибудь старомодном местечке — скажем в «Бристоле», — не задумываясь, с готовностью согласился Даллас, заставив отца онеметь от изумления, услышав, что дворец, который в течение столетия был резиденцией королей и императоров, ныне именуется просто «старомодным местечком», где останавливаются те, кто из-за местного исторического колорита готов мириться с некоторыми неудобствами.

В первые годы брака, пока еще длились его метания, Арчер довольно часто рисовал себе картину возвращения в Париж, но постепенно мечты его тускнели, и он привык представлять себе этот город только как фон, на котором протекала жизнь его любимой. Сидя в одиночестве в своей библиотеке, когда домашние уже спали, он вызывал в памяти залитые весенним солнцем каштановые аллеи, цветы и статуи в общественных садах, аромат сирени с цветочных тележек, великолепную реку, катившую свои воды под старинными мостами, толпы вольных студентов и художников, заполнявших парижские улицы, и даже просто парижский воздух, пахнувший свободой, искусством, молодостью и счастьем.

Теперь все это великолепие воочию предстало

перед его глазами, и когда он любовался им из окна, он чувствовал себя таким робким, старым, ненужным — всего лишь тенью того блестящего молодого человека, которым он когда-то мечтал стать…

Рука Далласа ободряюще легла на его плечо.

— Привет, отец. Ну как, ты доволен? — Они постояли немного в молчании, затем юный джентльмен продолжал: — Кстати, у меня для тебя письмо — графиня Оленская ждет нас завтра в полшестого у себя.

Он произнес это легко, небрежно, как будто сообщал что-то малозначительное — например, время отправления их поезда во Флоренцию, куда они собирались назавтра. Арчер посмотрел на сына, и ему показалось, что в глазах Далласа мелькнул отблеск лукавства его прабабки Кэтрин.

— Разве я не говорил тебе? — продолжал Даллас. — Фанни заставила меня поклясться, что по приезде в Париж я сделаю три вещи: куплю ей ноты последних пьес Дебюсси, схожу в Гранд-Гиньоль[99] и повидаюсь с мадам Оленской. Ты же знаешь, она сделала много добра Фанни, когда

---

[99] Примечания: 99

Театр на Монмартре, где ставились пьески «ужасов».

мистер Бофорт отослал ее из Буэнос-Айреса в монастырский пансион в Париже. У Фанни не было здесь ни друзей, ни знакомых, а мадам Оленская навещала ее и знакомила с городом на каникулах. Кажется, она очень дружила с первой миссис Бофорт. И потом, она ведь еще и наша кузина. В общем, я позвонил ей сегодня, перед выходом, и сказал, что мы с тобой приехали сюда на пару дней и хотим к ней зайти.

Арчер не мог отвести от него взгляда.

— Ты сказал ей, что я здесь?

— Конечно, почему нет? — Брови Далласа забавно подпрыгнули вверх. Не получив ответа, он взял его под руку и заговорщически спросил: — Послушай, папа, а какая она была?

Арчер почувствовал, как под нахальным взглядом сына кровь бросилась ему в лицо.

— Ну, признавайся — ведь вы были с ней большие приятели, разве нет? Она была ужасно хорошенькая?

— Хорошенькая? Не знаю. Она была особенная.

— А, так у тебя тоже так же! Это то, что всегда решает дело, правда? Она появляется, и ты понимаешь, что она ОСОБЕННАЯ, — хотя ты и не знаешь почему. Это как раз то, что я чувствую в Фанни.

Отец высвободил свою руку и отступил назад:

— В Фанни? Надеюсь, что так, мой мальчик. Однако я не понимаю, при чем тут…

— Господи, папа, что ты за ископаемое! Разве она не была когда-то твоей Фанни?

Даллас душой и телом принадлежал к новому поколению. Он был первенцем Ньюланда и Мэй Арчер, но ни одному из них не удалось вложить в него ни капли сдержанности. «Какой смысл сохранять секреты? Это только раззадоривает людей — они еще больше стараются все разнюхать», — обычно отвечал он, когда его призывали умерить свою откровенность. Но сейчас за добродушным подтруниванием явно сквозило сочувствие отцу.

— Моей Фанни?!

— Ну да, женщиной, ради которой ты бы смог бросить все. Только ты не бросил, — произнес его неподражаемый сын.

— Да, я не сделал этого, — отозвался Арчер с некоторой торжественностью.

— Ну да, вы просто дружили, старина… Но мама сказала…

— Твоя мать?

— Да, перед смертью. Это было тогда, когда она попросила остаться меня одного — помнишь?

Она сказала, что спокойна, потому что за тобой мы как за каменной стеной — и так будет всегда, потому что когда-то, когда она тебя попросила, ты отказался от того, что тебе было дороже всего на свете.

Арчер выслушал это странное признание в полном молчании. Его невидящий взгляд по-прежнему был прикован к залитой солнцем площади за окном. Наконец он негромко сказал:

— Она никогда меня об этом не просила.

— Ну да. Я забыл. Вы ведь никогда ни о чем не просили друг друга? Просто догадывались, что у каждого из вас творится внутри. Компания глухонемых! Просто бред какой-то! Впрочем, я готов признать, что люди вашего поколения гораздо лучше, чем мы, понимали друг друга — и часто без слов. Нам это уже недоступно — просто не хватает для этого времени. Кстати, па, — спохватился Даллас, — а ты не сердишься на меня, случайно? Давай мириться. Пошли-ка позавтракаем. Мне еще надо успеть до вечера в Версаль.

Арчер не стал сопровождать сына в Версаль. Он предпочел потратить день на блуждания в одиночестве по Парижу. Ему хотелось разом расправиться со всеми своими невысказанными сожалениями и воспоминаниями, которые

ему так давно пришлось задавить и похоронить внутри себя.

Вскоре он перестал жалеть о нескромности Далласа. Он чувствовал себя так, словно с сердца его наконец сняли железный обруч — кто-то, оказывается, знал обо всем и жалел его… И было нечто несказанно трогательное в том, что это была его жена. Даллас, при всей его чуткости, не смог бы понять этого. Для мальчика, без сомнения, вся эта история всего лишь пример небольшого крушения надежд и напрасно растраченных сил. Не более того. Но разве это так?

Арчер долго сидел на скамейке на Елисейских Полях и наблюдал за несущимся мимо потоком жизни…

Эллен Оленская ждала его — через несколько улиц отсюда, через несколько часов…

Она не вернулась к мужу и, когда он умер несколько лет назад, ни в чем не изменила свой образ жизни. Теперь ничто не заставляло ее и Арчера держаться друг от друга в отдалении — и этим вечером он должен был увидеть ее.

Он встал и пошел пешком к Лувру через площадь Согласия и сад Тюильри. Однажды она сказала ему, что часто бывает там, и ему захотелось провести оставшееся до их свидания время

в том месте, где она, может быть недавно, была. Час за часом он бродил по галереям, залитым полуденным солнцем, и одна картина за другой воскрешали в нем полузабытые впечатления об их великолепии, наполняя его душу ощущением непостижимой красоты. Как не хватало ему этого в его размеренной жизни…

Стоя перед одним из гениальных полотен Тициана, он вдруг сказал себе: «Но мне ведь только пятьдесят семь!» — и отвернулся. Было, конечно, поздновато для весенних надежд, — но ведь еще так много времени для услад осени: дружбы, товарищества в благословенной близости его дорогой Эллен…

Он вернулся в отель, где они должны были встретиться с Далласом; и вместе с ним Арчер снова пересек площадь Согласия, и они перешли через мост, ведущий к палате депутатов.

Не подозревая о том, что творилось в душе отца, Даллас без умолку восторженно болтал о Версале. До этой поездки у молодого человека не было случая как следует ознакомиться с ним. Он видел Версаль только раз, кинув беглый взгляд во время короткой поездки в каникулы, когда он старался охватить как можно больше парижских достопримечательностей — ведь его странные

родители, когда показывали ему Европу, заставили его ехать вместо Франции в Швейцарию. И теперь Арчер присутствовал при извержении забавной смеси критических замечаний и неумеренного восторга.

Арчер слушал и чувствовал, как в нем растет ощущение своего несовершенства и абсолютной неадекватности времени, в котором он сейчас жил. Сын его не был бесчувственным, он знал это, но в нем была легкость и самоуверенность, которые давали ему силы быть не то чтобы владыкой своей судьбы, но хотя бы сражаться с ней на равных. «В том-то и дело: они знают, чего хотят, и знают пути к своей цели», — думал он. В его размышлениях сын казался ему выразителем идей нового поколения, которое самоуверенно сметало все вехи на своем пути, а заодно — все предупредительные знаки и сигналы об опасности.

Внезапно Даллас остановился, схватив Арчера за руку.

— Господи, как хорош! — воскликнул он.

Они подошли к прекрасному скверу перед Домом инвалидов.[100] Купол Мансара, как воз-

---

[100] Примечания: 100

Здание парижской богадельни для ветеранов-солдат (архитектор Жюль Мансар).

душный шар, парил над полураспустившимися кронами деревьев и длинным серым фасадом здания; утонув в лучах солнца, клонившегося к закату, он висел над городом как символ величия Парижа.

Арчер знал, что Оленская живет на площади невдалеке от Дома инвалидов на одной из расходящихся лучами улиц. Он представлял себе это место тихим и почти заброшенным — забыв о том, что такой блестящий центр композиции не может не осветить все окружающее своим блеском. Сейчас, по какой-то странной ассоциации, льющийся с купола золотой свет словно озарил все вокруг — и ее жизнь тоже. Почти тридцать лет ее жизнь, о которой он знал так убийственно мало, текла в этом золотом свете, в котором ему отчего-то слишком трудно было дышать. Он подумал о театрах, в которых она бывала, о картинах, которыми любовалась, о роскошных старинных особняках, которые открывали ей свои объятия, о необыкновенных людях, с которыми, должно быть, она беседовала, о возбуждающей смеси идей, образов, любопытных ассоциаций и ситуаций, которыми постоянно бурлил этот общительный народ с такими незабываемыми живыми манерами… И внезапно он вспомнил го-

лос молодого француза, который однажды сказал ему: «О, прекрасная беседа — разве что-нибудь может с ней сравниться?»

Арчер не встречался более с месье Ривьерой и ничего не слышал о нем. Даже сам этот факт свидетельствовал о том, как мало Арчер знал о жизни Оленской. Их разделяло более чем полжизни; она так долго жила среди людей, которых он не знал, в обществе, о котором он имел весьма смутное представление, в условиях, которые он до конца никогда не мог принять. Все это время он жил юношескими воспоминаниями о ней — но ведь она, без сомнения, жила другими, более реальными отношениями. Возможно, она хранила память о нем в каком-нибудь особом уголке своей души; но если это было даже и так, то это была неприкосновенная реликвия в маленькой заброшенной часовне, в которой и молятся-то отнюдь не каждый день…

Они пересекли площадь Инвалидов и зашагали вдоль одной из широких улиц, уходящих от здания. Несмотря на свою великолепную историю, это был тихий квартал, и Арчер подумал, как неисчерпаем Париж, если такие места — достояние лишь немногих и равнодушных обывателей.

День клонился к закату — тут и там вспыхи-

вали желтым светом электрические фонари, и маленькая площадь, на которую они наконец свернули, была почти пуста. Даллас остановился и посмотрел наверх.

— Должно быть, это здесь, — сказал он, взяв отца под руку столь мягко, что Арчер хотя и вздрогнул, но не отстранился; и они постояли вместе, глядя на дом.

Это было современное здание кремового цвета, без особенных изысков, но со множеством окон и рядами красивых балконов. На одном из верхних балконов, паривших над верхушками каштанов, был все еще опущен навес, как будто солнце продолжало светить в окно.

— Интересно, на каком этаже? — размышляя, сказал Даллас. Он покинул отца на минуту, заглянул к консьержу и вернулся со словами: — На пятом. Наверное, тот балкон, что под навесом.

Арчер оставался неподвижным, глядя наверх, словно их паломничество завершилось.

— Послушай, по-моему, уже почти шесть, — решил напомнить Арчеру сын.

Арчер перевел взгляд на пустую скамейку под деревьями.

— Знаешь, я немножко тут посижу, — сказал он.

— Что, тебе плохо? — забеспокоился сын.

— Нет, нет. Но я прошу тебя, пожалуйста, поднимись без меня.

Даллас, совершенно сбитый с толку, не двигался:

— Папа, послушай. Ты что, не поднимешься вообще?

— Не знаю, — медленно произнес Арчер.

— Ты не боишься, что она обидится?

— Иди, мой мальчик, может быть, я поднимусь попозже.

В наступающих сумерках Даллас смотрел на него долгим взглядом:

— И какого черта я ей скажу?

— Разве ты когда-нибудь лез в карман за словом? — с улыбкой отвечал Арчер.

— Ну хорошо. Я скажу, что ты старомоден и предпочитаешь пешком карабкаться на пятый этаж, чтобы не ехать на лифте.

— Скажи, что я старомоден, — этого будет достаточно.

Даллас снова взглянул на него, потом, недоуменно махнув рукой, вошел в дом.

Арчер сел на скамейку и продолжал смотреть на занавешенный балкон. Он прикинул, сколько времени потребуется сыну, чтоб подняться на

лифте на пятый этаж, позвонить в звонок, пройти через прихожую в гостиную. Он представил, как Даллас входит в комнату быстрым решительным шагом и улыбается своей очаровательной молодой улыбкой. Он подумал: интересно, правы ли те, кто говорит, что его мальчик как две капли воды похож на него?

Затем он попытался представить себе людей, собравшихся в гостиной — вряд ли она будет одна в этот час, — и еще попытался представить себе бледную и темноволосую даму, которая привстанет с дивана и протянет Далласу руку с длинными тонкими пальцами, на которых будут сверкать три кольца… Он был уверен, что она сидит в углу дивана на фоне цветущих азалий, невдалеке от горящего камина…

— Эта картина для меня более реальна, чем если бы я поднялся наверх, — внезапно сказал он вслух; и страх, что последняя ее тень потеряет свои очертания, приковал его к месту, а минуты меж тем утекали…

Уже совсем сгустились сумерки, а он все продолжал сидеть на скамейке. Глаза его были прикованы к балкону. Наконец в окне зажегся свет; через мгновение на балкон вышел слуга, убрал навес и захлопнул ставни.

И в ту же минуту, словно это был сигнал, которого он ждал, Ньюланд Арчер медленно поднялся и в одиночестве побрел обратно в гостиницу.

Ускользающий «Оскар»

Когда сплетни устаревают, они становятся мифами.

Станислав Ежи Лец

Каждый год Голливуд замирает в ожидании этого события. Каждый год местную атмосферу, и без того напряженную, раскаляют сплетни и скандалы — царящий здесь дух соперничества в это время никто не рискнет назвать здоровым. И так — 73 года. Именно столько насчитывает церемония вручения самой знаменитой из кинематографических премий. 1929 год, банкетный зал гостиницы «Рузвельт», — и 2002 год, противоположная сторона улицы, «Театр Кодак». Между этими двумя датами — вся история надежд, побед и разочарований многих сотен претендентов.

Это сладкое слово «Оскар»… Для человека кино — синоним успеха, славы, признания. Сейчас уже никто не сможет объяснить, отчего именно награда Киноакадемии США приобрела такое значение: ведь есть французский Сезар, Каннский, Венецианский и Берлинский кинофестивали… Что до престижнейшего «Золотого глобуса», то

эта награда, учрежденная голливудской Ассоциацией иностранной прессы, больше напоминает генеральную репетицию — ведь победитель чаще всего получает и «Оскара». Впрочем, на каждое правило есть свое исключение.

В 1993 году Cappa Production/Columbia TrlStar выпустили фильм «Эпоха невинности», собравший в американском прокате 32 миллиона долларов.

Нередко пресса заранее предрекают громкую славу еще не созданному шедевру. Так было и с «Эпохой невинности». Шутка ли — экранизация знаменитого романа Эдит Уортон, в свое время получившего Пулитцеровскую премию (первый случай, когда ее удостоилась женщина), предпринятая не кем-нибудь, а самым провокационным американским режиссером Мартином Скорсезе. В ролях — звезды первой величины: Мишель Пфайффер, Вайнона Райдер, Дэниел Дей-Льюис. Бюджет — 30 миллионов долларов. Похоже было, что на этот раз Скорсезе всерьез вознамерился завоевать долгожданного «Оскара» — смешно сказать, но прославленный мэтр до сих пор был обойден вниманием Киноакадемии. Ни одного «Оскара»! Новой картине критики сулили настоящий дождь золотых (вернее, позолоченных) статуэток.

Судьба вновь посмеялась над гением. В тот же год номинировался «Список Шиндлера». Слишком сильный противник: злые языки поговаривали, что вездесущий Стивен Спилберг сделал все, чтобы расчистить дорогу своему детищу. В итоге «Эпоха невинности» получила всего пять номинаций: «Лучшая женская роль второго плана» (но Вайнону Райдер обошла Анна Пэкуин, сыгравшая в «Пианино»); «Лучшая адаптация» (номинировались сам Скорсезе и Джей Кокс, но победил Стив Зейллян, работавший над «Списком Шиндлера»); «Лучший художник-постановщик»; «Лучший композитор» (и здесь «Оскар» не достался Данте Ферретти и Элмеру Бернстайну, академики отдали предпочтение фильму Спилберга). И только художник по костюмам, Габриэлла Пескуччи, была удостоена самой знаменитой кинопремии. И вполне заслуженно!

«Эпоха невинности» относится к так называемым костюмным драмам, поэтому Скорсезе, взяв пример с Лукино Висконти, привлек к работе над фильмом только лучших из лучших. Габриэлла Пескуччи, например, участвовала в создании таких лент, как «Репетиция оркестра» (1979), «Город женщин» (1979), «Однажды в Америке» (1984), «Имя розы» (1986), «Приключения барона

Мюнхгаузена» (номинация на «Оскар» 1990 года). Кстати, героиня Мишель Пфайффер блистала в одежде и аксессуарах легендарного дома «Fendi», специально воссоздавшего исторические костюмы. Уроки великосветских манер актеры брали у лучших в Америке специалистов по этикету. Огромное внимание в фильме уделено деталям — зритель может насладиться видом изысканных яств, подивиться машинке для обрезания сигар, внимательно рассмотреть устройство кареты. Критики восхищались искусством оператора Михаэля Бальхауса, ранее сотрудничавшего с известным немецким режиссером Райнером Вернером Фассбиндером. Впечатляют неожиданные ракурсы, но особенно эффектно выделение важной мизансцены при помощи света, как это делают в театральных постановках.

Фильм на первый взгляд совершенно нетипичен для режиссера, прославившегося такими лентами, как «Злые улицы», «Таксист», «Крутые парни». И вдруг — масштабное историческое полотно о жизни американского бомонда позапрошлого века… От гангстерских разборок — к подчас не менее жестоким светским играм? Все становится на свои места, если осознать, что главным героем опять оказывается столь

любимый режиссером Нью-Йорк. Но сейчас в центре внимания молодой Нью-Йорк, еще не центр прогресса, но уже претендующий на лидерство, уже противопоставляющей себя Старому Свету. Прекрасный, но в то же время страшный город, бездушно перемалывающий отдельные человеческие жизни. Что для него великодушные, способные пожертвовать своим счастьем ради долга, несчастливые, но такие сильные Ньюланд и Эллен? Две песчинки, унесенные потоком времени. История их отношений — это история обреченной любви. Обреченной с самого начала — герои ясно понимают, что у их чувств нет будущего. Да, они могли бы пойти наперекор общественному мнению, но сознательно отказываются от борьбы. И это — не слабость, а высшее проявление силы. Понятна ли сегодняшним зрителям их нравственная чистота? Опросы свидетельствуют, что да; хотя это сродни ностальгии — по безгрешным временам, давно ушедшей эпохе невинности.

Только настоящий художник может заставить два с лишним часа с неослабевающим вниманием следить за развитием человеческих отношений — и только. Но на то он и мастер. Мартин Скорсезе родился 17 ноября 1942 года в

семье сицилийского иммигранта. Сегодня его называют одним из самых интеллектуальных режиссеров своего времени (эта репутация даже вышла ему боком — каждый новый фильм Скорсезе становится событием для знатоков, но внимание широкой аудитории, увы, несравнимо с бурным интересом критиков). Он, Френсис Форд Коппола и Стивен Спилберг считаются идеологами течения «новый Голливуд» — эти режиссеры стремятся сочетать в своих фильмах развлекательность и постановку серьезных этико-философских вопросов.

Скорсезе любит удивлять, эпатировать, провоцировать скандалы. Первый из длинной череды был вызван появлением в «Таксисте» одиннадцатилетней Джоди Фостер в роли малолетней проститутки (хотя в рискованных эпизодах ее дублировала старшая сестра). Самый громкий связан с нашумевшим фильмом «Последнее искушение Христа» (экранизация вышедшего в 1955 году романа греческого писателя Никоса Казандзакиса). Ватикан внес картину в Индекс запрещенных фильмов, Православная церковь выступала против ее показа в России, но тем не менее фильм получил приз кинокритиков Венецианского фестиваля и номинацию на «Оскар».

К религиозной тематике Скорсезе вернется в 1997 году, сняв биографию изгнанного с родины далай-ламы «Кундун». Позднее пятая жена режиссера (ее предшественницами были известные личности — сценаристка Джулия Кэмерон, актриса Изабелла Росселлини, режиссер Барбара Дефина), сотрудница известного издательского дома, помогла ему выпустить книги о создании «Кундуна» и «Эпохи невинности».

У Скорсезе есть любимая тема — Нью-Йорк, есть любимый актер — Роберт Де Ниро, снявшийся почти в половине его фильмов: «Злые улицы» (1972); «Нью-Йорк, Нью-Йорк» (1977); «Таксист» (1976; «Золотая пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля); «Бешеный бык» (1980; четыре номинации на «Оскар», в том числе в категориях «Лучший фильм» и «Лучший режиссер»); «Король комедии» (1982); «Крутые парни» (1990; номинирован на «Оскар»); «Мыс страха» (1991); «Казино» (1995). Правда, годы берут свое: в новом «гангстерском» фильме Скорсезе несравненного Де Ниро заменил… Леонардо ди Каприо. По меньшей мере неожиданный выбор, хотя этот режиссер всегда задействует ярких актеров — в разное время в его лентах играли Крис Кристофферсон, Барбара Херши, Шерон Стоун, Джессика Лэнг, Лайза

Миннелли, Линда Фиорентино, Розанна Аркетт, Джоди Фостер, Николас Кейдж, Пол Ньюмен, Том Круз. Режиссер много лет назад достиг уровня, когда любой актер с радостью согласится на сотрудничество, ведь имя Скорсезе говорит само за себя. «Эпоха невинности», где играют великолепные актеры, не исключение. Исполнительница главной женской роли определилась после того, как Скорсезе увидел эту актрису в «Опасных связях» Стивена Фрирза, хотя внешне она мало походила на героиню Эдит Уортон — если не считать удивительной красоты. Но теперь уже трудно представить другую Эллен О ленскую.

Мишель Пфайффер и сегодня считается одной их первых красавиц Голливуда, а журнал «People» из года в год включает ее имя в число самых красивых людей мира (а в этом списке всего-то пятьдесят человек). Родилась она 29 апреля 1958 года в небольшом провинциальном городке. Удивительно, но свою карьеру Мишель начала в качестве кассирши супермаркета. Не уговори ее подруги принять участие в местном конкурсе красоты, мир лишился бы леди-ястреба, женщины-кошки (кстати, за роль в «Возвращении Бэтмена» она была номинирована «MTV Movie Awards» в категориях «Самая желанная

актриса» и «Лучший поцелуй») и сказочно прекрасной волчицы-оборотня. Возможно, в этих картинах сыграла бы другая актриса, но кто еще смог бы составить *такую* пару Джеку Николсону в «Волке»?

Первая значительная роль (после бесчисленных рекламных роликов) — в «Лице со шрамом» Брайана Де Пальмы. Первый настоящий партнер — Аль Пачино. Неплохо для начинающей актрисы! Но любовь зрителей ей принесли «Иствикские ведьмы» (1987), где также играли Сьюзен Сэрэндон и Шер. Ну и Николсон, конечно. А самым успешным в коммерческом плане стал фильм «Знаменитые братья Бейкер» (1990), где Мишель Пфайффер заменила Мадонну. В итоге — «Золотой глобус» за лучшую драматическую роль и номинация на «Оскар». Неплохо была воспринята публикой и картина Роберта Земекиса «Что скрывает ложь» (десять недель в первой десятке самых кассовых фильмов США, сборы 200 миллионов долларов).

И все же актриса часто отказывалась от перспективных работ — ей напрасно предлагали сыграть главные роли в «Эвите», «Основном инстинкте», «Молчании ягнят»; кстати, последнему Пфайффер и предпочла «Эпоху невинности». Ее

героиня умна, независима и прекрасна, внутренне свободна и в то же время беззащитна, возмутительно сильна духом — словом, настоящая Эллен Оленская.

Счастливую «соперницу» Эллен блестяще сыграла Вайнона Райдер. Родилась Вайнона Лаура Горовитц (таково настоящее имя актрисы) 29 октября 1971 года, а творческую фамилию она взяла в честь одного из кумиров отца, Митча Райдера. Родители Вайноны — особая статья. Оба — активисты движения хиппи, а крестным будущей звезды стал знаменитый наркогуру Тимоти Лири. Семья постоянно кочевала с места на место, но когда девочке исполнилось 10 лет, родители позволили ей заниматься в актерской студии, где Вайнону и заметили менеджеры промоутерской компании «Triad Artists». Вскоре состоялся ее кинодебют, хотя первая заметная роль появится только два года спустя, в фильме Тима Бартона «Жучиный сок» (в российском прокате «Битлджюс»). Вайнона так полюбилась режиссеру, что тот снова пригласил ее в картину «Эдвард Руки-ножницы» (1990), и на съемочной площадке у нее завязывается красивый роман с Джонни Деном. Увы, через несколько лет их связь распадется, что приведет актрису в нервную клинику.

Зато следующая роль сделает Вайнону Райдер звездой: в 1992 году она снимается в культовом фильме культового режиссера — «Дракуле Брэма Стокера». (К слову сказать, Коппола до этого уже предлагал Вайноне сыграть дочь дона Корлеоне в «Крестном отце-3», но актриса заболела, и роль исполнила, довольно неудачно, София Коппола.) Затем была «Эпоха невинности», где Райдер великолепна в роли Мэй Уэлланд, невесты (а позднее жены) Ньюланда Арчера. За работу в этой картине актриса была номинирована на «Оскар» и «Золотой глобус» (который и получила).

Исполнитель главной мужской роли, ирландец Дэниел Дей-Льюис, родился 29 апреля 1957 года, ровно на год раньше своей «экранной возлюбленной» Мишель Пфайффер. В России актер почти неизвестен (хотя трудно найти человека, который бы не видел картины Филипа Кауфмана «Невыносимая легкость бытия», где он сыграл Томаша). А вот ленту Джима Шеридана «Моя левая нога» (1989) у нас мало кто запомнил, хотя именно за работу в этом фильме о судьбе парализованного писателя и художника Дей-Льюис получил заветного «Оскара», обойдя самого Тома Круза (выдвинутого в том же году за фильм «Рожденный 4 июля»). В англоязычных странах

Дей-Льюис, которого критики любят называть «британским Де Ниро», популярен настолько, что Квентин Тарантино всерьез подумывал над тем, чтобы предложить ему роль Винсента Беги в легендарном «Криминальном чтиве», но позже все-таки склонился в пользу Джона Траволты.

Режиссеры благоволят к Дей-Льюису, ведь он не привержен к определенным типажам и охотно играет любые роли. Он на удивление легко перевоплощается в абсолютно разных героев — от панка в «Моей прекрасной прачечной» (1985) до чопорного аристократа в «Комнате с видом» (кстати, именно с этим фильмом Джеймса Айвори (1986) критики впоследствии сравнивали «Эпоху невинности» Скорсезе, уверяя, что только два великих мастера сумели воссоздать дух аристократического общества позапрошлого века), от Соколиного Глаза в «Последнем из могикан» (1992) до современного молодого человека в картине «Во имя отца» (в 1994 году номинирован на «Оскар» в категории «лучший актер»).

И все же Дей-Льюис знаменит не столько работами в кино и театре, сколько громкими скандалами. Наверное, этот зеленоглазый брюнет — один из самых эксцентричных актеров своего времени, что неудивительно, если вспом-

нить о его происхождении. Отец — знаменитый «мрачный» поэт Сесил Дей-Льюис (больше известный интеллектуальными детективами, опубликованными под псевдонимом Николас Блейк), красавица мать — актриса Джилл Бэлкон. Сложные отношения с гениальным отцом сказались на психике Дей-Льюиса-младшего. После смерти поэта его сын какое-то время провел в психиатрической лечебнице, а много позднее, на премьерном показе «Гамлета», он в слезах убежал со сцены прямо во время спектакля. Критики злословили, что исполнитель главной роли перепутал тень отца Гамлета с тенью собственного отца. В сущности, так и было… Актер, настолько привлекательный внешне, неизбежно оказывается в центре женского внимания. Но Дей-Льюис, казалось, боялся серьезных отношений. Его многочисленные интрижки — в том числе с Шинед О'Коннор, Вайноной Райдер, Мишель Пфайффер, Джулией Роберте — всегда заканчивались по его инициативе. Самый долгий и самый скандальный роман, затянувшийся на целых шесть лет, был с Изабель Аджани. Дей-Льюис неожиданно для всех порвал с любимицей французской публики, как только узнал, что скоро станет отцом. Печальная история: говорят, у актрисы был силь-

нейший нервный срыв — после того, как газеты сообщили о поспешной женитьбе сердцееда на дочери Артура Миллера Ребекке (кстати, очень похожей на Аджани). Оба долгое время отказывались от съемок. В 1997 году Дей-Льюис сыграл в фильме «Боксер» (получив номинацию «Золотого глобуса» как лучший актер), а в 2000 году Мартин Скорсезе вновь предложил актеру сотрудничество, на сей раз в остросюжетной картине «Банды Нью-Йорка» («Гангстеры») с участием новых «легенд» Голливуда — Леонардо ди Каприо и Кэмерон Диаз. А когда встречаются старые и новые звезды, результат всегда впечатляет. Погоня за «Оскаром» продолжается.

В России фильм «Эпоха невинности» выпущен на видеокассетах концерном «Видеосервис».

Мария Белявская